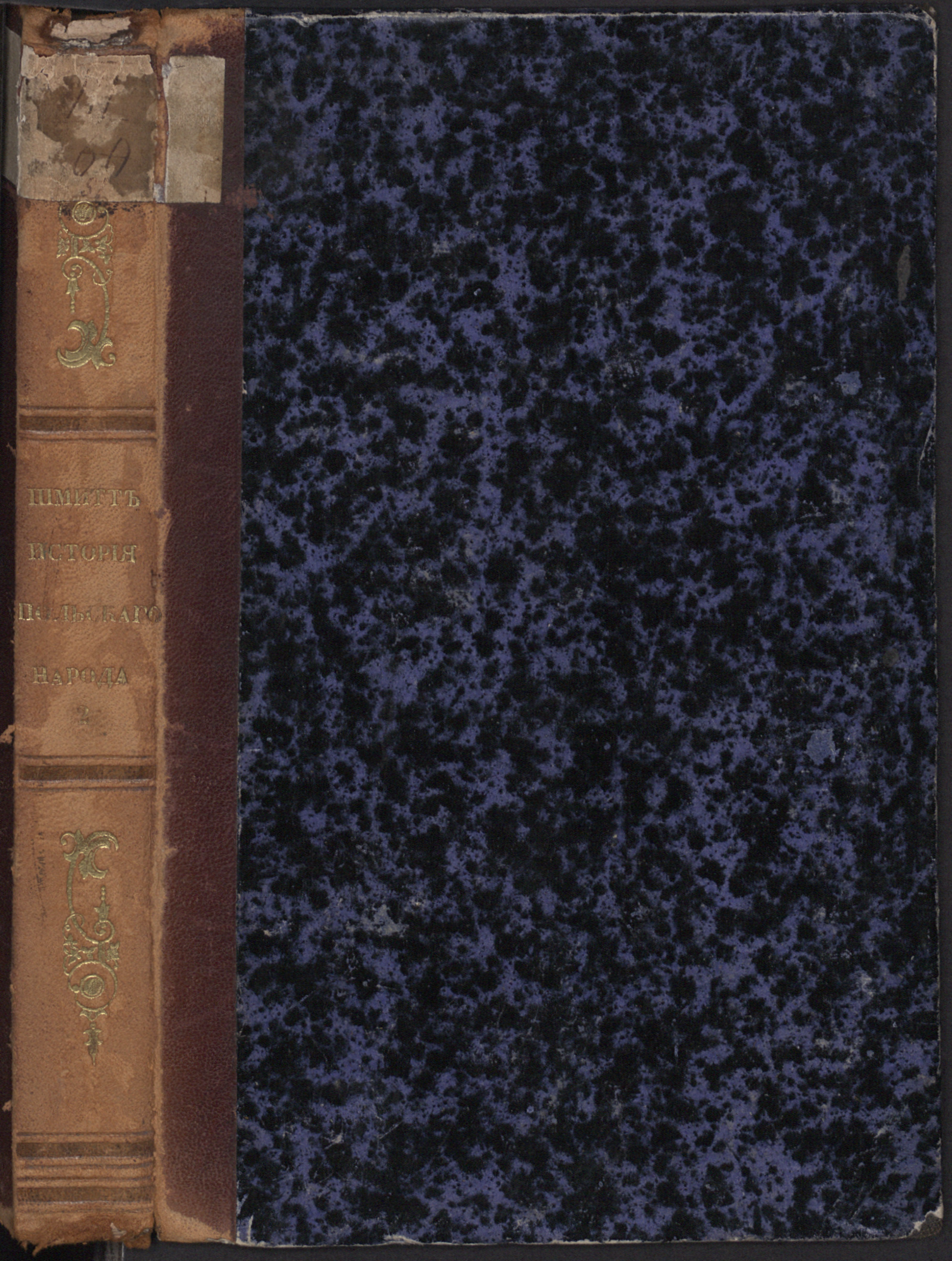

ШМИТТЪ
ИСТОРІЯ
ПОЛЬСКАГО
НАРОДА
2

ИСТОРІЯ ПОЛЬСКАГО НАРОДА.

ИСТОРІЯ ПОЛЬСКАГО НАРОДА

ГЕНРИХА ШМИТТА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ПОЛЬСКАГО И ДОПОЛНИЛЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Ю. О. ШРЕЙЕРЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

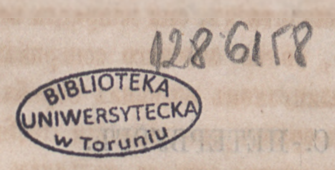
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

1866.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 марта 1866 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ жизни каждаго народа совершаются такія событія, которыя оставляютъ почти неизгладимый слѣдъ во всѣхъ дальнѣйшихъ судьбахъ его. Въ этомъ отношеніи едва ли не самый разительный примѣръ представляетъ Польша. Въ западной Европѣ въ помощь католицизму явился знаменитый орденъ іезуитовъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи тоже явленіе встрѣчаемъ въ Польшѣ и Литвѣ. Здѣсь іезуиты нашли обширное поле для своей дѣятельности. Протестантизмъ потерпѣлъ чувствительный ударъ и, вообще, присутствіе іезуитовъ вызвало сильное религіозное движеніе и доходившую до фанатизма религіозную нетерпимость. Въ этомъ религіозномъ пламени суждено было сгорѣть государственному тѣлу Польши, уже ослабленному политическимъ неустройствомъ. Дѣятельность іезуитовъ, ихъ громадное вліяніе на общество, извѣстны всѣмъ и каждому. Одолѣвъ протестантизмъ, они напрягли всѣ свои усилія для истребленія другаго, болѣе опаснаго соперника — православія. Между нимъ и католицизмомъ возникла борьба съ неслыханнымъ ожесточеніемъ. Хотя орденъ впослѣдствіи de facto былъ уничтоженъ, но начала, внесенныя имъ въ польскую жизнь, необыкновенно живучи и, въ извѣстной степени, сохранились и до нашихъ дней. Вотъ почему періодъ времени съ конца пятнадцатаго до конца семнадцатаго столѣтія, въ которомъ самымъ крупнымъ фактомъ

есть господство іезуитовъ, представляетъ, при изученіи историческихъ событій Польши, особый, весьма важный интересъ. Въ настоящій томъ **„Исторіи польскаго народа“** вошелъ именно этотъ періодъ времени. Въ своемъ мѣстѣ, въ примѣчаніи, мы сочли долгомъ указать на вполнѣ безпристрастный взглядъ автора на іезуитовъ. Вообще же мы вынуждены повторить сказанное въ предисловіи къ I тому. Г. *Шмиттъ* вовсе не щеголяетъ живыми, занимательными разсказами, изяществомъ изложенія. Онъ прежде всего заботится объ исторической истинѣ и выставляетъ факты, отнюдь не задаваясь мыслью — понравится ли это его соотечественникамъ или нѣтъ. Русскіе читатели могутъ только упрекнуть его въ краткости. Двѣ эпохи — самозванцевъ и *Богдана Хмѣльницкаго* изложены, конечно, не съ такою подробностью, какой вправѣ требовать русскій читатель. Впрочемъ въ этомъ отношеніи русская читающая публика обезпечена, имѣя къ своимъ услугамъ прекрасные труды гг. *Соловьева* и *Костомарова*.

Юлій Шрейеръ.

С.-Петербургъ, 15-го марта 1866 г.

ПЯТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Польша въ цвѣтущемъ положеніи, какъ шляхетско-общинная Рѣчьпосполитая (съ 1496 по 1648 годъ).

Открытіе Новаго Свѣта или Америки вызвало во всемъ западѣ Европы необыкновенное движеніе, которое вмѣстѣ съ рѣшительнымъ переворотомъ въ наукахъ и изобрѣтеніемъ книгопечатанія, имѣло рѣшительное вліяніе на всѣ общественныя отношенія. Мысль человѣческая, освободясь отъ связывавшихъ ее доселѣ узъ схоластики, смѣло вступила въ борьбу со всѣми стѣснявшими ее предразсудками. Повсюду начало обнаруживаться болѣе живое сознаніе такихъ заблужденій, которыя сдѣлались особенно рѣзкими послѣ пораженія гусситовъ. Многіе просвѣщенные правители и богословы того времени порицали господствовавшіе предразсудки и неумѣстность гоненія за вѣру, а потому такимъ реформаторамъ, каковы были Мартинъ Лютеръ въ Германіи, Цвингль въ Швейцаріи и Кальвинъ во Франціи, было не трудно найти приверженцевъ во всѣхъ слояхъ польскаго общества. Новыя мнѣнія и ученія прививались повсюду, распространялись съ необыкновенною быстротою и возбудили многолѣтнюю борьбу, въ которой затрогивались самые животрепещущіе вопросы. Желая съ большимъ успѣхомъ вліять на убѣжденія народовъ, всѣ реформаторы писали на отечественномъ языкѣ, что сильно содѣйствовало развитію словесности. Это движеніе умовъ отозвалось и въ Польшѣ, гдѣ все живое прививалось всегда, какъ нельзя лучше. Шест-

надцатое столѣтіе, къ изложенію событій котораго мы теперь приступаемъ, составляетъ въ исторіи Польши, подобно какъ и въ западно-европейскихъ государствахъ, весьма важную эпоху.

Очевидное стремленіе Яна Ольбрахта къ любоначалію вызвало могущественную оппозицію землевладѣльцевъ, часто приглашавшихся на съѣзды. На сеймѣ въ Піотрковѣ (1496) состоялось прежде всего рѣшеніе, что отнынѣ, передъ каждымъ сеймомъ, должны собираться сеймики, на которыхъ и воеводства будутъ избирать своихъ пословъ или представителей, снабжая ихъ точною инструкціею; и что, затѣмъ, законодательная власть находится въ рукахъ короля, но совмѣстно съ сеймомъ. Этимъ опредѣлились не только составъ, но и положеніе сейма, при соучастіи котораго королю предстояло съ этихъ поръ завѣдывать важнѣйшими дѣлами Рѣчипосполитой. Шляхта одержала рѣшительную побѣду и сдѣлалась положительно первенствующимъ сословіемъ, изображавшимъ въ лицѣ своемъ весь народъ. Между тѣмъ большинство жителей утратило свою гражданскую равноправность, и, частію даже личную независимость.

Уже на съѣздѣ въ Левочѣ, Янъ Ольбрахтъ проектировалъ съ братьями общій походъ противъ турокъ. Валахію предполагалось занять для Сигизмунда. Первое намѣреніе не состоялось за недостаткомъ средствъ, къ его осуществленію. И другой, тайно составленный планъ, также былъ отложенъ въ долгій ящикъ и къ выполненію его было приступлено едва тридцать лѣтъ спустя. Подъ предлогомъ похода противъ турокъ, безпрестанно тревожившихъ, со стороны Киліи и Бѣлграда, польскаго вассала валахскаго воеводу Стефана, король потребовалъ набрать ополченіе со всего государства и назначилъ сборнымъ пунктомъ Львовъ. Онъ вызвалъ также прусскаго магистра Іоанна Тифена и мазовецкихъ князей, а брата Александра пригласилъ принять участіе въ войнѣ. Не дождавшись мазовецкихъ отрядовъ и крестоносцевъ, король съ одними коронными войсками двинулся (26 іюня 1497) изъ Львова, а къ воеводѣ отправилъ пословъ съ приказаніемъ готовиться къ войнѣ. Хитрый валахскій воевода объявилъ, что только появленіе

короля подъ стѣнами Бѣлграда, найдетъ его готовымъ къ бою, ибо преждевременнымъ вооруженіемъ онъ навлекъ бы нас ебя преждевременное же нападеніе превосходнаго въ силахъ непріятеля. Между тѣмъ король, вмѣсто того, чтобы избрать кратчайшую дорогу въ Килію или Бѣлградъ, направился прямо въ Валахію, и войску велѣлъ подступить къ Сучавѣ, такъ какъ посолъ воеводы, извѣщеннаго венгерцами о настоящей цѣли похода, прибѣгнулъ къ угрозамъ. Поляковъ было около 80,000, но не смотря на такую цифру, осада тянулась довольно долго. Стефанъ тревожилъ осаждающихъ безпрестанными вылазками и затруднялъ подвозъ припасовъ для людей и лошадей. При содѣйствіи пословъ венгерскаго и чешскаго короля Владислава заключено перемиріе и поляки снялись съ позиціи. Въ лѣсахъ Буковины Стефанъ напалъ (26 окт.) на возвращавшихся во своясп поляковъ и хотя ему не удалось исполнить своего намѣренія и уничтожить все войско, но тѣмъ не менѣе онъ нанесъ ему значительный уронъ и продолжалъ тревожить его во время отступленія. Прибытіе отряда литовцевъ остановило его дальнѣйшее преслѣдованіе. Но онъ успѣлъ еще окружить 600 мазуровъ *) и крестоносцевъ, и перебить ихъ всѣхъ до одного. И такъ весь походъ, не смотря па то, что былъ предпринятъ съ значительными силами, имѣлъ весьма печальныя послѣдствія. Шляхта, лишившись многихъ храбрыхъ товарищей, упрекала короля въ томъ, что онъ преднамѣренно повелъ дѣло къ явной погибели польскаго войска.

Желая отмстить королю за его походъ, Стефанъ вторгнулся (въ маѣ 1498) вмѣстѣ съ татарами и турками въ польскія земли и, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, опустошалъ ихъ огнемъ и мечемъ до самой Вислы и, кромѣ всякаго рода добычи, захватилъ тысячи плѣнниковъ. Паническій страхъ обуялъ всю Польшу: принялись, съ неимовѣрною поспѣшностію укрѣплять Краковъ. Король заключилъ (1 іюля), въ видахъ общей обороны, союзъ съ

*) Мазурами собственно назывались жители Мазовіи—страны расположенной по обоимъ берегамъ Вислы и заключавшей въ себѣ воеводства—мазовецкое, равское и плоцкое.

*

братомъ Владиславомъ, но не устранилъ однакожъ этимъ нашествія татаръ на русскія земли. Получивъ извѣстіе о вторженіи ихъ, онъ велѣлъ малопольскому ополченію собраться подъ Сандомиромъ, а самъ поспѣшилъ (7 авг.) въ лагерь. Но татары успѣли безпрепятственно захватить множество плѣнныхъ и добычи, а ополченіе, причинивъ не мало вреда собственной странѣ, разошлось по домамъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій, турки, въ числѣ 70,000, вторгнулись (въ концѣ нояб.) въ галицкую Русь, отмѣчая каждый свой шагъ огнемъ и мечемъ. За рѣшительнымъ отсутствіемъ оборонительныхъ средствъ въ краѣ, съ непріятелемъ завязали борьбу самыя стихіи. Преждевременные сильные морозы и большіе снѣга стоили жизни бо́льшей половинѣ турецкаго войска, и когда остатки возвращались домой черезъ Валахію, Стефанъ до того безпощадно уничтожалъ ихъ, что едва 10,000 успѣло переправиться обратно черезъ Дунай.

Страшное опустошеніе страны заставляло прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Стараніями короля собрались въ Краковѣ венгерскіе, литовскіе и валахскіе уполномоченные. Послѣ долгихъ совѣщаній и споровъ, заключенъ, наконецъ (19 апрѣля 1499), наступательно-оборонительный союзъ противъ общихъ враговъ и Сигизмунду отданы силезскія княжества — опавское и глоговское. Вскорѣ прибыло посольство отъ царя Іоанна Васильевича III, съ которымъ, также послѣдовало соглашеніе о мирѣ.

Казалось, что Польша отдохнетъ теперь послѣ всѣхъ перенесенныхъ бѣдствій и направитъ, наконецъ, свои силы въ иныя стороны. Орденъ крестоносцевъ не очень охотно выполнялъ условія торунскаго мира, и постоянно мечталъ о возстановленіи своего прежняго блеска и могущества. Еще при жизни Тифена, который хотѣлъ добровольно сложить съ себя званіе магистра, предполагалось возвести въ этотъ санъ одного изъ германскихъ князей и уже были открыты переговоры съ саксонскимъ домомъ. Во время валахскаго похода, Тифенъ умеръ въ Львовѣ (29 авг. 1497) и тогда приступили къ исполненію этого проекта. Послѣ долгихъ переговоровъ, братъ саксонскаго курфирста Фридриха, согласился записаться въ число

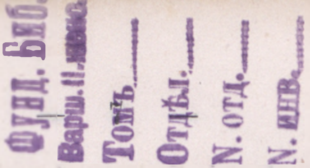
крестоносцевъ, и затѣмъ, не медля, былъ избранъ (29 сент. 1498) въ магистры. Тщетно убѣждалъ его нѣсколько разъ Янъ Ольбрахтъ принести ленную присягу. Фридрихъ рѣшительно уклонялся отъ этого и, даже, ссылался на положительное запрещеніе императора Максимиліана. Пришлось силою оружія заставить непокорнаго вассала, не соблюдавшаго ни одного изъ условій торунскаго мира, выполнить лежавшія на немъ обязательства. Но прежде нежели дѣло дошло до этого, Волынь, белзская и люблинская земли подверглись (въ іюнѣ 1500) страшному нашествію татаръ, а царь Іоаннъ Васильевичъ III, по внушеніямъ Максимиліана, началъ войну съ Литвою. Король поспѣшно выступилъ съ своими придворными дружинами противъ татаръ, но не успѣлъ ихъ настигнуть. Безнаказанность нашествія придала татарамъ отваги: они вторглись снова (сент.) еще съ большими силами, разсыпали свои опустошительныя орды не только по польской и литовской Руси, но даже и по сандомирской области. Они могли дѣйствовать тѣмъ безопаснѣе, что воеводы — ленчицкій, Петръ Мышковскій *) и сандомир-

*) Въ польской исторіи упоминается нерѣдко о родѣ Мышковскихъ. Читателямъ, быть можетъ, любопытно узнать, какимъ образомъ составилась сложная фамилія потомка упоминаемаго здѣсь Мышковскаго—бывшаго начальника гражданскаго управленія въ царствѣ Польскомъ, маркиза Александра Велепольскаго. Дозволяемъ себѣ удовлетворить этому любопытству. Петръ Мышковскій, о которомъ говорится въ текстѣ, щедро надѣленный церковными имѣніями, и пріобрѣвъ большое состояніе, купилъ обширныя помѣстья у извѣстнаго въ польской исторіи семейства Олесницкихъ. Главнымъ пунктомъ этихъ помѣстій былъ древній *Пинчовъ*, близь Кракова. Петръ Мышковскій имѣлъ много родственниковъ, но избралъ изъ нихъ одного—роднаго своего племянника *Сигизмунда Мышковскаго.* Это былъ молодой человѣкъ, который, какъ гласитъ традиція, отличался прекрасною наружностью и образованіемъ. Проведя дѣтство при блестящемъ дворѣ Сигизмунда-Августа, владѣя главнѣйшими европейскими языками, онъ былъ, какъ говорится, образцомъ d'un parfait gentilhomme. Его-то и назначилъ Петръ Мышковскій единственнымъ наслѣдникомъ всего своего состоянія, испросивъ надлежащимъ путемъ утвержденіе Пинчова майоратомъ за родомъ Мышковскихъ. Сигизмундъ Мышковскій, по смерти дяди, долго путешествовалъ по Италіи. Тамъ онъ подружился съ принцемъ *Альфонсомъ Феррари*, изъ дома Гонзаго, и послѣдній, желая укрѣпить эту связь, испросилъ у папы Павла III грамоту на титулъ маркиза для всѣхъ владѣльцевъ пинчовской ординаціи. Въ завѣщаніи епископа Петра Мышковскаго подробно описанъ порядокъ наслѣдованія майоратомъ, который, въ случаѣ пресѣченія рода Мыш-

скій, Николай Каменецкій, не рѣшались аттаковать ихъ съ своими дружинами. Король выступилъ снова (14 сент.) противъ хищныхъ татаръ во главѣ своей дружины и войскъ крестоносцевъ, но и на этотъ разъ было поздно. Крестоносцы же, выступая изъ Кракова противъ татаръ, предварительно расчитались съ краковскими евреями, перебивъ изъ нихъ 20 человѣкъ.

Также неудачно шли дѣла Александра съ Россіею. Не чувствуя себя въ силахъ одолѣть съ собственнымъ войскомъ могущество Іоанна Васильевича III, онъ вызвалъ наемные отряды, составленные изъ поляковъ, чеховъ и моравовъ. Но значительныя издержки не принесли ему ни малѣйшей пользы, потому что русскіе, дойдя до Смоленска, вернулись домой прежде прибытія наемниковъ, которые принялись хозяйничать въ Литвѣ, какъ въ странѣ непріятельской. Великій князь вынужденъ былъ, какъ можно поспѣшнѣе удалить ихъ изъ Литвы, для огражденія своихъ подданныхъ отъ грабежей. Іоанну было тѣмъ легче воевать съ Литвою, что онъ былъ въ союзническихъ отношеніяхъ съ германскимъ императоромъ Максимиліаномъ (что впрочемъ не много приносило ему выгоды), а также съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ и валахскимъ воеводою Стефаномъ. Согласно заключенному договору крымцы дѣлали безпрестанные набѣги на польскую и литовскую Русь. Польшѣ представился весьма благопріятный случай укротить Менгли-Гирея, когда ханъ золотой орды, Шахъ-Ахматъ, искавшій его гибели, заключилъ союзъ съ Яномъ Ольбрахтомъ и Александромъ. Но оба не съумѣли извлечь пользы изъ этого союза. Янъ Ольбрахтъ дурно

ковскихъ, долженъ былъ перейти къ потомкамъ сестры епископа, бывшей въ замужествѣ за графомъ Яномъ Велѣпольскимъ. Такимъ образомъ, полный титулъ Сигизмунда Мышковскаго былъ слѣдующій *Сигизмундъ де-Мировъ, маркизъ Гонзаго, пинчовскій ординатъ*; а когда наступило предусмотрѣнное епископомъ пресѣченіе рода, и майоратъ достался его правнуку Велѣпольскому, владѣльцы Пинчова носили титулъ — *маркизъ Гонзаго де-Мировъ Мышковскій, графъ Велѣпольскій.* Бывшій начальникъ гражданскаго управленія въ царствѣ, графъ Александръ Велѣпольскій, носитъ такой-же титулъ на основаніи вышеприведенныхъ документовъ, признанныхъ императоромъ Александромъ I. Сыновья маркиза ограничиваются для краткости одною родовою фамиліею *графовъ Велѣпольскихъ.* *Прим. перевод.*

поступилъ съ сыномъ бывшаго валахскаго воеводы Петра—Ильею который имѣлъ притязаніе на верховную власть въ Валахіи, а живя въ Польшѣ, расчитывалъ на помощъ короля. Когда былъ заключенъ миръ съ Стефаномъ, послѣдній потребовалъ отъ короля на піотрковскомъ сеймѣ (въ мартѣ 1501) выдачи Ильи. Требованіе было оскорбительно, а потому Янъ Ольбрахтъ не могъ согласиться на него въ присутствіи сейма. Не желая однако раздражить дерзкаго Стефана, онъ прибѣгнулъ, во избѣжаніе хлопотъ, къ весьма низкому средству. Подъ предлогомъ, будто-бы Илья поддѣлывалъ письма за его подписью, онъ велѣлъ его, по совѣту нѣкоторыхъ своихъ вельможъ, казнить въ Чховѣ, въ присутствіи пословъ Стефана.

Упрямство магистра крестоносцевъ Фридриха, который, ни подъ какимъ видомъ, не давалъ ленной присяги, до того вывело изъ терпѣнія Яна Ольбрахта, что онъ рѣшился понудить его къ тому оружіемъ. Остановившись въ Торунѣ, онъ подвезъ тяжелыя орудія и ожидалъ войска. Магистръ, и теперь, на приглашеніе не медля принести ленную присягу, хотѣлъ войти въ переговоры, но его уполномоченнымъ объявили, что онъ долженъ безусловно выполнить свои ленныя обязательства. За магистра хотѣло ходатайствовать посольство брата, саксонскаго курфирста, но не могло добиться аудіенціи, ибо король занемогъ и вскорѣ скончался (17 іюня 1501). Смерть Яна Ольбрахта почти ни въ комъ не пробудила сожалѣнія.

Тотчасъ же по привезеніи въ Краковъ тѣла покойнаго короля, на сеймикахъ открылись совѣщанія объ избраніи преемника. Часть малополянъ, подъ вліяніемъ короннаго маршала Петра Кмиты, желала возвести на престолъ венгерскаго и чешскаго короля Владислава и отправила даже къ нему посольство, будто бы, отъ имени всего народа; другіе желали имѣть королемъ Сигизмунда; нѣкоторые держали сторону Александра. Съ такими различными мнѣніями собрались избиратели на сеймъ въ Піотрковѣ, куда прибыло посольство и отъ Александра. Партія Владислава составляла здѣсь значительное меньшинство и когда литовскіе послы ловко изобразили выгоды, которыя доставитъ возобновленіе вѣчнаго союза съ Лит-

вою, присутствующіе единогласно избрали королемъ Александра. При этомъ было выговорено, что прежніе договоры съ Литвою, о совокупномъ избраніи короля, остаются въ полной силѣ и что, сверхъ того, за исключеніемъ судопроизводства, уставы, составляемые на общихъ сеймахъ, должны быть обязательны въ обѣихъ странахъ. Литовскій совѣтъ долженъ былъ все это подкрѣпить присягою, чтобы, разъ навсегда, устранить возможность разрыва между обоими народами. Съ этими условіями, и съ приглашеніемъ на престолъ, отправилось въ Литву торжественное посольство. Александръ, не медля, прибылъ (20 ноября) въ Краковъ, въ сопровожденіи вооруженной свиты, числомъ до 1,400 человѣкъ. Передъ коронаціею явилось (7 декабря) отъ Шахъ-Ахмета посольство съ извѣщеніемъ, что ханъ съ многочисленнымъ войскомъ стоитъ на берегахъ Днѣпра, терпитъ большой недостатокъ, а потому требуетъ, какъ можно скорѣе, подкрѣпленій отъ Польши и Литвы, чтобы общими силами напасть на Менгли-Гирея. Король отпустилъ пословъ съ обѣщаніемъ, тотчасъ же послѣ коронаціи, снарядить войско. Но коронація совершилась (12 декаб.), а король и не думалъ о своемъ обѣщаніи. Между тѣмъ голодъ и холодъ до того сокрушили полчища Шахъ-Ахмета, что собственная его жена съ частью войска убѣжала къ Менгли-Гирею, который вскорѣ одержалъ надъ нимъ побѣду въ генеральномъ сраженіи подъ Кіевомъ. Послѣ пораженія, Шахъ-Ахметъ хотѣлъ прибѣгнуть къ поддержкѣ султана, но его предупредили, что турки замышляютъ выдать его Менгли-Гирею, и потому онъ бѣжалъ въ Кіевъ. Отсюда его отправили въ Вильно, гдѣ онъ долженъ былъ выждать пріѣзда короля, но тайно бѣжалъ отсюда. Его настигли въ дорогѣ и отдали подъ болѣе строгій надзоръ. Короновавшись, король хотѣлъ совершить тотъ же обрядъ и надъ женою своею Еленой, которая съ этою цѣлію прибыла (въ февралѣ 1502) въ Краковъ. Всѣ происки оказались напрасными: католическое духовенство упорно отказывалось короновать Елену, какъ послѣдовательницу восточной церкви. Въ это время получена была вѣсть, что царь Іоаннъ готовится къ войнѣ. Александръ назначилъ своего брата Фридриха, намѣстникомъ, а самъ поспѣшилъ

(въ маѣ) въ Литву. Собравъ, не медля, значительное войско, онъ двинулся противъ русскихъ, осаждавшихъ Смоленскъ. Этою поспѣшностію, онъ предотвратилъ войну, ибо русскій царь, отступивъ съ своими войсками, согласился на шести-лѣтнее перемиріе. За то татары вторглись въ коронныя владѣнія, и разсыпали свои орды до самой сандомирской области. Фридрихъ велѣлъ ополченію собраться въ Корчинѣ, а самъ, въ сопровожденіи свиты и горсти охотниковъ, выступилъ тотчасъ же въ походъ, но прежде нежели поляки успѣли сосредоточиться, татары захватили множество плѣнныхъ и добычи; всякое преслѣдованіе оказалось безуспѣшнымъ.

Кардиналъ-архіепископъ гнѣзненскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, епископъ краковскій — Фридрихъ, бывшій намѣстникомъ въ Польшѣ, предавался всякаго рода разврату и, получивъ вслѣдствіе этого дурную болѣзнь, умеръ (14 марта 1503). Его смерть, въ отсутствіе короля, постоянно живтаго въ Литвѣ, причинила государству чувствительный ущербъ: татары опустошили значительную часть Руси, а валахскій воевода Стефанъ захватилъ безъ сопротивленія Покуце. Коронный совѣтъ наряжалъ частыя посольства къ королю, упрашивая его прибыть во-что-бы-то ни стало, тѣмъ болѣе, что кончина Конрада мазовецкаго, не пережившаго смерти двухъ малолѣтнихъ сыновей — Януша и Станислава, — а равно и разныя общественныя дѣла требовали его присутствія. Александръ прибылъ, наконецъ (въ концѣ октября), на сеймъ въ Люблинъ, гдѣ было рѣшено: собрать налогъ для содержанія наемнаго войска, чтобы воевать со Стефаномъ, и держать татаръ въ почтительномъ разстояніи. Это войско дѣйствительно отняло Покуце (1504), чему благопріятствовала смерть Стефана. Татары, видя готовность поляковъ дать отпоръ, не рѣшались дѣлать набѣги на коронныя земли.

Прусскій магистръ Фридрихъ не принесъ еще королю и коронѣ ленной присяги, не смотря на то, что уже нѣсколько лѣтъ носилъ этотъ санъ и былъ побуждаемъ къ тому не только королемъ, но и папою Юліемъ II. Такое упорство поддерживалъ Максиміліанъ прямымъ запрещеніемъ и обольстительными обѣщаніями помощи въ случаѣ, еслибъ вздумали принуждать Фридриха силою оружія.

Не желая долѣе сносить дерзости своего ленника, король собрался (весною 1504) въ Пруссію, а магистру приказалъ немедленно явиться въ Мальборгъ и принести, наконецъ здѣсь должную присягу. Но прежде нежели король прибылъ въ Мальборгъ, Фридрихъ уѣхалъ на сеймъ въ Германію, а своимъ уполномоченнымъ поручилъ оправдать себя передъ королемъ и сказать, что, будучи приглашенъ императоромъ на означенный сеймъ, для обсужденія мѣръ къ сокрушенію могущества турокъ, онъ не могъ не принять этого приглашенія. Присяга снова отложена въ долгій ящикъ, а король, порѣшивъ дѣла польской Пруссіи, уѣхалъ (лѣтомъ) на сеймъ въ Піотрковъ. Независимо отъ другихъ важныхъ дѣлъ, на этомъ сеймѣ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о Мазовіи. Согласно договору съ покойнымъ Конрадомъ, только черское княжество должно было достаться его сыновьямъ, а остальныя владѣнія полагалось возвратить коронѣ. Теперь передали обоимъ его сыновьямъ и потомкамъ, въ мужскомъ колѣнѣ, Мазовію, въ тѣхъ границахъ, какъ она находилась подъ властію Конрада, съ оговоркою, что въ случаѣ пресѣченія мужскаго потомства, вся Мазовія переходитъ во владѣніе короны, а дочерямъ, будетъ дано приданое. Въ случаѣ включенія Мазовіи въ коронныя земли, жителямъ была обезпечена ненарушимость правъ и льготъ, какими они пользовались въ правленіе своихъ князей. Сеймъ долженъ былъ также обсудить средства на счетъ удовлетворенія наемнаго войска, которое, возвратившись изъ валахскаго похода, требовало жалованія, а между тѣмъ довольствовалось на счетъ духовныхъ помѣстій.

По смерти Стефана, правителемъ Валахіи сдѣлался его сынъ Богданъ. Его послы явились въ Краковъ просить руки сестры короля, Елисавсты. Не желая быть женою одноокаго Богдана, княжна медлила рѣшительнымъ отвѣтомъ. Во время вторичнаго пребыванія пословъ Богдана, умерла мать Елисаветы и это дало основательный поводъ отложить все дѣло по случаю траура. Король обѣщалъ выдать за него сестру, если только онъ перейдетъ со всѣмъ народомъ въ лоно латинской церкви и, какъ вѣрный ленникъ короны, будетъ воевать противъ турокъ и татаръ, вмѣстѣ

съ другими христіанскими государями. Договоръ не состоялся, потому что Богданъ не хотѣлъ отказаться отъ вѣры своихъ отцовъ.

Устроивъ кое-какъ коронныя дѣла, король поспѣшилъ (въ началѣ 1505) въ Брестъ на Бугѣ на съѣздъ съ литовскими магнатами, для усмиренія тамошнихъ безпорядковъ, возбужденныхъ Михаиломъ Глинскимъ. Александръ почти во всемъ полагался на его мнѣнія. Раздраженные литовцы съ отвращеніемъ переносили такое вліяніе Глинскаго, даже обвиняли его въ желаніи овладѣть, при содѣйствіи руссиновъ, великимъ княжествомъ. Извѣстіе, что король отнялъ лидское староство у литовца и велѣлъ передать его родственнику Глинскаго — Дроздѣ, окончательно взволновало умы. Магнаты отложили однако это дѣло до его пріѣзда. Видя въ этомъ личность, Глинскій жаловался королю на своихъ главныхъ противниковъ, и въ числѣ прочихъ на виленскаго епископа Табора, трокскаго воеводу Яна Забржезинскаго и гетмана Станислава Кишку. Дѣло дошло до того, что Александръ помышлялъ даже о казненіи помянутыхъ лицъ. Предвидя такой опасный исходъ, они съѣхались въ Брестъ, но не входили въ замокъ, а стараніями короннаго канцлера Ласкаго, успѣли отклонить короля отъ насильственнаго поступка. Не смотря на то, Забржезинскій лишился воеводства, а остальныхъ обвиненныхъ король не допустилъ въ совѣтъ. На съѣздъ былъ вызванъ изъ Вильно и Шахъ-Ахметъ. Александръ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, принялъ весьма радушно и затѣмъ взялъ съ собой на сеймъ въ Радомъ. Здѣсь-то ханъ развернулся: жаловался, что его заманили изъ-за Волги, не дали обѣщанной помощи, и тѣмъ самымъ накликали на него бѣду, а теперь держатъ узникомъ въ Вильнѣ. Упреки были весьма основательны, но всю вину свалили на него самого. Брату его Козаку дозволили отправиться за Волгу, за новымъ войскомъ, а его самого отослали въ Троки на свободное жительство, впредь до прибытія брата, взявъ съ него предварительно слово не дѣлать попытокъ къ бѣгству. Вскорѣ сеймъ принялъ сторону обвиненныхъ Глинскимъ и хотя въ собраніи король былъ неумолимъ, но конфиденціально завѣрилъ польскихъ магнатовъ, что, тотчасъ по возвращеніи въ

Литву, сниметъ опалу съ обвиненныхъ. Обнародовавъ наборъ для защиты королевства, сеймъ закончилъ свою дѣятельность опредѣленіемъ строгихъ наказаній всѣмъ обвиняемымъ въ разбоѣ. Осуховскаго и Мисовскаго приговорили къ отсѣченію головы, а Русиновскую къ повѣшенію, въ мужской одеждѣ, т. е. въ томъ видѣ, какъ она была схвачена во главѣ грабителей. Эта строгость, хотя отчасти, прекратила разбои и хищничество.

Разбитый параличемъ, Александръ долженъ былъ съ радомскаго сейма отправиться въ Краковъ (въ половинѣ іюня), гдѣ, благодаря стараніямъ врачей, поправился на столько, что могъ выѣхать на сеймъ въ Люблинъ (1 октяб.). Здѣсь возникли споры между свѣтскимъ и духовнымъ сословіемъ. Свѣтскіе магнаты прежде всего требовали, чтобы епископы занимали первыя мѣста только съ правой стороны трона, затѣмъ, чтобы духовныя помѣстья несли военныя повинности наравнѣ съ свѣтскими. Послѣ долгихъ преній, король окончательно рѣшилъ, что не должно лишать духовное сословіе привиллегій, издавна утвержденныхъ за нимъ. Сверхъ того сеймъ постановилъ чеканить новую серебряную монету, а на военныя издержки, для обороны Руси, назначилъ достаточные налоги. Часть этого войска предпологалось устремить противъ Богдана, вновь овладѣвшаго Покуцѣмъ, послѣ того, какъ онъ ошибся въ надеждѣ вступить въ бракъ съ королевской сестрой. Походъ противъ Богдана кончился отнятіемъ Покуця и разбитіемъ его войска.

По закрытіи люблинскаго сейма, король поѣхалъ въ Литву, гдѣ его уже ожидали послы заволжскихъ или ногайскихъ и перекопскихъ татаръ. Первые требовали освобожденія Шахъ-Ахмета, надъ которымъ, вслѣдствіе покушенія къ бѣгству, былъ установленъ строгій надзоръ. Послѣдніе (т. е. перекопскіе) обѣщали отъ имени Менгли-Гирея дружбу, подобающую между сосѣдями, если только король будетъ держать Шахъ-Ахмета подъ строжайшимъ карауломъ. Александръ поступилъ какъ нельзя хуже: потребовалъ къ своему суду Шахъ-Ахмета, его свиту и ногайскихъ пословъ, обвинилъ его въ умышленномъ нарушеніи союза и приговорилъ къ тю-

ремному заключенію въ Ковно. Злосчастный ханъ справедливо предсказалъ королю, что такимъ безчеловѣчнымъ поступкомъ онъ отнюдь не заслужитъ дружбу Менгли-Гирея. Дѣйствительно перекопскіе татары скоро (въ маѣ 1506) вторглись въ польскую и литовскую Русь и произвели страшныя опустошенія. Однихъ плѣнныхъ, какъ говорятъ, они забрали 100,000 чел. Вскорѣ они опять возобновили (въ авг.) нападеніе на литовскія земли и расположились лагеремъ подъ Клецкомъ. Вѣсть объ этомъ нашествіи застала короля на одрѣ тяжкой болѣзни. Онъ тотчасъ же обнародовалъ всеобщее ополченіе въ Литвѣ, но Михаилъ Глинскій утверждалъ, что войско не выступитъ противъ враговъ, если только самъ король не станетъ въ главѣ ополченія. Не смотря на разстроенное здоровье, король отправился въ Лиду, но какъ только татарскія полчища достигли этого пункта, пришлось отнести его на носилкахъ обратно въ Вильно. Между тѣмъ Глинскій атаковалъ съ 7-ю тысячнымъ отрядомъ татарскій лагерь подъ Клецкомъ и, разбивъ его совершенно, уничтожилъ затѣмъ подходившіе къ нему отдѣльные отряды. Погибло около 30,000 всадниковъ. Вѣсть объ этой побѣдѣ дошла до короля въ ту минуту, когда онъ находился въ предсмертной агоніи (19 авг. 1506). Современники говорили объ Александрѣ, что онъ умеръ во время, не успѣвъ раззорить подарками Литвы и королевства.

Чувствуя близость смерти, Александръ вызвалъ въ Литву брата Сигизмунда, но умеръ до его пріѣзда. Извѣщенный въ дорогѣ чрезъ гонцовъ о смерти брата, Сигизмундъ ускорилъ путешествіе, чтобы предупредить безпорядки. Глинскій выѣхалъ къ нему на встрѣчу, въ сопровожденіи 700 вооруженныхъ людей, между тѣмъ какъ свита князя состояла едва изъ 200 чел. Съ прибытіемъ Сигизмунда въ Вильно, возникъ споръ о томъ, гдѣ слѣдуетъ положить прахъ покойнаго короля. Присутствовавшіе коронные магнаты требовали перевезенія тѣла въ Краковъ, но литовцы не согласились и настояли на своемъ. Послѣ похоронъ, Литва провозгласила (26 окт.) Сигизмунда великимъ княземъ, что было новымъ нарушеніемъ договора, заключеннаго съ Польшею, по вопросу

общаго выбора короля. Между тѣмъ и въ правительствѣ происходили совѣщанія объ избраніи короля и, когда избирательный сеймъ собрался въ Піотрковѣ (8 декаб.), всѣ голоса были на сторонѣ Сигизмунда. Къ нему отправилось посольство съ приглашеніемъ на престолъ. Сигизмундъ не медлилъ пріѣздомъ, и тотчасъ же по его прибытіи въ Краковъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, совершился (24 янв. 1507) обрядъ коронаціи.

Общественныя дѣла требовали напряженной энергіи правительства и народа и этимъ усердно занялся сеймъ, вскорѣ созванный въ Краковѣ. Какъ только король утвердилъ національныя права и льготы, состоялось рѣшеніе о многихъ благодѣтельныхъ уставахъ, а для обороны Рѣчипосполитой установлены значительные налоги. Къ валахскому воеводѣ Богдану отправилось венгерско-польское посольство, чтобы склонить его къ поддержанію мира. Въ тоже время была сдѣлана попытка отвлечь татарскаго хана Менгли-Гирея, обѣщаніемъ ежегодной дани, отъ нашествій на коронныя владѣнія. Въ Литвѣ, дѣла шли не такъ удачно. Забржезинскій и другіе противники Глинскаго выступили противъ него съ обвиненіемъ въ государственномъ преступленіи. Князь требовалъ суда, желая снять съ себя нареканія, но Сигизмундъ затянулъ дѣло.

Тщетны были происки Глинскаго въ Краковѣ и даже въ Венгріи при дворѣ Владислава, къ которому онъ обращался (въ мартѣ 1507) лично. Не желая произнести рѣшительнаго приговора въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, король объявилъ, что отсрочка не должна оскорблять ни чести, ни славы его. Глинскаго сильно раздражало то, что онъ не будетъ уже имѣть у Сигизмунда того вліянія, какимъ нѣкогда пользовался у Александра. Онъ возвратился въ Литву, затаивъ глубоко планъ мщенія. Вскорѣ изъ Литвы получено было извѣстіе, что русскій царь Василій Іоанновичъ съ 30,000 войска, вступилъ въ литовскія земли. Король поспѣшилъ (въ маѣ) въ Литву, и собравъ свои полки, выступилъ противъ враговъ. Но русскіе отступили, а поляки, опустошивъ часть русскихъ земель, должны были, отъ жаровъ и недостатка въ продо-

вольствіи, отложить войну до другаго времени. Татарскій ханъ, приглашенный для содѣйствія, возвратился также во-свояси съ 80,000 войска.

Неумѣнье хозяйничать и расточительность Казимира, Яна Ольбрахта и Александра сдѣлали то, что не только государственная казна не покрывала нуждъ, но и большинство коронныхъ имуществъ пошло па залоги. Сигизмундъ занялся этимъ дѣломъ необыкновенно усердно на краковскомъ сеймѣ (24 янв. 1508). При содѣйствіи управляющаго монетнымъ дворомъ — Бонара, а также деньгами, собранными помощію налоговъ, онъ, прежде всего, удовлетворилъ войско жалованьемъ, на что потребовалось болѣе 200,000 червонцевъ, выкупилъ множество имѣній и замковъ, и образовалъ запасный наличный капиталъ на текущія общественныя нужды. Это дало возможность послать паемныя дружины на защиту Подоліи, когда пришла (въ іюлѣ) вѣсть о вторженіи татаръ по черной дорогѣ. Каменецкій настигъ ихъ подъ Вороковымъ, нанесъ имъ совершенное пораженіе, отбилъ плѣнныхъ и добычу.

Между тѣмъ король долженъ былъ отправиться въ Литву, гдѣ споры магнатовъ приняли довольно грозный характеръ. Глинскій, раздраженный до-пельзя отсрочкою суда, вломился ночью въ квартиру своего обвинителя — Забржезинскаго и, вытащивъ его изъ постели, велѣлъ тотчасъ же (зимою 1508) умертвить. Глинскій, не надѣясь на помилованіе короля послѣ такого самоуправпаго злодѣянія, вошелъ въ тайное соглашепіе съ царемъ Василіемъ и овладѣлъ, пе медля, въ его пользу нѣкоторыми литовскими замками и городами; самъ же началъ титуловать себя великимъ княземъ литовскимъ. Занявъ менѣе значительные города, онъ осадилъ Минскъ, а царь послалъ къ нему въ помощь 60,000 войска подъ начальствомъ Шеипа и Захарьина. Король поспѣшно собралъ наемное войско и отправилъ его подъ начальствомъ Николая Фирлея, а самъ, съ вооруженною свитою, послѣдовалъ за пимъ въ Брестъ-Литовскій. Обнародовавъ всеобщее ополченіе въ Литвѣ, опъ вскорѣ явился на угрожаемой границѣ. Устрашенный скорымъ прибытіемъ

короля, Глинскій отступилъ къ Минску и соединился съ русскимъ войскомъ, расположеннымъ лагеремъ подъ Берчиною. Напрасно онъ уговаривалъ вождей Василія вступить въ бой. Русское войско отступило къ Оршѣ. Но и здѣсь дѣло не дошло до большой расправы. Изъ Орши король направился къ Смоленску и расположившись здѣсь лагеремъ, послалъ нѣсколько значительныхъ отрядовъ для опустошенія непріятельской страны. Это побудило русскаго царя требовать открытія переговоровъ. Литовскій канцлеръ Сапѣга, отправившись въ Москву, заключилъ съ Василіемъ миръ, которымъ постановлено, что семья Глинскаго вправѣ послѣдовать за нимъ въ Москву, а царь возвратитъ всѣ занятые имъ литовскіе замки и города и освободитъ всѣхъ плѣнныхъ, съ давняго времени содержащихся въ заключеніи. По заключеніи мира, многіе изъ сторонниковъ Глинскаго, получивъ помилованіе Сигизмунда, возвратились на родину. Въ числѣ послѣднихъ находился Евстафій Дашкевичъ. Константинъ же Острогскій бѣжалъ изъ русскаго плѣна еще до заключенія мира, и король тотчасъ послалъ его съ частью войска противъ татаръ, вновь сдѣлавшихъ набѣгъ на Русь. Разбитые на нѣсколькихъ пунктахъ, они возвратились въ степи безъ добычи и плѣнныхъ и съ большимъ урономъ. Окончивъ удачно литовскія дѣла, король прибылъ (въ началѣ 1509) на сеймъ въ Піотрковъ для обсужденія, совмѣстно съ сословіями, коронныхъ дѣлъ. Онъ хотѣлъ жениться на мекленбургской княжнѣ Аннѣ и какъ сеймъ этому не воспротивился, то снарядилъ пословъ къ отцу невѣсты. Но внезапно пришло извѣстіе, что воевода Богданъ, поддерживаемый татарами и турками, открылъ войну и, страшно опустошая Русь, подступилъ къ самому Львову, а потому король велѣлъ посламъ вернуться съ дороги. Сигизмундъ поспѣшно собралъ, на занятыя у краковскихъ мѣщанъ деньги, наемныя дружины, обнародовалъ ополченіе въ Польшѣ и, затѣмъ, поѣхалъ въ Львовъ (26 іюля), назначенный сборнымъ мѣстомъ всего войска. Лихорадка принудила его остаться въ этомъ городѣ, а 60,000 войска, подъ начальствомъ Каменецкаго, направилъ въ Валахію. Владиславъ венгерскій хотѣлъ отклонить отъ Богдана впсѣвшую

надъ нимъ грозу, но его послы успѣли только упросить Сигизмунда не губить воеводу и ограничиться опустошеніемъ страны за вредъ, причиненный короннымъ владѣніямъ. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, Каменецкій, въ теченіе трехъ недѣль, опустошалъ Валахію огнемъ и мечемъ. Богданъ, скрываясь до послѣдней минуты въ лѣсахъ, неожиданно напалъ надъ Днѣстромъ на часть польскаго войска (4 окт.) во время его отступленія, но претерпѣлъ совершенное пораженіе. Изъ взятыхъ въ плѣнъ валаховъ, Каменецкій велѣлъ казнить 50 бояръ, и на невинныхъ отомстилъ жестокость отца Богданова, Стефана, поступившаго точно также съ польскими плѣнниками. При содѣйствіи Владислава состоялся миръ съ Богданомъ, который обязался возвратить всѣхъ плѣнныхъ и добычу, и при всякомъ востребованіи подавать королю помощь противъ турокъ и татаръ. Съ своей стороны Сигизмундъ освободилъ валахскихъ плѣнниковъ и обѣщалъ защищать воеводу, если послѣднему будутъ угрожать турки или татары. Папа Пій II, мечтавшій объ изгнаніи турокъ изъ Европы, хотѣлъ установить единодушіе между христіанскими государями и затѣмъ направить совокупныя ихъ силы противъ султана. Для этого онъ прислалъ къ Сигизмунду своего легата Пизона съ предложеніемъ принять начальство въ крестовомъ походѣ, какъ только онъ извѣститъ его. Убѣжденный въ безплодности обѣщаній подобнаго рода, король отдѣлался отъ легата отвѣтомъ, что въ случаѣ общаго похода противъ невѣрныхъ, онъ не отстанетъ отъ другихъ, но не намѣренъ быть выскочкою. Одновременно съ Пизономъ прибыли послы императора Максимиліана, собственно по дѣлу крестоносцевъ и выхлопотали у короля согласіе на переговоры въ Познани, которые и состоялись (24 іюня 1510). Въ Познань съѣхались уполномоченные отъ Польши, Венгріи, императора и крестоносцевъ. Но когда крестоносцы потребовали возвращенія уступленныхъ ими по торунскому миру земель, увольненія магистра отъ обязательства приносить королю ленную присягу, выставлять вооруженную помощь противъ турокъ и татаръ и принимать поляковъ въ орденъ, — переговоры не привели къ желаемому результату, ибо

поляки, твердо настаивая на условіяхъ торунскаго мира, угрожали даже войною, въ случаѣ, если бы магистръ и орденъ не выполнили этихъ условій. Вскорѣ послѣ того умеръ въ Мейссенѣ магистръ Фридрихъ, а крестоносцы избрали на его мѣсто племянника Сигизмунда, бранденбургскаго маркграфа Альберта. Но и новый магистръ не давалъ ленной присяги. Не смотря на родство, король рѣшился принудить его къ исполненію обязательства силою оружія, и только по поводу болѣе важныхъ государственныхъ дѣлъ, отложилъ на нѣкоторое время исполненіе своего намѣренія.

Безпрерывные набѣги татаръ заставили польское правительство прибѣгнуть къ болѣе крутымъ мѣрамъ. Вопросъ этотъ былъ предметомъ занятій піотрковскаго сейма (въ февр. 1511). Установлены большіе налоги для найма войска, которое охраняло бы границы отъ татаръ и, въ случаѣ надобности, оказывало бы помощь Богдану. Сверхъ того рѣшено давать ежегодно хану, въ видѣ подарка, 15,000 червонцевъ, если онъ оставитъ заложниками своего сына и внука и обяжется отнынѣ не безпокоить польскія и литовскія области. Тутъ же было опредѣлено: закрыть монетный дворъ и чтобы король отправился въ Брестъ-Литовскій для окончанія дѣлъ съ татарскимъ ханомъ. Тщетны были ожиданія Сигизмунда. Ханъ не только не прислалъ заложниковъ, но еще вторгнулся въ Валахію. Возвратившись осенью изъ Бреста въ Краковъ, король сдѣлалъ брачное предложеніе Варварѣ Запольской и открылъ о томъ переговоры. Свадьба состоялась (8 февр. 1512).

Не смотря на неоднократныя предложенія римскаго двора относительно крестоваго похода противъ турокъ, Сигизмундъ не прерывалъ мирныхъ отношеній съ султаномъ Баязетомъ и его наслѣдникомъ Селимомъ, ибо хорошо зналъ, что на всѣ обѣщанія большихъ подкрѣпленій разсчитывать нельзя, а взявшись за оружіе, придется на собственное отечество навлечь излишнюю тягость опустошительной войны. Съ разумною проницательностью, онъ всегда возобновлялъ миръ съ турками на короткое время, чтобы, на случай всеобщаго похода, не быть связаннымъ по рукамъ. По этому-то поводу турецкія посольства часто являлись въ Краковъ.

Не смотря на дружескія отношенія съ султаномъ набѣги татаръ продолжались. Весною, (1512) они вторглись, въ числѣ болѣе 25,000 ч., чрезъ Волынь, въ люблинскую область и ознаменовали повсюду слѣды свои страшными опустошеніями. Король тотчасъ же выслалъ для обороны Руси придворныя и наемныя дружины, а вождямъ литовскихъ и коронныхъ войскъ, Константину Острогскому и Каменецкому, велѣлъ, во-что-бы то ни стало, отбить у татаръ плѣнныхъ и добычу. Поляки разбили въ разныхъ мѣстахъ шесть небольшихъ непріятельскихъ отрядовъ, а настигнувъ все войско ихъ, подъ Лопушною, близъ Висніовца*), завязали съ нимъ генеральное сраженіе (28 апр.), въ которомъ одержали совершенную побѣду, хотя имѣли передъ собою вчетверо сильнѣйшаго непріятеля. Отбито 17,000 плѣнныхъ и захвачено у татаръ 10,000 лошадей, а изъ всего войска успѣло спастись бѣгствомъ только нѣсколько тысячъ человѣкъ. Это пораженіе сдѣлало Менгли-Гирея болѣе склоннымъ къ переговорамъ. Онъ далъ въ заложники внука своего Діалальдина, обязался впредь не безпокоить коронныя и литовскія земли и помогать королю въ борьбѣ со всѣми его врагами. Но заложникъ вскорѣ умеръ отъ лихорадки (февр. 1513), король не присылалъ хану условленныхъ ежегодныхъ подарковъ и дружескія отношенія ихъ, естественнымъ образомъ, прекратились.

Самымъ непримиримымъ врагомъ Сигизмунда явился императоръ Максиміліанъ. Не довольствуясь однимъ побужденіемъ крестоносцевъ къ сопротивленію, на сеймахъ, и постоянною поддержкою въ Римѣ какихъ-то воображаемыхъ правъ ихъ, онъ, въ довершеніе всего, заключилъ противъ Сигизмунда союзъ съ царемъ Василіемъ. Царь, не медля, взялся за оружіе, и нѣсколько разъ посылалъ Глинскаго съ большими силами въ Литву. Глинскій бывшій всегда въ тайныхъ сношеніяхъ съ русскими, неоднократно старался взять Смоленскъ и другія крѣпости: походы его оканчивались жестокимъ опустошеніемъ и разграбленіемъ пограничныхъ мѣстностей.

*) Висніовецъ мѣстечко бывшаго волынскаго воеводства, Кременецкаго уѣзда, на берегу Горыни, въ свое время былъ извѣстенъ какъ резиденція князей Вишневецкихъ. *Прим. перевод.*

Эти вторженія русскихъ были, собственно, вступленіемъ къ войнѣ, которой предстояло вспыхнуть въ большихъ размѣрахъ. Максимиліанъ хотѣлъ склонить и другія сѣверныя государства къ войнѣ съ Польшею, чтобы помочь, такимъ образомъ, крестоносцамъ овладѣть польскою Пруссіею. Перехваченный тайный гонецъ, краковскій мѣщанинъ Лета, сознался во всемъ подъ пыткою. Король созвалъ (въ іюнѣ 1513) сеймъ въ Радомѣ, для обсужденія средствъ обороны, а татарамъ было рѣшено выдать 15,000 червонцевъ, если они будутъ помогать въ войнѣ съ Россіею. Изъ Радома Сигизмундъ поспѣшилъ въ Литву, гдѣ сперва въ Мельникѣ, а потомъ въ Вильнѣ склонилъ тамошнихъ гражданъ къ уплатѣ большихъ налоговъ для покрытія военныхъ издержекъ. Когда же вслѣдствіе этого, Максимиліанъ началъ нанимать для своего союзника въ Германіи и въ Италіи искусныхъ пушкарей и отправлять ихъ втайнѣ въ Москву, тогда на Литвѣ, въ свою очередь, вооружился и Сигизмундъ. Василій во главѣ большаго войска, двинулся къ Смоленску, имѣя съ собою до 300 пушекъ. Упорная оборона крѣпости и извѣстіе что Сигизмундъ приближается съ значительными силами, едва не заставили царя снять осаду. Глинскій убѣдилъ его не оставлять своего намѣренія и вступивъ въ переговоры съ жителями Смоленска, склонить ихъ къ сдачѣ города. Начальникъ гарнизона, сомнѣваясь въ возможности дальнѣйшей обороны, — такъ какъ подкрѣпленія не являлось, а въ крѣпости врагъ имѣлъ сторонниковъ, — сдался царю на капитуляцію (въ концѣ іюля 1514), выговоривъ себѣ и гарнизону свободный пропускъ, за что впослѣдствіи поплатился головою.

Потеря Смоленска была для Сигизмунда тяжкимъ ударомъ и потому онъ поспѣшилъ приблизиться съ военною силою къ границѣ, если же не явился на выручку крѣпости раньше, то вслѣдствіе стараній легата Пизона — склонить его къ миру съ царемъ. Глинскій, питавшій надежду, что царь отдастъ ему Смоленскъ, обманулся въ ожиданіяхъ и потому изъявилъ готовность передаться на сторону Сигизмунда, если только ему будетъ обѣщано забвеніе прежнихъ преступленій. Перехваченныя письма, а быть

можетъ даже и тайное предостереженіе со стороны нѣкоторыхъ литовскихъ вельможъ, которые не желали возвращенія Глинскаго, открыли царю всю истину. Онъ приказалъ не медля схватить Глинскаго и препроводить въ Москву. Между тѣмъ король расположился съ войскомъ подъ Борисовымъ и оставшись тамъ съ извѣстною частью въ резервѣ, направилъ другую часть войска, т. е. одинъ лишь избранный отрядъ противъ русскихъ, которые, въ числѣ 80,000, заняли позицію за Березиною, у Орши, и, увѣренные въ побѣдѣ, не защищали переправы. Литовцами предводительствовалъ Константинъ Острогскій, во главѣ поляковъ былъ Сверчовскій. Не смотря на численное превосходство непріятеля, поляки напали на него (8 сент.), и, послѣ упорнаго боя, одержали совершенную побѣду. Русскіе потеряли убитыми и плѣнными болѣе половины войска, сверхъ того полякамъ достался весь ихъ обозъ и много знаменъ. Царь, бывшій въ то время въ Смоленскѣ, тотчасъ по полученіи извѣстія объ этомъ пораженіи удалился въ Москву, а войску было приказано, собравши разрозненныя силы, усилить собою гарнизонъ Смоленска. Эта крѣпость легко могла бы снова достаться въ руки поляковъ, если бы они умѣли пользоваться своею побѣдою. Но они явились подъ ея стѣнами уже мѣсяцъ спустя, а потому и взять ее оказалось невозможнымъ.

Послѣ пораженія подъ Оршею, царь избѣгалъ дальнѣйшей борьбы, хотя съ другой стороны былъ весьма не сговорчивъ на счетъ переговоровъ о мирѣ. Императоръ Максимиліанъ, побуждаемый съ одной стороны папою Львомъ X къ изысканію — совмѣстно съ другими владѣтельными лицами, средствъ къ изгнанію изъ Европы турокъ, съ другой, желая, помощью родства съ домомъ Ягеллоновъ, обезпечить своему дому престолъ Богеміи и Венгріи, началъ ловко склонять Сигизмунда и его брата Владислава къ съѣзду въ Будѣ или въ Пресбургѣ. Довольно долго велись объ этомъ переговоры черезъ посольства и наконецъ рѣшено, что съѣздъ императора съ Сигизмундомъ и Владиславомъ долженъ произойти въ Пресбургѣ (15 марта 1515). Король польскій, собственно, не вѣрилъ въ искренность заявленій Максимиліана, однако

явился на съѣздъ къ назначенному времени (5 марта 1515), имѣя въ своей свитѣ 1500 всадниковъ. Мѣсяцъ слишкомъ ожидали братья въ Пресбургѣ пріѣзда уполномоченнаго отъ императора. Послѣ долгихъ переговоровъ были наконецъ положены условія, на которыхъ должны были послѣдовать обрученія: Людовика, сына Владислава, съ Маріею, дочерью Филиппа испанскаго, внучкою императора, и Анны, дочери Владислава, съ однимъ изъ внуковъ Максимиліана. Окончательно же этотъ вопросъ былъ рѣшенъ только на съѣздѣ съ императоромъ въ Вѣнѣ (16 іюля), гдѣ кромѣ того происходили совѣщанія о средствахъ, которыя слѣдуетъ принять для веденія общей войны противъ турокъ. Императоръ далъ обѣщаніе — съ одной стороны употребить все свое вліяніе на царя Василія, чтобы склонить его къ миру съ Сигизмундомъ, а съ другой—поставить на видъ магистру прусскаго ордена Альберту, что онъ долженъ исполнять свои обязательства относительно Польши. Когда король вернулся съ этого съѣзда, умерла жена его Варвара (2 октяб.) въ цвѣтѣ лѣтъ, вскорѣ послѣ рожденія второй дочери Анны. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти жены, умеръ у Сигизмунда и братъ его, Владиславъ, оставивъ 8-ми лѣтняго сына Людовика, котораго Сигизмундъ долженъ былъ утвердить на престолѣ венгерскомъ и богемскомъ.

Императоръ, желая сдержать свое слово, неоднократно отправлялъ къ Василію пословъ, съ цѣлью склонить его къ миру или же къ болѣе продолжительному перемирію, но тщетны были всѣ его усилія. Требованія царя дали Сигизмунду поводъ снова взяться за оружіе. Не ограничиваясь собственными силами, онъ обратился къ хану, прося помощи, на основаніи заключеннаго союза. Но татары, вмѣсто того, чтобы напасть на русскихъ, вторгнулись (въ іюлѣ 1516), въ числѣ 30,000, въ предѣлы западной Руси и Подоліи, откуда, кромѣ иной добычи, увели, какъ говорятъ, до 50,000 плѣнныхъ. Съ другой стороны двинулись противъ Литвы войска Василія, но вскорѣ увидѣли себя въ необходимости отступить, такъ какъ ханъ, сваливъ всю вину вторженія въ коронныя владѣнія на своеволіе необузданной молодежи, обратился, какъ-бы вѣрный

союзникъ короля, съ 80,000 противъ русскихъ. Царь выслалъ противъ татаръ многочисленное войско, которое также было разбито у верховьевъ Дона, причемъ легло убитыми до 20,000. Послѣ этого пораженія Василій согласился на переговоры, но они не привели къ миру, преимущественно вслѣдствіе происковъ магистра прусскаго Альберта, который, будучи возведенъ въ санъ магистра, началъ уклоняться, по примѣру своего предшественника, отъ признанія своей ленной зависимости и отъ выполненія прочихъ условій торнскаго договора. Еще братъ его, Казиміръ, на піотрковскомъ сеймѣ (1512) призналъ ленную зависимость ордена, за что въ свою очередь орденъ освобождался отъ обязанности принимать въ число рыцарей поляковъ.

Рѣшено было назначить ему удѣлъ въ Подоліи, а магистру выплачивать ежегодно по 2,000 червонцевъ. Но Альбертъ не согласился на эти условія и наущаемый императоромъ, старался всевозможными увертками, происками и хитростями освободиться отъ ленной присяги. Сигизмундъ, занятый другими дѣлами, ограничивался частыми напоминаніями, но они оставались безуспѣшны.

Послѣ вѣнскаго съѣзда, магистръ, потерявъ надежду на помощь императора, вступилъ въ переговоры съ царемъ, отъ котораго требовалъ значительныхъ денежныхъ субсидій, на все время веденія общей войны противъ Польши. Василій весьма охотно согласился на эти требованія, съ условіемъ однако, чтобы магистръ сперва самъ открылъ военныя дѣйствія, овладѣніемъ Данцига, Торуня и Эльбинга. Выполнить подобное условіе было невозможно, не смотря на искреннее желаніе Альберта, что однакоже не препятствовало постояннымъ взаимнымъ соглашеніямъ между этими двумя непріятелями Сигизмунда.

Война съ Россіею, веденная съ обѣихъ сторонъ одинаково нерѣшительно, не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что по временамъ совершались набѣги на непріятельскія земли. Обѣимъ сторонамъ случалось наносить незначительное пораженіе, а порою одерживать верхъ, но опустошеніе и грабежъ были, обыкновенно, единственною цѣлью такихъ экспедицій. Правда, король

желалъ (1517) предпринять болѣе рѣшительныя дѣйствія и собралъ даже многочисленное войско, которое должно было овладѣть Псковомъ, но и это предпріятіе кончилось лишь опустошеніемъ сосѣднихъ земель, а польское войско потерпѣло даже значительное пораженіе при попыткѣ взять Опочку (Псков. губерніи). Вернувшись изъ Литвы въ Краковъ (1 янв. 1518), Сигизмундъ собралъ сеймъ, чтобы обсудить наиболѣе дѣйствительныя мѣры для защиты противъ татаръ. Рѣшено было, что поголовнаго ополченія не достаточно для отраженія такого рода нашествій и что, къ тому же, оно причиняетъ болѣе вреда собственному краю, нежели врагамъ. Поэтому признано полезнымъ собрать подать на постоянное содержаніе извѣстной части наемнаго войска для защиты Подоліи и поддержки валахскаго воеводы Богдана. Вскорѣ послѣ этого (весною), Сигизмундъ женился на герцогинѣ миланской, Бонѣ Сфорца. Въ бытность его въ Краковѣ, высланное царемъ войско обложило Полоцкъ, но Янъ Боратынскій нечаянно напалъ на него и разбилъ на-голову. Также удачна была встрѣча польскаго войска съ татарами въ Молдавіи, гдѣ, вмѣстѣ съ Богданомъ, поляки разбили непріятеля послѣ жаркой битвы.

Смерть Максимиліана (1519) прервала переговоры съ царемъ, который началъ теперь воевать съ гораздо большею настойчивостью. Склонивъ, съ одной стороны Менгли-Гирея къ нашествію на коронныя владѣнія, онъ съ другой стороны, снабдилъ прусскаго магистра деньгами, для вооруженія войска. Такимъ образомъ, когда 40,000 татаръ вторгнулось въ южную Русь и Подолію, и, собравъ огромную дань съ края, возвращались съ добычею и плѣнниками въ степи, Константинъ Острогскій сталъ на пути ихъ слѣдованія, подъ Сокаломъ съ 5,000 воиновъ, гдѣ намѣревался выждать прибытія другихъ отрядовъ. Но нетерпѣніе солдатъ, упрекавшихъ въ недостаткѣ храбрости вождя, который желалъ отсрочить битву, повело къ тому, что пришлось сражаться на невыгодномъ мѣстѣ (2 авг.). Храбро бились поляки, но, не смотря на то, подавленные силою оружія, они потерпѣли пораженіе. Послѣ кровавой побѣды, татары поспѣшили оставить коронныя владѣнія. Въ то же время

50,000 русскихъ вторгнулись въ предѣлы Литвы, и опустошали ее огнемъ и мечемъ почти до Вильно. Литовское войско бросилось въ погоню за уходящимъ врагомъ, а напавъ на тыльный его отрядъ, разбило его и отняло значительную часть добычи.

Прусскій магистръ, дѣйствовавшій сообща съ Василіемъ, принялся дѣятельно вооружаться. Всѣ замки и города были снабжаемы оружіемъ, продовольствіемъ и другими военными запасами, а въ Германіи нанимались вооруженные отряды. Кромѣ того работали агенты въ польской Пруссіи, особенно въ большихъ городахъ, съ цѣлію произвесть въ тамошнемъ населеніи возстаніе въ пользу ордена. Обо всемъ этомъ Сигизмундъ (подъ-осень) получилъ донесенія отъ данцигскаго магистрата, съ просьбою принять, какъ можно скорѣе, должныя мѣры для предупрежденія грозившей опасности. Король не медлилъ ни минуты и, явившись въ Торнъ (въ концѣ нояб.), созвалъ общій сеймъ, на которомъ сословія коронныхъ и прусскихъ земель положили объявить ордену войну и согласились на сборъ податей для ея веденія. Всѣ заготовки и вооруженія совершались съ такою быстротою, что еще предъ Рождествомъ Христовымъ можно было выслать во владѣнія ордена 10,000 наемнаго войска, подъ начальствомъ Николая Фирлея. Этого войска, вмѣстѣ съ поголовнымъ ополченіемъ воеводствъ прусскихъ и прилежащихъ къ нимъ великопольскихъ, а также съ войскомъ, выставленнымъ болѣе значительными городами, было достаточно для пораженія крестоносцевъ. Но прежде чѣмъ оно выступило, магистръ успѣлъ захватить Брунсбергъ въ Варміи и занялъ этотъ важный городъ своими войсками.

Фирлей, вторгнувшись во владѣнія ордена, тотчасъ же занялъ нѣкоторые замки и города, какъ напр. Ольштынъ, Илаву, Домбровно, Прусмаркъ и другіе. Крестоносцы нигдѣ не смѣли принять открытый бой въ полѣ и ограничивались обороною укрѣпленныхъ мѣстъ. Предъ наступленіемъ весны (1520) поляки уже заняли почти всю западную часть владѣній ордена, такъ что даже Квидзинъ и Голландъ принуждены были сдаться, послѣ довольно продолжительной осады. Наконецъ Фирлей достигъ до Кролевца

(Кёнигсберга), и, расположившись у этого города лагеремъ, началъ его обстрѣливать. Въ это время въ Торнъ поочередно пріѣзжали къ королю послы отъ папы, отъ нѣмецкихъ князей и отъ родственниковъ Альберта, съ мирными предложеніями. Но такъ какъ условія, въ особенности предлагаемыя послѣдними, не соотвѣтствовали справедливымъ требованіямъ Сигизмунда, то и переговоры не повели ни къ чему. Самъ магистръ убѣдился наконецъ, что долженъ уступить въ борьбѣ съ Польшею, и что на обѣщанную ему помощь изъ Германіи, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсчитывать. Доведенный до крайности, онъ написалъ къ королю покорное письмо, въ которомъ обѣщалъ быть сговорчивымъ, лишь бы ему было позволено явиться въ Торунь, чтобы лично уладить съ нимъ все дѣло. Коронный совѣтъ выдалъ просимый имъ охранный листъ, и Фирлей заключилъ съ нимъ перемиріе на все время веденія переговоровъ. Альбертъ поспѣшилъ въ Торунь. Не будучи въ состояніи добиться какихъ бы то ни было уступокъ отъ короля, который настаивалъ на безусловномъ выполненіи обязанностей, выговоренныхъ торунскимъ миромъ, онъ готовъ былъ на все согласиться и уже была назначена на слѣдующій день церемонія ленной присяги, какъ вдругъ явился къ нему командоръ съ извѣстіемъ, что моремъ изъ Германіи прибыло 4000 войска и что гораздо болѣе значительныя силы вскорѣ отправятся оттуда сухимъ путемъ на помощь ордену. Оживленный надеждою на поправленіе дѣлъ, Альбертъ просилъ позволенія уѣхать и Сигизмундъ не отказалъ ему въ этомъ. По возвращеніи домой, магистръ сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ, кто только можетъ нести оружіе.

Въ лагерѣ подъ Кролевцомъ, а потомъ въ королевскомъ совѣтѣ возникло разногласіе, относительно дальнѣйшихъ способовъ веденія войны. Одни хотѣли прямо двинуться на Самбію, другіе совѣтовали занять сначала нѣкоторые замки, а потомъ принудить непріятеля къ генеральному сраженію, иные же стояли за осаду Брунсберга. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ и Фирлей получилъ приказаніе тотчасъ же двинуться на Брунсбергъ. Это затянуло убыточную войну, потому что осада крѣпости потребовала много

времени. Впрочемъ битвы не прекращались и въ другихъ мѣстахъ, при чемъ побѣдителями почти всегда оставались поляки, хотя магистру и удалось занять Мельзакъ и Вормитъ въ Вармiи. Въ продолженiе этой войны, король получилъ два весьма радостныя извѣстiя: во первыхъ, что королева родила сына, а во вторыхъ, что Тржебинскiй разсѣялъ 2,000 татаръ, грабившихъ Подолiю. Кромѣ того явились къ нему послы отъ Василiя съ предложенiемъ мирныхъ переговоровъ. Король отправилъ по этому случаю въ Москву полоцкаго воеводу, но такъ какъ царь не соглашался возвратить Смоленска, то и переговоры ничѣмъ не кончились.

Около того времени (въ половинѣ сент.) получены свѣдѣнiя изъ Германiи, что тамъ собирается, на помощь крестоносцамъ, значительное войско. Сперва не вѣрили этимъ извѣстiямъ, такъ какъ они не разъ оказывались ложными. Но болѣе тщательныя справки убѣдили Сигизмунда въ дѣйствительности вооруженiя. Нужно было, слѣдовательно, заранѣе обдумать надлежащiя мѣры. На совѣтѣ сенаторовъ было положено: наемному войску и землевладѣльцамъ прусскихъ воеводствъ продолжать дѣйствiя противъ Альберта, а общему ополченiю коронныхъ земель двинуться частiю противъ идущихъ черезъ Мархiю нѣмецкихъ подкрѣпленiй, частiю же на границу, для обороны ея отъ татаръ. Призванная указами, шляхта должна была собираться въ Венгровцѣ, гдѣ первымъ явился самъ Сигизмундъ (5 окт.). Въ качествѣ посредника прiѣхалъ сюда Фридрихъ, князь лигницкiй, но Сигизмундъ, не устрашась военныхъ приготовленiй въ Германiи, ни-на-волосъ не отступился отъ своихъ требованiй, и потому переговоры прекратились. Тутъ-же пришло объявленiе войны отъ Сигизмунда Шенберга, главнаго предводителя нѣмецкихъ вспомогательныхъ войскъ, что было принято въ коронномъ совѣтѣ со смѣхомъ. Вскорѣ 14 тысячное нѣмецкое войско подступило къ Мендзыржецамъ и овладѣло ими послѣ двухъ-дневной осады. Король, опасаясь нападенiя нѣмцевъ на Познань, усилилъ гарнизонъ города тысячью избранной пѣхоты. Но Шенбергъ взялъ въ лѣво и, вторгнувшись въ поморское воеводство близъ Тучина и Валча, занялъ Камень,

*

Хойницы, Тчевъ и другіе менѣе значительные города. Отъ переправы черезъ Вислу его отбросилъ мальборгскій воевода Косцелецкій. Шенбергъ подступилъ къ Данцигу и даже началъ его обстрѣливать съ епископской горы. Но появился Фирлей, посланный королемъ съ 7,000 избранныхъ всадниковъ, началъ приближаться спѣшившій изъ-подъ Венгерца самъ король съ остаткомъ войска— и нѣмцы были принуждены поспѣшно отступить въ западное Поморье. Это отступленіе, точно также какъ и предъидущія дѣйствія, невѣроятно ослабило ихъ войско и немногіе изъ нихъ вернулись домой. Фирлей безпрепятственно занялъ захваченные города.

Между тѣмъ Альбертъ трижды, и всякій разъ неудачно, пытался взять Гейльсбергъ, который мужественно отстаивалъ Сецигиновскій. Осада Эльбинга точно также ему совершенно не удалась. Въ довершеніе, Сецигиновскій разрушилъ часть Самбіи, а другіе отряды овладѣли многими иными городами. Теперь-то магистръ началъ хлопотать у короля косвенными путями о заключеніи мира или перемирія. Сигизмундъ согласился наконецъ (въ концѣ марта 1521) на четырехлѣтнее перемиріе, въ продолженіе котораго предположено заключить вѣчный миръ. При созваніи послѣдняго всеобщаго ополченія, король обѣщалъ въ Быдгощѣ землевладѣльцамъ, что всякій разъ, передъ общимъ сеймомъ, будутъ созываемы сеймики для обсужденія всего, что должно быть предметомъ сейма. Съ этого момента землевладѣльцы пріобрѣли значительное вліяніе на правительственныя дѣла, а королю приходилось имѣть дѣло не только съ сеймами, но и съ сеймиками всякій разъ, когда поднимался вопросъ о податяхъ, о всеобщемъ ополченіи или же о новыхъ узаконеніяхъ. Частые набѣги татаръ, отъ которыхъ не могло предохранить страну всеобщее ополченіе, требовали изысканія болѣе дѣйствительныхъ мѣръ обороны. Опасность даже увеличилась, когда преемникъ Менгли-Гирея, Могаметъ-Гирей, усилилъ свое могущество завоеваніемъ Казани и опустошеніемъ русскихъ земель. Поэтому, созывая сеймъ въ Піотрковѣ (1522), король, предварительно, черезъ своихъ посланцевъ или коммисаровъ, предложилъ это важное дѣло на обсужденіе сейми-

камъ, съ тѣмъ чтобы они дали своимъ депутатамъ полномочія, сообразныя съ важностію самаго вопроса. Почти во всей Малопольшѣ землевадѣльцы вполнѣ согласились съ столь справедливымъ требованіемъ. Но великополяне, разстроили первый сеймикъ въ Шродзѣ и будучи созваны на новый, дали своимъ посламъ на этотъ счетъ лишь полномочіе, обусловленное извѣстными требованіями и потому сеймъ былъ бурный. Депутаты землевладѣльцевъ не хотѣвшіе приступить къ дѣлу, пока король не дастъ имъ обѣщанія, что всякія злоупотребленія будутъ устранены, подали длинный списокъ своимъ жалобамъ и требованіямъ. Сигизмундъ обѣщалъ, послѣ совѣщанія съ сенатомъ, что злоупотребленія, которыя нельзя было оправдать никакими мѣрами, будутъ прекращены немедля. Только тогда согласились депутаты утвердить подать, для содержанія въ южной Руси 4,000 наемнаго войска. Эта мѣра, равно какъ и смерть Могаметъ-Гирея, убитаго въ неудачной экспедиціи противъ заволжскихъ татаръ (1523), были причиною что Подолія и южная Русь вздохнули нѣсколько свободнѣе. Новый ханъ Седемъ-Гирей заключилъ даже съ Сигизмундомъ союзъ, но не далѣе какъ черезъ годъ (1524), на южную Русь дѣлали набѣгъ, сперва турки, вмѣстѣ съ татарами, и опустошили часть этого края, потомъ снова 40,000 татаръ. Расположившись подъ Мосцисками, они разсыпались по разнымъ направленіямъ. Король повелѣлъ созвать всеобщее ополченіе изъ Малопольши, а самъ поспѣшилъ въ Сандомиръ, назначенный сборнымъ мѣстомъ. Не смотря на поспѣшные сборы войска, нельзя было догнать татаръ, и они увели съ собою множество плѣнниковъ.

Съ прочими сосѣдями Польша была въ мирныхъ отношеніяхъ. Съ царемъ Василіемъ король заключилъ (1524) пятилѣтнее перемиріе. Имя и правленіе Сигизмунда были такъ уважаемы въ цѣлой Европѣ, что шведы, по изгнаніи жестокаго Христіерна, отправили въ Краковъ торжественное посольство, предложившее ему шведскій престолъ. Сигизмундъ отказался отъ этой короны, подъ предлогомъ отдаленности Швеціи отъ Польши.

Неутомимо занимаясь дѣлами собственнаго государства, Си-

гизмундъ не оставлялъ совѣтами и поддержкою своего молодаго племянника Людовика. Когда сынъ и преемникъ Селима, султанъ Сулейманъ, осадилъ съ многочисленнымъ войскомъ Бѣлградъ, Сигизмундъ послалъ въ помощь племяннику Яна Тарновскаго съ сильнымъ отрядомъ. Правда, пока пришла помощь, турки успѣли занять Бѣлградъ, но прибытіе поляковъ остановило ихъ дальнѣйшіе успѣхи. Понимая однако, что предоставленные самимъ себѣ, венгерцы не въ состояніи дать отпоръ турецкимъ войскамъ, Сигизмундъ началъ склонять Людовика къ заключенію мира съ султаномъ. Венгерцы, вѣроятно, вспоминая свои славные подвиги во дни короля Матвѣя, пренебрегли благоразумнымъ совѣтомъ и ко всему этому еще оскорбили турецкихъ пословъ, которые предлагали довольно невыгодныя мирныя условія. Посламъ обрѣзали носы и уши и отправили къ султану. Къ такой дерзости венгерцевъ подстрекали громкія обѣщанія папы и венеціанцевъ, которые прислали значительныя суммы денегъ на военныя издержки. Но венгерскіе магнаты разобрали деньги по рукамъ и не думали принимать надлежащихъ мѣръ къ оборонѣ, хотя извѣстно было, что султанъ, раздраженный оскорбленіемъ своего посольства, уже готовился къ мести.

Послѣ Богдана бразды правленія въ Молдавіи принялъ Стефанъ, который, тотчасъ же, отправилъ къ Сигизмунду пословъ, съ предложеніемъ желанія сохранить прежнія отношенія къ королю и правительству. Онъ просилъ также, чтобы пограничнымъ польскимъ старостамъ было приказано не дозволять королевскимъ подданнымъ дѣлать набѣги и опустошать его страну. Кромѣ того онъ хотѣлъ, чтобы былъ дозволенъ свободный пропускъ посламъ, которыхъ намѣревался отправить въ Москву, въ чемъ однакоже король ему отказалъ, согласившись, въ то же время, на остальныя требованія посольства.

Религіозная реформа и потрясенія, произведенныя Мартиномъ Лютеромъ въ Германіи, отозвались и въ Польшѣ, особенно же въ Пруссіи, населенной по большей части нѣмцами. Во всѣхъ городахъ сторонники или посланцы Лютера, начали возставать про-

тивъ злоупотребленій и, какъ они ихъ называли, предразсудковъ церкви. Безразсудная нетерпимость ихъ подвергла гоненію почти всѣхъ не-католиковъ. Послѣдователи новой религіи, не останавливались на свободѣ совѣсти, вездѣ, гдѣ только они были сильнѣе, угнетали противную сторону и даже силою заставляли нѣкоторыхъ принимать свои убѣжденія. Въ той части Пруссіи, которая принадлежала крестоносцамъ, новое ученіе могло тѣмъ удобнѣе распространяться, что въ лицѣ померанскаго епископа оно нашло себѣ ревностнаго защитника. Священники и монахи начали вступать въ бракъ, а самъ магистръ Альбертъ, по недостатку средствъ, скитаясь по Германіи, задумалъ, подъ вліяніемъ ученія Лютера, объ оставленіи духовнаго званія и образованіи изъ владѣній крестоносцевъ наслѣдственнаго герцогства, на что ему нужно было предварительно испросить согласіе Сигизмунда. При посредничествѣ родственниковъ, ему удалось уговорить короля. Послѣ долгихъ переговоровъ, было рѣшено, что Альбертъ съ своимъ потомствомъ, а также съ потомствомъ своихъ братьевъ по мужской линіи, получитъ прусскія владѣнія крестоносцевъ, въ видѣ лена, который, по пресѣченіи этого потомства, перейдетъ въ непосредственное владѣніе Польши, съ тѣмъ однакоже условіемъ, что жители сохранятъ, во всей ненарушимости, свои права и льготы. Герцогъ же, съ своей стороны, долженъ былъ выставлять королю, при каждой войнѣ, по 100 копейщиковъ. Затѣмъ Альбертъ совершилъ (10 апр. 1525) публично въ Краковѣ, на рыночной площади, обрядъ признанія своей ленной зависимости отъ Сигизмунда и принялъ присягу на вѣрность ему, какъ первый прусскій герцогъ.

Этотъ поступокъ возбудилъ въ католической Европѣ много шуму противъ Сигизмунда, тѣмъ болѣе, что до того времени его поведеніе въ дѣлахъ новаго ученія не свидѣтельствовало, чтобы онъ ему особенно сочувствовалъ. Напротивъ того, самъ онъ издавалъ грозные приказы и распоряженія противъ лютеранской пропаганды. Согласившись на переименованіе владѣній крестоносцевъ въ ленное герцогство, онъ сдѣлалъ это исключительно изъ поли-

тическихъ видовъ, а не изъ религіознаго убѣжденія или привязанности къ племяннику. Отказавъ Альберту, онъ рисковалъ утратою западной Пруссіи, гдѣ, особенно въ городахъ, новое ученіе, пустило уже глубокіе корни и гдѣ, затѣмъ, въ случаѣ войны, Альбертъ встрѣтилъ бы сильную поддержку и многихъ приверженцевъ. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, заставило Сигизмунда согласиться на просьбу племянника.

И въ самомъ дѣлѣ новое ученіе распространилось въ Пруссіи съ необыкновенною быстротою. Въ Эльбингѣ, Торнѣ, Брунсбергѣ, Данцигѣ и даже въ менѣе значительныхъ прусскихъ городахъ, лютеранскіе проповѣдники дѣйствовали и учили все съ большею и большею смѣлостію. Въ Данцигѣ дѣло кончилось возмущеніемъ (22 янв. 1525). Народъ принудилъ всѣхъ католическихъ ратмановъ и начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ отказаться отъ своихъ должностей, а на ихъ мѣсто назначилъ поборниковъ новаго ученія, должность же главнаго бургомистра была передана въ руки нѣкоего Шольца. Отставленные отъ должностей члены магистрата, вмѣстѣ съ духовенствомъ, представили Сигизмунду жалобу, и нашли сильную поддержку въ коронномъ сенатѣ, значительная часть котораго состояла изъ епископовъ, и не могла равнодушно смотрѣть на успѣхи новаго ученія. Вслѣдъ затѣмъ явилось посольство новаго магистрата и всей волости, заявило королю о неизмѣнной вѣрности города, и принесло оправданія въ совершенномъ поступкѣ. Сигизмундъ, не желая усугубить зло, отложилъ рѣшеніе дѣла объявивъ, что самъ пріѣдетъ въ Пруссію и разберетъ этотъ споръ. Въ сущности онъ желалъ разрѣшить религіозный вопросъ на коронномъ сеймѣ; но городъ, основываясь на точномъ смыслѣ своихъ привиллегій, не удовлетворился назначеннымъ срокомъ и новое его посольство прибыло въ Краковъ. Сигизмундъ задержалъ пословъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что собирается дать имъ рѣшительный отвѣтъ, и искусно откладывалъ его до тѣхъ поръ, пока не былъ въ состояніи отправиться въ Пруссію. Покончивъ съ сеймомъ въ Піотрковѣ (янв. 1526), онъ поѣхалъ (19 февр.) въ Пруссію; въ Мальборгѣ вошелъ въ соглашеніе съ Бишофомъ, пользовав-

шимся значительнымъ вліяніемъ въ Данцигѣ и по его совѣту, въ разговорѣ съ Шольцомъ, притворился будто бы намѣренъ покончить все дѣло мирнымъ образомъ. Приглашенный въ Данцигъ, онъ въѣхалъ (17 апр.) въ городъ во главѣ большой свиты. Вскорѣ пріѣхалъ Барнимъ, герцогъ поморскій и Альбертъ, новый герцогъ прусскій, съ вооруженною стражею, и тогдато король снялъ маску — приказалъ схватить Шольца и 70 другихъ зачинщиковъ прошлогодняго мятежа и отдать ихъ подъ судъ. Нѣсколько человѣкъ были приговорены къ смерти, остальные къ изгнанію, костелы возвращены католическимъ духовнымъ, а отставленнымъ совѣтникамъ и чиновникамъ возвращены прежнія мѣста. Кромѣ того Сигизмундъ издалъ постановленіе, заключавшее въ себѣ много статей о соблюденіи въ городѣ порядка и спокойствія, и запретилъ, подъ опасеніемъ строжайшихъ наказаній, распространеніе книгъ новаго ученія. Но, чтобы показать городу, что, не смотря на строгость, онъ питаетъ къ нему и благосклонныя чувства, король подтвердилъ всѣ его привиллегіи и права и кромѣ того далъ ему гильдію. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Пруссіи, король отправился, въ августѣ, въ Мазовію, которую по смерти Януша, послѣдняго потомка Конрада I въ мужской линіи, онъ окончательно присоединилъ къ королевству.

Въ бытность Сигизмунда въ Данцигѣ, Сулейманъ съ многочисленнымъ войскомъ поднялся на Венгрію. Но сообразивъ, что король непремѣнно подастъ помощь племяннику, онъ приказалъ татарамъ произвести набѣгъ на коронныя земли, и такимъ образомъ занять его дѣлами собственнаго государства. Сигизмундъ дѣйствительно былъ принужденъ поспѣшно выслать противъ татаръ приготовленные имъ для Людовика вспомогательные полки, а въ Венгрію отправилъ только отрядъ охотниковъ подъ предводительствомъ Гноинскаго, человѣка весьма искуснаго въ военномъ дѣлѣ. Онъ совѣтовалъ Людовику принять во вниманіе незначительность собственныхъ силъ и не нападать на турецкій лагерь подъ Могачемъ, но наоборотъ, завлекая непріятеля внутрь страны, сразиться съ нимъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ и не прежде, какъ

подойдутъ обѣщанные ему вспомогательные отряды. Но Людовикъ, уступая настойчивости венгерцевъ, пренебрегъ благоразумнымъ совѣтомъ, что и было причиною несчастной битвы подъ Могачемъ (29 авг.), въ которой самъ онъ былъ убитъ. Смерть молодаго короля породила въ Венгріи много тяжкихъ смутъ, а Сулейманъ, достигнувъ до Буды, которая ему покорилась, вернулся назадъ. О венгерской коронѣ возникъ споръ между Яномъ Заполіею, свойственникомъ Сигизмунда и Фердинандомъ ракузскимъ, женатымъ на Аннѣ, дочери Владислава. Тотчасъ по смерти Людовика, Заполія такъ ловко повелъ свои дѣла, что былъ провозглашенъ королемъ, и послѣ коронованія принялъ управленіе Венгріею. Фердинандъ, съ своей стороны, утвердившись въ Богеміи, собиралъ войско, чтобы овладѣть Венгріею. Напрасно оба претендента взывали къ Сигизмунду о помощи: король объявилъ, что вовсе не намѣренъ поддерживать споровъ и войнъ между христіанами, тогда какъ слѣдуетъ помышлять о томъ, чтобы, общими силами, остановить возрастающее могущество турокъ. Придерживаясь строгаго нейтралитета, онъ желалъ примирить соперниковъ. Въ скоромъ времени, побѣжденный Заполія былъ принужденъ удалиться изъ Венгріи въ Польшу, гдѣ нашелъ убѣжище у Яна Тарновскаго.

По смерти Могаметъ-Гирея, между татарами возникли несогласія. Такимъ образомъ, когда ордою началъ управлять Осламъ, Седемъ-Гирей выпросилъ себѣ у Сулеймана титулъ хана и, побѣдивши Ослама, принудилъ его вмѣстѣ съ своими сторонниками, искать убѣжища въ Польшѣ. Сигизмундъ позволилъ изгнанникамъ поселиться въ приднѣпровскихъ степяхъ. Раздраженный Седемъ-Гирей произвелъ за это набѣгъ на польскую и литовскую Русь, въ самое время войны Сулеймана съ Венгріею, а затѣмъ въ пору сильныхъ морозовъ (въ началѣ 1527) выслалъ 26,000 въ пинскую землю, которая потерпѣла страшное опустошеніе. Татары, отягченные добычею и забравъ съ собою 40,000 плѣнныхъ, были уже у Канева, какъ вдругъ, на разсвѣтѣ, внезапно напалъ на татарскій лагерь Константинъ Острогскій и истребилъ ихъ почти поголовно. Эта побѣда смирила на нѣкоторое время татарскія

полчища. Вскорѣ послѣ того продолжено перемиріе съ Россіею еще на пять лѣтъ, чѣмъ Сигизмундъ болѣе или менѣе обезпечилъ восточныя области своего государства. Правда, съ татарами происходили на границѣ постоянныя стычки, но такъ какъ Евстафій Дашкевичъ, Язловицкій и другіе давали имъ мужественный отпоръ и, даже (въ 1528), сами загнали ихъ до Очакова, то южная и западная Русь могли временно отдохнуть. Чтобы еще болѣе обезпечить тотъ край, Сигизмундъ склонилъ на піотрковскомъ сеймѣ (1529) всѣ сословія, назначить денежныя средства для содержанія 4,000 наемнаго войска, которое держало бы въ страхѣ татаръ.

Между тѣмъ Заполія пріобрѣлъ себѣ въ Венгріи много сторонниковъ, въ лицѣ недовольныхъ Фердинандомъ магнатовъ, и, при помощи ихъ, снова рѣшился начать борьбу. Но убѣдившись, что ему не осилить противника, онъ обратился за помощью къ Сулейману. Она и была ему дана, но только подъ унизительнымъ условіемъ признать верховную власть султана, съ платою ему ежегодной дани. Сулейманъ двинулся въ Венгрію съ огромнымъ войскомъ, занялъ, кромѣ другихъ городовъ, Буду, ввелъ туда Заполію въ качествѣ короля, и, затѣмъ, направился къ Вѣнѣ, которую безуспѣшно осаждалъ въ продолженіе слишкомъ мѣсяца. Его отступленіе, успокоило враждовавшихъ, въ то время на западѣ христіанъ, но появленіе многочисленныхъ турецкихъ войскъ въ срединѣ Европы, должно было всѣхъ убѣдить въ томъ, какъ велика могла быть опасность, грозящая съ востока. Всегда дальновидный, Сигизмундъ не вмѣшивался въ венгерскія междоусобія, тѣмъ болѣе, что въ то время былъ занятъ утвержденіемъ собственнаго престола за своимъ восьмилѣтнимъ сыномъ. Отправившись съ нимъ и съ Боною въ Литву, онъ склонилъ литовцевъ къ превозглашенію его великимъ княземъ, а въ то же время (18 окт. 1529) сеймъ въ Піотрковѣ объявилъ Сигизмунда-Августа наслѣдникомъ престола, съ тѣмъ однако условіемъ, что, при жизни отца, онъ не долженъ вмѣшиваться въ правительственныя распоряженія, и, кромѣ того, что, тотчасъ по наступленіи совершеннолѣтія, обязанъ утвер-

дить всѣ дарованныя жителямъ права и привиллегіи. Послѣ такого уговора, приступлено было къ коронаціи въ Краковѣ (20 февр. 1530). Признаніе престолонаслѣдія ни въ чемъ не нарушало основаній избирательнаго принципа, а между тѣмъ освободило жителей отъ безпокойствъ, сопряженныхъ съ каждымъ междуцарствіемъ.

Въ то время, какъ король усиленно старался удержать мирныя сношенія со всѣми своими сосѣдями и, даже, съ султаномъ Сулейманомъ, неожиданно взялся за оружіе Петръ, воевода молдавскій, основываясь на какихъ-то древнихъ правахъ господарей на Покуцѣ. Онъ вторгнулся въ эту землю безъ предварительнаго объявленія войны и занялъ ее своими войсками. Янъ Тарновскій выслалъ 1200 ч. наемнаго войска, которое, разбивъ молдаванъ, въ нѣсколькихъ битвахъ, выгнало ихъ изъ Покуцья. Вскорѣ прибылъ самъ Тарновскій съ остальною частью наемныхъ войскъ и, неожиданно, напавъ, подъ Гвоздцомъ, на шеститысячный отрядъ молдаванъ, взялъ этотъ замокъ. На возвратномъ пути, онъ расположился подъ Обертыномъ, и тутъ его настигъ Петръ съ 22,000 ч. и 50 пушками. У Тарновскаго было всего, пѣхоты и конницы, только 4,000 ч., и, не смотря на то, онъ не хотѣлъ бросить свои пушки и обозъ и бѣжать за Днѣстръ, какъ нѣкоторые ему совѣтовали, но, воодушевивъ свое войско, рѣшился принять битву съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, выжидая его въ укрѣпленномъ лагерѣ. Петръ окружилъ со всѣхъ сторонъ поляковъ (22 авг.) и приказалъ брать лагерь приступомъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ кровопролитнаго боя, молдаване отступили. Тарновскій воспользовавшись этимъ, перешелъ въ наступленіе, и, послѣ непродолжительнаго дѣла, одержалъ надъ ними совершенную побѣду. Все войско Петра бросилось въ разсыпную, а лагерь, пушки и всевозможные военные запасы достались въ руки поляковъ, кромѣ множества плѣнныхъ и знаменъ, отбитыхъ во время боя и при преслѣдованіи. Петръ, не отчаяваясь послѣ этого пораженія, снова вооружился, но высланные для опустошенія его владѣній польскіе отряды принудили его, наконецъ, прибѣгнуть, при посредничествѣ

Заполія, къ мирнымъ переговорамъ. Сигизмунду было не безъизвѣстно, что Петръ разсчитывалъ, преимущественно, на поддержку со стороны своего владыки, Сулеймана, и потому онъ ему отказалъ. Въ отвѣтъ на турецкое посольство онъ отправилъ къ султану Виламовскаго съ извѣстіемъ объ обертынской побѣдѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ просьбою запретить Петру, какъ леннику султана, дѣлать набѣги на польскія владѣнія. Сулейманъ, желая сохранить дружественныя сношенія съ Сигизмундомъ, предложилъ воеводѣ заключить съ Польшею миръ, а впослѣдствіи, послѣ новаго набѣга на Ракузу (1532), запретилъ и ему и татарамъ вторгаться въ польскія владѣнія.

Не смотря на благоразумныя мѣры Сигизмунда, государство не избавилось отъ внутреннихъ потрясеній, причина которыхъ заключалась, главнѣйшимъ образомъ, въ разныхъ злоупотребленіяхъ. Землевладѣльцы порицали малѣйшее отступленіе отъ правилъ въ совѣтѣ, въ судопроизводствѣ, при раздачѣ чиновъ и званій, а король, напротивъ того, охранялъ цѣлость и неограниченность своей власти. Особенное вліяніе Боны, проникнутой началами итальянской системы управленія, оказывалось довольно вреднымъ для хода общественныхъ дѣлъ въ Польшѣ. Недовольство усиливалось съ каждымъ днемъ и хотя Сигизмундъ, при помощи многочисленныхъ приверженцевъ, противодѣйствовалъ его проявленію въ обширныхъ размѣрахъ, но мало по малу собиралась буря. Землевладѣльцамъ стало въ тягость, наконецъ, платить собираемыя ежегодно подати, когда они увидѣли, что большая половина этихъ податей переходитъ въ частную казну королевы. Злоупотребленія многочисленныхъ приверженцевъ двора, старостъ, даже, судей и почти явная продажа должностей, давали совершенно основательный поводъ къ жалобамъ на несправедливость правленія, подчиненнаго Бонѣ. Первое наиболѣе ясное обнаруженіе этого недовольства выразилось на піотрковскомъ сеймѣ (1533), на который изъ Великопольши никто не пріѣхалъ. Вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ, ничѣмъ не кончился провинціальный съѣздъ: депутаты сандомирскіе, ленчицкіе и кулвскіе, съ своей стороны, положительно объя-

вили на сеймѣ, что, за отсутствіемъ великополянъ, не могутъ ни къ чему приступить. Хотя, не смотря на это, девять другихъ воеводствъ согласились на предложеніе короны, а именно на новую подать, но король, все-таки, долженъ былъ, послѣ государственнаго совѣта, созвать провинціальные сеймики въ Корчинѣ и Коло, гдѣ, правда, подтверждены были рѣшенія сейма, но съ тѣмъ лишь условіемъ, что всякія притѣсненія должны немедленно прекратиться. На піотрковскій сеймъ явилось посольство отъ татарскаго хана Ослама съ выраженіемъ дружбы и съ требованіемъ ежегодныхъ подарковъ, которыми онъ могъ-бы успокоить алчность своихъ подданныхъ и, такимъ образомъ, отвлечь ихъ отъ опустошительныхъ набѣговъ на Польшу. Евстафій Дашкевичъ, черкасскій староста, также присутствовавшій на сеймѣ, предлагалъ болѣе дѣйствительныя мѣры для предупрежденія татарскихъ наѣздовъ. Онъ совѣтовалъ укрѣпить острова по Днѣпру и занять ихъ 2,000 пѣхоты, снабженной достаточнымъ количествомъ лодокъ, а по берегамъ рѣки расположить нѣсколько сотъ человѣкъ конницы. Король одобрилъ предложенный планъ, но выполненіе его стали откладывать и дѣло кончилось ничѣмъ.

Такъ какъ срокъ пятилѣтняго перемирія съ царемъ Василіемъ приближался къ концу, то король отправился въ Вильно, чтобы заключеніемъ постояннаго мира, обезпечить литовскія владѣнія отъ нападеній со стороны русскихъ. Посольство, немедленно отправленное въ Москву, начало переговоры. Но какъ Василій не соглашался съ главнымъ требованіемъ Сигизмунда возвратить Смоленскъ, то война снова возгорѣлась. По возвращеніи пословъ, король выговорилъ у литовцевъ сборъ значительной подати на наемъ войска, а въ тоже время его союзникъ, татарскій ханъ Осламъ, напалъ на владѣнія Василія съ 30,000 и, разбивши на Окѣ его войско, ограбилъ и опустошилъ русскую землю. Сообщая объ этомъ королю, Осламъ просилъ немедленной высылки обѣщанныхъ подарковъ. Король не могъ тотчасъ же удовлетворить этой просьбы, а поздняя высылка до того раздражила татаръ, что, перейдя Днѣпръ и Тавань, они уже были готовы вторгнуться съ огром-

ными полчищами въ предѣлы Польши и Литвы и только пріѣздъ пословъ съ деньгами склонилъ ихъ къ отступленію. Смерть царя Василія (въ началѣ зимы 1533) повела за собою затрудненія въ русскомъ государствѣ. По завѣщанію отца Іоаннъ долженъ былъ находиться подъ опекою матери и бояръ до 15-лѣтняго возраста. Елена (Глинская) правила государствомъ съ небольшимъ 4 года, опираясь на государственную думу, состоявшую изъ братьевъ Васильевыхъ и 20 знатнѣйшихъ вельможъ, въ числѣ коихъ, кромѣ Бѣльскихъ и Шуйскихъ и др. были и Глинскіе. Елена продолжала войну съ Сигизмундомъ, хотѣвшимъ возвратить утраченныя области и принудила его къ 5-лѣтнему перемирію, уступивъ одинъ Гомель и удержавъ крѣпости Себежъ и Заволочье.

Въ 1535 году во время сильныхъ морозовъ (1535) вторглись въ Литву три русскихъ отряда, подъ начальствомъ Овчины Телепнева-Оболенскаго и остановились въ 18 миляхъ отъ Вильно. Сигизмундъ призвалъ къ оружію литовское войско, но прежде нежели оно собралось, непріятель уже отступилъ за границу. Нужно было прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ, чтобы принудить русскихъ къ миру. Король привелъ изъ Польши 7 тысячный отрядъ подъ начальствомъ короннаго гетмана Яна Тарновскаго и Андрея изъ Гурки, каштеляна калишскаго, которые, соединившись съ войскомъ литовскимъ, состоявшимъ подъ предводительствомъ виленскаго воеводы Радзивила, взяли (лѣтомъ) Гомель, въ сѣверской землѣ, послѣ чего подступили къ Стародубу, гдѣ заперся Овчина. Крѣпость защищалась упорно, но наконецъ пришлось уступить силѣ. Тарновскій велѣлъ вырѣзать часть плѣнниковъ *).

---

*) Авторъ не прослѣдилъ здѣсь до конца русско-литовской борьбы. Успѣхъ не былъ безусловно на сторонѣ поляковъ. Весь перевѣсъ пріобрѣтенный ими, благодаря наемнымъ иностраннымъ ратникамъ, пушкарямъ, пищальникамъ и подкопщикамъ былъ, почти вполнѣ, парализованъ дѣйствіями московскихъ воеводъ. И такъ Бутурлинъ, успѣлъ построить и укрѣпить новый городъ Себежъ. Всѣ усилія литовцевъ взять этотъ городъ остались тщетными, и, даже, русскіе, сдѣлавъ вылазку, нанесли чувствительное пораженіе литовцамъ, подъ которыми подломился ледъ на озерѣ. «Послѣ этого успѣха, говоритъ Соловьевъ въ своей

По случаю войны съ Россіею, Сигизмундъ почти постоянно жилъ въ Литвѣ и только изрѣдка и не надолго заглядывалъ въ свое королевство, такъ что даже сеймы происходили въ его отсутствіе. Піотрковскій сеймъ (янв. 1534) былъ весьма буренъ. Землевладѣльцы подняли вопросы о произволѣ, о лихоимствѣ и насиліи старостъ, о небрежномъ воспитаніи Сигизмунда-Августа, объ изгнаніи землевладѣльцевъ изъ ихъ родовыхъ имѣній и о многихъ другихъ злоупотребленіяхъ мѣстныхъ властей. Правда, и на этомъ сеймѣ утвержденъ сборъ значительной подати, но въ тоже время найдены полезными нѣкоторыя противодѣйствующія вышеупомянутымъ злоупотребленіямъ постановленія, проектъ которыхъ былъ препровожденъ на утвержденіе короля. Подать назначалась для обороны границъ Польши противъ татаръ и воеводы Петра, который, постоянно нарушая мирные договоры, тайно вступалъ въ сношенія со всѣми врагами Польши. Когда собрался снова, въ отсутствіе Сигизмунда сеймъ (25 нояб. 1535) въ Піотрковѣ, дѣло дошло до такихъ шумныхъ преній, что ихъ не могло прекратить даже чтеніе королевскаго указа на счетъ статей январскаго сейма. Депутаты землевладѣльцевъ рѣшительно требовали, чтобы установленія короны были приведены въ исполненіе и чтобы города, ордена и монастыри, до принятія Сигизмундомъ-Августомъ присяги относительно коронныхъ правъ, предъявили на первомъ предстоящемъ сеймѣ, дарованныя имъ права и привиллегіи, изъ которыхъ намѣревались исключить все то, что было несогласно съ закономъ. Что же касается до податей, которыя король употреблялъ преимущественно на веденіе войны съ Россіей, то коронные землевладѣльцы не хотѣли ихъ утвердить, такъ какъ эта война

«Исторіи Россіи» московскіе воеводы ходили воевать литовскую землю подъ Любечъ, сожгли посадъ Витебска, много волостей и селъ повоевали, много людей въ плѣнъ побрали, много богатства у литовскихъ людей взяли и пришли домой всѣ цѣлы и здоровы. Кромѣ Себежа, построены были на литовскомъ рубежѣ Заволочье въ Ржевскомъ и Велижъ въ Торопецкомъ уѣздахъ. Стародубъ и Почепъ, покинутые литовцами были возобновлены». (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ — Соловьева Томъ VI стр. 17 — 18).

Примѣч. перевод.

затрогиваетъ интересы собственно Литвы, а не Польши. Вмѣсто того былъ одобренъ сборъ повсемѣстнаго ополченія на случай, если бы того потребовала защита края. Сигизмундъ нуждался не въ ополченіи, а въ деньгахъ, которыя старался пріобрѣсти отъ сейма, устрашая его войною съ Петромъ. Сейму было это извѣстно и онъ согласился на всеобщее ополченіе, чтобы вынудить утвержденіе другихъ предложенныхъ статей. Король напелся и тутъ. Разославъ (5 янв. 1536) двойные указы, онъ повелѣлъ землевладѣльцамъ быть въ готовности выступить вооруженными по третьему призыву, куда будетъ указано. Послѣдній призывъ былъ объявленъ (6 март.), а сборнымъ пунктомъ назначены Глиняны. Это была чистѣйшая комедія, такъ какъ никакой неприятель не угрожалъ въ то время границамъ рѣчипосполитой, а созваніе всеобщаго ополченія должно было только принудить землевладѣльцевъ согласиться на сборъ подати вмѣсто ополченія, снаряженіе котораго вовлекало ихъ въ гораздо большіе расходы. По порученію Сигизмунда, сенаторы подговаривали въ воеводствахъ шляхту, чтобы она просила о такой замѣнѣ. Послѣ обнародованія первыхъ двухъ указовъ часть шляхты согласилась на это, а третьимъ указомъ король, до сзыва всеобщаго ополченія, созвалъ генеральные сеймики въ Коло и Корчинѣ, гдѣ дѣйствительно рѣшено замѣнить ополченіе налогами — поземельнымъ и съ напитковъ. Сигизмундъ добился таки своего, но раздраженіе умовъ не только не утихло, но, на оборотъ, даже усилилось. Король, проживавшій все время въ Литвѣ, права и привиллегіи которой были уже публично подтверждены присягою Сигизмунда-Августа (28 апр.), чтобы отвести во время бурю, положилъ созвать коронный сеймъ въ Краковъ (1 нояб.). Вслѣдствіе безуспѣшныхъ переговоровъ съ Россіею и съ валахскимъ воеводою Петромъ, онъ до такой степени опоздалъ пріѣздомъ, что сеймъ открылся только (12 нояб.) и продолжался до (2 марта 1537). Въ царствованіе Сигизмунда I еще не бывало такого бурнаго сейма. Депутаты землевладѣльцевъ предложили королю длинный списокъ своихъ жалобъ и притѣсненій, которымъ они подвергаются, положительно требуя ихъ прекращенія, при-

чемъ объявили, что ни къ чему не приступятъ, пока король не удовлетворитъ ихъ требованій.

Упорство Сигизмунда только усилило настойчивость депутатовъ, которые начали даже угрожать, что не допустятъ до присяги молодаго королевича. Сенаторы, приняли на себя обязанность посредниковъ: разобрали, вмѣстѣ съ депутатами землевладѣльцевъ, всѣ спорныя статьи, и затѣмъ поднесли ихъ на утвержденіе короля. Отказъ по нѣкоторымъ статьямъ, имѣлъ послѣдствіемъ то, что почти ни одинъ изъ депутатовъ не присутствовалъ (6 февр.) при церемоніи присяги Сигизмунда-Августа, и сеймъ былъ распущенъ (2 марта). Депутаты, раздраженные въ высшей степени, возвратившись въ воеводства, распространили общее волненіе въ средѣ шляхты. На нѣкоторыхъ сенаторовъ, которые горячо поддерживали всѣ намѣренія двора, появилось много пасквилей. Сигизмундъ грозилъ смертію авторамъ подобныхъ сочиненій, но сочиненія эти, тѣмъ не менѣе, расходились въ публикѣ съ неимовѣрною быстротою.

До разъѣзда сейма было на немъ положено — уполномочить короля созвать всеобщее ополченіе. Сигизмундъ разослалъ первые указы 19 февраля, вторые 8 марта, а третьи тотчасъ послѣ пасхи, предписывая всѣмъ коронньмъ ополченцамъ собраться къ 2 іюля подъ Теребовль, откуда онъ намѣренъ былъ повести ихъ въ Валахію, противъ воеводы Петра, чтобы наказать его за опустошеніе западной Руси и принудить къ миру. Но онъ болѣе любилъ налоги, нежели всеобщее участіе въ ополченіи, а потому передъ отправленіемъ въ походъ, назначилъ сеймики въ воеводствахъ, въ надеждѣ, что землевладѣльцы согласятся, по прошлогоднему, на такого рода замѣну. Но шляхта вездѣ стояла за всеобщее ополченіе, во первыхъ потому, что каждый уже поиздержался на снаряженіе и вооруженіе, а во вторыхъ потому, что было рѣшено въ общемъ собраніи всѣхъ землевладѣльцевъ въ лагерѣ, принудить короля къ измѣненію системы правленія и прекращенію многихъ злоупотребленій и произвола. Король и его приверженцы хорошо поняли, что значитъ это твердое желаніе всеобщаго ополченія и можетъ

быть жалѣли, что сами доставили землевладѣльцамъ такой удобный случай для законнаго собранія на общій совѣтъ. Но такъ какъ нельзя уже было отмѣнить трижды повсюду объявленнаго призыва, то король ограничился изданіемъ строгихъ положеній, касательно соблюденія въ походѣ порядка, а самъ, въ назначенное время, отправился съ сенаторами въ Львовъ, гдѣ уже собиралось со всѣхъ сторонъ всеобщее ополченіе, доходившее до 150,000 человѣкъ. Въ лагерѣ начали толковать обо всѣхъ притѣсненіяхъ и нарушеніяхъ коронныхъ правъ, какъ-то: объ отчужденіи отъ землевладѣльцевъ ихъ родовыхъ имѣній, посредствомъ вновь утвержденной коронной метрики, о взиманіи неположенныхъ пошлинъ, соединеніи нѣсколькихъ разнородныхъ управленій въ однѣхъ рукахъ, введеніи родовыхъ преимуществъ въ сословіе землевладѣльцевъ, о небрежномъ воспитаніи Сигизмунда-Августа, объ отдачѣ духовныхъ мѣстъ иностранцамъ, о пріобрѣтеніи королевой значительныхъ поземельныхъ владѣній и даже старостъ съ городами, о вредномъ ея вліяніи на всѣ правительственныя дѣла и т. п. Кромѣ того обвиняли короля и сенаторовъ въ томъ, что они, не обращая должнаго вниманія на опредѣленія сеймовъ и постоянныя требованія депутатовъ, не приводятъ въ исполненіе постановленій рѣчипосполитой, вопреки законамъ и уставамъ.

Послѣ многихъ совѣщаній, происходившихъ, не смотря на многочисленность собранія, въ большомъ порядкѣ, королю объявлено: что войско не тронется противъ непріятеля, котораго между прочимъ и нѣтъ въ предѣлахъ государства, если не будетъ положенъ конецъ всѣмъ злоупотребленіямъ. Вожаками въ землевладѣльческой партіи были НиколайТашицкій, Петръ и Мартинъ Зборовскіе, Янъ Сѣраковскій и другіе. Отвѣтъ короля не оправдалъ ожиданій войска, и потому рѣшено — обратиться къ посредничеству сенаторовъ и собраться на общій совѣтъ, въ открытомъ полѣ, подъ деревнею Боисками. Выбранные шляхтою депутаты выразили ея желанія смѣло и безъ дальнихъ околичностей, убѣждая сенаторовъ склонить короля къ безотлагательному выполненію ихъ требованій. Краковскій каштелянъ, Янъ Тарновскій,

какъ первый членъ въ сенатѣ, заговорилъ первымъ. Онъ обратилъ вниманіе на гибельныя для страны послѣдствія отъ возбужденія несогласій въ то время, когда слѣдуетъ идти на врага, и утверждалъ что слѣдуетъ отложить все дѣло до ближайшаго сейма, на которомъ, по его мнѣнію, удобнѣе было-бы разрѣшить этотъ вопросъ. Послѣ него долженъ былъ говорить Петръ Кмита, краковскій воевода, но Тарновскій, выведенный изъ терпѣнія шумомъ и криками безчисленной шляхты, столпившейся вокругъ переговаривающихся, назвалъ ее, безъ обиняковъ, *сволочью.* Это вызвало страшное смятеніе. Оскорбленная шляхта, не смотря на противодѣйствіе своихъ предводителей, хотѣла броситься на сенаторовъ, и этотъ совѣтъ могъ бы кончиться кровавою схваткою, если бы внезапная буря и ливень не подоспѣли во время. Сенаторы, вскочивъ на коней, ускакали цѣлыми, хотя и не одному изъ нихъ нанесены при этомъ удары по головѣ, или по плечамъ. На слѣдующій день шляхта приглашала ихъ на старое мѣсто, чтобы кончить прерванное совѣщаніе, но имъ отвѣтили, что среди толпы разсуждать неудобно, а всего лучше будетъ, если шляхта уполномочитъ выборныхъ изъ своей среды для соглашенія съ сенатомъ. Предложеніе было принято, и дальнѣйшія совѣщанія происходили, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, во дворѣ костела св. Франциска, въ Львовѣ. Королевскій отвѣтъ не совпалъ, однако, съ желаніями земледѣльцевъ, а потому переговоры были прерваны и вся шляхта, собравшаяся у костела св. Георгія, назначила изъ своей среды депутацію, которая должна была высказать окончательныя требованія своихъ соотчичей. Послѣ двухдневнаго совѣщанія, депутаты составили этотъ важный актъ. При этомъ хотя они и угрожали отказомъ въ послушаніи тѣмъ, которые нарушаютъ законы и коронныя права, но въ тоже время, обнаружили также весьма много такту, благоразумія и достоинства въ изложеніи разныхъ требованій, частію законныхъ и справедливыхъ, частію же неосновательныхъ. Вся шляхта единогласно одобрила прочитанныя ей статьи, и затѣмъ таковыя были предъявлены королю. Послѣ семидневнаго размышленія, данъ былъ

довольно удовлетворительный отвѣтъ. Король соглашался почти на все, съ тою только оговоркою, что нѣкоторыя желанія онъ былъ готовъ удовлетворить тотчасъ же, другія же откладывалъ до ближайшаго сейма. Въ замѣнъ того, онъ требовалъ, чтобы землевладѣльцы или сами отправились противъ Валахіи, или же утвердили сборъ подати для содержанія наемнаго войска. Они не согласились ни на одно, ни на другое, а король, тѣмъ не менѣе, былъ всетаки принужденъ дать шляхтѣ позволеніе разойтись по домамъ, напоминая только, чтобы на возвратномъ пути она не опустошала собственнаго края. Для защиты границъ со стороны Молдавіи, Сигизмундъ выслалъ наемные отряды, которые по своей малочисленности, не могли препятствовать наѣздамъ Петра или Петрилы.

Сопротивленіе землевладѣльцевъ подъ Львовомъ несправедливо названо возстаніемъ дворянъ противъ короля, такъ какъ тутъ не происходило ничего противнаго короннымъ законоположеніямъ. Шляхта собралась не самовольно, но явилась на зовъ королевскій, а если, вмѣсто того, чтобы идти противъ непріятеля, она требовала преобразованій въ рѣчипосполитой, то на это она имѣла полное право. Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что и королева Бона, а также знатные паны позволяли себѣ весьма часто нарушеніе законовъ. Мѣста и должности, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, продавались королевою съ аукціона, а люди съ властію, соединяя въ своихъ рукахъ нѣсколько важныхъ постовъ, хотѣли ввести въ сословіе землевладѣльцевъ такую же іерархію, какая существовала вездѣ на западѣ. Они поддерживали короля для того, чтобы тѣмъ легче достигнуть своихъ цѣлей. Въ лагерѣ подъ Львовомъ, землевладѣльцы воспротивились этому посягательству на равенство и, дѣйствуя совокупно и единодушно, взяли честное слово съ шляхты, служащей при дворахъ у магнатовъ въ томъ, что она перейдетъ на ихъ сторону, и шляхта сдержала данное слово. Такъ какъ обѣ стороны придерживались совершенно противоположныхъ началъ, то взаимное раздраженіе не прекратилось тотчасъ же, но обнаружилось снова на піотрковскомъ сеймѣ (6 янв. 1538), куда прибыли изъ воеводствъ двоякаго рода послы

— одни, избранные подъ вліяніемъ и усиліями людей съ властію, а другіе, уполномоченные обществомъ землевадѣльцевъ. Собраніе, и безъ того многочисленное, увеличилось еще присутствіемъ Николая Русоцкаго, каштеляна бѣховскаго, который, будучи потребованъ на сеймъ, за убійство Томаша Любранскаго, каштеляна брестско-куявскаго, явился съ большимъ числомъ слугъ и пріятелей. Сеймъ былъ весьма бурный. Сигизмундъ попытался-было подвергнуть строгой отвѣтственности представителей землевладѣльцевъ за сопротивленіе, оказанное ему подъ Львовомъ, но сами сенаторы, желавшіе избѣгнуть излишняго раздраженія умовъ, отклонили отъ этой попытки. Поводомъ къ водворенію согласія послужило извѣстіе о пораженіи, понесенномъ поляками на Серетѣ, въ битвѣ съ Петромъ. Король отказался отъ предполагавшагося прежде суда, а сеймъ назначилъ сборъ податей для обороны границъ. Такимъ образомъ, сеймъ столь бурный въ началѣ, кончился довольно хорошо, потому что, все-таки, благодаря ему, положеніе дѣлъ въ рѣчипосполитой измѣнилось, отчасти, къ лучшему.

По распущеніи сейма, Сигизмундъ отправилъ Тарновскаго, съ наемными дружинами, противъ Петра, а вслѣдъ за нимъ двинулся и молодой Сигизмундъ-Августъ съ остальнымъ войскомъ. Тарновскій осадилъ Хотимъ (въ августѣ) и былъ готовъ взять его силою, но Петръ, при посредничествѣ, враждовавшихъ между собою венгерскихъ королей, Фердинанда и Запоіи, заключилъ съ Польшею на нѣкоторое время перемиріе. Вскорѣ послѣ того, изгнанный султаномъ, онъ былъ принужденъ бѣжать въ Венгрію, а Молдавія досталась валахскому воеводѣ Стефану.

Сигизмундъ, заботясь о сохраненіи мира, употреблялъ всѣ усилія, чтобы примирить Фердинанда съ Заполіею и тѣмъ предохранить Венгрію отъ турецкаго ига. Наконецъ ему удалось довести дѣло до переговоровъ и заключенія (1538) тайнаго мира. Фердинандъ долженъ былъ остаться королемъ западной Венгріи, а Заполія восточной, съ тѣмъ условіемъ, что, по смерти Заполіи, вся Венгрія перейдетъ во владѣніе Фердинанда, или же его сына, исключая Спижа, который останется во власти потомковъ Заполіи.

Если бы Фердинандъ не оставилъ по себѣ мужскаго потомства, то права ракузскаго дома на Венгрію должны были совершенно прекратиться. Вскорѣ послѣ того, Заполія женился на Изабеллѣ, дочери Сигизмунда. Этотъ миръ, прекратившій въ Венгріи междоусобную войну, продолжался не долго и снова готова была разразиться надъ Венгріею сильная буря, какъ вдругъ умеръ, вскорѣ послѣ рожденія сына, самъ Заполія (лѣтомъ 1540). Изабелла, поддерживаемая нѣкоторыми венгерскими магнатами, не хотѣла исполнить договора, и Фердинандъ осадилъ ее въ Будѣ. На помощь къ ней явились турки. Разбитыя войска Фердинанда были принуждены отступить, а Сулейманъ, занявъ Буду, отослалъ Изабеллу, вмѣстѣ съ сыномъ, въ Семиградъ.

Внутри Польши все еще продолжались несогласія, проявлявшіяся почти на каждомъ сеймѣ, но грозное сосѣдство турокъ, событія въ Валахіи и Венгріи, дѣлали болѣе уступчивыми всѣ сословія и принуждали ихъ къ утвержденію постоянныхъ налоговъ для обороны въ случаѣ войны. Но именно эта постоянная необходимость быть готовымъ къ войнѣ, отъ которой уклонялись Литва, Пруссія и даже земли заторская и освѣцимская, служила короннымъ землевладѣльцамъ поводомъ домогаться отъ короля на каждомъ сеймѣ, рѣшительнаго соединенія всѣхъ частей государства во-едино. Болѣе всего хлопотали о польской Пруссіи, которая, считая себя отдѣльнымъ государствомъ, соединеннымъ съ коронными владѣніями, на совершенно равныхъ правахъ лишь общимъ королемъ, уклонялась отъ общихъ сеймовъ и общаго несенія тягостей управленія. Пруссаки оправдывались своими привиллегіями и, хотя король успѣвалъ подъ-часъ налагать на нихъ какой нибудь налогъ, но они всегда оговаривались, что согласились на это по доброй волѣ, а не по обязанности и что это не должно, ни въ какомъ случаѣ, уменьшать ихъ правъ на самостоятельность. Король находился, такъ сказать, между молотомъ и наковальнею. Съ одной стороны, Пруссія отстаивала свою провинціальную автономію, какъ, по настоящимъ понятіямъ, можно бы справедливо назвать ея стремленіе къ самостоятельности, съ другой же, коронные землевладѣльцы были

недовольны тѣмъ, что на нихъ смотрятъ въ Пруссіи, какъ на чужихъ и побуждали короля, уничтоживъ всякое различіе между поляками и пруссаками, раздавать должности и званія, духовныя и свѣтскія, какъ полякамъ въ Пруссіи, такъ и пруссакамъ въ коронныхъ владѣніяхъ. Сигизмундъ, не желая еще болѣе раздражать спорящихъ сторонъ, постоянно откладывалъ это дѣло, не смотря на то, что на всякомъ сеймѣ требовали его положительнаго рѣшенія.

Столкновенія, правда дипломатическія, происходили и съ германскимъ императоромъ Карломъ V. Крестоносцы постоянно заявляли жалобы объ обидѣ, нанесенной, будто бы, ордену Польшею, которая во первыхъ отняла у него западную Пруссію, а вслѣдъ за тѣмъ отдала и остальныя его владѣнія, въ видѣ леннаго свѣтскаго герцогства, Альберту. Но такъ какъ и императорское правительство не могло спокойно перенесть отпаденія отъ Германіи владѣній ордена и какъ, къ тому же, оно постоянно призывало значительнѣйшіе прусскіе города къ участію въ имперскихъ сеймахъ и сбору податей на нужды германскаго государства, то магистру крестоносцевъ было весьма легко навлечь на Альберта, какъ вѣроотступника и измѣнника, приговоръ суда къ изгнанію. Хотя Сигизмундъ и зналъ, что все это останется лишь пустою и дѣтскою угрозою, но для поддержанія своего достоинства, онъ представилъ императору, дипломатическимъ путемъ, всю неумѣстность, какъ зачисленія польскихъ городовъ и владѣній въ составъ германской имперіи, такъ точно и объявленіе приговоровъ объ изгнаніи его ленника. Раздраженные нѣмецкіе дипломаты и юристы не хотѣли принять въ соображеніе здравыхъ разсужденій польскихъ пословъ и скорѣе были готовы продолжать издавать смѣшныя распоряженія и приговоры, на которые никто не обращалъ вниманія, нежели отказаться отъ незаконныхъ притязаній на чужую собственность.

Съ султаномъ Сулейманомъ король находился въ мирныхъ отношеніяхъ. Не смотря на то, что онъ отъ души желалъ изгнанія изъ Европы турокъ и не переставалъ хлопотать о мирѣ со всѣми христіанскими державами, чтобы потомъ, совокупными силами, вы-

ступить противъ общаго врага, но въ тоже время не хотѣлъ излишнею горячностью навлечь на свои владѣнія всѣ тягости опасной войны. Поэтому польскіе послы часто ѣздили въ Стамбулъ, а турецкіе въ Краковъ, чѣмъ были отстраняемы всевозможные поводы къ спорамъ. Искуснымъ веденіемъ дипломатическихъ переговоровъ съ султаномъ, Сигизмундъ не только успѣлъ избѣгнуть войны съ нимъ, но и освободилъ, на довольно продолжительное время, всю Русь отъ татарскихъ набѣговъ. Изрѣдка только случались лишь пограничные наѣзды. Съ Россіею возобновлялись, время отъ времени, перемирія, но постояннаго мира заключить было неудобно.

Съ императоромъ возникали столкновенія по поводу Пруссіи, но Сигизмундъ старался о болѣе тѣсной связи съ ракузскимъ домомъ и потому женилъ (6 мая 1543) своего сына на Елисаветѣ, дочери Фердинанда, бывшаго уже въ то время германскимъ королемъ. Этотъ бракъ не былъ счастливъ, такъ какъ молодая королева умерла, два года спустя послѣ замужства (въ іюнѣ 1545). Неудовольствія народа, вслѣдствіе излишняго вліянія Боны на общественныя дѣла, чего король, удрученный лѣтами, не былъ въ состояніи отстранить, проявлялись подъ конецъ его жизни или прерваніемъ сеймовъ, или же происходившими на нихъ ожесточенными спорами. Сигизмундъ передалъ управленіе Литвою (1544) и и Пруссіею (1547) своему сыну, чѣмъ удовлетворилъ стремленію этихъ странъ къ провинціальной автономіи, а въ коронныхъ земляхъ онъ управлялъ лично до самой своей кончины (1 апр. 1548). Сигизмундъ - Августъ, управлявшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Литвою, не присутствовалъ въ Краковѣ при смерти своего отца. По приглашенію коронныхъ пановъ, онъ прибылъ (1 мая) въ столицу и, какъ законный король тотчасъ же принялъ въ свои руки правленіе и созвалъ сеймъ въ Піотрковѣ (18 окт.). По всей рѣчипосполитой, по поводу пропаганды лютеранскаго ученія и разныхъ злоупотребленій, возникло столько несогласій и смутъ, что можно было разсчитывать на бурный сеймъ. Къ усиленію этой бури послужило еще то обстоятельство, что король, принявъ въ свои руки коронное правленіе, хотѣлъ объявить королевою Варвару Радзивиллъ,

вдову Гастольда, съ которой онъ тайно обвѣнчался въ Вильнѣ, безъ согласія отца и государственныхъ чиновъ. Такимъ образомъ, когда собрался сеймъ, депутаты землевладѣльцевъ не хотѣли приступать къ обсужденію королевскихъ предложеній, до тѣхъ поръ, пока Сигизмундъ-Августъ не согласится признать недѣйствительность своего брака, который онъ заключилъ тайно и безъ согласія чиновъ. Съ мнѣніемъ депутатовъ соглашалась мать короля, Бона, и почти весь сенатъ, за исключеніемъ краковскаго епископа, коронпаго канцлера Самуила Мацѣевскаго, краковскаго каштеляна и великаго короннаго гетмана Яна Тарновскаго и нѣсколькихъ епископовъ. Янъ Сѣраковскій и Петръ Боратынскій, какъ предводители депутатовъ, умоляли короля, во имя любви его къ отечеству, разорвать оскорбительныя для королевскаго сана узы. Примасъ Дзержговскій хотѣлъ даже дать ему отпущеніе грѣховъ, а вину нарушенія клятвы свалить на совѣсть всѣхъ гражданъ. Но Сигизмундъ-Августъ остался непреклоннымъ, объявивъ тѣмъ, которые его просили, чтобы они не хлопотали напрасно, потому что, если они хотятъ, чтобы онъ сдержалъ клятву *данную имъ*, то не должны заставлять его нарушить таковую же относительно жены. Это дѣло остановило надолго обсужденіе другихъ вопросовъ, потому что ни одна изъ сторонъ не хотѣла отказаться отъ своего мнѣнія. Депутаты, видя что они не въ состояніи заставить короля согласиться на ихъ предложеніе, и основываясь на невыполненіи имъ условія о присоединеніи къ короннымъ владѣніямъ Литвы, Пруссіи и заторской земли, обратились къ нему съ неменѣе обиднымъ требованіемъ, чтобы онъ управлялъ не отъ своего имени, а отъ имени рѣчипосполитой. Такое требованіе походило на лишеніе Сигизмунда королевскихъ правъ. Тарновскій снова выступилъ на защиту короля, утверждая, что присоединеніе вышеупомянутыхъ странъ можетъ исключительно воспослѣдовать путемъ добровольнаго соглашенія, а не насилія. Петръ Кмита былъ противуположнаго мнѣнія и рѣзко высказалъ свою мысль. Однако король, одобривъ твердость Тарновскаго, рѣшился прервать щекотливый споръ и объявилъ, что онъ открываетъ судъ. Депутаты и большая часть сенаторовъ, усма-

тривая въ этомъ нарушеніе ихъ правъ, тотчасъ же разъѣхались, чѣмъ и былъ прерванъ сеймъ (1 янв. 1549). Не смотря на то, Сигизмундъ продолжалъ засѣданія суда съ уменьшеннымъ составомъ сенаторовъ, и, разославъ по всѣмъ землямъ и воеводствамъ свои универсалы, завѣрялъ народъ въ благихъ своихъ намѣреніяхъ — относительно рѣчипосполитой; тѣхъ же, которые были причиною смутъ на сеймѣ, обвинялъ въ жадности и корыстолюбіи.

Такимъ образомъ правленіе Сигизмунда началось весьма бурно. По случаю прерванія сейма, не было ничего рѣшено на счетъ обороны края. Въ воеводствахъ суды были закрыты, а нововѣрцы, усилившись числомъ, не обращали вниманія на постановленія епископовъ, которымъ даже оказывали сопротивленіе. Къ числу прочихъ внутреннихъ смутъ присоединилось еще возмущеніе краковскихъ учениковъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ было убито въ ночной дракѣ съ прислугою ксендза, Андрея Чарнковскаго. Ученики, обвиняя въ этомъ самого ксендза, добивались у короля суда надъ нимъ и наказанія. Король передалъ все это дѣло въ руки краковскаго епископа, а тотъ, выслушавъ свидѣтелей, нашелъ ксендза невиннымъ. Ученики, раздраженные пристрастнымъ и несправедливымъ, по ихъ мнѣнію, рѣшеніемъ, не обращая вниманія на представленія и просьбы Тарновскаго, вышли изъ Кракова въ такомъ значительномъ количествѣ, что преподаваніе должно было прекратиться на продолжительное время. Только весьма немногіе изъ нихъ вернулись впослѣдствіи, по королевскому приказу, прочіе же отправились въ заграничныя школы. Къ смутамъ внутри государства присоединился еще набѣгъ татаръ, которые овладѣли замкомъ Висніовецкаго Перемиркою, и разсыпали свои полчища внутри западной Руси. Бернардъ Претвицъ, Янъ Гербуртъ и братья Сенявскіе не имѣли достаточныхъ силъ, чтобы остановить успѣхи врага. Правда, что на защиту западной Руси спѣшили Янъ Тарновскій изъ Сандомира и Петръ Кмита изъ Перемышля, но татары, не дождавшись ихъ прибытія, воротились съ добычею и плѣнниками въ свои кочевья.

Во всемъ государствѣ царствовало сильнѣйшее безправіе. Свѣт-

ское сословіе, проникнутое убѣжденіями нововѣрцевъ, спорило съ духовенствомъ, среди котораго новыя религіозныя мнѣнія нашли также не мало послѣдователей. Станиславъ Оржеховскій, перемышльскій каноникъ, велъ непорядочную жизнь и хотѣлъ жениться. Заочно приговоренный за это своимъ епископомъ Дзіадускимъ къ лишенію чести и имени и преданный анаѳемѣ за то, что соглашался явиться передъ судомъ къ назначенному времени не иначе, какъ съ толпою вооруженныхъ пріятелей, онъ взволновалъ своимъ дѣломъ почти всю рѣчьпосполитую. Часть землевладѣльцевъ не хотѣла признавать власти Сигизмунда, и вездѣ на уѣздныхъ и воеводскихъ съѣздахъ, происходившихъ безъ его позволенія, требовали созванія сейма, для чего и были отправлены къ нему послы. Когда же Сигизмундъ продолжалъ не уступать дерзкимъ притязаніямъ, то Дзержговскаго уговорили прибѣгнуть къ угрозѣ объявивъ королю, что въ случаѣ дальнѣйшей настойчивости, Дзержговскій на основаніи правъ, присвоенныхъ ему, какъ примасу, самъ созоветъ сеймъ. Король выведенный изъ терпѣнія, отвѣчалъ, что самъ не созоветъ сейма и никогда никому не позволитъ созвать сеймъ безъ его воли и согласія. Однако уступая просьбамъ и представленіямъ Яна Тарновскаго, который его умолялъ, во имя любви къ отечеству, вывести рѣчьпосполитую изъ этого замѣшательства—онъ назначилъ наконецъ универсалами собраніе сейма (4 мая 1550) въ Піотрковѣ. На сеймикахъ, предшествовавшихъ сейму уже не затрогивали вопроса о женитьбѣ короля, но вездѣ въ инструкціяхъ выбраннымъ депутатамъ поручалось настаивать въ правительственныхъ реформахъ въ рѣчипосполитой и о строгомъ соблюденіи законовъ. Кромѣ того, на сеймикѣ въ Вишни поручено посламъ заняться дѣломъ Оржеховскаго. Лишь только собрался сеймъ, примасъ потребовалъ отъ короля въ сенатѣ, чтобы онъ изданіемъ новыхъ универсаловъ призналъ недѣйствительность тѣхъ, которыми онъ обвинялъ противниковъ своей женитьбы. Противъ этого однако же возсталъ Тарновскій положительно, утверждая, что эти универсалы были необходимы для того, чтобы показать народу настоящую причину прерванія сейма. Посольская изба, съ

своей стороны, намѣревалась снова пріостановить дѣйствіе судовъ, пока не наступитъ присоединеніе Литвы и Пруссіи, но наконецъ, когда ей были представлены печальныя послѣдствія такого бездѣйствія правосудія, она отказалась отъ своего намѣренія. Пренія по этому предмету были бурныя, и происходили между депутатами и сенаторами въ отсутствіе короля. Съ гораздо большею горячностію высказывали депутаты землевладѣльцевъ требованія о выполненіи постановленій, касательно незаконнаго соединенія различныхъ должностей въ однѣхъ рукахъ и перехода множества коронныхъ земель въ собственность частныхъ лицъ. Палата депутатовъ была совершенно права, потому что законы, во-первыхъ, ясно указывали на тѣ должности, которыя не позволялось соединять въ одномъ лицѣ, а во-вторыхъ, что въ нихъ была оговорка, по которой король, безъ согласія сейма, не имѣлъ права отдать въ собственность частному лицу столовыя имущества. Но такъ какъ, не смотря на эти законоположенія, паны умѣли добывать себѣ отъ королей и должности и земли, то требованіе палаты депутатовъ было направлено противъ нихъ. Землевладѣльцы хотѣли такимъ образомъ по возможности ввести въ своемъ сословіи равенство, но люди съ властью прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы помѣшать этому. Тарновскій и Самуилъ Мацѣевскій сложили, правда, съ себя незаконно присвоенныя имъ должности, чтобы укротить бурю, но когда граждане, отдавая должную справедливость ихъ безкорыстію продолжали настаивать на своемъ, король сообщилъ имъ, что, давъ клятву быть вѣрнымъ всѣмъ coроннымъ правамъ и законамъ, онъ долженъ въ тоже время наблюдать за безусловнымъ ихъ выполненіемъ и что онъ не намѣренъ исключительно ограничиваться тѣмъ или другимъ статутомъ. Такое заявленіе было, повидимому, справедливо, но въ сущности угрожало почти всей шляхтѣ изгнаніемъ изъ родовыхъ имѣній. Поэтому требовали, чтобы при приведеніи этой мѣры въ исполненіе не распространять изысканій на времена, предшествовавшія царствованію Александра. Но такъ какъ король настаивалъ на своемъ, а

палата депутатовъ тоже не хотѣла уступить, то сеймъ снова не кончился надлежащимъ образомъ и не было ничего предпринято для обороны рѣчипосполитой. Точно также не рѣшено дѣло Оржеховскаго, который, получивъ аудіенцію въ сеймѣ и у короля, рѣзко и горячо возставалъ противъ злоупотребленій духовной власти и умолялъ короля, чтобы онъ не дозволялъ епископамъ распоряжаться честью и жизнью шляхты. Послѣ этого сейма Сигизмундъ заявилъ собраннымъ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ, о своей волѣ короновать Варвару, и хотя на этотъ счетъ не было получено согласіе сейма, однакожъ найденъ благовидный предлогъ для созванія сената, въ чемъ особенно усердно помогалъ королю Кмита. Этимъ предлогомъ была церемонія признанія ленной зависимости со стороны нѣсколькихъ герцоговъ, которыхъ послы прибыли въ Краковъ. Собравшійся сенатъ исполнилъ волю короля и (13 нояб.) коронація Варвары, совершилась съ величайшимъ торжествомъ. Послѣ коронаціи и прочихъ церемоній, король вызвалъ въ совѣтъ сената Николая Олесницкаго изъ Пинчова, который, принявъ къ себѣ нововѣрца Станкара — италіанца, выгналъ изъ своихъ владѣній монаховъ и ксендзовъ, а будучи призванъ по этому случаю къ епископу, явился съ толпою пріятелей и съ ними только соглашался предстать передъ судомъ. Противъ него и всѣхъ нововѣрцевъ горячо говорилъ въ сенатѣ епископъ куявскій, Андрей Зебржидовскій, умолявшій короля пресѣчь строгими мѣрами зло въ самомъ его началѣ. И Тарновскій выражалъ необходимость поступать по всей строгости законовъ со всякимъ, кто участвуетъ въ незаконныхъ съѣздахъ и распространяетъ какія-то нововведенія и даже составляетъ заговоры. Почти весь сенатъ соглашался съ этимъ и вѣроятно Олесницкій подвергся бы строгому приговору, если бы каштелянъ бецкій, Валентій Денбинскій не умилостивилъ короля. Олесницкому было только приказано удалить отъ себя Станкара и не нарушать правъ духовенства. Не долго наслаждался король семейнымъ счастіемъ, потому что черезъ полгода послѣ коронаціи умерла (6 апр. 1551) Варвара, отравленная, какъ подозрѣ-

ваютъ, по наущенію Боны, докторомъ-италіанцемъ *). Сигизмундъ, глубоко пораженный этою потерею, проводилъ тѣло своей жены въ Вильно, гдѣ пробылъ около года.

Между тѣмъ число послѣдователей новаго ученія возрастало съ каждымъ днемъ. Духовенство, вопреки церковнымъ уставамъ, вступало въ бракъ и подобно тому, какъ сдѣлалъ это нѣсколько раньше, Валентій Кржоновскій, приходскій священникъ, такъ поступилъ потомъ Мартинъ Кровицкій, а Оржеховскій, который обѣщалъ въ Піотрковѣ главамъ польской церкви, что онъ не женится безъ дозволенія папы, нарушилъ данное имъ слово и вступилъ въ бракъ съ Магдалиною Хелмскою, за что снова былъ преданъ анаѳемѣ Дзядускимъ. Чтобы положить предѣлъ распространенію новаго ученія, Дзержговскій собралъ провинціальный синодъ, на которомъ женатые ксендзы были объявлены еретиками, и притомъ положено принять строгія мѣры противъ иновѣрцевъ. Вслѣдствіе такого рѣшенія многіе были потребованы къ епископскимъ судамъ, отчего только усилились всеобщія смуты. Дѣло не обошлось и безъ внѣшнихъ нападеній. Валахскій воевода Елисей, принявъ магометанство, вторгнулся съ татарами въ Подолію и взялъ Брацлавъ, гдѣ погибло много поляковъ. Татары проникали и въ глубь западной Руси, но Янъ Тарновскій двинулся противъ нихъ съ наемнымъ войскомъ и безъ труда выгналъ ихъ оттуда. Между тѣмъ

---

*) Недавно скончавшійся польскій писатель Михаилъ Балинскій, извѣстный своими историческими трудами, въ своей біографіи Варвары Радзивилловны, оспариваетъ фактъ отравленія; по видимому г. Балинскій опирается на показаніяхъ писателей, жившихъ въ тогдашнее время—Гурницкаго и Оржеховскаго. Правда, ни Гурницкій въ своемъ сочиненіи — Дѣянія въ коронной Польшѣ (Dzieje w Koronie), ни Оржеховскій въ своихъ — Annales, нигдѣ не упоминаютъ объ этомъ отравленіи. Но это не есть еще опроверженіе. Гурницкій и Оржеховскій должны были умолчать объ этомъ фактѣ, ибо были въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ къ королю Сигизмунду-Августу. Первый изъ нихъ былъ неотлучно при дворѣ, а второй представлялъ свои «Записки» королю. Понятное дѣло, что было бы весьма неблагоразумно и щекотливо говорить королю объ отравленіи обожаемой имъ Варвары. И такъ фактъ этотъ, остается по настоящее время, не смотря на разныя историческія монографіи и мемуары, не вполнѣ разъясненнымъ. Вѣрно только то, что съ именемъ Боны, соединяется воспоминаніе объ этомъ темномъ дѣлѣ. *Прим. перевод.*

король созвалъ въ Вильнѣ литовскій сеймъ, и, вслѣдствіе требованій посольства, прибывшаго изъ Польши, намѣревался склонить литовскіе чины къ сліянію великаго княжества съ коронными землями. Литовцы воспротивились этому, и хотя король представлялъ имъ, что этого требуетъ общая оборона отъ татаръ, но они успѣли отъ него отдѣлаться, утвердивъ трехлѣтнюю подать на содержаніе наемнаго войска.

Государственныя дѣла требовали энергическихъ дѣйствій. Поэтому Сигизмундъ-Августъ явился (1 фев. 1552) на сеймъ въ Піотрковъ. Когда были прочтены предложенія правительства, относительно защиты рѣчипосполитой, депутаты землевладѣльцевъ объявили, что ни къ чему не приступятъ, пока король не лишитъ епископовъ права приговаривать шляхту къ лишенію чести, жизни и имущества за дѣла вѣры. Во главѣ землевладѣльцевъ сталъ Рафаилъ Лещинскій, который, сложивъ съ себя, годъ тому назадъ, званіе воеводы, пріобрѣлъ большую популярность, какъ защитникъ свободы совѣсти и гражданскихъ правъ шляхты. Негодованіе противъ епископовъ усилилось благодаря Станиславу Ορжеховскому, сторону котораго рѣшительно принялъ сеймикъ въ Вишни, поручивъ своимъ депутатамъ ни къ чему не приступать, пока король не рѣшитъ благопріятнымъ образомъ его дѣла. Пренія были весьма бурныя и приверженцы новой вѣры, даже въ присутствіи короля, относились къ епископамъ съ бранью, называя ихъ лицемѣрами и хищными волками. Краковскій епископъ, Андрей Зебржидовскій, защищая права церкви, умолялъ короля не потворствовать нововведеніямъ въ вѣрѣ, подкапывающимъ его власть, а также благосостояніе и могущество рѣчипосполитой. Въ сенатѣ большинство было на сторонѣ того мнѣнія, что нельзя лишить епископовъ права суда въ дѣлахъ вѣры. Но посольская изба добивалась безусловной вѣротерпимости. Послѣ споровъ, продолжавшихся нѣсколько недѣль, король, видя невозможность соглашенія спорящихъ сторонъ, рѣшился объявить, что по его мнѣнію, основываясь на законахъ государства, право суда въ дѣлахъ отступничества принадлежитъ исключительно епископамъ.

Депутаты, которые никакъ не могли допустить, что Сигизмундъ-Августъ, извѣстный своею терпимостію въ дѣлахъ вѣры, рѣшится обнародовать такой законъ, вошли въ переговоры съ епископами, и при содѣйствіи свѣтскихъ сенаторовъ склонили ихъ къ обѣщанію, что, въ продолженіе года, они не будутъ пользоваться своимъ правомъ, если, съ другой стороны, не послѣдуютъ явныя нарушенія церковныхъ постановленій. Оржеховскій тоже помирился съ своимъ епископомъ, и по снятіи съ него анаѳемы, обѣщалъ исходатайствовать у папы утвержденіе своего брака. Для обороны границъ рѣчипосполитой, сеймъ утвердилъ подати, которыя и пошли на наемъ войска. Предводительствуя этимъ войскомъ, коронный и полевой гетманъ Сенявскій изгналъ изъ Валахіи отуречившагося воеводу Стефана и посадилъ на его мѣсто Александра, въ качествѣ польскаго ленника.

Послѣ сейма король отправился въ Пруссію, гдѣ его присутствіе сдѣлалось необходимымъ, какъ вслѣдствіе успѣховъ новаго ученія, такъ и по инымъ причинамъ. Пріѣхавши въ Данцигъ (15 іюня) въ сопровожденіи большой свиты и многихъ сенаторовъ, онъ намѣренъ былъ привести въ порядокъ дѣла города, такимъ образомъ какъ нѣкогда сдѣлалъ это его отецъ, но паны, задобренные подарками, такъ искусно повели все дѣло, что не допустили его до этого. Во время пребыванія короля въ Данцигѣ, вслѣдствіе ссоры между придворными и городскою стражею, произошла свалка, въ которой, подъ королевскими окнами, было нѣсколько человѣкъ убито и много ранено. Стараніемъ польскихъ пановъ и городскаго совѣта порядокъ былъ возстановленъ и приняты надлежащія мѣры къ предупрежденію подобныхъ столкновеній. Прусскій герцогъ Альбертъ, проживавшій въ то время въ Данцигѣ, пригласилъ къ себѣ короля, который пробывъ у него недѣлю уѣхалъ въ Литву. Созвавъ въ Вильно литовскихъ пановъ, онъ уговорилъ ихъ утвердить, безъ участія шляхты, взносъ податей прямо въ его казну.

Еще во время сейма, прибыло посольство отъ Фердинанда ракузскаго съ приглашеніемъ пріѣхать на съѣздъ въ Бреславлѣ, гдѣ подъ предлогомъ переговоровъ на счетъ дѣлъ, касающихся опре-

дѣленія границы между Силезіею и Польшею, предполагалось въ сущности войти въ иныя соглашенія. А именно дѣло шло о заключеніи брака между королемъ и дочерью Фердинанда, Катериною, при чемъ домъ ракузскій имѣлъ въ виду обезпечить за собою право на наслѣдованіе польскаго престола, въ случаѣ бездѣтной его кончины. Сигизмундъ выслалъ короннаго вице-канцлера Пжерембскаго, который вошелъ съ императоромъ въ соглашеніе, относительно будущаго брака и лишь только было получено отъ папы разрѣшеніе, Николай Радзивилъ и Мартинъ Кромеръ, тотчасъ же (1553), отправились въ Ракузу за обрученною. Катерина пріѣхала (24 іюня) съ своимъ братомъ Фердинандомъ въ Краковъ, гдѣ по случаю ея коронаціи былъ созванъ Сигизмундомъ сеймъ. Послѣ коронаціи братъ королевы заявилъ требованіе, чтобы были приведены въ исполненіе обѣщанныя условія, относительно обезпеченія за ракузскимъ домомъ правъ престолонаслѣдія. Возмущенные этимъ коронные паны, а въ особенности Тарновскій и Кмита, отвѣчали эрц-герцогу, что корона польская не наслѣдственная, а потому никто не можетъ, вопреки законамъ, давать подобнаго обѣщанія и что всѣ совершенно въ правѣ удивляться подобному требованію со стороны императорскаго дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась сильная буря противъ Пжерембскаго, за то что онъ, будто бы, далъ императору тайныя обѣщанія. Оскорбленный этимъ, вице-канцлеръ хотѣлъ, не смотря на свой духовный санъ, вызвать на поединокъ Гноинскаго, позволившаго себѣ обвинить его.

Много шуму во всей Польшѣ надѣлалъ насильственный поступокъ Димитрія Сангушко, который хотѣлъ жениться на Гальскѣ изъ Острога, но получивъ отказъ со стороны матери, похитилъ дѣвушку и увезъ ее за границу. Король приказалъ вездѣ ловить похитителя. Калишскій воевода, Мартинъ Зборовскій гнался до самой Богеміи и настигъ его въ Нимбургѣ. Сангушко бѣшено защищался, но будучи смертельно раненъ, на другой день умеръ. Зборовскій отдалъ освобожденную Гальску ея матери.

Неустановившіяся еще отношенія съ сосѣдомъ, царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, побудили короля отправиться въ Литву. Уже въ

продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ тянулись переговоры о постоянномъ мирѣ, но не могли кончиться благопріятнымъ образомъ, потому что, съ одной стороны, царь Іоаннъ требовалъ признанія своего титула, съ чѣмъ не соглашался Сигизмундъ-Августъ и литовскіе паны, а съ другой, дѣло шло о возвращеніи Смоленска и другихъ пунктовъ, на что, въ свою очередь, не соглашался царь. Частыя посольства ни къ чему не повели и насилу добились отъ Іоанна, что онъ согласился (1553) на трехлѣтнее перемиріе. Но и кратковременное перемиріе было выгоднѣе нежели постоянная необходимость быть готовымъ къ войнѣ. Король созвалъ (1554) коронный сеймъ въ Люблинъ, но назначеніе столь необыкновеннаго мѣста, было причиною, что собрался весьма небольшой кружекъ сенаторовъ и депутатовъ, и потому сеймъ ничего не могъ рѣшить. Во время засѣданій прибыло изъ Россіи въ Люблинъ великолѣпное посольство, въ числѣ 1000 всадниковъ, уполномоченное Іоанномъ заключить вѣчный миръ, если король признаетъ за нимъ титулъ царя всея Россіи. Но такъ какъ Сигизмундъ довольно основательно выводилъ отсюда заключеніе, что признаніемъ титула онъ далъ бы царю право домогаться и Днѣпровской Руси, то онъ не согласился на это предложеніе и дѣло кончилось лишь подтвержденіемъ прежняго перемирія.

Новая вѣра распространялась въ Польшѣ между всѣми сословіями, потому что она находила дѣятельную поддержку со стороны многихъ сановниковъ. Самъ Сигизмундъ-Августъ, хотя и не доходилъ до разрыва съ церковью, но тѣмъ не менѣе допускалъ свободу совѣсти. Въ Римѣ даже подозрѣвали нѣкоторыхъ епископовъ въ недостаткѣ рвенія къ дѣлу католической вѣры, а въ особенности епископа куявскаго Яна Дройовскаго, и епископа хелмскаго, Якова Уханьскаго. Епископъ краковскій, Андрей Зебржидовскій и другіе хотѣли, въ пылу рвенія, прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ, но даже такіе люди, какъ Тарновскій, рѣшительно имъ противились, и потому всякое религіозное преслѣдованіе сдѣлалось невозможнымъ. Это привлекало въ Польшу множество нововѣрцевъ, которые могли тутъ жить спокойно. Папа Павелъ IV,

желая строгостію довести повсюду католицизмъ до прежняго его состоянія, послалъ (1554) въ Польшу легата Липомана, который тотчасъ же по пріѣздѣ, принялся рѣзко упрекать короля и епископовъ въ намѣренной безпечности, вслѣдствіе которой они допустили такое распространеніе новой вѣры, и предлагалъ подвергнуть отступниковъ безпощадному гоненію. Во время его пребыванія въ Польшѣ разнесся слухъ, что какая-то бѣдная дѣвушка, по имени Дорота Лазенцкая, приступивъ въ Сухоцкѣ къ принятію св. даровъ, осквернила, при содѣйствіи жидовъ, таинство причастія. Хотя слухъ этотъ опирался на сумасбродной выдумкѣ, тѣмъ не менѣе, по настоянію легата, примасъ Дзержговскій назначилъ слѣдствіе, на основаніи котораго Лазенцкая была приговорена къ обезглавленію, а нѣсколько жидовъ къ сожженію. Этотъ варварскій поступокъ вызвалъ общее негодованіе во всей Польшѣ, а Янъ Тарновскій энергически протестовалъ въ сенатѣ противъ такого насилія, заявивъ, что подобнаго рода дѣла слѣдуетъ предоставить суду Божію. Кромѣ того, по требованію легата, примасъ призвалъ въ духовный свой судъ ксендза Лютомирскаго, обвиненнаго въ еретичествѣ. Лютомирскій явился съ библіею и толпою шляхты, но когда его товарищей не хотѣли впустить въ ловичскій замокъ', то онъ вернулся назадъ. Липоманъ, обруганный во многихъ безъимянныхъ письмахъ, былъ принужденъ уѣхать, ничего не сдѣлавши, а шляхта начала даже хлопотать объ удаленіи епископовъ изъ сената.

Болѣе или менѣе, всѣ польскіе нововѣрцы сознавали, что представляя разные оттѣнки протестантизма, они не въ состояніи бороться съ католиками, сплоченными во-едино. Поэтому они начали собираться на съѣзды, для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ вѣры. Подобный съѣздъ происходилъ напр. въ Хрженцицахъ у Филиповскаго (въ маѣ 1555), а нѣсколько позже (28 авг.), другой многочисленный съѣздъ въ Козминкѣ, у Остророга, гдѣ произошло кажущееся сліяніе между чешскими братьями, или польскими гусситами и послѣдователями Кальвина. Классъ землевладѣльцевъ согласился на такое сліяніе, но города, населенные по большей части нѣмцами, пожелали остаться при ученіи Лютера.

Мать короля, Бона, обманувшись въ надеждѣ всѣмъ распоряжаться въ правленіе сына, подобно тому, какъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ царствованія Сигизмунда I, рѣшилась уѣхать въ Италію. Король, вслѣдствіе требованія сената, положительно этому воспротивился, ибо было извѣстно, что Бона увезетъ съ собою значительныя сокровища. Наконецъ, когда ни просьбы, ни увѣренія не оказали надлежащаго дѣйствія, онъ былъ принужденъ согласиться. Бона выѣхала (1556) съ огромными сокровищами въ Италію, избрала мѣстопребываніемъ родовое герцогство Баръ и спустя годъ (1557) скончалась. Значительныя суммы, которыя она дала взаймы Карлу V, подъ названіемъ неаполитанскихъ суммъ перешли въ наслѣдство Сигизмунда, заявившаго объ нихъ рѣчипосполитой.

Хотя гросмейстеръ крестоносцевъ, Альбертъ, покинувъ духовный санъ, и получилъ Пруссію, какъ ленное владѣніе, но Ливонія оставалась все еще за крестоносцами, которые управляли этимъ краемъ, имѣя предводителями провинціальныхъ магистровъ. И тамъ, какъ и въ сосѣдней Литвѣ, распространялось лютерово ученіе, а кромѣ того происходили весьма часто споры между магистромъ и рижскимъ архіепископомъ о степени ихъ власти. Русскій царь весьма искусно этимъ пользовался. Основываясь на своихъ правахъ на многія владѣнія ордена, добытыя крестоносцами у его предковъ, онъ предпринималъ частые походы противъ истерзанной Ливоніи и, не смотря на временныя неудачи, добывалъ отъ владѣній ордена отдѣльные замки и города. Крестоносцы просили о помощи у королей датскаго, шведскаго и у германскаго императора, но всѣ просьбы на этотъ счетъ были напрасны. Архіепископомъ рижскимъ былъ Вильгельмъ, маркграфъ бранденбургскій, родственникъ Сигизмунда-Августа. Вслѣдствіе споровъ о степени власти, какъ и потому, что, вопреки заключенному договору, онъ назначилъ своимъ коадьюторомъ чужестранца, а именно Христофа, герцога мекленбургскаго, дѣло между нимъ и магистромъ Генрихомъ Галленомъ дошло до серьезнаго разрыва. Архіепископъ разсчитывая на помощь герцога прусскаго Альберта и Сигизмунда-Августа не хотѣлъ уступить, а когда магистръ склонилъ государ-

ственные чины къ рѣшенію, направленному противъ архіепископа, и намѣревался силою оружія привести его въ исполненіе, то къ нему явился Лонскій въ качествѣ посла отъ короля польскаго. Въ то же время Генрихъ сложилъ съ себя званіе магистра, а власть принялъ въ свои руки Вильгельмъ Фюрстенбергъ, который, обвиняя архіепископа въ измѣнническихъ связяхъ съ Польшею и герцогомъ прусскимъ, заключилъ его въ темницу вмѣстѣ съ коадьюторомъ, а Лонскаго на возвратномъ пути убили крестоносцы. Это злодѣяніе возмутило Сигизмунда-Августа. Новое посольство должно было требовать отъ магистра удовлетворенія за убійство Лонскаго и освобожденія архіепископа изъ плѣна, но не удостоилось даже быть принятымъ. Король справедливо возмущенный надменностію магистра, собралъ (въ янв. 1557) въ Варшавѣ сеймъ, на которомъ рѣшено созвать повсемѣстное ополченіе. Съ своей стороны и Альбертъ прусскій занимался воинственными приготовленіями, доброжелательствуя плѣнному архіепископу. Послѣ сейма, Сигизмундъ-Августъ отправился въ Литву и, собравъ стотысячное войско, двинулся съ нимъ (въ іюлѣ) въ Ливонію. Но и теперь онъ все еще желалъ устроить дѣло путемъ переговоровъ. Гонецъ, высланный впередъ, предложилъ магистру исполнить требованія короля. Фюрстенбергъ, желая казаться неустрашимымъ, не принялъ мирнаго предложенія. Но когда литовско-польское войско подступило къ Познани, онъ вдругъ смягчился и, при посредничествѣ пословъ императора, заключилъ миръ, по которому обязывался выпустить заключенныхъ, наградить архіепископа, испросить лично прощеніе у короля въ его лагерѣ и заплатить военныя издержки. Гросмейстеръ, вмѣстѣ съ архіепископомъ, пріѣхалъ въ лагерь и, испросивъ прощеніе, торжественно обѣщалъ, свято выполнить всѣ остальныя условія. Король простилъ гросмейстера и заключилъ съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ.

Для царя московскаго не могъ быть выгоденъ подобный союзъ, и хотя срокъ перемирія съ Ливоніею, равно какъ и съ Сигизмундомъ-Августомъ еще не истекъ, но въ причинахъ къ войнѣ недо-

статка не было. Царь потребовалъ отъ дерптскаго епископа дани въ бо́льшихъ противъ прежняго размѣрахъ, а отъ ливонскихъ чиновъ домогался возобновленія въ Ригѣ, Ревелѣ и другихъ городахъ православныхъ церквей, разрушенныхъ послѣдователями Лютера, касался даже при этомъ и католическихъ костеловъ, чтобы имѣть предлогъ къ разрыву. Наконецъ царь требовалъ распущенія конницы, вызванной изъ Германіи, а когда и это было исполнено, то заговорилъ о вознагражденіи за потери, причиненныя его подданнымъ. Все это несомнѣнно указывало на вѣроятность войны, для избѣжанія которой гросмейстеръ отправилъ къ Іоанну пословъ. Царь обошелся съ ними строго и вскорѣ (1558) 40,000 русскихъ вступили въ Ливонію, и подвергли ее страшному опустошенію, такъ какъ ничего не было приготовлено для обороны. Русскіе, хотя и отступили, но расположившись подъ Иваньгородомъ на границѣ, безпрестанно угрожали новымъ нападеніемъ. Тщетно гросмейстеръ и чины умоляли о мирѣ и предлагали даже значительныя суммы. Царское войско снова вступило въ Ливонію и, овладѣвъ Нарвою и его портомъ, взяло безъ выстрѣла сосѣднія крѣпости. Вслѣдъ за-тѣмъ вторгнулось еще болѣе многочисленное московское войско, разсѣяло подъ Новодворомъ полки гросмейстера и подступило къ Дерпту. Епископъ хотѣлъ обороняться до послѣдней капли крови, но городской совѣтъ, признававшій лютерово ученіе, выговоривъ себѣ свободу совѣсти и неприкосновенность лицъ и имущества, сдалъ городъ, послѣ нѣсколькихъ дней осады. Епископъ былъ отведенъ въ плѣнъ. Русскіе отряды доходили до Риги и до Ревеля, а когда гросмейстеръ Фюрстенбергъ, сложивъ съ себя званіе, отдался въ руки царя вмѣстѣ съ замкомъ своимъ Феллиномъ, то Іоаннъ началъ титуловаться герцогомъ лифляндскимъ. Новый гросмейстеръ, Готгардъ Кетлеръ, просилъ помощи императора, но вмѣсто того, на аугсбургскомъ сеймѣ, получилъ лишь обѣщаніе, невыполненное впослѣдствіи, на выдачу 100,000 злотыхъ для найма войска. Кетлеръ собралъ наемное войско въ Германіи, что и отклонило русскихъ отъ осады Риги. Видя однакожъ, что онъ собственными средствами не въ состояніи противу-

стоять превосходнымъ силамъ царя, онъ вступилъ въ переговоры съ Сигизмундомъ-Августомъ о присоединеніи Инфлянтовъ къ Польшѣ и Литвѣ. Такъ какъ король этому не противился, то Кетлеръ созвалъ лифляндскіе чины и, послѣ минутнаго сопротивленія рыцарства, было почти единодушно рѣшено, что одно лишь соединеніе съ Польшею можетъ предотвратить совершенную гибель страны. Вслѣдъ за-тѣмъ, самъ гросмейстеръ поспѣшилъ въ Краковъ, чтобы войти въ соглашеніе съ королемъ и государственнымъ совѣтомъ объ условіяхъ присоединенія. Польскіе магнаты, не желая подвергнуть страну опасности войны съ Россіей, отвѣчали почти отказомъ. Король же объявилъ гросмейстеру, что, по пріѣздѣ своемъ въ Вильно, устроитъ дѣло. Дѣйствительно вскорѣ отправился онъ въ Литву, и лишь только онъ пріѣхалъ въ Вильно, явились туда же Кетлеръ съ рижскимъ архіепископомъ и лифляндскими вельможами, чтобы осуществить присоединеніе Лифляндіи къ Литвѣ. Событіе это послѣдовало послѣ непродолжительныхъ переговоровъ въ концѣ августа 1559 года.

Гросмейстеръ, вмѣстѣ съ сословіями, поручилъ себя покровительству и защитѣ польскаго короля, который обязался помогать Лифляндіи литовскими войсками, и, по вступленіи въ управленіе страною, оставить неприкосновенными привилегіи жителей, религіозные обряды, а равно и мѣстное судопроизводство. Гросмейстеръ и архіепископъ тотчасъ же уступили королю нѣкоторые замки и округа, выговоривъ себѣ право выкупа ихъ за сумму 700,000 злотыхъ. Въ случаѣ войны съ Россіей, начальники королевскихъ гарнизоновъ въ замкахъ должны управлять дѣлами, совокупно съ мѣстными властями, а земли, отнятыя у царя Іоанна и никогда не входившія въ составъ Литвы, должны быть распредѣлены поровну, между королемъ и гросмейстеромъ.

Подобно тому какъ гросмейстеръ и архіепископъ рижскій заключали договоръ съ Сигизмундомъ-Августомъ, епископъ эзельскій и ревельскій и городъ Ревель вступили въ соглашеніе съ Даніей и Швеціей. Епископы продали всѣ свои владѣнія датскому королевичу Магнусу. Городъ Ревель и эстонское рыцарство, объ-

щавъ покорность гросмейстеру ливонскому, присягнули на вѣрность шведскому королю Эрику XIV, который не медля (1560), занялъ Ревель своими войсками и началъ готовиться къ завоеванію всей Ливоніи. Въ то же время русское войско осадило Венденъ. Кетлеръ съ архіепископомъ рижскимъ обратились къ Сигизмунду-Августу съ требованіемъ обѣщанной помощи. Король послалъ войско подъ начальствомъ трокскаго каштеляна Іеронима Ходкевича, который вскорѣ возвратился, узнавъ, что русскіе отступили отъ Вендена. Такая помощь была недостаточна, а на жалобы гросмейстера и рижскаго архіепископа король отвѣчалъ, что, самъ опасаясь нападенія русскаго царя, онъ не можетъ сдѣлать ничего болѣе для Ливоніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ совѣтовалъ имъ, оставаясь подъ его покровительствомъ, привести въ исполненіе присоединеніе Ливоніи къ Польшѣ и Литвѣ, такъ какъ только это обстоятельство можетъ побудить коронныхъ и литовскихъ магнатовъ соединиться съ рыцарями для существенной защиты страны, уже на вѣчныя времена присоединенной къ рѣчипосполитой. Кетлеръ и архіепископъ не былъ противъ этого предложенія, а потому король послалъ въ Ливонію Николая Радзивилла, усерднаго приверженца новаго ученія въ Литвѣ, съ нѣсколькими тысячами наемной конницы. Радзивиллъ расположился лагеремъ подъ Ригой, и началъ переговоры, съ гросмейстеромъ, архіепископомъ и городомъ Ригою, о совершенномъ присоединеніи Ливоніи къ Польшѣ и Литвѣ или, по крайней мѣрѣ, къ Литвѣ. Больше всего затрудненій представляли переговоры съ жителями Риги, которые хотѣли выговорить самостоятельность и свободу города, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовали, чтобы король выхлопоталъ имъ у германскаго императора освобожденіе отъ присяги и оградилъ ихъ права и привилегіи. Съ рыцарями переговоры шли успѣшнѣе. Не смотря однакожъ, на разныя препятствія, послѣдовало, наконецъ, согласіе на присоединеніе, съ условіемъ, что договоръ теряетъ силу, въ случаѣ невыполненія обязательствъ Польшей или Литвой, и что въ случаѣ войны между Польшей и Литвой, Ливонія остается нейтральною. Приготовивъ дѣла такимъ образомъ, Сигизмундъ созвалъ литовскій сеймъ въ

Вильнѣ (въ окт. 1561). Туда пріѣхали архіепископъ, Кетлеръ и уполномоченные отъ городовъ и рыцарей Ливоніи. Послѣ долгихъ совѣщаній заключенъ былъ (28 нояб.) окончательный договоръ о присоединеніи всей Ливоніи къ Польшѣ и Литвѣ. Въ силу этого договора король обязывался выхлопотать согласіе германскаго императора на этотъ актъ, оставить неприкосновеннымъ аугсбургское исповѣданіе, утвердить за всѣми сословіями ихъ права и преимущества, и не дозволять евреямъ свободно торговать въ Ливоніи. Кетлеръ, по сложеніи съ себя званія гросмейстера, долженъ былъ получить въ ленное владѣніе Курляндію, съ титуломъ герцога, а въ Ригѣ учреждался верховный судъ, членами котораго должны быть ливонскіе магнаты. Въ этотъ судъ можно было обращаться и жителямъ Курляндіи. Кромѣ того король далъ торжественное обѣщаніе назначать въ должности мѣстныхъ жителей нѣмецкаго происхожденія, а ливонскимъ сеймамъ, какъ провинціальнымъ, обезпечить власть въ прежнихъ предѣлахъ. Договоръ этотъ не былъ признанъ коадъюторомъ рижскаго архіепископа Христофомъ, который жаловался императору на такое присоединеніе къ Польшѣ и впослѣдствіи принялъ сторону Швеціи. По заключеніи этого договора, по которому признана за Ливоніею самая обширная автономія, Николай Радзивиллъ поѣхалъ опять въ Ригу, въ качествѣ королевскаго коммисара, и вручилъ собраннымъ въ ратушѣ сословіямъ вышеупомянутыя королевскія обязательства. Затѣмъ Кетлеръ сложилъ съ себя рыцарское одѣяніе (5 мар. 1562), сдалъ печать ордена, всѣ привиллегіи, данныя императоромъ или папой, и ключи города и замка. Радзивиллъ провозгласилъ его герцогомъ курляндскимъ и графомъ семигальскимъ и облекъ его пожизненною властью королевскаго губернатора всей Ливоніи. Такимъ образомъ, послѣднія владѣнія меченосцевъ перешли подъ власть Польши и Литвы, за исключеніемъ земель завоеванныхъ Швеціей и Россіей.

Въ одно время съ событіями въ Ливоніи, были ведены непрерывные переговоры съ Россіей о мирѣ или, по крайней мѣрѣ, о перемиріи. Такъ какъ срокъ перемирія, заключеннаго въ Люблинѣ, уже приближался къ концу, то Сигизмундъ-Августъ хотѣлъ обезпе-

чить себя новымъ перемиріемъ. Частыя посольства не имѣли успѣха, ибо Іоаннъ сохранялъ титулъ царя, котораго король не хотѣлъ признать за нимъ. Кромѣ того Іоаннъ предъявлялъ свои права на Ливонію и дѣлалъ на нее нападенія. Возникшая по этому поводу, безпрерывная борьба отнюдь не препятствовала переговорамъ и царь старался даже получить руку сестры короля Екатерины. Но бракъ не состоялся и Сигизмундъ выдалъ сестру за финляндскаго князя Іоанна, брата Эрика XIV, короля шведскаго. Приближенные короля нанесли, даже, царю тяжкое оскорбленіе, по поводу этого предложенія. Все это предвѣщало близкій разрывъ съ Россіей не только въ Ливоніи, но и въ Литвѣ, въ особенности послѣ присоединенія Ливоніи, совершившагося на виленскомъ сеймѣ. Царь обратился къ королю съ сильными упреками и объявилъ, что, не смотря на принятіе Кетлеромъ подданства Польши, онъ съ-умѣетъ возвратить достояніе предковъ. Побуждаемый настоятельно коронною шляхтой къ созванію сейма, который удовлетворилъ бы общественнымъ нуждамъ, Сигизмундъ-Августъ хотѣлъ, хотя временнымъ перемиріемъ, оградить себя со стороны Россіи, подобно тому, какъ союзомъ съ Даніей, онъ оградилъ себя со стороны Швеціи. Не обращая вниманія на оскорбительныя письма Іоанна, онъ отправилъ къ нему пословъ. Переговоры, если и не привели къ миру, то, по крайней мѣрѣ, отсрочили военныя дѣйствія на столько, что король, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Вильнѣ, могъ поѣхать на коронный сеймъ въ Піотрковъ (22 нояб. 1562).

Сеймъ этотъ былъ важенъ во всѣхъ отношеніяхъ. На немъ высказалось рѣшительное намѣреніе, не только привести въ исполненіе уставы, но и достигнуть соединенія въ одно цѣлое всѣхъ частей государства. Первое рѣшеніе было направлено противъ аристократіи, второе — противъ Пруссіи, настаивавшей на своей автономіи. Земскіе коронные послы упорно защищали оба рѣшенія и, не смотря на оппозицію противной стороны, одержали верхъ. Многіе магнаты сложили къ стопамъ престола свои права на помѣстья и староства. Для отысканія и возвращенія другихъ государственныхъ имуществъ, розданныхъ частнымъ лицамъ, вопреки

уставу Александра (1504) и безъ вѣдома сейма, назначены были люстраторы. Король объявилъ съ своей стороны, что назначаетъ на вѣчныя времена четвертую часть доходовъ (кварту) со всѣхъ староствъ для обороны рѣчипосполитой, вслѣдствіе чего дѣло перехода этихъ имуществъ изъ частныхъ рукъ пріобрѣло еще болѣе важности. На сеймѣ состоялось также рѣшеніе, по которому король, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ раздавать, однимъ и тѣмъ же лицамъ, должностей и званій несовмѣстимыхъ по существу своему. Болѣе затрудненій представляло присоединеніе Пруссіи, такъ какъ послѣдняя твердо стояла за свою отдѣльность, и прусскіе послы не захотѣли засѣдать въ коронномъ сеймѣ. Послы отъ рыцарей и малыхъ городовъ соглашались съ справедливымъ требованіемъ сейма, но сенаторы и большіе города, въ особенности Данцигъ, противились ему, не смотря на настояніе самаго короля, не смотря на то, что имъ указывали на актъ подданства (1454), которымъ они формально обязались составить одно цѣлое съ коронными землями. Во всякомъ случаѣ сдѣланъ въ дѣлѣ единства важный шагъ, состоявшій въ томъ, что постановленіе сейма, о приведеніи въ исполненіе уставовъ, распространено на Пруссію, Мазовію и земли заторскую и освѣцимскую.

Кромѣ того сеймъ постановилъ учредить въ воеводствѣ суды для такихъ дѣлъ, которыя рѣшаются сеймомъ, и которыхъ король не успѣвалъ разсмотрѣть за недостаткомъ времени. Изданы болѣе строгія постановленія о такъ называемыхъ „оказываніяхъ“ или ежегодныхъ рыцарскихъ играхъ, происходившихъ въ день св. Войцѣха въ каждомъ воеводствѣ. Сюда должны были являться всѣ обязанные службою, въ случаѣ всеобщаго ополченія, для того, чтобы показать, имѣютъ ли они оружіе и коней въ готовности на случай призыва.

Уѣзжая на сеймъ въ Піотрковъ, Сигизмундъ отправилъ къ Іоанну посла, съ цѣлью заключить временное перемиріе. Но царь, пользуясь отсутствіемъ Сигизмунда, послалъ рѣшительное объявленіе войны и, заключивъ предварительно перемиріе на два года съ шведскимъ королемъ Эрикомъ XIV, двинулъ значительныя силы въ Бѣлоруссію. Хотя это нападеніе было отбито, но вскорѣ при-

былъ самъ Іоаннъ (31 декаб.) съ войскомъ въ 280,000 человѣкъ, при 200 орудіяхъ, и обложилъ со всѣхъ сторонъ Полоцкъ. Николай Радзивиллъ приказалъ наемнымъ полкамъ собираться какъ можно скорѣе и объявилъ литовской шляхтѣ поголовное ополченіе, съ цѣлью подать помощь Полоцку. Но шляхта не торопилась итти въ зимній походъ, и потому Радзивиллъ, собравъ едва 2,500 человѣкъ, не могъ помѣряться съ огромными силами русскими. Въ Полоцкѣ начальствовалъ тамошній воевода Довойна. Сначала Іоаннъ встрѣтилъ сильный отпоръ, но воевода, вопреки мнѣнію Яна Глѣбовича, сжегъ городъ и прогналъ укрывавшихся въ немъ крестьянъ, чѣмъ ускорилъ сдачу крѣпости. Русское войско, уже нуждавшееся въ припасахъ, нашло въ выгнанныхъ крестьянахъ проводниковъ, указавшихъ ему хлѣбные склады. Кромѣ того, Іоаннъ, по сожженіи города, могъ приблизить къ крѣпости свои баттареи и началъ громить ея стѣны. Довойна, видя невозможность успѣшно продолжать оборону, вступилъ въ переговоры и сдалъ Полоцкъ (15 февр. 1563). Царь строго обошелся съ литовцами, а поляковъ освободилъ, желая тѣмъ показать, что не ведетъ войны съ Польшей. Извѣстіе о взятіи Полоцка понудило короля закрыть сеймъ и поспѣшить отъѣздомъ въ Литву, гдѣ Радзивиллъ, увеличивъ, свои силы, тщетно пытался возвратить эту крѣпость. Прибытіе короля не много помогло дѣлу. Вмѣсто того, чтобы призвать народъ къ оружію, онъ отправилъ къ Іоанну посольство съ просьбою о перемиріи. Переговоры были прерваны, потому что Іоаннъ продолжалъ требовать признаніе его царемъ а также уступки Ливоніи, на что послы ни въ какомъ случаѣ не могли согласиться. Нужно было готовиться къ продолженію войны, въ которой, собственно, Польша не хотѣла принимать участія, хотя коронное войско и сражалось противъ русскихъ.

Въ тоже время Эрикъ, герцогъ брауншвейгскій, возбудилъ сильныя опасенія въ Пруссіи и Великопольшѣ, вступивъ въ Пруссію съ 17,000 войскомъ подъ предлогомъ поданія помощи королю противъ Россіи. Поголовное ополченіе изъ Пруссіи и Великопольши заградило путь незванному союзнику, желавшему перейти

Вислу у Тчева. Послѣ долгаго торга, городъ Данцигъ далъ ему, въ видѣ займа, 13,000 талеровъ выкупа, послѣ чего онъ отступилъ.

Между тѣмъ возникли важныя событія въ Валахіи. Томжа, свергнувъ своего предшественника, захватилъ власть. Противная сторона предложила званіе господаря Димитрію Вишневецкому, который, не долго думая, принялъ предложеніе. Но Томжа разбилъ его войско, а самаго взялъ въ плѣнъ и отослалъ въ Стамбулъ, гдѣ Вишневецкій, по приказанію султана, былъ, вмѣстѣ съ Пясецкимъ, преданъ мучительной смерти (растерзанъ крючьями)· Правленіе Томжи было непродолжительно. Прежній господарь, Александръ, пріобрѣлъ себѣ благосклонность султана и при помощи турецкаго войска, безъ труда свергнулъ противника. Томжа, съ нѣсколькими приверженцами, бѣжалъ въ Львовъ, но Сигизмундъ-Августъ, приказалъ лишить его жизни, какъ виновника гибели многихъ поляковъ.

Піотрковскій сеймъ, отсроченный по случаю взятія Полоцка, долженъ былъ собраться въ Ломжѣ (въ концѣ 1563), но состоялся въ Варшавѣ. Сначала занятія его ограничивались дальнѣйшею повѣркою жалованныхъ грамотъ на имѣнія, входившія въ составъ королевскихъ староствъ, и разсмотрѣніемъ дѣлъ, такъ называемой экзекуціи уставовъ. При обсужденіи этихъ дѣлъ, столь щекотливыхъ для аристократіи, сеймъ встрѣчалъ сильное сопротивленіе, а какъ и на этомъ съѣздѣ окончить ихъ было неудобно, то рѣшено, чтобы арендаторы королевскихъ имѣній сохранили свои права до окончанія ревизіи. На этомъ же сеймѣ было подвинуто дѣло о присоединеніи Пруссіи. Такъ какъ литовцы, побуждаемые королемъ, искренно желавшимъ соединенія ихъ съ короною, пріѣхали на сеймъ въ значительномъ числѣ, то, чтобы не задерживать ихъ, рѣшено—всѣ другія дѣла отложить, такъ какъ война съ Россіей требовала скорѣйшаго возвращенія литовцевъ на родину. Переговоры съ ними, вскорѣ были прерваны, потому что они не имѣли достаточныхъ полномочій. Король назначилъ Литвѣ новый сеймъ въ Бѣльскѣ (на Троицу 1564), вслѣдъ за которымъ

долженъ былъ собраться общій сеймъ Литвы и Польши (24 іюня) въ Парчовѣ, для окончательнаго рѣшенія, столь важнаго для обоихъ народовъ, дѣла. Такъ какъ король царствовалъ въ Польшѣ по избранію, а великое княжество считалось наслѣдственнымъ, то Сигизмундъ-Августъ сложилъ съ себя наслѣдственное право, чтобы устранить и это препятствіе, и облегчить тѣмъ желанное соединеніе народовъ въ одну общую рѣчьпосполитую. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что съ этихъ поръ выборъ короля и сеймы должны быть общіе для Литвы и Польши, и что въ случаѣ, если онъ оставитъ потомство, то соединенная рѣчьпосполитая назначитъ ему соотвѣтственное содержаніе, для того, чтобы не было надобности отдѣлять въ его пользу, какой нибудь удѣлъ. Онъ утвердилъ также за обоими народами неприкосновенность ихъ привилегій и обычаевъ, при одинаковомъ законодательствѣ, на сколько эти обычаи не будутъ препятствовать единству. Земскіе послы въ благодарность королю за важныя уступки, сдѣланныя имъ въ пользу столь желаннаго вѣчнаго соединенія съ Литвою, собрали въ пользу его казны весьма значительную подать.

Между тѣмъ, какъ въ Варшавѣ совѣщались на сеймѣ, кипѣла борьба съ Россіей. Іоаннъ, по отъѣздѣ литовскихъ пословъ, снова началъ войну и двинулъ 40,000 войска подъ начальствомъ Курбскаго въ Бѣлоруссію. Коронный гетманъ, Флоріанъ Зебржидовскій, стоявшій въ Езерищахъ, по болѣзни не могъ самъ принять начальство надъ войскомъ и послалъ противъ Іоанна, Станислава Лесіовольскаго съ 1500 человѣкъ и нѣсколькими орудіями. Лесіовольскій сразился съ Курбскимъ подъ Невелемъ и послѣ сраженія, продолжавшагося цѣлый день, совершенно разбилъ его. Самъ русскій военачальникъ бѣжалъ въ Литву, боясь отвѣтственности передъ Іоанномъ за проигранное сраженіе. Царь, разгнѣванный этимъ пораженіемъ, послалъ въ Литву двѣ новыя арміи. Одну въ 50,000 человѣкъ, подъ начальствомъ князя Петра Серебрянаго, другую въ 30,000, предводимую Шуйскимъ. Серебряный расположился на рѣкѣ Крапивной, не далеко отъ Орши, а Шуйскій подъ Чашниками. Оба войска должны были соединиться на друц-

кихъ поляхъ и итти прямо на Вильно. Николай Радзивиллъ, гетманъ литовскій, узнавъ о движеніи Шуйскаго, напалъ на него съ 10,000 человѣкъ подъ Улой (25 янв. 1564) и разбилъ совершенно. 20,000 русскихъ вмѣстѣ съ военачальникомъ легли на полѣ битвы или во время преслѣдованія, а остальные съ трудомъ успѣли укрыться въ Полоцкъ. Зебржидовскій двинулся противъ Серебрянаго, но узнавъ о пораженіи Шуйскаго изъ перехваченныхъ имъ писемъ къ Филону Кмитѣ, старостѣ города Орши, отступилъ съ поспѣшностью, оставивъ полякамъ въ добычу весь свой лагерь.

Война изъ-за Ливоніи была ведена не только съ Россіей но и съ Швеціей. Эрикъ XIV, овладѣвъ Финляндіей, посадилъ въ тюрьму брата своего Іоанна, мужа Екатерины Ягелло, и владѣя уже Эстоніей, выдалъ сестру свою за герцога мекленбургскаго, Христофа, коадьютора рижскаго архіепископа, чтобы при его содѣйствіи овладѣть Ливоніей. Сигизмундъ-Августъ вмѣстѣ съ Даніей, хотя и помогалъ Кетлеру литовскимъ войскомъ, но будучи принужденъ въ тоже время воевать и съ московскимъ царемъ, не могъ вытѣснить шведовъ изъ Эстоніи, не смотря на одержанный надъ ними перевѣсъ и на плѣнъ Христофа, который былъ заключенъ въ Равѣ. Эта война съ Швеціей, веденная на морѣ и на сухомъ пути, затрудняла торговлю на балтійскомъ морѣ и потому, при посредничествѣ императора, съѣхались въ Ростокѣ уполномоченные обѣихъ сторонъ для переговоровъ. Отъ поляковъ прибыли—Янъ Костка, каштелянъ Данцига и Мартинъ Кромеръ. Но все оказалось напраснымъ, потому что шведскіе уполномоченные не явились. Сигизмундъ связанный союзомъ съ Даніею, не хотѣлъ заключать отдѣльнаго мира съ Эрикомъ, не смотря на предложенія послѣдняго.

Желая еще болѣе повредить Швеціи, онъ побудилъ Данцигъ вооружить флотилію, которая, впрочемъ, была разбита шведами при островѣ Наргенѣ, и съ тѣхъ поръ уже не выходила въ море. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ выдавать свидѣтельства для захвата судовъ какъ шведскихъ такъ равно и другихъ, плывущихъ въ

Швецію, но вскорѣ, по просьбѣ жителей Данцига, боявшихся мести, отмѣнилъ это распоряженіе.

Удачный отпоръ данный Россіи, открылъ королю возможность послать войско въ Ливонію въ помощь Кетлеру, самъ же онъ поѣхалъ на литовскій сеймъ въ Бѣльскъ, для совѣщаній объ условіяхъ вѣчнаго соединенія Литвы съ Польшею. Не легко было достигнуть этого соединенія. Литовскіе паны противились единству, особенно изъ опасенія, что, слившись съ Польшею, они утратятъ свои аристократическія привиллегіи, такъ какъ въ Польшѣ сословіе землевладѣльцевъ уже достигло гражданской равноправности, чего непремѣнно требовало теперь и литовское. Король искренно трудился надъ выполненіемъ задуманнаго дѣла, не щадя ни совѣтовъ, ни стараній, чтобы устранять представлявшіяся препятствія. Литовскіе землевладѣльцы усердно поддерживали его, потому что единство обѣщало имъ равноправность одинаковую съ коронными землевладѣльцами. Но тѣмъ упорнѣе было сопротивленіе пановъ, видѣвшихъ въ этомъ посягательство на ихъ ископныя привиллегіи. По этому поводу переговоры затянулись до конца іюля, хотя коронная шляхта ждала въ Парчовѣ пріѣзда короля и литвиновъ. Но и въ Парчовѣ дѣло не было рѣшено, и пришлось отложить его, такъ какъ литвины, послѣ долгихъ споровъ, разъѣхались по домамъ, по поводу войны съ Россіей. Король получилъ дозволеніе занять подъ залогъ 300,000 злотыхъ. Изъ Парчова король поѣхалъ на коронный сеймъ въ Піотрковъ (6 янв. 1565), гдѣ продолжалъ совѣщаться съ чинами объ управленіи рѣчипосполитой. Всѣ злоупотребленія и недостатки въ управленіи, сеймъ приписывалъ нерадѣнію сенаторовъ и чиновниковъ, и потому хотѣлъ поручить какому нибудь лицу наблюденіе за ихъ дѣйствіями. Послѣ продолжительныхъ споровъ о томъ, какъ назвать то лицо, которое въ отсутствіе короля, слѣдило бы за исполненіемъ чиновниками ихъ обязанностей, ограничились изданіемъ болѣе строгихъ постановленій о нерадѣніи по службѣ. Рѣшено, что предводители дворянства и подскарбіи не могутъ въ тоже время занимать другія должности; въ дѣлахъ касающихся чести предписано производить строжайшее

изслѣдованіе. Рѣшено также, что старосты не могутъ быть призываемы къ суду за невыполненіе приговоровъ духовныхъ судилищъ, и что евреи не должны быть назначаемы ни въ какія должности. Королю дозволено занять подъ залогъ староствъ 500,000 злотыхъ, съ тѣмъ однако, что имущества эти не могутъ быть отдаваемы въ залогъ лицамъ княжескихъ родовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожено рѣшеніе парчовскаго сейма, о сборѣ 300,000 злотыхъ путемъ налоговъ. Рѣшеніе остальныхъ дѣлъ, касающихся, какъ экзекуціи, такъ и единства, отложено до слѣдующаго сейма.

Сигизмундъ-Августъ, твердо поддерживая дѣло единства, назначилъ сеймъ для Литвы и Польши въ Люблинѣ (послѣ Рождества 1566). Литовцы заставили себя долго ждать и наконецъ увѣдомили чрезъ пословъ, что быть на сеймѣ не могутъ по причинѣ войны съ Россіей. Такимъ образомъ дѣло единства опять было отложено, хотя главный противникъ его, Николай Радзивиллъ, умеръ (1565).

Не смотря на отсутствіе литовцевъ, на люблинскомъ сеймѣ не было недостатка въ предметахъ для совѣщаній. Прежде всего нужно было привести въ порядокъ дѣла въ Пруссіи, гдѣ нѣсколько нѣмецкихъ выходцевъ, пользуясь преклонными лѣтами герцога Альберта, который отъ старости впалъ въ состояніе дѣтства, и за малолѣтствомъ сына его, тоже Альберта, назначили опекуномъ и правителемъ, безъ вѣдома и согласія короля, зятя стараго герцога, Яна-Альберта, герцога мекленбургскаго. А чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, изгнали прежнихъ, расположенныхъ къ Польшѣ совѣтниковъ короля, двухъ братьевъ Каницовъ, которые пріѣхали на люблинскій сеймъ съ жалобой королю и чинамъ. Для исправленія зла, тотчасъ же отправлены въ Пруссію коммисары, которые, созвавъ чины, принудили старика Альберта выдать новыхъ совѣтниковъ и уничтожить всѣ договоры съ зятемъ. Двое изъ этихъ совѣтниковъ были казнены (28 окт.), а другіе двое изгнаны; регентство, до совершеннолѣтія молодаго Альберта II, поручено гофмейстеру Іоанну изъ Вальбурга и канцлеру Іоанну Крайцу. Другой предметъ совѣщаній составляли отношенія короля къ

супругѣ его Екатеринѣ. Тяжкая болѣзнь, постигшая Екатерину, разъединяла ее съ королемъ, который удалилъ ее спачала въ Велюнь, а потомъ хотѣлъ отослать въ Ракузу. Посольская изба, подъ предсѣдательствомъ Якова Остророга, занялась этимъ дѣломъ и убѣждала короля, непосредственно и черезъ сенаторовъ, жить съ женою, какъ слѣдуетъ христіанскому государю. Примасъ Уханскій, чтобы умолить короля, бросился къ нему въ ноги. Король взволнованный сошелъ съ трона, и, поднявъ архіепископа, попросилъ одинъ день на размышленіе. На слѣдующій день, изложивъ подробно причины, заставляющія его удалять отъ себя Екатерину, онъ просилъ собраніе не настаивать болѣе по этому дѣлу, говоря, что скорѣе согласится умереть, чѣмъ жить съ женою. Желая доказать, что не питаетъ ни къ кому неудовольствія за эту попытку, онъ далъ Остророгу вакантное послѣ Косцелецкаго староство великопольское. Свѣдущій въ дѣлахъ вѣры, Сигизмундъ-Августъ въ другихъ отношеніяхъ истый литовскій сарданапалъ, требовалъ отъ сейма постановленій, необходимыхъ для усмиренія тѣхъ религіозныхъ сектъ, которыя, подъ вліяніемъ дерзскаго увлеченія стремились подорвать главныя основанія религіи. Это требованіе, главнымъ образомъ, было направлено противъ социніанъ. Но сеймъ, уважая свободу совѣсти, ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ согласиться на эту мѣру, признавая совершенно справедливо, что въ дѣлахъ вѣры судъ долженъ исходить отъ самаго Бога, и потому совѣсть людей не должна быть подчиняема общественнымъ законамъ.

Ни Липомани, ни преемникъ его, Коммендони, не могли склонить народъ къ религіознымъ преслѣдованіямъ, тѣмъ болѣе, что часть высшаго духовенства и даже примасъ Уханскій, будучи католиками, не забывали, что они, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могутъ видѣть враговъ въ своихъ соотечественникахъ, не раздѣляющихъ ихъ религіозныя убѣжденія. Къ тому же новая секта считала въ рядахъ своихъ послѣдователей столько землевладѣльцевъ, что нельзя было употребить противъ нея строгихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что, не смотря на разность ученія, всѣ они дѣйствовали

единодушно, какъ скоро дѣло касалось сохраненія свободы совѣсти. Кардиналъ Гозій, епископъ вармскій, предсѣдательствовавшій нѣкоторое время въ тридентскомъ соборѣ, первый подалъ мысль поселить между ними раздоры, съ тѣмъ, чтобы пользуясь ихъ рознью, легче одолѣть ихъ, поддерживая однихъ противъ другихъ. Хотя это сначала и не удалось, но приглашенные вслѣдъ затѣмъ іезуиты съумѣли въ точности выполнить планъ Гозія, какъ мы это и увидимъ впослѣдствіи. Слѣдующій сеймъ (1567) долженъ былъ засѣдать въ Люблинѣ, но такъ какъ литовцы не могли принять въ немъ участія, по причинѣ войны съ Россіей, то онъ собрался въ Піотрковѣ. Здѣсь постановлено, что король можетъ пользоваться $^3/_5$ доходовъ съ имѣній; $^1/_5$ назначалась на наемное войско, а $^1/_5$ оставалась въ пользу арендаторовъ. Земскіе послы домогались также, чтобы такъ называемые аннаты, то есть, большія приношенія, дѣлаемыя въ пользу Рима вновь назначаемыми епископами, были обращены на оборону страны. Усиліями легата рѣшеніе этого дѣла отложено, а для защиты границъ сеймъ установилъ налогъ, который былъ тѣмъ необходимѣе, что набѣги татаръ на Подолію, а валаховъ на Покуце, требовали увеличенія военныхъ силъ въ этихъ мѣстностяхъ.

Война съ Россіей не прерывалась. Поляки нерѣдко одерживали верхъ надъ русскими войсками въ открытомъ полѣ, и часто, увлекаясь преслѣдованіемъ, доходили до самыхъ границъ Россіи. Впрочемъ временныя побѣды эти не приносили существенной пользы, такъ какъ не удалось отнять у русскихъ, ни Смоленска и Полоцка, ни другихъ городовъ, ими занятыхъ. Опустошеніе страны и отдѣльныя пораженія могли вредить Іоанну, но не могли вынудить у него мира. Нужно было употребить болѣе дѣйствительныя средства, къ чему скоро и представился случай. Созвавъ народное ополченіе, Сигизмундъ-Августъ расположился съ огромнымъ войскомъ подъ Радошковичами. Но простоявъ лагеремъ цѣлыхъ два мѣсяца, король возвратился въ Вильно, получивъ извѣстіе, что царь велѣлъ схватить подосланнаго къ нему измѣнника и посадить на колъ. Все дѣло кончилось отправленіемъ нѣсколькихъ отрядовъ, которые въ

разныхъ мѣстахъ бились съ русскими; затѣмъ заключено временное перемиріе.

Не лучше шли дѣла и въ Ливоніи. Почти вся Эстонія была въ рукахъ шведовъ, которые, подобно русскимъ, стремились распространить свои владѣнія. Кетлеръ, занятый дѣлами своего новаго герцогства, былъ менѣе дѣятеленъ, какъ губернаторъ. Ливонское рыцарство, потерявъ къ нему расположеніе, просило Сигизмунда-Августа назначить своимъ намѣстникомъ кого нибудь изъ литовскихъ пановъ. Король назначилъ Яна Ходкевича, который вскорѣ склонилъ ливонцевъ сдѣлать важныя измѣненія въ актѣ соединенія ихъ съ Литвою. Ливонія, раздѣленная на 4 округа, должна была отнынѣ имѣть сеймъ общій съ Литвою. Суды остались въ прежнемъ видѣ, и только всѣ акты и приговоры должны были быть писаны по-нѣмецки. За исключеніемъ старосты-намѣстника (администратора), который могъ быть литвиномъ, всѣ остальные сенаторы и чиновники должны быть назначаемы изъ мѣстныхъ сословій.

Этотъ новый договоръ былъ утвержденъ литовскимъ сеймомъ въ Гроднѣ (26 декаб. 1566), но и теперь ливонцы не могли избавиться отъ шведовъ и русскихъ, хотя первые потерпѣли сильное пораженіе отъ Тальвоша, а вторые были часто разбиваемы королевскими воеводами. Даже низверженіе съ престола Эрика XIV (1568), преемникомъ котораго сдѣлался обязанный Сигизмунду Іоаннъ, не тотчасъ повело къ миру, хотя военныя дѣйствія на время и прекратились.

Устранивъ множество препятствій къ соединенію Литвы съ Польшею, Сигизмундъ-Августъ созвалъ въ Люблинѣ общій сеймъ обѣихъ націй (23 декаб. 1568). Здѣсь, не безъ сопротивленія со стороны пановъ литовскихъ и бѣлорусскихъ, было окончено это важное дѣло. Нѣкоторымъ изъ нихъ король вынужденъ былъ погрозить лишеніемъ правъ и преимуществъ, чтобы заставить ихъ засѣдать въ общемъ сенатѣ. И такъ Литва, Бѣлоруссія, Пруссія и Мазовія слились теперь съ Польшею (11 авг. 1569) въ одно цѣлое, подъ властью одного избирательнаго короля. Сеймъ долженствовалъ быть общій для всѣхъ отдѣльныхъ частей, а суще-

ствовавшие до тѣхъ поръ отдѣльные сеймы приняли характеръ генеральныхъ сеймиковъ. Экзекуція статута не была распространена на Литву, чтобы легче склонить тамошнихъ пановъ къ соединенію. Ливонія должна была принадлежать сообща Литвѣ и Польшѣ. Нужно сознаться, что наибольшая доля заслугъ въ выполненіи этого великаго дѣла принадлежитъ Сигизмунду-Августу, не щадившему ни трудовъ, ни жертвъ, чтобы завершить его съ полнымъ успѣхомъ. Несчастіемъ можно назвать только то обстоятельство, что установивъ наслѣдство королевскаго престола по избранію, не былъ опредѣленъ закономъ образъ избранія.

На этомъ замѣчательномъ сеймѣ присутствовали послы почти всѣхъ великихъ державъ Европы. Пріѣхалъ также новый прусскій герцогъ Альбертъ II и публично исполнилъ обряды признанія ленной зависимости и присяги на вѣрность, причемъ уполномоченные маркграфовъ бранденбургскихъ, не смотря на сопротивленіе земскихъ пословъ, выхлопотали себѣ у короля дозволеніе прикоснуться къ знамени во время обряда присяги, чѣмъ самымъ Сигизмундъ-Августъ призналъ за ними право наслѣдовать прусскіе лены, въ случаѣ пресѣченія прямаго потомства Альберта.

Люблинское соединеніе, основанное на справедливости и признаніи возможныхъ правъ, усилило рѣчьпосполитую, потому что, предоставляя провинціямъ мѣстную автономію, сливало ихъ между собою въ общемъ для всѣхъ сеймѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ представителемъ льготъ соединенныхъ народовъ. Это было весьма ловкимъ соглашеніемъ между началами провинціальной автономіи и единства. И потому актъ люблинскаго соединенія имѣлъ въ свое время неоспоримую важность *).

Предметомъ занятій люблинскаго сейма, было также дѣло города Данцига, который, казнивъ около двадцати моряковъ, получившихъ отъ короля на время войны свидѣтельства для захвата

*) Мы не раздѣляемъ взгляда автора на люблинское соединеніе, ибо убѣждены, что въ основаніи его вовсе не лежало чувство «справедливость». Но по важности самаго предмета, мы сохраняемъ за собою право, посвятить ему отдѣльное, самостоятельное изслѣдованіе. *Примѣч. перевод.*

шведскихъ судовъ, не только не хотѣлъ дать никакого удовлетворенія, но даже не впустилъ въ городъ королевскихъ коммисаровъ. Располагая значительными военными силами, будучи подчиненъ начальникамъ, которые зависѣли исключительно отъ муниципальнаго совѣта, Данцигъ хотѣлъ казаться независимой республикой. Станиславъ Карнковскій, епископъ куявскій, Янъ Сѣраковскій, воевода ленчицкій, Янъ Костка, каштелянъ Данцига, Николай Фирлей и Симонъ Субискій посланы были въ Данцигъ, въ качествѣ полномочныхъ коммисаровъ короля и сейма. Выборъ былъ сдѣланъ весьма удачно, потому что только такіе умные и умѣренные люди могли рѣшить столь щекотливое дѣло, не прибѣгая къ силѣ. Пріѣхавъ въ Данцигъ безъ вооруженной свиты, они успѣли склонить городской совѣтъ и цехи къ изъявленію покорности и изданію постановленій, извѣстныхъ подъ названіемъ устава Карнковскаго и имѣвшихъ цѣлію сдѣлать невозможными, на будущее время, подобныя волненія и безпорядки. Умѣренностью и совѣтами они обезоружили гордый Данцигъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи большія средства и сильныя связи въ Германіи. На варшавскомъ сеймѣ (1570) король и земскіе послы выразили имъ вполнѣ заслуженную благодарность за искусное окончаніе дѣла, которое легко могло привести къ междоусобной войнѣ, возбуждавшей всеобщія опасенія. Сеймъ утвердилъ все сдѣланное коммисарами, а король, по ходатайству ихъ, даровалъ Данцигу полное прощеніе. Король и рѣчьпосполитая пріобрѣли большее противъ прежняго вліяніе на Данцигъ, не смотря на то, что никто изъ жителей не подвергся казни или тюремному заключенію за непокорность города и нанесенное ими тяжкое оскорбленіе королевскимъ коммисарамъ.

Соединеніе Литвы съ Польшею не могло не возбудить опасеній Іоанна и опасеній не напрасныхъ. Съ одной стороны Сигизмундъ-Августъ и союзникъ его, Фридрихъ датскій, заключили миръ съ Швеціей, а съ другой онъ обезпечилъ себя союзомъ съ султаномъ противъ набѣговъ татаръ. Когда затѣмъ татары ворвались въ русскіе предѣлы и даже опустошали окрестности Москвы, то царь согласился отправить къ королю пословъ для заключенія

мира. Хотя король и принялъ ихъ милостиво, однако заключеніе мира не могло состояться на условіяхъ предлагаемыхъ Іоанномъ, и военныя дѣйствія прекратились какъ-бы сами собою.

Такимъ образомъ борьба утихла на всѣхъ границахъ рѣчипосполитой. Только въ Валахіи (1572) опять возникла война. Богданъ, сынъ бывшаго воеводы Александра, пользуясь дружбою съ многими польскими панами, сдѣлался при помощи ихъ господаремъ. Такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъявилъ покорность Сигизмунду-Августу и обѣщалъ выставить ему въ помощь 20,000 войска, по первому требованію, то послѣдній ходатайствовалъ за него передъ султаномъ, чрезъ посла своего, Тарановскаго. Но еще до пріѣзда Тарановскаго въ Стамбулъ, Ивоня, поддерживаемый многими знатными валахами, получилъ званіе господаря отъ султана Селима и вторгнулся въ Валахію съ 20,000 турецкимъ войскомъ. Богдана поддерживали 1,300 польскихъ волонтеровъ подъ начальствомъ Николая Мелецкаго, который удачно боролся съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, но, убѣдясь наконецъ въ невозможности удержать Богдана господаремъ противъ воли самихъ валаховъ, отступилъ къ Днѣстру. Во время отступленія, неутомимо преслѣдуемый непріятелемъ, онъ удачно отбивался, и когда наконецъ коронный гетманъ Язловецкій прибылъ къ Днѣстру съ 800 коней, то начались переговоры съ турками и Ивоней. Послѣдній обязался признать власть короля и даже далъ присягу на вѣрность, за что ему выдали Богдана и отдали Хотимъ, занятый въ то время польскимъ войскомъ.

Въ одно время съ событіями въ Валахіи король созвалъ сеймъ въ Варшавѣ (въ маѣ), но погода препятствовала засѣданіямъ. Сильно разстроенное здоровье Сигизмунда-Августа свело его въ могилу въ Кнышинѣ 7 іюля 1572 г. Какъ послѣдній потомокъ Владислава Ягеллы въ мужской линіи, онъ завершилъ собою счастливое для Польши правленіе этой династіи. При немъ и при отцѣ его Польша процвѣтала во всѣхъ отношеніяхъ. Просвѣщеніе и благосостояніе достигли высокой степени, а сила соединенной рѣчипосполитой внушала сосѣдямъ уваженіе. Польское войско про-

славилось мужествомъ во многихъ сраженіяхъ, а разныя льготы и и выгоды привлекали въ Польшу множество ученыхъ, которые, вмѣстѣ въ поляками, трудились надъ распространеніемъ просвѣщенія. Религіозныя разногласія, возбуждавшія во всей западной Европѣ кровавыя междоусобныя войны, приняли въ Польшѣ совершенно особенный видъ. Вызвавъ безчисленныя письменныя разсужденія и споры, они послужили къ развитію отечественной литературы. Такъ какъ сектаторы, желая расположить въ свою пользу общественное мнѣніе, стали писать на языкѣ польскомъ, то и католическое духовенство было вынуждено дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ. Учреждено много школъ и типографій и, однажды возбужденное, стремленіе къ просвѣщенію, дало прекрасные плоды. Польскій языкъ получилъ задатки развитія подъ перомъ Рея, Кохановскихъ, Бѣльскаго, Гурницкаго, Оржеховскаго, и другихъ свѣтскихъ и духовныхъ писателей. Царствованія обоихъ Сигизмундовъ и нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ нихъ, справедливо названы золотымъ вѣкомъ польской письменности. Сигизмундъ-Августъ, какъ его и прозвали въ Европѣ „литовскимъ сарданапаломъ", тѣмъ не менѣе покровительствовалъ просвѣщенію и не допускалъ религіозныхъ преслѣдованій. Предпочитая миръ войнѣ, онъ велъ войны нерѣшительно. Будучи упрямаго характера, вслѣдствіе ложнаго направленія въ воспитаніи, онъ всегда хотѣлъ поставить на своемъ, хотя врожденная доброта и привязанность къ отечеству часто пересиливали его упорство. Слабость къ прекрасному полу была причиною того, что онъ, въ особенности по удаленіи Екатерины, подчинялся во всемъ вліянію женщинъ. Любя откладывать дѣла, онъ до того долго затягивалъ вопросъ о наслѣдствѣ престола, что умеръ, не рѣшивъ его.

Извѣстіе о смерти короля заставило народъ подумать о средствахъ къ обезпеченію общественнаго спокойствія. Слѣдствіемъ этого были многочисленные съѣзды, на которыхъ заключена конфедерація для внѣшней и внутренней обороны рѣчипосполитой во время междуцарствія. Польскіе жители галицкой Руси и Подоліи, собравшись въ Глинянахъ, обязались другъ передъ другомъ честью

и вѣрою, что не отдѣлятся отъ Польши. Съѣздъ въ Ловичѣ, у архіепископа гнѣзненскаго, отправилъ пословъ въ Литву, чтобы согласиться о времени и мѣстѣ избранія короля и просить собраться на общія совѣщанія. Послѣдствіемъ этого приглашенія было собраніе нѣкоторыхъ сенаторовъ коронныхъ и литовскихъ въ Кнышинѣ (24 авг.). Здѣсь рѣшено произвести избраніе короля на полѣ, подъ Люблиномъ. Но такъ какъ нигдѣ въ Польшѣ не было назначено собирать сеймики, предшествующіе всегда избранію короля, то стало ясно, что паны хотятъ присвоить себѣ исключительное право избранія. Взволнованные этимъ землевладѣльцы великопольскіе составили конфедерацію въ Колѣ и, учредивъ тамъ *полевые* (*каптуровые* *) суды противъ нарушителей спокойствія во время междуцарствія, рѣшили оказать сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ и отмстить всѣмъ, ктобы захотѣлъ избрать короля небольшимъ числомъ лицъ, а не большинствомъ голосовъ. Собраніе извѣстило объ этомъ архіепископа гнѣзненскаго, Ухапскаго. Такое рѣшительное объявленіе заставило примаса собрать совѣтъ сенаторовъ въ Каскахъ подъ Варшавой. Онъ долженъ былъ сдѣлать это тотчасъ по смерти короля, чтобы предупредить не только произвольные съѣзды, но и происки иностранныхъ агентовъ, въ особенности ракузскихъ, которые разъѣзжая по Польшѣ и Литвѣ, старались пріобрѣсть деньгами и обѣщаніями голоса въ пользу своихъ кандидатовъ.

Совѣтъ сенаторовъ рѣшилъ, что конвокаціонный сеймъ, который назначитъ время, мѣсто и порядокъ избранія короля, соберется (6 янв. 1575), а сеймики, обыкновенно предшествующіе сейму, (13 декабря). Кромѣ того назначены мѣстопребыванія для ино-

---

*) Въ числѣ разнаго вида судовъ, въ прежней Польшѣ существовали, въ каждомъ воеводствѣ, такъ называемые, каптуровые суды; но независимо отъ нихъ былъ—*всеобщій каптуровый судъ*. Онъ состоялъ изъ 3 сенаторовъ (двое отъ короны и одинъ отъ Литвы) и 12 пословъ. Въ этихъ судахъ разсматривались преступленія, возникавшія во время междуцарствія. При Станиславѣ-Августѣ (1768) эти суды окончательно распущены, и съ этихъ поръ судопроизводство по помянутымъ дѣламъ сосредоточивалось въ обыкновенныхъ судахъ.

Примѣч. перевод.

странныхъ пословъ, которымъ, на время избранія, слѣдовало быть, какъ бы подъ надзоромъ, для того, чтобы своими происками не искушать гражданъ. Королевнѣ Аннѣ, сестрѣ покойнаго короля, не хотѣли дозволить жить въ Варшавѣ, изъ опасенія вреднаго вліянія, которое она могла имѣть на избраніе короля, но вскорѣ отмѣнили это рѣшеніе. Объявлено также, что каждый гражданинъ, желающій выѣхать за границу, долженъ извѣстить о томъ пограничнаго старосту. Наконецъ изданы универсалы ко всѣмъ старостамъ, арендаторамъ и чиновникамъ вѣдомства финансовъ, съ предписаніемъ, чтобы, подъ опасеніемъ потери должностей, тотчасъ же сдали подскарбію доходы, слѣдующіе съ солянаго акциза, таможенъ и староствъ, и на конвокаціонномъ сеймѣ *) представили о томъ подробный отчетъ. Въ Литву отправлены послы, для сообщенія постановленій сенатскаго совѣта, съ запросомъ о цѣли посольства Гарабурды къ царю Іоанну. Польское посольство прибыло въ Литву во время съѣзда пановъ въ Мсцибовѣ (5 декаб.). Ему отвѣчали что литовцы не могутъ пріѣхать на конвокаціонный сеймъ, потому что имъ слѣдуетъ сначала на общемъ собраніи въ Вильнѣ условиться съ землевладѣльцами, такъ какъ въ актѣ соединенія говорится только объ общемъ избраніи, но ничего не упоминается о конвокаціи. Требовали вмѣстѣ съ тѣмъ присоединенія Подоліи и Волыни къ Литвѣ, а королевнѣ Аннѣ, которая говорила о своемъ наслѣдственномъ правѣ на всю Литву, просили сообщить, что будучи свободнымъ народомъ, а не рабами, литовцы не признаютъ ни за кѣмъ наслѣдственныхъ правъ надъ собою. Жаловались также на то, что съѣздъ въ Каскахъ назначилъ, безъ ихъ вѣдома, сеймикъ для Ливоніи, не смотря на то, что послѣдняя принадлежала въ одинакой степени Литвѣ и Польшѣ. Домогались также, чтобы курсъ литовской монеты былъ одинаковъ въ Польшѣ и Литвѣ. О цѣли посольства Гарабурды говорили, что послѣдній не имѣлъ порученія вступать въ переговоры съ Іоанномъ объ уступкѣ Ливоніи или о дѣлѣ

---

*) *Конвокаціонные* сеймы собирались обыкновенно послѣ смерти короля. Въ этихъ собраніяхъ предсѣдательствовалъ, вмѣсто короля, примасъ. Эти сеймы имѣли всегда характеръ конфедераціонный. *Примѣч. перевод.*

избранія короля, но былъ посланъ для того, чтобы продолжить перемиріе на время междуцарствія.

Вездѣ на малопольскихъ сеймикахъ условились въ томъ, что избраніе должно быть произведено въ самомъ непродолжительномъ времени, въ противномъ случаѣ грозили сенаторамъ назначить собраніе для изслѣдованія причинъ замедленія. Нѣкоторыя воеводства требовали ограниченія власти примаса, сообразно смыслу уставовъ, а другія выразили мнѣніе, что слѣдуетъ запретить пріѣзжать на избирательный сеймъ съ вооруженной свитой. Въ пограничныхъ воеводствахъ, особенно со стороны Венгріи и Силезіи, приняты мѣры для обороны границъ, на случай непріятельскаго вторженія, такъ какъ ракузскій дворъ былъ подозрѣваемъ въ намѣреніи поддерживать своего кандидата силою оружія. Инструкціи, данныя посламъ великополянами, противорѣчили одна другой.

Въ назначенное время, конвокаціонный сеймъ собрался въ Варшавѣ. Литовцы не приняли въ немъ участія, опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны Россіи, и отправили только нѣсколькихъ депутатовъ съ своего сейма для того, чтобы условиться о времени и мѣстѣ избранія. Съ своей стороны они выражали желаніе, чтобы избраніе происходило въ Парчовѣ, послѣ дня св. Войцѣха, когда уже выростетъ трава, что доставитъ возможность пріѣзжающимъ на сеймъ продовольствовать лошадей подножнымъ кормомъ. Послы, повторивъ требованія о Подоліи, Волыни и курсѣ монеты, должны были предъявить новыя, касающіяся различныхъ отраслей управленія и обороны Литвы. Сеймъ не согласился на съѣздъ въ Парчовѣ и назначилъ его въ Варшавѣ, куда имѣлъ право пріѣхать каждый землевладѣлецъ для подачи голоса. Нѣкоторыя справедливыя требованія литвиновъ были удовлетворены, тѣ же, которыя вели къ ущербу люблинскаго акта соединенія, были искусно отклонены. Посламъ ленныхъ князей, домогавшихся права голоса при избраніи короля, отказано.

Не менѣе важны были и другія внутреннія дѣла. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ ограниченіи правъ примаса. Новоеѣрцы не хотѣли признавать его вторымъ лицомъ послѣ короля и отка-

зывали ему въ соотвѣтствующей этому званію власти. Споръ оживился, и Уханскій, побуждаемый епископами, написалъ обширное изложеніе доказательствъ въ пользу правъ своего званія, цитируя многія узаконенія двухъ предшествовавшихъ вѣковъ. Онъ издалъ даже торжественный протестъ противъ всякаго ограниченія своей власти. Гораздо болѣе споровъ и раздраженія вызвалъ вопросъ о порядкѣ избранія. Одни хотѣли, чтобы король былъ избранъ общимъ сеймомъ; другіе требовали всеобщей подачи голосовъ для военнаго сословія. Послѣ долгихъ совѣщаній, избрана была средняя мѣра: рѣшено, что на выборы можетъ пріѣхать всякій, а сенатъ, съ извѣстнымъ числомъ лицъ, назначенныхъ землевладѣльцами, выберетъ короля, котораго присутствующія воеводства могутъ утвердить или отвергнуть. Избирательный съѣздъ былъ назначенъ въ Варшавѣ (5 апр.), и такъ какъ пріѣзжавшимъ туда по пути нельзя было производить безпорядковъ, то, пріѣхавъ въ городъ, каждый долженъ былъ присоединиться къ своему воеводству, а на самомъ избраніи быть безъ оружія. Для обороны рѣчипосполитой опредѣленъ налогъ, въ счетъ котораго положено нанять 20,000 войска, кромѣ того приказано приготовиться къ повсемѣстному ополченію, на случай надобности. Наконецъ конфедерація воеводствъ замѣнена конфедераціей цѣлой рѣчипосполитой, въ которой постановлено, что только тотъ можетъ быть избранъ королемъ, кто обяжется присягою сохранить согласіе между различными религіозными исповѣданіями, и не дозволитъ ни гоненій и судебныхъ преслѣдованій за вѣру, ни лишенія должностей и званій за разность исповѣданій. Въ воеводствахъ назначены сеймики, которые должны собраться послѣ варшавскаго сейма; здѣсь землевладѣльцамъ дозволено принять или отвергнуть вышеприведенныя постановленія, такъ какъ почти ни одно рѣшеніе на сеймѣ не было принято единогласно, и недовольные дѣлали обращенія ко всему народу.

Сеймики были весьма бурны. Великополяне на сеймикѣ въ Сродзѣ постановили слѣдующее. Въ Варшаву дозволяется пріѣзжать со свитою, какую кто соберетъ, но присутствующіе на самомъ

собраніи не должны имѣть при себѣ оружія, ни холоднаго ни огнестрѣльнаго. Сенатъ, вмѣстѣ съ депутатами отъ войска, составитъ правила для охраненія порядка на время выборовъ, и поручитъ выполненіе ихъ коронному маршалу; предъ избраніемъ должны быть сдѣланы исправленія въ уставахъ и произведенъ розыскъ или слѣдствіе о причинахъ смерти короля и расхищенія оставшагося послѣ него имущества. Дѣла по избранію должны начаться съ выслушанія иностранныхъ пословъ. На требованіе налога и созваніе народнаго ополченія изъявлено согласіе. Гораздо болѣе шуму было на сеймикѣ воеводства краковскаго, собравшагося въ Прошовицахъ. Землевладѣльцы, избравъ маршаломъ Олесницкаго, выслушали сначала отчеты своихъ пословъ и объявили затѣмъ, что налога не заплатятъ, и на избраніе короля поѣдутъ всѣ съ оружіемъ, но прежде соберутся еще разъ, послѣ Пасхи, въ Тарчинѣ, откуда отошлютъ оружіе домой, убѣдившись, что другіе воеводства сдѣлали тоже. Рѣшено также, что дѣло о конфедераціи послѣдователей различныхъ исповѣданій не касается конвокаціи и можетъ быть только предметомъ избирательнаго сейма. По поводу налога жаловались на пановъ, которые, забравъ имущества, назначенныя для покрытія расходовъ страны, сваливаютъ на землевладѣльцевъ всѣ тягости, какъ на рабочихъ ословъ. Другіе малопольскія воеводства приняли рѣшеніе конвокаціоннаго сейма.

Литовцы, съ своей стороны, собрались въ Вильно, и разослали письма на коронные сеймики, съ просьбою назначить избирательный сеймъ въ Литвѣ, вмѣсто Варшавы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они оправдывались въ нареканіяхъ и подозрѣніяхъ, выраженныхъ на конвокаціонномъ сеймѣ, будто бы они вели тайные переговоры съ русскимъ царемъ объ избраніи короля и объ ливонскихъ крѣпостяхъ. Впрочемъ объявили, что если-бы даже и признано было невозможнымъ отложить сеймъ или назначить его въ Литвѣ, то они все-таки постараются принять въ немъ участіе, чтобы доказать своимъ братьямъ желаніе дѣйствовать съ ними за-одно.

И такъ приближалась рѣшительная минута избранія новаго

короля. Всѣ партіи были въ сильномъ движеніи, такъ какъ каждая желала видѣть короля, соотвѣтствующаго ея видамъ. Часть католиковъ и, въ особенности, духовенство, настроенные легатомъ Комендони, поддерживали Эрнеста, эрцгерцога ракузскаго, сына императора Максимиліана. Лютеране и кальвинисты желали избрать Іоанна, короля шведскаго, мужа Екатерины Ягелло. Литовцевъ подозрѣвали въ желаніи видѣть королемъ царя Іоанна или сына его Өедора. Многочисленнѣе всѣхъ была партія Генриха Валуа, брата Карла IX, короля французскаго, такъ какъ его поддерживала большая часть католиковъ, а французскій посолъ, Монлюкъ, успѣлъ даже убѣдить приверженцевъ лютерова ученія, не смотря на свѣжее еще впечатлѣніе варѳоломеевской ночи, что претендентъ далекъ отъ мысли о религіозныхъ преслѣдованіяхъ. Всѣ эти партіи приготовились къ борьбѣ на избирательномъ поприщѣ. Не смотря на то, въ странѣ господствовали согласіе и порядокъ, а насилія и нарушенія закона случались рѣже, чѣмъ при жизни короля.

Избирательный съѣздъ подъ Варшавой, у деревни Камень, былъ очень многочисленъ. Явилось болѣе 50,000 землевладѣльцевъ. Сначала были изданы строгія правила для сохраненія общественнаго порядка, за нарушеніе котораго полагалась смертная казнь. Строжайше запрещено насильственное собираніе продовольствія. Коронный маршалъ, съ нѣсколькими стами своихъ слугъ, долженъ былъ наблюдать за порядкомъ, а ослушниковъ предавать суду, состоявшему изъ нѣсколькихъ сенаторовъ и военныхъ. Литовцы, еще не успѣвшіе прибыть, но бывшіе уже въ пути, просили отложить избраніе до ихъ пріѣзда. Имъ объявлено рѣшительно, что выборовъ отложить нельзя и, если они не хотятъ опоздать, то должны поспѣшить, что они и сдѣлали. Затѣмъ приступлено къ выслушанію пословъ, начиная съ папскаго легата. Легатъ объявилъ собранію о неизмѣнномъ благоволеніи папы и, воздавъ хвалу образцовому порядку, не нарушенному въ Польшѣ во время междуцарствія, совѣтовалъ избрать королемъ добраго католика, указывая на домъ ракузскій. Но когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ порицать конфедерацію, составленную различными исповѣданіями, то

вызвалъ такое волненіе, что рѣчь его была даже прерываема. Впрочемъ это не смутило его. Императорскіе послы представляли выгоды, какія пріобрѣтетъ народъ, избравъ королемъ эрцгерцога Эрнеста, и старались очистить ракузскій домъ отъ нареканій во всегдашнемъ стремленіи лишить свободы и самостоятельности сосѣднія страны и, подчинивъ ихъ себѣ, уничтожить ихъ народность. Именемъ императора, они обѣщали помощь противъ Россіи и всѣхъ другихъ враговъ, обѣщали уничтожить пошлину съ венгерскаго вина, возвратить всѣ земли, завоеванныя въ послѣднее время царемъ, и дать воспитаніе ста молодымъ людямъ изъ шляхтичей въ Вѣнѣ или въ Италіи, и т. п.

Монлюкъ, въ длинной рѣчи, говорилъ о благородствѣ поляковъ, старался показать сходство ихъ народнаго характера съ характеромъ французовъ, и выводилъ отсюда необходимость тѣсной связи между обоими народами. Преимущественно, имѣя въ виду приверженцевъ реформаціи, онъ доказывалъ, что кандидатъ его, Генрихъ, будучи ревностнымъ католикомъ, способенъ вмѣстѣ съ тѣмъ уважать свободу совѣсти, и что онъ не только не принималъ участія въ грустныхъ событіяхъ 24 авг. 1572, но даже порицалъ ихъ, чему доказательствомъ можетъ служить его собственноручное письмо, которое предлагалъ представить сейму. Монлюкъ указалъ при этомъ, что царствующій домъ во Франціи не стремится подобно другимъ (намекъ на Австрію) къ стѣсненію народностей и обѣщалъ много значительныхъ выгодъ, если поляки выберутъ Генриха. Искусная рѣчь Монлюка произвела хорошее впечатлѣніе въ собраніи.

Шведское посольство, предлагая кандидатомъ своего короля, представляло очевидныя выгоды отъ соединенія владѣній шведскихъ съ владѣніями польско-литовскими подъ однимъ скипетромъ. Царь Іоаннъ не прислалъ своихъ уполномоченныхъ, но остался при прежнемъ объявленіи, сдѣланномъ имъ Гарабурдѣ послу литовскому; а именно, что, не думаетъ выпрашивать или покупать себѣ польскій престолъ, но удостоитъ принять его, если онъ будетъ ему предложенъ надлежащимъ образомъ. Онъ позво-

лялъ также избрать своего сына, но съ условіемъ, во-первыхъ, наслѣдственности королевскаго престола въ его родѣ, а во-вторыхъ, что не дастъ за нимъ никакихъ земель (т. е. Полоцка, Смоленска и др. городовъ) „потому, что онъ не дѣвушка". По выслушаніи многихъ другихъ посольствъ, составленъ списокъ кандидатовъ, въ пользу которыхъ должны быть собираемы голоса. Въ списокъ внесены были только четверо: Эрнестъ Ракузскій, Генрихъ Валуа, Іоаннъ III король шведскій и царь Іоаннъ IV, послѣдній только въ угожденіе Литвѣ. Нѣкоторые, соглашаясь съ мнѣніемъ султана, который предлагалъ въ короли Пяста, т. е. одного изъ пановъ, объявили себя въ пользу выбора короля изъ соотечественниковъ; но когда, вслѣдствіе предложенія Яна Замойскаго, бывшаго тогда старостой белзскимъ, было рѣшено, что кандидаты такого рода, по замѣщеніи ихъ именъ въ спискѣ, должны оставить мѣсто избранія, то никто не согласился принять кандидатуру и планъ былъ оставленъ. Вслѣдствіе дальнѣйшихъ соглашеній между сенаторами и землевладѣльцами, пала кандидатура Іоанна, а тремъ оставшимся лицамъ назначены защитники, изъ которыхъ каждый долженъ былъ поддерживать своего кандидата. При счетѣ голосовъ оказалось, что Генрихъ имѣетъ наибольшее число приверженцевъ. Сторонники реформаціи, поддерживавшіе Іоанна шведскаго, удалились теперь подъ Гроховъ, чтобы до избранія короля, обезпечить свободу совѣсти заключеніемъ конфедераціи. Это было вполнѣ своевременное подтвержденіе акта, совершеннаго еще на конвокаціонномъ сеймѣ, тѣмъ болѣе, что католики имѣли явный перевѣсъ. Значительная часть землевладѣльцевъ-католиковъ приступила къ этой конфедераціи, а изъ духовенства одинъ только епископъ краковскій, Францискъ Красинскій, чѣмъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе другихъ епископовъ.

Архіепископъ гнѣзненскій, Уханскій, рѣшилъ было уже провозгласить королемъ Генриха, но, по просьбѣ представителя противной стороны, Мелецкаго, воеводы подольскаго, отложилъ это намѣреніе на три дня, такъ какъ Мелецкій сообщилъ ему, что и сторонники реформаціи согласятся признать Генриха. Въ назначен-

ный день (въ Духовъ день) собрались обѣ стороны, со всѣми военными принадлежностями и оружіемъ, какъ бы приготовясь къ бою. Сторонники Генриха, для отличія себя отъ противниковъ, заткнули себѣ за шапки и на шлемы еловыя вѣтки. Кровавая развязка дѣлалась очевидною. Глава реформатской партіи, Янъ Фирлей, коронный маршалъ, склонилъ свою партію къ признанію Генриха, съ условіемъ, что противная сторона приступитъ къ конфедераціи, гарантирующей свободу совѣсти. Когда, посланный съ этимъ объявленіемъ, Андрей изъ Гурокъ, каштелянъ мендзыржецкій, исполнилъ возложенное на него порученіе, то отовсюду послышались крики радости и примасъ провозгласилъ Генриха королемъ, единодушно избраннымъ. Затѣмъ французскимъ посламъ предложено принести присягу на выполненіе условій, на которыхъ Генриху ввѣрялось управленіе. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ условій. Союзъ съ Франціей, приглашеніе 4000 гасконцевъ для войны съ Россіей, содержаніе флота на балтійскомъ морѣ, ежегодный взносъ 450,000 злот. въ государственную казну, уплата государственнаго долга и долговъ покойнаго короля, покрытіе расходовъ на краковскую академію, содержаніе 100 молодыхъ дворянъ въ парижской академіи и при дворахъ иностранныхъ государей, присяга въ сохраненіи правъ и льготъ народа, а также свободы совѣсти. По принесеніи присяги французскими послами, Фирлей, по званію маршала, также провозгласилъ Генриха королемъ.

По совершеніи избранія, отправлено торжественное посольство къ новому королю (электу) и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ день коронаціи (4 окт.); сдѣланы надлежащія распоряженія для обороны рѣчипосполитой и отправлены посольства къ европейскимъ дворамъ съ увѣдомленіемъ о благополучномъ избраніи короля. Императоръ Максимиліанъ, недовольный тѣмъ, что сынъ его не былъ избранъ, началъ тайные происки, чтобы затруднить польскимъ посламъ проѣздъ во Францію, но вскорѣ оставилъ это намѣреніе. Царь, раздраженный по тому же поводу, хотѣлъ объявить войну, но посолъ, Тарановскій, удержалъ его отъ этого намѣренія, представивъ ему, что если, по всѣмъ вѣроятіямъ, Генрихъ не пріѣдетъ

въ Польшу, то будутъ новые выборы, на которыхъ его избраніе несомнѣнно. Іоаннъ смягчился и согласился заключить перемиріе на одинъ годъ.

Польскіе послы, задержанные въ Германіи, прибыли въ Парижъ не ранѣе 19 августа. Послѣ сдѣланнаго имъ великолѣпнаго пріема, на которомъ они удивили французовъ не только пышностію одежды, но въ особенности свѣтскимъ лоскомъ, знаніемъ иностранныхъ языковъ, образованіемъ и личною храбростію, рѣшено было приступить къ врученію избирательнаго диплома, какъ только Генрихъ присягнетъ на выполненіе условій (pacta conventa), заключенныхъ съ его послами. Французскіе вельможи, справедливо негодовали на эти условія, говоря, что Генрихъ будетъ въ Польшѣ не королемъ, а старшимъ должностнымъ лицомъ. Кромѣ того Гозій, уже около года жившій въ Римѣ, употреблялъ всѣ усилія, съ цѣлію отклонить новаго короля отъ принятія параграфа, касавшагося безусловной свободы совѣсти. Вліяніе Гозія на польское духовенство было такъ сильно, что епископъ познанскій, Адамъ Карнковскій, членъ посольства, протестовалъ въ Парижѣ противъ упомянутаго параграфа и требовалъ, чтобы король отказался присягнуть на выполненіе его. Поступокъ его имѣлъ тѣмъ болѣе значенія, что, по настояніямъ Гозія, съѣздъ духовенства въ Полоцкѣ отправилъ въ Парижъ Косубоцкаго съ такимъ же протестомъ. Но рѣшительное объявленіе Яна Зборовскаго, старосты одоляпскаго, что Генрихъ не будетъ королемъ, если не приметъ и этого параграфа, заставило французскій дворъ и Генриха изъявить согласіе и совершить публично обрядъ обычной присяги (10 сент.).

Новому королю не хотѣлось тотчасъ же ѣхать въ Польшу. Подъ разными предлогами откладывалъ онъ отъѣздъ (до 10 нояб.) и только настоянія Карла IX заставили его отправиться въ путь. 25 января слѣдующаго года онъ пріѣхалъ въ Мендзижечь, а 18 февраля въѣхалъ въ Краковъ. При коронаціи, которая должна была происходить 21 февраля, начались опять несогласія въ католической церкви, по поводу статьи о диссидентахъ. По проискамъ духовенства, сеймикъ изъ землевладѣльцевъ, предшество-

вавшій коронаціи въ Великопольшѣ, въ инструкціи своей посламъ, не упомянулъ объ этой статьѣ. Сеймикъ плоцкій поручилъ своимъ посламъ протестовать противъ нея. Наконецъ стало ясно, что епископы хотятъ опустить ее въ формулѣ присяги на коронаціи. Тогда коронный маршалъ, Янъ Фирлей, объявилъ, что не допуститъ коронаціи, если однажды обезпеченныя права не будутъ на ней торжественно подтверждены. Духовенство принуждено было уступить, а король, при совершеніи обряда коронаціи, присягою обязался къ выполненію всѣхъ условій, въ томъ числѣ статьи, касающейся безусловной свободы совѣсти. Во время рыцарскихъ игръ, происходившихъ на слѣдующій день послѣ коронаціи, возникла ссора между Самуиломъ Зборовскимъ и Яномъ Тенчинскимъ, каштеляномъ войницкимъ. Зборовскій обиженный тѣмъ, что домочадецъ Тенчинскаго осмѣлился вынуть его копье изъ того мѣста, гдѣ оно было воткнуто, вызвалъ Тенчинскаго на поединокъ, а когда тотъ не тотчасъ принялъ вызовъ, то напалъ на него въ воротахъ замка. Ваповскій, каштелянъ пшемысльскій, бросился между сражающихся и получилъ двѣ смертельныя раны отъ Зборовскаго. Дѣло поступило на рѣшеніе короля. По короннымъ законамъ, каждый, поднявшій оружіе въ мѣстѣ нахожденія королевскаго двора или засѣданій сейма, подвергался смертной казни. Но Генрихъ, благоволившій къ Зборовскимъ, осудилъ Самуила на изгнаніе, не лишая его чести. Вскорѣ затѣмъ рядъ милостей посыпался на Зборовскихъ. Враги ихъ стали выражать неудовольствіе, стали упрекать короля, что, вопреки условію, онъ держитъ при себѣ французовъ и что канцлеръ его Пибракъ управляетъ всѣми дѣлами. Требовали уплаты государственнаго долга, и особенно жалованья недоданнаго войскамъ. Генрихъ отклонялъ всѣ требованія французскою любезностью, а докучливымъ зажималъ ротъ должностями. Между сенатомъ и земскими послами возникли споры. Послы упорно домогались для военнаго сословія права посылать своихъ представителей въ собраніе, состоявшее при королѣ для наблюденія за неприкосновенностью и выполненіемъ коронныхъ уставовъ и въ которое до сихъ поръ назначались только лица изъ со-

словія сенаторовъ. На этотъ разъ сенатъ удержалъ за собой первенство. Расположеніе къ Генриху лицъ, бывшихъ самыми преданными его приверженцами, начинало видимо охлаждаться. Съ другой стороны усиливалось его нерасположеніе къ Польшѣ. Когда, гонецъ привезъ ему отъ матери извѣстіе о смерти брата Карла, съ просьбою пріѣхать, какъ можно поспѣшнѣе, во Францію, то король созвалъ сенаторовъ на совѣтъ. Но заявленіе, что онъ долженъ созвать сеймъ и у него испросить разрѣшеніе на выѣздъ во Францію, показалось ему неудобоисполнимымъ. Онъ рѣшился на тайный отъѣздъ и 17 іюня вечеромъ оставилъ Польшу, написавъ письмо къ сенату и нѣкоторымъ панамъ. Янъ Тенчинскій и Николай Зебржидовскій пустились въ погоню за королемъ, ѣхавшимъ верхомъ, въ сопровожденіи восьми придворныхъ французовъ, и настигли его въ предѣлахъ Силезіи. Ихъ просьбы и моленія не могли склонить его возвратиться; они съ трудомъ получили отъ него обѣщаніе вернуться въ Польшу, по устройствѣ во Франціи дѣлъ, не терпящихъ отлагательства. Распространившееся на слѣдующій день извѣстіе о бѣгствѣ короля, возбудило всеобщее негодованіе, направленное противъ находившихся при дворѣ французовъ, хотя сенатъ дозволилъ имъ свободно проѣхать во Францію. Императоръ Максиміліанъ радовался бѣгству Генриха и облегчилъ ему проѣздъ черезъ свои владѣнія.

Когда Генрихъ былъ еще въ Польшѣ, Ивоня, опасаясь Петрилы, котораго поддерживалъ султанъ, убѣдительно просилъ польское правительство о помощи. Получивъ отказъ короля, который ссылался на союзъ съ Турціей, Ивоня пригласилъ казаковъ. Послѣдніе въ числѣ 1200 чел. прибыли, подъ начальствомъ Сверчевскаго. Петрило, неоднократно разбитый вмѣстѣ съ турками, подкупилъ наконецъ Іеремію, военачальника Ивони, который измѣннически пропустилъ новое турецкое войско черезъ Дунай. Съ этихъ поръ дѣла приняли другой оборотъ. Побѣжденный Ивоня попался въ руки турокъ, которые предали его смерти. Всѣ казаки пали въ бою, послѣ мужественной защиты и только Сверчевскій и 11 другихъ взяты въ плѣнъ, но вскорѣ освобождены. Это вмѣшательство

казаковъ въ дѣла Валахіи, совершонное вслѣдствіе неожиданнаго отъѣзда Генриха, который возбудилъ такое волненіе въ Польшѣ, грозило войной съ Турціей. Въ избѣжаніе ея, посланъ былъ въ Турцію Тарановскій. Пріѣхавъ въ Стамбулъ ко дню смерти Селима, онъ заключилъ однако вновь временный союзъ съ преемникомъ его Амуратомъ.

Генрихъ проѣхалъ черезъ Вѣну и Венецію во Францію, гдѣ не только гугеноты и принцъ Конде, но и младшій братъ его, герцогъ алансонскій, были его противниками. Занятый наслѣдственными дѣлами королевства, гдѣ, даже и послѣ коронованія, онъ съ трудомъ держался на престолѣ, Генрихъ, не смотря на усильныя настоянія сената, не могъ вернуться въ Польшу. И потому примасъ, съ согласія нѣкоторыхъ сенаторовъ, созвалъ въ Варшавѣ сеймъ (24 авг.). Земскіе послы громко роптали на сенаторовъ и въ особенности на епископа куявскаго, Карнковскаго, за то, что они допустили отъѣздъ короля. Нужно было рѣшить, можетъ ли тайный отъѣздъ короля служить достаточнымъ поводомъ къ провозглашенію междуцарствія, или, наоборотъ, слѣдуетъ назначить ему срокъ возвращенія и, если онъ не воспользуется имъ, то только тогда провозгласить междуцарствіе. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ. Отправлены послы къ Генриху съ рѣшительнымъ объявленіемъ, что Польша приступитъ къ выбору новаго короля, если онъ не возвратится къ 12 маю 1575. Для землевладѣльцевъ назначенъ на тоже число общій избирательный съѣздъ въ Стенжицѣ, на случай, если бы Генрихъ пренебрегъ вышеупомянутымъ объявленіемъ.

Народъ раздѣлился теперь на три главныя партіи, не считая остальныхъ, которыхъ вліяніе было незначительно. Часть свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ желали провозглашенія междуцарствія и избранія императора Максимиліана или кого-нибудь изъ австрійскихъ эрцъ-герцоговъ. Другая часть пановъ, вмѣстѣ съ значительнымъ числомъ землевладѣльцевъ, желала удержать на престолѣ Генриха. Остальные военные и паны не противились избранію новаго короля, но не хотѣли и слышать о королѣ изъ ав-

стрійскаго дома. На съѣздѣ въ Стенжицѣ, первая партія тотчасъ выставила своего кандидата. Противъ этого возстала не только партія Генриха, но и почти всѣ присутствовавшіе на съѣздѣ землевладѣльцы, которые, отдѣлившись отъ пановъ, объявили въ своемъ кружкѣ, подъ предводительствомъ Яна Замойскаго, что согласятся только на избраніе Пяста, т. е. своего соотечественника. Это обстоятельство воспрепятствовало избирательнымъ планамъ австрійской партіи, которая, хотя и должна была отложить избраніе, но за то усилилась присоединеніемъ къ ней примаса. Уханскій созвалъ конвокаціонный сеймъ въ Варшавѣ (3 окт.), на которомъ рѣшено произвести избраніе въ Варшавѣ 4 ноября.

Генрихъ, хотя и не имѣлъ намѣренія возвратиться въ Польшу, но хотѣлъ удержать корону или за собой или за своимъ младшимъ братомъ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Польшу разными путями двухъ пословъ, Беллегарди и Пибрака, съ деньгами и письмами, но по дорогѣ оба были ограблены. Беллегарди, съ пустыми руками пріѣхалъ въ Польшу во время засѣданіи конвокаціоннаго сейма въ Варшавѣ. Примасъ, привлеченный уже на сторону австрійской партіи, задержалъ его въ Закрочимѣ до времени закрытія сейма и тѣмъ воспрепятствовалъ цѣли его посольства. Дѣло Генриха проиграно окончательно. Между тѣмъ, новое тяжкое бѣдствіе постигло рѣчьпосполитую. Татары, оттѣсненные отъ чернаго шляка *), дороги, черезъ которую они хотѣли вторгнуться въ Подолію, прошли черезъ Валахію, напали на галицкую Русь, и, расположивъ свои улусы подъ Сенявой, опустошили огнемъ и мечемъ значительную часть страны. Кромѣ различной добычи, они увели въ неволю 55,000 человѣкъ. Отправленные за ними въ погоню, хотя и настигли ихъ у переправы черезъ Днѣстръ, подъ Хотимомъ, но не могли отбить добычу и плѣнныхъ, потому что валахскій гарнизонъ крѣпости открылъ по нимъ огонь изъ орудій.

---

*) *Шляками* назывались пути, по которымъ шли татары, вторгаясь въ польскія земли. Собственно *чернымъ* назывался шлякъ потому, что съ нимъ приходило черное бѣдствіе, т. е. убійства, грабежи, пожары и *черная смерть* или чума. *Примѣч. переводч.*

По поводу неблагопріятной поры, избирательный съѣздъ въ Варшавѣ былъ немногочисленъ. Хотя нѣкоторыя воеводства явились поголовно, за то другія прислали только пословъ. Изъ иностранцевъ явились кандидатами Максимиліанъ за себя или за сына Эрнеста, Стефанъ Баторій, воевода семиградскій и герцогъ феррарскій. Императоръ давалъ тѣ же обѣщанія, какъ и на предшествовавшихъ выборахъ, Баторій обѣщалъ присягнуть на неприкосновенность правъ и льготъ рѣчипосполитой, заплатить государственный долгъ, возвратить земли, отнятыя Россіей, укрѣпить границы, прислать 100,000 злотыхъ на уплату недоданнаго войску жалованья и освободить уведенныхъ въ плѣнъ татарами. На шумныя обѣщанія герцога феррарскаго почти никто не обращалъ вниманія, такъ какъ всѣ были раздѣлены на двѣ партіи. Сенаторы, свѣтскіе и духовные, за небольшими исключеніями, а также Литва и Пруссія поддерживали австрійскій домъ и именно самого императора. Почти всѣ коронные землевладѣльцы хотѣли избрать короля-соотечественника, предоставляя на выборъ сената Яна Костку воеводу сандомирскаго и Андрея изъ Тенчина, воеводу белзскаго. Но когда сенаторы ни подъ какимъ видомъ не соглашались на это, то военный кружокъ объявилъ, что готовъ согласиться на всякій выборъ, сдѣланный сенатомъ, даже и изъ иностранцевъ, лишь бы австрійскій домъ былъ устраненъ. И это предложеніе оказалось напраснымъ. Въ совѣщаніяхъ и спорахъ прошло уже около шести недѣль. Австрійская партія, или такъ называемые тогда кесарцы, увлекшись несбыточной надеждой, что, провозгласивъ кандидата своего королемъ, успѣютъ поддержать его впослѣдствіи на престолѣ, оставили всегдашнее мѣсто избирательныхъ засѣданій и, окопавшись въ вооруженномъ лагерѣ, приступили къ избранію (12 дек.). Примасъ провозгласилъ Максимиліана королемъ, а коронный маршалъ Опалинскій, тотчасъ же, обнародовалъ этотъ выборъ. Затѣмъ всѣ поспѣшили въ Варшаву для возблагодаренія Бога за счастливое окончаніе дѣла.

Негодованіе землевладѣльцевъ, безъ согласія которыхъ рѣшились избрать короля, было чрезвычайное. Самыми горячими против-

пиками австрійскаго дома были жители галицкой Руси. Примасу сообщено черезъ пословъ, что военное сословіе не признаетъ провозглашеннаго имъ короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ уговаривали Костку и Тенчинскаго, чтобы кто-нибудь изъ нихъ принялъ королевское званіе. Но когда оба они рѣшительно отказались, то землевладѣльцы избрали Анну Ягелло, назначая ей мужемъ Стефана Баторія. Королевна довольно долго отказывалась, но наконецъ приняла предложеніе. Такъ какъ въ партіи военной не было ни одного епископа, то избранникъ былъ провозглашенъ ксендзомъ Яномъ Семинскимъ изъ Гологуръ. Затѣмъ приглашены послы Стефана, и какъ только они подписали условія, на которыхъ государь ихъ долженъ былъ вступить на престолъ Польши, то отправлено къ нему торжественное посольство съ приглашеніемъ на престолъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ общій съѣздъ въ Іендржеевѣ. Предварительно должны были собраться сеймы въ обыкновенныхъ мѣстахъ, и утвержденъ налогъ для уплаты жалованья наемному войску. Противная партія также отправила пословъ къ избранному ею королю.

Въ Іендржеевѣ съѣхалось (14 янв. 1576) множество вооруженныхъ землевладѣльцевъ, нѣсколько свѣтскихъ сенаторовъ, а изъ духовныхъ одинъ только епископъ куявскій, Карнковскій, который сначала пытался склонить обѣ стороны къ устраненію ихъ избранниковъ и къ новымъ выборамъ, но когда это не удалось, то объявилъ себя въ пользу Баторія. Этотъ вооруженный съѣздъ, образовавъ конфедерацію, утвердилъ все сдѣланное въ Варшавѣ военной партіей, назначилъ коронацію на 4 марта и просилъ Баторія прибыть къ тому времени. Императорскому послу, утверждавшему, что Максимиліанъ избранъ съ общаго согласія, предложено точнѣе освѣдомиться о числѣ военныхъ, противныхъ этому избранію, для того, чтобы имѣть возможность судить въ какой степени эти увѣренія согласны съ дѣйствительностью. Отправлены также послы къ императору съ просьбою, чтобы онъ не принималъ избранія, которому противится вся страна. Пруссія и Литва, поддерживавшія императора, приглашены черезъ посольство къ братскому сближенію

съ Польшею, которая вся, за исключеніемъ немногихъ пановъ, объявила себя въ пользу Баторія. Наконецъ Краковъ занятъ довольно сильнымъ гарнизономъ, а въ случаѣ надобности рѣшено созвать народное ополченіе. Примасъ созвалъ также австрійскую партію на съѣздъ въ Ловичъ (въ концѣ февр.), но такъ какъ туда прибыли весьма немногіе, то все дѣло ограничилось назначеніемъ конвокаціи въ Варшавѣ (4 март.). Въ одно время съ съѣздомъ въ Ловичѣ, собрались литовскіе паны въ Герайовицахъ. Послы коронной шляхты, отправленные изъ Іендржеёва, весьма доказательно представили собранію законность избранія Анны и Баторія и противозаконность избранія Максимиліана, и, изложивъ пагубныя послѣдствія такого разъединенія рѣчипосполитой, приглашали ихъ къ единодушной поддержкѣ державной четы. Герайовскій съѣздъ обѣщалъ сообщить отвѣтъ свой черезъ особое посольство, которое предполагалось отправить (въ началѣ март.) въ Краковъ.

Не смотря на представленія пословъ изъ Іендржеёва, Максимиліанъ изъявилъ согласіе на принятіе польской короны, чѣмъ придалъ смѣлости своимъ приверженцамъ. Но это не смутило противной стороны, и въ день, назначенный для коронаціи, собралось множество землевладѣльцевъ на коронаціонный сеймъ въ Краковъ, куда уже прибыла Анна Ягелло. Послы, пріѣхавшіе изъ Семиграда, привезли извѣстіе, что Баторій присягнулъ въ Мегешѣ на всѣ условія, но никакимъ образомъ не можетъ тотчасъ же пріѣхать на коронацію и проситъ отложить ее. По выслушаніи этого посольства, отправлено приглашеніе на варшавскую конвокацію, чтобы сторонники Максимиліана, видя всеобщее почти согласіе на избраніе Анны и Баторія, не терзали болѣе отечества. Примасъ съ своей партіей хотѣлъ еще оттянуть дѣло, и старался объ устройствѣ общаго съѣзда партій, черезъ мѣсяцъ (9 апр.), будто бы для того, чтобы примирить на немъ всѣ разногласія. Такого же содержанія былъ отвѣтъ, присланный въ Краковъ съ герайовицкаго съѣзда. Австрійская партія очевидно хотѣла сохранить только форму и готова была на выгодныхъ условіяхъ помириться съ противниками. Начало шляхетско-общинное очевидно одержало пол-

нѣйшій перевѣсъ надъ началомъ самовластія магнатовъ, которые сами усомнились въ возможности удержанія на престолѣ своего избранника, хотя послѣдній и принесъ присягу на всѣ условія или *pacta conventa* въ Вѣнѣ (23 март.), о чемъ извѣстіе пришло въ Краковъ 4 апрѣля. Но и это не могло отклонить съ пути партію землевладѣльцевъ, и даже извѣстіе, что Данцигъ объявилъ себя въ пользу Максимиліана, не измѣнило намѣреній приверженцевъ Баторія. Когда, вслѣдъ затѣмъ, возвратились ихъ послы съ письменнымъ отвѣтомъ отъ Максимиліана, въ которомъ онъ употребилъ титулъ польскаго короля, то письма не приняли, а посламъ сдѣлали строгій выговоръ за то, что они согласились принять на себя доставленіе его отъ императора. Эта стойкость была причиною, что многіе изъ противнаго лагеря, въ особенности литовцы, перешли на сторону Баторія.

Не смотря на отсрочку коронаціи, земскіе послы не разъѣзжались изъ Кракова. Когда же австрійская партія злонамѣренно распространила слухи, что выборъ воеводы семиградскаго, какъ ленника Турціи, какимъ онъ и останется, унизителенъ для рѣчипосполитой, и что Баторій не ревностный католикъ — первый слухъ, какъ недостойная выдумка, былъ опровергнутъ тѣмъ, что, хотя *воевода* Баторій и былъ турецкимъ ленникомъ, но *король* Баторій, передавъ управленіе Трансильваніею своему брату, уже не будетъ признавать ничьей власти. Что же касается упрека въ невѣрности католицизму, то Карнковскій, узнавъ о движеніи Баторія съ 1500 человѣкъ черезъ Валахію къ границамъ Польши, тотчасъ же тайно отправилъ къ нему ксендза Суликовскаго. Въ Снятынѣ, въ тайной аудіенціи, которой не успѣли воспрепятствовать иновѣрцы, окружавшіе новаго короля, Суликовскій убѣдился въ его правовѣрности и по возвращеніи въ Краковъ уничтожилъ всякое въ этомъ отношеніи сомнѣніе Карнковскаго. Такимъ образомъ пала послѣдняя преграда, которая могла бы препятствовать Баторію принять корону.

Имѣя съ собою большею частью одну пѣхоту, Стефанъ прибылъ въ столицу только 18 апрѣля, и хотя въѣздъ его не былъ

такой блестящій какъ въѣздъ Генриха, но все таки не былъ лишенъ торжественности. Сперва Стефанъ сочетался бракомъ съ Анной, бывшею 10 годами старше его, а потомъ уже совершилась коронація. За отсутствіемъ примаса, который все еще придерживался австрійской партіи, короля и королеву короновалъ епископъ куявскій. Стефанъ присягнулъ на всѣ права и привиллегіи, какъ коронныя такъ и литовскія, въ числѣ которыхъ было и то условіе, что ежели онъ не сдержитъ котораго либо изъ принятыхъ обязательствъ, то народъ освобождается отъ повиновенія. Кромѣ того онъ обѣщалъ рѣшать всѣ дѣла рѣчипосполитой только по совѣщаніи съ сеймомъ и сенатомъ, и отнюдь не принимать иностранныхъ посланниковъ безъ вѣдома *стражи*, т. е. совѣта, состоящаго изъ 16 человѣкъ сенаторовъ и другихъ сановниковъ. Королева Анна отказалась отъ наслѣдства своего послѣ матери Боны какъ въ коронѣ, такъ и въ Литвѣ и получила, въ видѣ приданаго, имѣніе въ Мазовіи. На этомъ коронаціонномъ сеймѣ Мазовія приняла всецѣло, такъ названное, коронное право, сохраняя только нѣкоторые исключительные мѣстные уставы, освященные временемъ. Кромѣ того приняты мѣры для примиренія съ враждующей стороной, въ случаѣ же дальнѣйшаго сопротивленія постановлено созвать всеобщее ополченіе; четвертая часть доходовъ съ столовыхъ имѣній передана въ руки короля. Къ императору и владѣтельнымъ князьямъ германскаго союза, которые должны были собраться на сеймъ въ Ренсбургѣ, отправлены отъ имени рѣчипосполитой послы, съ приглашеніемъ отказаться отъ военныхъ дѣйствій, которыя могли бы встревожить весь христіанскій міръ. Посольство это не имѣло успѣха и на возвратномъ пути императоръ приказалъ арестовать пословъ въ Линцѣ.

До сихъ поръ одни только коронные землевладѣльцы признали Стефана королемъ. Кромѣ Литвы и Пруссіи, на сторонѣ австрійской было много сенаторовъ, которыхъ императоръ обнадеживалъ своимъ пріѣздомъ, лишь только окончены будутъ приготовленія къ войнѣ, объявленной въ Ренсбургѣ. Но и Баторій, пріобрѣвъ, вслѣдствіе коронаціи, перевѣсъ надъ своимъ соперникомъ, не те-

рялъ времени по пустому: его сторонники уговорили литовцевъ, собраться сперва въ Гроднѣ, а потомъ въ Мсцибовѣ, для единодушнаго содѣйствія коронѣ, такъ что когда Стефанъ, послѣ коронаціоннаго сейма, прибылъ въ Варшаву (12 іюля), къ нему явилось литовское посольство и признало его великимъ княземъ. Вскорѣ послѣ того примасъ Уханскій принялъ его сторону, а прусскіе послы, увѣряя въ вѣрности своихъ соотечественниковъ, просили созвать прусскій сеймъ, чтобы вся эта провинція могла присягнуть на вѣрность королю. Король, принявъ ласково пословъ, отправился тотчасъ въ Пруссію, созвалъ провинціальный сеймъ въ Торнѣ, на которомъ всѣ сословія, кромѣ Данцига, признали его королемъ.

Неповиновеніе данцигцевъ, которые одни осмѣливались сопротивляться признанному цѣлою рѣчьюпосполитою королю, уполномочивало Стефана принять въ отношеніи къ нимъ понудительныя мѣры. Желая однако истощить прежде всѣ мѣры кротости, онъ отправилъ къ нимъ Петра Костку епископа хелмскаго и Яна изъ Служева брестко-куявскаго воеводу. Данцигцы требовали, чтобы король присягнулъ на ихъ права и привиллегіи и уничтожилъ нѣкоторыя вновь установленныя повинности. Послы не могли согласиться на такія условія, и, возвратясь въ Мальборгъ, представили отчетъ Стефану, который потребовалъ городъ къ суду. Въ отвѣтъ на это, данцигцы воздвигли укрѣпленный лагерь подъ Тчевомъ, а къ королю и сенаторамъ обратились съ жалобами на несправедливый вызовъ къ суду. Король допустилъ сенаторовъ къ посредничеству въ этомъ дѣлѣ, но когда всѣ ихъ усилія поколебать упрямство данцигцевъ оказались безуспѣшными, онъ рѣшился силою оружія принудить ихъ къ покорности. Онъ двинулся дѣйствительно къ Тчеву, и, послѣ удачнаго нападенія на укрѣпленный лагерь, совершенно разбилъ данцигцевъ. Король вторично возвѣстилъ городу черезъ парламентера помилованіе, въ случаѣ его добровольной сдачи. Вслѣдствіе этого вызова послы явились въ королевскій лагерь, гдѣ отъ нихъ потребовали: 1) чтобы городъ распустилъ свое войско, послѣ чего и король выведетъ свое; 2) чтобы при-

несена была присяга въ вѣрности, за что городъ получитъ подтвержденіе своихъ правъ; 3) чтобы иностранцы, уклоняющіеся отъ присяги были удалены; и 4) чтобы послы его просили прощенія у короля на торунскомъ сеймѣ. Но данцигцы опомнились отъ охватившаго ихъ въ первую минуту паническаго страха. Они отвергли эти условія, а новое ихъ посольство потребовало (5 окт.), между прочимъ, чтобы король, при утвержденіи правъ Данцига, ясно оговорилъ, что, въ случаѣ какого-либо нарушенія этихъ правъ, городъ вправѣ отказать въ повиновеніи. Король приказалъ коронному вице-канцлеру Яну Замойскому наказать городъ, но при этомъ обѣщалъ также милость и прощеніе, если онъ только во̀ время опомнится.

Дѣло данцигское, а равно и шаткія отношенія къ русскому царю Іоанну, принудили короля созвать сеймъ (5 окт. 1576) въ Торнѣ. Мнѣнія сенаторовъ и земскихъ пословъ были совершенно согласны на счетъ того, что дальнѣйшее сопротивленіе данцигцевъ слѣдуетъ подавить оружіемъ, но прусскія сословія высказались въ пользу болѣе кроткихъ мѣръ, а потому имъ было предоставлено посредничество. Но и это посредничество не увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ, ибо данцигцы сдѣлались еще болѣе настойчивыми съ той минуты, когда бурный сеймъ, вмѣсто требуемыхъ королемъ налоговъ, рѣшилъ созвать только ополченіе. Даже вѣсть о смерти Максимиліана не поколебала упрямства данцигцевъ. Съ торунскаго сейма король отправилъ пословъ къ царю съ цѣлью продолжить перемиріе.

Когда послѣ сейма, данцигцы съ высокомѣріемъ отвергли предъявленныя условія, король разослалъ по прусской землѣ гонцовъ и, расположившись въ Быдгощѣ (Бромбергъ), велѣлъ обнародовать прежній приговоръ, произнесенный надъ городомъ и арестовать всѣхъ находившихся въ немъ данцигскихъ пословъ. Не имѣя денегъ на военныя издержки, онъ пригласилъ примаса склонить епископовъ и духовенство къ подкрѣпленію казны. Духовенство, подъ вліяніемъ ненависти къ данцигскимъ иновѣрцамъ, назначило значительную субсидію королю изъ собственныхъ дохо-

довъ. Сверхъ того Стефанъ успѣлъ склонить сенатъ на съѣздѣ въ Влоцлавкѣ (24 марта 1577) къ замѣненію всеобщаго ополченія налогомъ, что, впослѣдствіи, утвердили провинціальные сеймики.

Немногочисленныя королевскія войска, расположенныя вблизи Данцига, были подъ начальствомъ Яна Зборовскаго. Имѣя почти ежедневныя стычки съ данцигцами, онъ одержалъ надъ ними, въ самый день Пасхи, значительную побѣду подъ Тчевомъ. Данцигцы, бывшіе подъ начальствомъ Яна изъ Кольна, потеряли убитыми и плѣнными до 5000 человѣкъ. Нисколько не смущаясь этимъ пораженіемъ, данцигцы убили трубача, присланнаго къ нимъ отъ Зборовскаго съ увѣщаніемъ сдаться. Хотя подъ страхомъ мести со стороны Зборовскаго, имѣвшаго въ рукахъ ихъ плѣнныхъ, — они и наказали убійцъ трубача, но, тѣмъ не менѣе, съ прибытіемъ новыхъ подкрѣпленій, прервали переговоры о сдачѣ города. На ихъ мужество имѣло вліяніе—извѣстіе, будто бы, татары, вторглись съ своими полчищами въ Волынь и дошли до Дубна, а съ другой стороны, будто бы, царь Іоаннъ готовится къ походу въ Инфлянты. Вотъ почему они упорно отстаивали свои требованія, не смотря на то, что король прибылъ (въ іюнѣ) въ лагерь и возобновилъ съ ними переговоры. Ихъ упрямство объясняется и тѣмъ, что имъ удалось сперва нанести пораженіе отряду королевскихъ войскъ вблизи маяка, причемъ они захватили даже нѣсколько орудій, а во вторыхъ, они знали, что за недостаткомъ флота, ихъ нельзя будетъ отрѣзать отъ моря. Послѣ смерти Максимиліана, данцигцы потому, главнымъ образомъ, сопротивлялись Баторію, чтобы, такъ сказать, выторговать утвержденіе своихъ правъ и привиллегій на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Съ своей стороны король не желалъ уничтоженія города, имѣвшаго такое важное значеніе для рѣчипосполитой, но тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ на безусловномъ его подчиненіи, ибо хотѣлъ, съ перваго же шага, показать, что намѣренъ быть королемъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Вотъ, собственно, поводы, почему длилась война. Король велѣлъ вездѣ публиковать, что склады товаровъ, отправляемыхъ за границу и привозимыхъ въ Польшу, будутъ отнынѣ въ Эль-

бингѣ и что нельзя ихъ сплавлять къ Данцигу. Желающимъ же вооружаться въ морѣ, онъ позволилъ нападать и захватывать купеческіе корабли данцигцевъ. Сверхъ того, желая отрѣзать городъ отъ моря, онъ приступилъ къ осадѣ укрѣпленнаго маяка, находившагося при устьѣ Вислы. Почти ежедневныя стычки подъ маякомъ и подъ самымъ Данцигомъ, подвергали обѣ стороны большимъ или меньшимъ потерямъ въ людяхъ, но до рѣшительнаго боя дѣло не доходило.

Въ посредникахъ недостатка не было, а потому переговоры велись своимъ порядкомъ. Сторону данцигцевъ принимали и прусскія сословія и рыцарство поморской земли, которое ходатайствовало объ нихъ у короля. Изъ Инфлянтъ прибыло также посольство съ просьбою о возможно поспѣшной помощи. Явились также послы отъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ князей по дѣламъ ленныхъ прусскихъ земель, владѣтель которыхъ герцогъ Альбертъ II сошелъ съума. Послѣднее посольство имѣло цѣлію склонить короля къ передачѣ регентства бранденбургскому маркграфу Фридриху. Когда затѣмъ данцигцы претерпѣли неудачу въ своемъ походѣ на Эльбингъ, который они хотѣли осадить и заставить отказаться отъ правъ складочнаго пункта и когда благосостояніе города сильно пострадало и вслѣдствіе войны, и вслѣдствіе застоя въ торговлѣ,—посредники могли, безъ особаго труда, склонить Данцигъ къ исполненію королевской воли. Данцигцы торжественно просили помилованія въ Мальборгѣ, послѣ чего былъ взятъ назадъ приговоръ, лишавшій ихъ честнаго имени. Король призналъ также за ними всѣ ихъ прежнія права и привиллегіи (въ исходѣ 1577), но только тогда, когда они обѣщали уплатить въ теченіе 3 лѣтъ всѣ убытки, причиненные духовенству, приблизительно на сумму 150,000 злотыхъ, распустить свое войско и принести вѣрноподданническую присягу *).

---

*) Между прочимъ Баторій предоставилъ данцигскимъ протестантамъ право совершать публично свое богослуженіе, а въ числѣ возвращенныхъ привиллегій, самою важною было—право портоваго города. *Прим. перевод.*

Успокоеніе Данцига дало королю возможность сосредоточить всю свою дѣятельность въ другихъ пунктахъ. Именно въ это время русскій царь овладѣлъ значительною частью Лифляндіи. Въ Молдавію же вторгнулся Янъ Подкова, изгналъ, при содѣйствіи козаковъ, воеводу Петра и, не смотря на сопротивленіе турокъ, хотѣлъ удержать за собою власть господаря. Но не будучи въ силахъ справиться съ турками, онъ вынужденъ былъ бѣжать въ Польшу и брацлавскій воевода князь на Збаражѣ—Янушъ далъ ему безопасное убѣжище. Татары также угрожали нашествіемъ и, разбитые этимъ воеводою подъ Заславомъ, бросились, правда, въ бѣгство, но, тѣмъ не менѣе, снова вскорѣ появились на Волыни. Покончивъ данцигское дѣло, король, не медля, отправилъ противъ татаръ въ Подолію часть войска, а на Литву возложилъ обязанность двинуть свои полки въ Лифляндію противъ царя московскаго. Самъ же лично поѣхалъ въ Варшаву на сеймъ, созванный въ февралѣ 1578 г. Грозныя тучи, скопившіяся на политическомъ горизонтѣ, побудили сословія согласиться на двухлѣтній, довольно значительный налогъ. Отъ этого налога были освобождены три воеводства, которыя, впрочемъ, впослѣдствіи, по желанію короля, на своихъ сеймикахъ, утвердили также помянутый налогъ. На этомъ сеймѣ была установлена самая высшая инстанція судебныхъ трибуналовъ—для Великопольши въ Піотрковѣ, а для Малопольши въ Люблинѣ. Составленные изъ депутатовъ отъ сеймиковъ, эти трибуналы должны были произносить окончательный приговоръ во всѣхъ дѣлахъ. Духовенство было противъ учрежденія трибуналовъ и сдѣлалось сговорчивѣе лишь тогда, когда было постановлено, что въ дѣлахъ духовныхъ, наравнѣ съ шестью свѣтскими депутатами, будетъ засѣдать столько же духовныхъ депутатовъ. Введеніе трибуналовъ, освобождавшихъ судопроизводство отъ вліянія короля, было, конечно, важнымъ шагомъ на пути прогресса. Но въ то же время ограниченіе знаменательнаго закона Владислава Ягелло 1432 г., по которому, безъ судебнаго приговора, нельзя было имѣвшаго недвижимое имущество (neminem possessionatum) ни арестовать, ни удалять изъ имѣнія и предоставленіе этого

преимущества одному лишь земскому сословію (neminem *nobilem* possessionatum) было, безспорно, шагомъ назадъ въ дѣлѣ развитія личной свободы. На варшавскій сеймъ явился также маркграфъ бранденбургскій Фридрихъ, котораго король, не смотря на оппозицію сенаторовъ, пословъ и даже прусскаго герцогства, не только назначилъ регентомъ, но и допустилъ къ принесенію ленной присяги. Такая политика была довольно чувствительнымъ ударомъ для рѣчипосполитой.

Война съ царемъ русскимъ была дѣломъ неизбѣжнымъ, послѣ того какъ Іоаннъ отвергнулъ всѣ условія мира и принялъ польскихъ пословъ не по принятому обычаю. Дѣлая громадныя приготовленія къ походу противъ Іоанна, король долженъ былъ, понятно, обезпечить себя, по крайней мѣрѣ, на все время похода, отъ наѣздовъ турокъ и татаръ. Турецкій султанъ требовалъ выдачи Подковы, содержавшагося въ равской тюрьмѣ, но Баторій велѣлъ перевезти плѣнника въ Львовъ и, вопреки всякому праву, лишилъ его жизни. Онъ отправилъ также къ козакамъ коммисаровъ съ порученіемъ преслѣдовать со всею строгостью всѣхъ тѣхъ, которые вошли въ турецкія земли. Ему удалось, правда, такими распоряженіями избавиться на время отъ татарскихъ нашествій, но казнь Подковы, рѣшительно ни въ чемъ невиноватаго передъ рѣчьюпосполитой, была дѣломъ вопіющаго произвола. Такое очевидное признаніе принципа, что цѣль освящаетъ всѣ средства, указывало на вліяніе іезуитовъ, авторитетъ которыхъ въ глазахъ Баторія былъ довольно силенъ и которые, именно во время его пребыванія въ Львовѣ, получили отъ него привиллегію на открытіе академіи въ Вильнѣ *).

Между тѣмъ въ Ливоніи захвачена у русскихъ часть замковъ, и Андрей Сапѣга, соединившись съ шведами, нанесъ пораженіе 20 тысячному московскому войску подъ Кесью **). Магнусъ, лично

*) Въ этой привиллегіи, между прочимъ, говорится: «іезуиты составляютъ единственное средство для поднятія католицизма въ Польшѣ и излеченія душъ, тронутыхъ ересью». Изъ этихъ словъ видно, чѣмъ были іезуиты въ глазахъ Стефана Баторія. *Прим. перевод.*

**) Кесью (латышское слово) прежніе польскіе историки называли гор. Вен-

оскорбленный Іоанномъ, бывшимъ съ нимъ въ родствѣ, перешелъ также на сторону короля. Не смотря на это, дѣло не доходило еще до формальнаго объявленія войны, а когда король явился въ засѣданіяхъ сената въ Краковѣ (въ декабрѣ), прибыло посольство отъ Іоанна, будто бы, съ цѣлію заключенія временнаго перемирія. Настойчивое требованіе пословъ, чтобы король, при входѣ ихъ въ сенатъ, привсталъ съ трона и, снявъ шапку, спросилъ о здоровьи ихъ государя, вотъ поводъ, по которому послы выѣхали, не исполнивъ своего порученія и, даже, были арестованы въ Брестлитовскѣ. Нельзя было болѣе откладывать войны. Король потребовалъ отъ сената увеличенія податей, но ему отвѣтили, что земское сословіе не дастъ своего согласія. Это заставило его сдѣлать заемъ у нѣкоторыхъ германскихъ князей.

Желая выступить противъ Іоанна какъ можно съ большими силами, король прибѣгнулъ къ наемнымъ полкамъ трансильванскимъ и, въ особенности, къ венгерской пѣхотѣ. Сверхъ того онъ создалъ польскую *лановую* *) *пѣхоту*, составленную изъ, такъ называемыхъ, *выбранцевъ*. Онъ издалъ постановленіе, по которому въ національныхъ имѣніяхъ, изъ 20 лановыхъ хозяевъ, выбирали одного, хорошо вооруженнаго пѣхотинца. Вооруженіе и содержаніе этого пѣхотинца лежало на обязанности всѣхъ 20 хозяевъ въ продолженіи всей его военной службы—они же должны были обрабатывать его землю и нести за него всѣ повинности. Сверхъ того король вызвалъ также изъ Германіи наемные полки, а литовскимъ магнатамъ велѣлъ снарядить, соотвѣтственныя ихъ состоянію, дружины **). Весною 1579 г. король прибылъ въ Вильно, откуда

денъ въ Лифляндіи, бывшій нѣкогда главнымъ городомъ венденскаго епископства. По словамъ Карамзина въ сраженіи подъ Кесью участвовало всего 18,000 русскихъ, которые бились мужественно, «но худая конница татарская выдала пѣхоту и бѣжала;... первый вождь московскій, Голицынъ, Шереметевъ, Палицкій, вмѣстѣ съ дьякомъ Щелкаловымъ.... въ безуміи страха ускакали на борзыхъ коняхъ къ Дерпту, оставивъ войско ночью въ ужасѣ, коего слѣдствіемъ было общее бѣгство». (Карамзинъ, Т. IX, стр. 287). *Прим. перевод.*

*) См. ист. польск. нар. Т. I, стр. 180.

**) См. ист. польск. нар. Т. I, стр. 39, въ выноскѣ.

отправилъ къ московскому царю Лопатинскаго съ объявленіемъ войны. Въ іюнѣ того же года онъ выступилъ на Дисну, гдѣ должны были сосредоточиться всѣ войска. На всѣхъ остальныхъ пунктахъ, открытыхъ вторженію русскихъ въ земли рѣчипосполитой, были расположены соотвѣтственные отряды подъ начальствомъ Филона Кмиты, козацкаго гетмана Оржешовскаго и другихъ. Царь отправилъ, правда, войско въ Ливонію, но оно потерпѣло неудачу. Въ Диснѣ Кетлеръ принесъ королю дань покорности, послѣ чего войска отправились къ Полоцку и осадили его со всѣхъ сторонъ. Русскіе зажгли городъ и запершись въ замкѣ, защищались съ ожесточеніемъ; но когда осаждающіе зажгли форты, они вынуждены были сдаться *) (31 авг.). Во время этой осады поляки пришли къ убѣжденію, что король болѣе сочувствуетъ венгерцамъ, нежели полякамъ. Это открытіе, понятно, возбудило неудовольствіе, которое выразилось, между прочимъ, въ томъ, что коронный гетманъ Мелецкій рѣшился совершенно удалиться. Къ тому же король, захвативъ Соколъ, Сусу и нѣсколько другихъ замковъ, распустилъ войско на зимній отдыхъ, а царь съ своимъ войскомъ возвратился въ Москву. И такъ первый походъ былъ довольно удаченъ, тѣмъ болѣе, что поляки и на другихъ пунктахъ одерживали верхъ надъ непріятелемъ, земли котораго подверглись чувствительному опустошенію. Занявъ Полоцкъ, Стефанъ Баторій помѣстилъ въ этомъ городѣ іезуитовъ, къ которымъ чувствовалъ особенное расположеніе.

Изъ лагеря король поспѣшилъ на сеймъ въ Варшаву (23 нояб.) для обсужденія средствъ къ дальнѣйшему веденію войны. Присутствіе его въ Варшавѣ принесло, дѣйствительно, большую пользу. Онъ не только собралъ подати, но взыскалъ и вторую четверть или половину дохода отъ арендаторовъ коронныхъ имѣній. Баторій передалъ также гетманскую булаву великому канцлеру ко-

*) Полоцкъ издревле славился своими укрѣпленіями, исправленными и распространенными съ 1561 г. Двѣ крѣпости, Стрѣлецкая и такъ называемый Острогъ, соединяемыя мостомъ, служили защитою городу, сверхъ его глубокихъ рвовъ, деревянныхъ стѣнъ и башенъ. Князь Телятевскій начальствовалъ въ городѣ, Волынскій въ Острогѣ, Щербатый и Ржевскій въ крѣпости.

Прим. переод.

ронному, Яну Замойскому, какъ скоро узналъ, что отсутствіе на сеймѣ Мелецкаго вызвано его неудовольствіемъ противъ предпочтенія, отданнаго, будто бы во время послѣдняго похода, венгерцамъ надъ поляками. Впрочемъ это распоряженіе короля противилось уставамъ рѣчипосполитой. Стремясь къ самовластію, Баторій иногда не стѣснялся существовавшими уставами и бывали даже случаи, что онъ приговаривалъ къ смерти землевладѣльцевъ, безъ судебнаго рѣшенія. Ему все это удавалось, ибо народъ зналъ его заботливость о возвеличеніи могущества и славы рѣчипосполитой.

Весной 1580 г. сдѣланы были большія приготовленія къ новому походу. Получивъ въ даръ отъ папы мечъ и освященную шапку, король выступилъ изъ Вильно въ Чашники (16 іюня), гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ. Сюда явился отъ царя Іоанна посолъ съ объявленіемъ, что царь, вопреки своему обыкновенію, первый отправилъ къ королю торжественное посольство для веденія переговоровъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы Баторій ожидалъ его въ столицѣ Литвы. Но Баторій отвѣтилъ, что вовсе не думаетъ останавливать движенія войскъ и что, точно также, и въ лагерѣ можно толковать о мирѣ. Вскорѣ затѣмъ прибылъ отъ московскаго царя второй гонецъ съ требованіемъ, чтобы король ожидалъ пословъ хотя бы на границѣ, но и на это требованіе послѣдовалъ отказъ. Цѣлью похода были—Великія Луки. Король расположился въ Суражѣ, а Замойскаго направилъ къ Велижу, который послѣ непродолжительнаго сопротивленія, достался въ руки поляковъ вмѣстѣ съ значительными запасами продовольствія и боевыми принадлежностями. Іоаннъ продолжалъ письменно обращаться къ Баторію о пріостановленіи похода, но король, переправилъ войско черезъ Двину, занялъ Усвятъ *), разбилъ часть русскихъ войскъ и осадилъ Великія Луки (27 авг.). Сюда въ лагерь явилось русское посольство, которое не достигло своей цѣли, ибо король отвергнулъ требованія на счетъ отступленія къ своимъ гра-

---

*) Усвятъ, небольшой городъ витебской губерніи, расположенный на берегу озера, того же названія, извѣстенъ еще со временъ войнъ Миндога съ великимъ княземъ Александромъ Невскимъ. *Прим. перев.*

ницамъ до открытія переговоровъ. Послѣ довольно сильнаго сопротивленія поляки овладѣли замкомъ (6 сент.), городъ же русскіе успѣли сжечь. Польскіе отряды, дѣйствовавшіе противъ русскихъ подъ Торопцемъ, нанесли имъ пораженіе *), а Филонъ Кмита, въ то же время, опустошалъ смоленскую землю **). Затѣмъ поляки овладѣли Невелемъ и Озерищами ***), почти безъ сопротивленія, а взятіе Заволочья стоило имъ дорого. Къ переговорамъ о мирѣ было приступлено лишь послѣ взятія Великихъ Лукъ. Но какъ только царь Іоаннъ потребовалъ возвращенія половины Ливоніи и нѣкоторыхъ, недавно, занятыхъ городовъ,—переговоры сами собою остановились.

Варшавскій сеймъ, въ февралѣ 1581 г., выразилъ королю признательность за мужественное веденіе войны и снова далъ свое согласіе на подати. Но онъ просилъ, въ то же время, во вниманіе къ домашнимъ дѣламъ и обѣднѣнію жителей, не уклоняться отъ заключенія мира. Баторій объявилъ, что онъ не прочъ положить оружіе, какъ скоро царь предъявитъ выгодныя для рѣчипосполитой условія мира, чего до этого времени Іоаннъ не дѣлалъ. Онъ обратился также къ сословіямъ съ увѣщаніемъ поддерживать миръ внутри рѣчипосполитой и заблаговременно принимать мѣры для огражденія внѣшней безопасности. И во время сейма происходили переговоры съ послами царя, которые, повсюду слѣдовали за королемъ. Однакожъ переговоры не имѣли успѣха, такъ какъ царь, хотя и отказывался отъ своихъ правъ на Ливонію, хотѣлъ однако, во что бы то ни стало, удержать за собою нѣсколько важнѣйшихъ замковъ. На такое требованіе нельзя было согласиться, а потому

---

*) Въ Торопцѣ стоялъ воевода князь Хилковъ. Въ этомъ дѣлѣ взяты въ плѣнъ—сановникъ царскій Григорій Нащокинъ, употребляемый въ посольствахъ, любимецъ Іоанновъ—Черемисиновъ и 200 дѣтей боярскихъ. *Прим. перевод.*

**) Кмита приближался къ Смоленску въ надеждѣ сжечь его предмѣстья, но встрѣченный храбрыми начальниками—Ногтевымъ и княземъ Мосальскимъ, бѣжалъ, кинувъ знамена, обозъ и 60 легкихъ пушекъ. *Прим. перевод.*

***) Озерище были извѣстны своимъ укрѣпленнымъ замкомъ, самымъ стариннымъ въ б. полоцкомъ воеводствѣ. *Прим. перевод.*

король рѣшился, въ союзѣ со Швеціею, начать противъ него самыя энергическія дѣйствія.

Послѣ благополучно кончившагося сейма, король поспѣшилъ въ Вильно, куда вскорѣ снова прибыло посольство отъ царя Іоанна. Іоаннъ былъ встревоженъ бѣдствіями, которыми сопровождались два предшествовавшіе похода и приготовленіями къ новому, и, очевидно, хотѣлъ выиграть только время. Снарядивъ пословъ къ императору Рудольфу и къ папѣ, онъ почти былъ увѣренъ, что при ихъ содѣйствіи, Баторій согласится на значительныя уступки. Но рѣшительность короля поколебала его надежду. Іоаннъ былъ уже готовъ согласиться на всѣ условія, за исключеніемъ только возвращенія военныхъ издержекъ въ количествѣ 400,000 злот., которая въ его глазахъ казалась данью. Неожиданное извѣстіе о смерти брата Баторія, трансильванскаго воеводы, произвело переворотъ въ настроеніи царя Іоанна, который полагалъ, что вслѣдствіе смерти брата, Баторій не будетъ въ состояніи дѣйствовать столь энергически. Но Баторій убѣдилъ сословія трансильванскія вручить правленіе Сигизмунду, сыну покойнаго воеводы и, почти, въ то же время, приказалъ литовскому гетману Радзивиллу отвѣтить на вторженіе русскихъ войскъ въ могилевскую землю такимъ же вторженіемъ въ предѣлы московскаго царства.

Успокоенный заявленіями царя, обѣщавшаго содѣйствовать изгнанію турковъ изъ Европы, совмѣстно съ прочими христіанскими князьями — папа отправилъ къ Баторію, въ качествѣ посредника, Поссевина, опытнаго іезуита, съ цѣлью склонить его къ заключенію мира съ Іоанномъ. Король принялъ весьма радушно посланника, который, уразумѣвъ главную его мысль, поспѣшилъ къ Іоанну. Московскій царь успѣлъ обѣщаніями и вѣжливымъ обращеніемъ склонить на свою сторону хитраго итальянца, а тѣмъ самымъ сдѣлать изъ него усерднаго посредника при переговорахъ о мирѣ.

Между тѣмъ король открылъ военныя дѣйствія. Занявъ Красногродскъ, Островъ и другіе менѣе значительные замки, онъ осадилъ (25 авг.) Псковъ. По мѣрѣ того, какъ осадныя работы по-

ляковъ подвигались впередъ довольно удачно, такъ что они достигли валовъ, защитники Пскова смутились и готовы уже были сдаться, но ихъ удержалъ отъ этого шага князь Шуйскій и мѣстный владыка*). Осада продлилась до самой зимы. Къ этому времени возвратился отъ царя Поссевинъ и успѣлъ склонить короля предоставить дальнѣйшую осаду Замойскому (1 декабря), оставить лагерь и назначить уполномоченныхъ для открытія переговоровъ о мирѣ съ уполномоченными Іоанна въ Запольскомъ**) Ямѣ. Потеря Нарвы, которою, при содѣйствіи поляковъ, овладѣли шведы и удачный походъ Радзивилла, достигнувшаго Старицы, сдѣлали царя нѣсколько сговорчивѣе. Поссевинъ снова дѣйствовалъ на Баторія, а труды войска подъ Псковомъ, боровшагося не только съ непріятелемъ, но и съ недостатками и суровою зимою, побуждали и польскаго короля къ уступчивости. Замойскій, правда, для облегченія войска обратилъ осаду въ блокаду, но дѣло не обошлось безъ ропота и, даже, послышались угрозы покинуть Псковъ. Гетманъ настоялъ, однакожъ, на своемъ, хотя переговоры велись довольно туго и едва успѣли заключить (15 янв. 1582) десятилѣтнее перемиріе. Царь московскій уступилъ рѣчипосполитой всю Ливонію и обязывался, не медля, возвратить всѣ замки, которые еще оставались въ его рукахъ. Король, съ своей стороны, обязывался также возвратить всѣ занятыя, во время походовъ, земли, за исключеніемъ Полоцка и Велижа. На счетъ обмѣна плѣнныхъ предполагалось условиться впослѣдствіи. При этомъ было говорено, что въ актѣ договора Іоаннъ будетъ вездѣ титулованъ царемъ.

Послѣ заключенія этого перемирія, весьма своевременнаго для Іоанна, благодаря усиліямъ Поссевина, Замойскій снялся (6 февр.) съ лагеря подъ Псковомъ, и постепенно вступалъ въ укрѣпленія, занимавшіяся еще русскими войсками, которыя, покидая ихъ, мѣстами подводили мины. Но это ни къ чему не повело, ибо всѣ

---

*) Игуменъ печерскій благочестив. Тихонъ. *Прим. перевод.*

**) 6 января 1582, въ деревнѣ Киверовой Горѣ, между Опочкою и Порховомъ, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго Яму. (См. Устр. Т. II.) *Прим. перевод.*

мины были преждевременно открыты. Царь московскій потерялъ въ теченіи этой трехлѣтней войны болѣе 300,000 человѣкъ, но эта потеря могла бы быть еще чувствительнѣе, еслибы король остался глухъ къ увѣщаніямъ Поссевина. Іоаннъ не исполнилъ ожиданій папы и впослѣдствіи тщеславился тѣмъ, что ему удалось провести, даже, іезуита *).

Окончивъ эту войну, Баторій приступилъ къ устройству ливонскихъ дѣлъ. Это подало поводъ къ поѣздкѣ въ Ригу (12 март.), гдѣ, въ присутствіи Кетлера, Замойскаго и многихъ сенаторовъ, король повелѣлъ городу возвратить католикамъ два костела, изъ которыхъ одинъ попалъ, тотчасъ же, въ руки іезуитовъ. Одновременно было установлено въ Венденѣ латинское епископство для Ливоніи и объявлено, что переселенные въ край колонисты должны быть исповѣданія католическаго. Все это было противно закону дарованному Ливоніи Сигизмундомъ-Августомъ. Баторій хотѣлъ кромѣ того разрушить замки рыцарей и издалъ постановленіе, по которому каждый землевладѣлецъ долженъ былъ доказать свои права на занимаемыя имъ земли, часть которыхъ составляла, нѣкогда собственность казны. Онъ заботился также объ облегченіи участи сельскаго люда, который въ Ливоніи, подъ вліяніемъ германскихъ крестоносцевъ, былъ обреченъ на такое тяжкое угнетеніе, о какомъ въ Польшѣ не имѣли, даже, понятія. Баторій вооружилъ окончательно противъ себя всю провинцію, когда началъ раздавать въ Ливоніи должности старостъ и другія природнымъ полякамъ, а званіе намѣстника предоставилъ клеврету іезуитовъ виленскому кардиналу-епископу Радзивиллу.

---

*) «Въ первый разъ, говоритъ Карамзинъ (Т. IX, стр. 349), мы заключили миръ столь безвыгодный, едва не безчестный съ Литвою, и если удержались въ своихъ древнихъ предѣлахъ, не отдали и болѣе, то честь принадлежитъ Пскову: онъ, какъ твердый оплотъ, сокрушилъ непобѣдимость Стефанову; взявъ его, Баторій не удовольствовался бы Ливоніею, не оставилъ бы за Россіею ни Смоленска, ни земли Сѣверской; взялъ бы, можетъ быть и Новгородъ, въ очарованіи Іоаннова страха: ибо современники дѣйствительно изъясняли удивительное бездѣйствіе нашихъ силъ очарованіемъ.»

Прим. перевод.

По поводу частыхъ нападенiй козаковъ на татарскiя и турецкiя земли—татарскiй посолъ угрожалъ возмездiемъ. Король снарядилъ войско въ Подолiю, и убѣдилъ султана запретить татарамъ вторгаться въ земли рѣчипосполитой. Онъ уговорилъ также султана потребовать къ себѣ на судъ молдавскаго господаря Янкулу, который вездѣ, гдѣ только могъ, вредилъ Польшѣ. Господарь, предвидя вѣрную смерть, не явился въ Стамбулъ, но, захвативъ всю казну, рѣшился бѣжать въ Венгрiю. Во время проѣзда чрезъ Покуце онъ былъ схваченъ Николаемъ Язловецкимъ и доставленъ въ Львовъ, гдѣ, по приказанiю короля, его казнили безъ суда. Этотъ поступокъ имѣлъ также характеръ произвольнаго беззаконiя.

Неудовольствiя и даже опасенiя обнаружились повсюду въ рѣчипосполитой, вслѣдствiе произвола, къ которому, нерѣдко прибѣгалъ Стефанъ Баторiй. Землевладѣльцы начали опасаться за свои льготы, а въ особенности когда въ универсалахъ, сзывавшихъ сеймъ (4 окт.) въ Варшаву, шла рѣчь о выборѣ наслѣдника престола, о преобразованiи трибуналовъ, о дѣлахъ десятинныхъ и о другихъ щекотливыхъ вопросахъ. Говорили, что король собирается уничтожить, въ пользу своихъ племянниковъ, право свободнаго избранiя королей, а въ преобразованiи трибуналовъ видѣли стремленiе подчинить себѣ судебную власть. Кромѣ того землевладѣльцы опасались, что король, изъ сочуствiя къ духовенству, по дѣламъ десятиннымъ будетъ дѣйствовать въ ущербъ свѣтскимъ людямъ. Среди такихъ обстоятельствъ, понятно, сеймъ имѣлъ весьма бурный характеръ. Не смотря на пространныя разсужденiя и доказательства, которыми Замойскiй пытался изобразить дѣйствiя и намѣренiя короля въ самомъ лучшемъ свѣтѣ,—земскiе послы высказали мнѣнiе противоположное мнѣнiю сената. Когда же канцлеръ заявилъ, что, видя такъ много людей нерасположенныхъ къ королю, онъ опасается, чтобы, со временемъ, не появился въ рѣчипосполитой Катилина,—послы потребовали отъ него объясненiй. Многiе позволили себѣ даже говорить королю угрозы, а Нѣмоевскiй сказалъ ему даже въ глаза, что если онъ не будетъ управлять со-

гласно уставамъ, то легко можетъ обратиться снова въ трансильванскаго воеводу. Тѣмъ не менѣе, когда Баторій отказался отъ вопроса о престолонаслѣдіи, отсрочилъ дѣла о трибуналахъ и десятинахъ, когда затѣмъ онъ объявилъ, что не будетъ раздавать въ Ливоніи помѣстій своимъ венгерскимъ фаворитамъ, — сенаторы убѣдили сеймъ назначить депутата для изъявленія королю, отъ общаго имени, признательности за труды, подъятые ко благу рѣчипосполитой. Оржельскій, которому земскіе послы поручили это дѣло, исполнилъ весьма дурно свою задачу. Именно распространившись о заслугахъ Баторія, Оржельскій въ увлеченіи объявилъ, что сеймъ, убѣжденный въ наилучшихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ короля, готовъ подвергнуть карѣ каждаго изъ своихъ членовъ, который былъ бы противнаго мнѣнія. Это заявленіе произвело ужасный шумъ. Земскіе послы, разразившись громомъ упрековъ противъ Оржельскаго за то, что онъ говорилъ вовсе не то, къ чему былъ уполномоченъ, оставили тотчасъ же залу совѣщаній, не дождавшись конца рѣчи. Все это подало поводъ къ тому, что сеймъ разошелся ничего не сдѣлавъ и, даже, не обсудилъ средствъ для уплаты войску жалованья за прошлое время. Кромѣ того одной изъ причинъ совершенно безполезной траты времени было дѣло Чарнковскаго, который, выхлопотавъ себѣ у папы еще прежде коадьюторію гнѣзненскаго архіепископства, занялъ Знинъ и не хотѣлъ выѣхать оттуда, хотя архіепископомъ былъ назначенъ Карнковскій.

Видимая цѣль Баторія упрочить полновластіе, встревожила шляхту и, быть можетъ, дѣло не обошлось бы безъ сильныхъ потрясеній, если бы не всеобщее убѣжденіе, что правленіе Баторія приноситъ пользу рѣчипосполитой. Вотъ почему ограничивались только однимъ ропотомъ противъ его отступленій отъ коронныхъ уставовъ, не прибѣгая къ явному противодѣйствію. Самою сильною поддержкою короля былъ великій канцлеръ и коронный гетманъ Янъ Замойскій, извѣстный своею ученостію, краснорѣчіемъ и способный руководить общественными дѣлами, но, въ то же время, отличавшійся необыкновенною надменностію и честолюбіемъ. Пріобрѣтя неограниченное довѣріе короля, онъ поддерживалъ съ

непоколебимымъ постоянствомъ всѣ его предначертанія, за что, конечно, былъ осыпанъ многими милостями и пожалованъ староствами. Наконецъ Баторій выдалъ за него за мужъ (12 іюня 1583) свою племянницу Гризельду, чтобы узами родства привязать его еще болѣе къ себѣ. Свадьба происходила въ Краковѣ, по истинѣ, съ королевскою роскошью, которая свидѣтельствовала о могуществѣ Замойскаго. Но этотъ человѣкъ, бывшій нѣкогда защитникомъ правъ земства, вскорѣ перемѣнилъ свои убѣжденія: созданіемъ замойской ординаціи онъ указалъ аристократамъ путь къ уничтоженію этихъ правъ.

Съ этимъ же временемъ (1582) совпало исправленіе календаря по астрономическому году, при содѣйствіи папы Григорія XIII. Всѣ католическія державы приняли новый календарь, прочія сохранили старый, юліанскій, что подало поводъ къ ожесточеннымъ спорамъ. Баторій, какъ усердный католикъ, вслѣдствіе настояній духовенства, приказалъ ввести новый календарь, даже въ Ливоніи, хотя въ этой провинціи число католиковъ было весьма ограничено. Введеніе этого календаря, а равно и предшествовавшія королевскія распоряженія вызвали волненіе въ Ригѣ. Нѣкоторые изъ совѣтниковъ, заподозрѣнные въ тайныхъ сношеніяхъ съ правительствомъ, были приговорены инсургентами къ смерти, а іезуиты съ трудомъ нашли въ замкѣ безопасное убѣжище. Неудовольствіе приняло такіе размѣры, что Рига была готова передаться шведскому королю, который послѣ смерти своей жены Екатерины Ягеллонки (сконч. 16 сент. 1583), началъ преслѣдовать католиковъ въ своемъ государствѣ. Но Баторій, во время, энергически пріостановилъ безпорядки, и подвергнувъ нѣкоторыхъ строгому наказанію, остальныхъ привелъ къ покорности. Когда же умеръ Магнусъ, владѣвшій на ленномъ правѣ пильтенскою землею *), онъ присоединилъ эту землю къ остальной Ливоніи, удовлетворивъ

*) Пильтенъ, находящійся въ Курляндіи, на берегу рѣки Виндавы, обязанъ своимъ происхожденіемъ, укрѣпленному замку, воздвигнутому, около 1220 г., датскимъ королемъ Вольдемаромъ II. *Прим. перевод.*

предварительно претензію датскаго короля, уплатою 30,000 талеровъ *).

Дѣло Зборовскихъ навлекло на рѣчьпосполитую еще большія потрясенія. Эта могущественная семья состояла тогда изъ 4 братьевъ, гнѣзненскаго каштеляна Яна, короннаго надворнаго маршала Андрея, короннаго чашника Христофора и Самуила. Христофоръ, бывшій нѣкогда усерднымъ сторонникомъ Максимиліана, проживалъ въ Вѣнѣ, гдѣ даже во время войны московской, въ качествѣ эмигранта изъ-за долговъ, входилъ въ сношенія съ посланникомъ царя Іоанна. Самуилъ, приговоренный къ изгнанію за убійство Ваповскаго, проживалъ спокойно въ Польшѣ съ вѣдома короля, который тремъ Зборовскимъ былъ обязанъ частію своимъ возвышеніемъ на престолъ и считалъ своимъ врагомъ одного только Христофора. Однакожъ и послѣдній, во время свадьбы Замойскаго съ Гризельдою, получилъ королевское помилованіе, хотя были подозрѣнія, что онъ, совмѣстно съ братомъ Самуиломъ, подстрекалъ козаковъ ко вторженію въ турецкія земли, вѣроятно по внушенію Австріи. Вскорѣ однако въ руки короля попались письма Христофора и сверхъ того вышли наружу и другія доказательства его тайныхъ замысловъ. Баторій, вмѣстѣ съ Замойскимъ, постановили рѣшительнымъ шагомъ предупредить покушеніе. Король, разлучавшійся довольно часто съ своею женою Анною, проживалъ въ это время въ Гроднѣ, а Замойскій, объѣзжавшій свои староства, направился изъ Красностава къ Кракову, гдѣ онъ былъ также старостою. Но такъ какъ Самуилъ Зборовскій, не смотря на изгнаніе изъ края, слѣдовалъ постоянно въ этомъ путешествіи за канцлеромъ съ своею вооруженною дружиною, то Замойскій поручилъ объявить ему, чтобы онъ не смѣлъ показываться въ краковскомъ староствѣ, угрожая въ противномъ

---

*) Роль посредника между Польшею и Даніею въ этомъ спорѣ принялъ на себя бранденбургскій маркграфъ Юрій-Фридрихъ, который уплатилъ даже за Стефана Баторія 30,000 талеровъ, а потому и удержалъ за собою Пильтенъ, въ видѣ залога (Starożytności Polskie, T. II, str. 244).

Прим. перевод.

случаѣ поступить съ нимъ по всей строгости коронныхъ уставовъ. Отнюдь не смущаясь этою угрозою Самуилъ началъ хвастаться тѣмъ, что въѣдетъ въ Краковъ прежде него. Это раздражило еще больше Замойскаго. Когда Самуилъ, тогда же, поѣхалъ къ своей родственницѣ Влодковой, канцлеръ велѣлъ его схватить, арестовалъ въ замкѣ краковскомъ, приставилъ къ нему стражу и обо всемъ донесъ королю. Шляхта, собравшаяся въ большомъ числѣ на судъ въ Краковъ, ходатайствовала объ освобожденіи Самуила, требуя, чтобы канцлеръ отложилъ все дѣло до сейма. Но Замойскій, основываясь на законѣ, по окончаніи слѣдствія, велѣлъ казнить виновнаго за замковыми воротами (26 мая 1584).

Этотъ поступокъ возбудилъ сильное негодованіе во всемъ польскомъ королевствѣ. Шляхта видѣла въ немъ доказательство неограниченнаго самовластія и стѣсненія своихъ правъ. Хотя Зборовскій считался изгнанникомъ, но онъ не былъ лишенъ чести, а въ такомъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, канцлеръ долженъ былъ внести дѣло на сеймъ. Зборовскіе и ихъ друзья все болѣе и болѣе подстрекали военное сословіе, такъ что даже извѣстіе о смерти царя Іоанна (18 марта 1584) и, слѣдовательно, удобный предлогъ къ возвращенію остальныхъ утраченныхъ земель, не остановило смятенія въ рѣчипосполитой. Замѣтивъ въ чемъ дѣло, король созвалъ (въ авг.) сенаторовъ на совѣщаніе въ Люблинъ, гдѣ объявилъ, что, имѣя въ рукахъ доказательства противъ Христофора и Андрея Зборовскихъ, онъ, намѣренъ предать ихъ суду сейма. Львовскій архіепископъ Янъ Суликовскій выразилъ мнѣніе, что король обязанъ уничтожить письма, случайно попавшія въ его руки и великодушіемъ обезоружить противниковъ. Многіе сенаторы объявили себя въ пользу этой мысли, но мнѣніе противное одержало верхъ и преданіе суду состоялось.

Сеймики, предшествовавшіе сейму, были необыкновенно бурны. Въ Сродѣ, Прошовицахъ, Висни и въ сендомирскомъ воеводствѣ, шляхта сильно шумѣла противъ произвола правительства и поручила своимъ депутатамъ потребовать на сеймѣ удовлетворенія за невинную смерть Самуила. Въ Сѣрадзѣ и на сеймикахъ мазовец-

кихъ партія канцлера имѣла перевѣсъ. Сеймъ, собравшійся въ началѣ 1585 г. въ Варшавѣ, имѣлъ видъ лагеря. Какъ король, такъ и Замойскій явились туда съ значительною вооруженною свитою. Зборовскіе привели также съ собою множество друзей и предполагали внести въ засѣданіе сейма гробъ съ трупомъ Самуила, а также представить осиротѣвшихъ сыновей его. Баторій нисколько не смутился и занялъ мѣсто въ судѣ, вмѣстѣ съ сенатомъ. Но палата пословъ, послѣ усиленныхъ стараній, добилась, по крайней мѣрѣ, того, что ей было дозволено избрать извѣстное число депутатовъ, которые должны были засѣдать въ судѣ, вмѣстѣ съ сенаторами. Обвинитель упрекалъ Зборовскихъ, а главное Христофора Зборовскаго, въ сношеніяхъ съ Россіею и козаками, направленныхъ ко вреду рѣчипосполитой и заговоръ на жизнь короля. Но такъ какъ обвиненный не предсталъ передъ судомъ, то приговоръ былъ произнесенъ заочно, и согласно этому приговору, онъ былъ лишенъ чести, званія и всего недвижимаго имущества, которымъ онъ владѣлъ, или которое могло бы ему достаться по наслѣдству. Дѣло же брата его Андрея отсрочено до слѣдующаго сейма.

Король, очевидно, одержалъ побѣду, чѣмъ показалъ самымъ вліятельнымъ землевладѣльцамъ, что онъ въ состояніи угомонить каждаго изъ нихъ. Наведя на всѣхъ страхъ, Баторій хотѣлъ сосредоточить всѣ силы рѣчипосполитой, чтобы во первыхъ обезсилить Россію послѣ смерти Іоанна, и затѣмъ поколебать могущество турокъ. Съ этою цѣлію онъ вошелъ въ сношенія съ Римомъ, а новый папа Сикстъ V обѣщалъ ему значительную денежную помощь. Дѣлая приготовленія къ будущей войнѣ съ Россіею, Баторій началъ формировать войско въ Венгріи. Дѣломъ этимъ долженъ былъ заняться варшавскій сеймъ, на которомъ король предполагалъ привлечь на свою сторону шляхту, обезпечивъ за нею ея коронныя права и льготы. Онъ хотѣлъ этимъ шагомъ гарантировать одному изъ своихъ племянниковъ наслѣдство престола. По этому поводу сеймики окончились вездѣ благополучно и депутаты были уполномочены дать свое согласіе на военныя издержки для веденія войны съ Россіею. Все, казалось, предвѣщало хорошую будущность,

какъ вдругъ получено печальное извѣстіе, что король, послѣ нѣсколькодневной болѣзни, скончался въ Гроднѣ, 12 декабря 1586 г., на 54 году своей жизни.

Смерть Стефана Баторія вызвала безпримѣрныя волненія во всей рѣчипосполитой. Теперь именно вступили между собою въ отчаянный бой, двѣ враждебныя партіи. Во главѣ одной стоялъ всемогущій при жизни Баторія, гетманъ и коронный канцлеръ Янъ Замойскій; второю партіею руководили Зборовскіе. Борьба происходила на всѣхъ сеймикахъ. Партія Зборовскихъ роптала на излишнее значеніе Замойскаго и на нарушеніе коронныхъ уставовъ, а партія канцлера утверждала, что все совершалось и совершается согласно уставамъ. На съѣздѣ въ Львовѣ потребовали, чтобы Замойскій сложилъ съ себя званіе гетмана, а сеймикъ въ Прошовицахъ велѣлъ краковскому воеводѣ Тенчинскому нанять 2000 вооруженныхъ людей и занять ими краковскій замокъ. Но краковскій староста, Николай Зебржидовскій, усердный сторонникъ Замойскаго, предупредилъ воеводу и не впустилъ его въ замокъ. Въ эту же эпоху и Литва не могла похвалиться бо̀льшимъ спокойствіемъ, нежели коронныя владѣнія Польши.

Гнѣзненскій архіепископъ Карнковскій обнародовалъ конвокаціонный сеймъ въ Варшавѣ (2 февр. 1587 г.). Многіе свѣтскіе и духовные сановники, а также нѣкоторые землевладѣльцы, не желавшіе примкнуть ни къ одной изъ двухъ партій, сильно хлопотали о возстановленіи согласія. Примасъ уговорилъ даже Замойскаго не являться на избирательный сеймъ, увѣривъ его, что и противная сторона не будетъ имѣть на немъ своихъ представителей. Великій коронный маршалъ Опалинскій, имѣя столкновенія съ познанскимъ воеводою Гуркою, выѣхалъ также изъ Варшавы, какъ скоро не состоялось примиреніе съ противникомъ. За то партія Зборовскихъ прибыла въ огромномъ числѣ. Примасъ занемогъ и во имя любви къ отечеству умолялъ собравшихся сенаторовъ и депутатовъ помириться. Андрей Зборовскій подалъ жалобу о оскорбленіи его рода и требовалъ отмѣны произнесенныхъ приговоровъ, но ему объявили, что конвокаціонный сеймъ занимается единственно

дѣлами, относящимися до избранія короля, а потому, собственно, долженъ уклонить отъ себя все остальное. Точно также, какъ не хотѣли допустить Зборовскихъ къ обсужденію ихъ дѣла, и сторонники Замойскаго были прерываемы, какъ скоро начинали говорить въ его защиту. Одинъ изъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ канцлера Станиславъ Жолкевскій долженъ былъ, даже, выѣхать изъ Варшавы. Наконецъ согласились, чтобъ и Замойскій и партія Зборовскихъ не являлись на мѣсто выборовъ, и ожидали приглашенія на разстояніи двухъ миль. Ихъ увѣрили только, что безъ ихъ участія не совершится избраніе короля. На избирательный съѣздъ (30 іюня) было отведено обыкновенное поле подъ Варшавою, а начальство надъ войскомъ рѣчипосполитой было передано Николаю Гербурту, что было равносильно отнятію гетманской власти у Замойскаго. При этомъ былъ возобновленъ уставъ варшавской конфедераціи 1573 г., относительно сохраненія мира между лицами разныхъ исповѣданій. Но примасъ и другіе епископы воспротивились этому и удалились, такъ что съ трудомъ одинъ епископъ каменецкій Гослицкій согласился подписать актъ. Сверхъ того было рѣшено, что воеводства соберутся (8 мая) вездѣ въ мѣстахъ, опредѣленныхъ уставомъ для, такъ называемаго, смотра, то есть для представленія, которое свидѣтельствовало бы о ихъ боевой готовности. Рѣшенія этого сейма, и въ особенности послѣднее изъ нихъ, нигдѣ не было принято, главное потому, что конвокаціонный сеймъ долженъ былъ только опредѣлить мѣсто и время избранія короля.

Передъ началомъ избирательнаго съѣзда примасъ и многіе магнаты сильно хлопотали о примиреніи Зборовскихъ съ Замойскимъ. Но усилія ихъ были тщетны, ибо канцлеръ не хотѣлъ принять условій мировой, составленныхъ во время конвокаціи. И такъ обѣ партіи готовились къ столкновенію на избирательномъ полѣ. Зборовскіе привели съ собою около 10,000 вооруженныхъ людей, и на ихъ же сторонѣ былъ познанскій воевода Гурка, одинъ изъ первостепенныхъ магнатовъ. Въ числѣ ихъ партіи слѣпой Чарнковскій, Казимірскій, Пенкославскій и нѣкоторые другіе пользо-

вались популярностію и были извѣстны, какъ хорошіе ораторы. Замойскій явился также съ многочисленною вооруженною свитою и, по случаю траура, въ который облеклись его сторонники послѣ смерти короля, вся партія была прозвана *черною*. Жолкевскій, Острогскій, Опалинскій, подскарбій Дульскій и другіе сенаторы усердно держали сторону Замойскаго. Литва имѣла также не мало представителей, которые, не желая ни во что вмѣшиваться, заняли совершенно особенныя мѣста. Такимъ образомъ составилось какъ бы три лагеря, укрѣпленные валами и орудіями. Многіе изъ магнатовъ и шляхты не примкнули ни къ одной изъ партій и хлопотали только о возстановленіи согласія.

Сенаторы начали собираться для совѣщаній въ обыкновенномъ мѣстѣ или въ такъ называемомъ, навѣсѣ *), а шляхта раздѣлилась на два круга. Конвокаціонный кругъ, то есть, отстаивавшій рѣшенія конвокаціоннаго сейма, состоялъ изъ однихъ сторонниковъ Зборовскихъ. Кругъ противуконвокаціонный или черный, желавшій отмѣны этихъ рѣшеній, какъ противныхъ короннымъ постановленіямъ, состоялъ, изъ сторонниковъ Замойскаго. Борьба продолжалась болѣе 6 недѣль, не только между обоими этими кругами, имѣвшими, даже, особенныхъ маршаловъ, но и между короною и Литвою, которая требовала присоединенія Ливоніи къ великому княжеству. Напрасны были усилія примаса и многихъ другихъ посредниковъ. Обѣ стороны толковали о своей любви къ отечеству и о готовности дѣйствовать согласно со всѣмъ, что имѣло въ виду его благо, а между тѣмъ упрямо стояли на своемъ. Дѣло не могло, даже, дойти до опубликованія мировой, и обѣ стороны обвиняли другъ друга въ прибытіи на совѣщанія съ оружіемъ въ рукахъ. Въ конвокаціонномъ кругѣ начали поговаривать о составленіи конфедераціи и даже былъ опредѣленъ день, когда предполагалось къ ней приступить. Раздраженіе достигло такихъ размѣровъ, что (2 авг.) войска обѣихъ партій готовы были сразиться и только примасу и нѣкоторымъ сенаторамъ удалось пріостановить

---

*) Szopa—навѣсъ, сарай.

кровопролитіе. Въ взаимныхъ дракахъ недостатка не было, и примасъ, желая приблизить время генеральнаго собранія обѣихъ сторонъ для общаго совѣщанія, велѣлъ тайно сжечь навѣсъ.

Среди этой внутренней неурядицы рѣшительно невозможно было думать о согласномъ избраніи короля, такъ какъ не могло послѣдовать соглашенія въ самыхъ принципахъ. Партія Зборовскихъ, поддерживаемая папскимъ легатомъ Аннибаломъ изъ Капуи, не смотря на то, что была составлена бо́льшею частью изъ иновѣрцевъ, дѣйствовала въ пользу австрійскаго дома. Замойскій, вмѣстѣ съ королевою вдовою, хотѣлъ возвести на престолъ ея племянника шведскаго королевича Сигизмунда. Литовцы и многіе коронные землевладѣльцы, мечтавшіе о расширеніи предѣловъ рѣчипосполитой, желали имѣть королемъ царя московскаго Ѳедора, но не могли расчитывать на успѣхъ. Многіе выразили желаніе, чтобы король былъ непремѣнно полякъ. Когда въ пользу царя и пяста высказалось меньшинство, остались, собственно, два кандидата—эрцгерцогъ австрійскій Максимиліанъ и королевичъ шведскій Сигизмундъ. Единогласіе въ пользу одного изъ этихъ двухъ кандидатовъ было до тѣхъ поръ немыслимо, пока обѣ главныя партіи совершенно расходились въ своихъ воззрѣніяхъ. Примасъ, хлопотавшій о примиреніи, потерялъ, наконецъ, всякую надежду и со многими сенаторами перешелъ на сторону канцлера, что и порѣшило выборъ Сигизмунда (10 авг. 1587 г.). Партія Зборовскихъ, три дня спустя, провозгласила королемъ Максимиліана. Литва, не желая объявить себя ни въ пользу одного, ни въ пользу другаго, требовала признанія обоихъ выборовъ недѣйствительными и передачи всего избирательнаго дѣла сеймикамъ, или же рѣшенія дѣла помощію жребія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы къ двумъ уже избраннымъ королямъ присоединить и московскаго царя. Но требованіе Литвы было отвергнуто.

Обѣ партіи составили, не медля, съ уполномоченными избранныхъ ими кандидатовъ условія, на которыхъ признавалась за ними власть. Отъ имени эрцгерцога австрійскаго обѣщали все то, къ чему Максимиліанъ обязывался, десять лѣтъ тому назадъ. Шведское же

посольство объявило, что Сигизмундъ возвратитъ Эстонію, освободитъ рѣчьпосполитую отъ уплаты суммъ, слѣдовавшихъ его отцу, откажется отъ доставшейся на его долю части наслѣдства послѣ бабки Боны, соорудитъ флотъ на балтійскомъ морѣ и построитъ на собственныя средства, вдоль границы, пять замковъ, въ пунктахъ наиболѣе соотвѣтствующихъ. Сверхъ того, было включено въ договоръ или въ такъ называемые, *pacta conventa*, подтвержденіе всѣхъ національныхъ правъ и льготъ, къ сохраненію которыхъ обязывались Генрихъ и Баторій.

Главнымъ образомъ энергическое и поспѣшное дѣйствіе должно было рѣшить, которая партія окончательно одержитъ верхъ. Партія Замойскаго, для поддержанія своего избранника объявила съѣздъ въ Вислицѣ, откуда предполагалось отправиться въ Краковъ (17 окт.) на коронацію Сигизмунда. Замойскій, уполномоченный выступить съ войскомъ для защиты рѣчипосполитой, противъ Максимиліана, ожидавшаго въ Ольмюцѣ результата выборовъ, взялъ для этой цѣли у королевы Анны 100,000 злот. и поспѣшилъ со всѣми своими вооруженными силами въ Краковъ. Зборовскіе выступили также не медля и заняли Вислицу, чтобы не допустить осуществленія съѣзда. Когда же Замойскій началъ укрѣплять Краковъ, Максимиліанъ написалъ къ нему весьма вѣжливое письмо, въ которомъ извѣщалъ, что, въ непродолжительномъ времени, прибудетъ въ столицу на коронацію, гдѣ надѣется встрѣтить такой пріемъ, какой подобаетъ королю, избранному цѣлымъ народомъ. Канцлеръ отвѣтилъ немедленно, что законнымъ образомъ избранъ въ короли Сигизмундъ и что эрцгерцога ввели въ заблужденіе. Если же онъ намѣренъ перейти границу рѣчипосполитой съ войскомъ, тогда самъ будетъ виновникомъ всѣхъ могущихъ произойти непріятныхъ послѣдствій.

Поручивъ оборону Кракова Зебржидовскому, Замойскій отправился въ Вислицу, оцѣпилъ ее вооруженными людьми и подъ самымъ городомъ, въ открытомъ полѣ, устроилъ (5 окт.) объявленный съѣздъ. Этотъ съѣздъ не могъ быть многочисленнымъ, ибо и Великопольша и Русь имѣла на немъ весьма мало представите-

лей, а Литва держала себя совершенно въ сторонѣ. Не смотря на это выборъ Сигизмунда былъ утвержденъ, коронація отсрочена до 27 ноября, а сторонниковъ Максимиліана, если бы они рѣшились поддерживать его съ оружіемъ въ рукахъ, объявили врагами отечества. Когда во время совѣщаній пришла вѣсть, что эрцгерцогъ, присягнувъ въ Ольмюцѣ на pacta conventa, приближается съ войскомъ уже къ польскимъ границамъ, къ нему отправлены были послы съ требованіемъ не волновать спокойствія рѣчипосполитой, избравшей себѣ въ короли другое лицо. Въ тоже время Замойскій былъ уполномоченъ употребить всѣ средства, какія признаетъ нужными для защиты отечества.

Извѣщенный, что Зборовскіе ведутъ въ Ольштынъ подкрѣпленія для Максимиліана, Замойскій хотѣлъ отрѣзать имъ путь, но это ему не удалось. Но за то онъ перехватилъ письмо Яна Зборовскаго, въ которомъ послѣдній совѣтовалъ Максимиліану арестовать пословъ вислицкаго съѣзда. Это побудило Замойскаго самому прибѣгнуть къ такой же мѣрѣ и онъ велѣлъ остановить посла Максимиліана, а самъ, не теряя времени, поспѣшилъ въ Краковъ. Между тѣмъ эрцгерцогъ, занявъ Бендзинъ и другіе менѣе значительные города, не рѣшавшіеся сопротивляться ему, приблизился къ Кракову. Замѣтивъ однако полную готовность къ оборонѣ, онъ не могъ атаковать городъ съ немногочисленнымъ своимъ войскомъ, а потому отступилъ сперва къ Раковицамъ, а потомъ къ Могилѣ, гдѣ вступилъ въ переговоры съ противною партіею или, вѣрнѣе, съ Замойскимъ. Объявивъ себя другомъ рѣчипосполитой, Максимиліанъ давалъ обѣщаніе сохранить въ цѣлости всѣ ея права и льготы, какъ скоро вступитъ на престолъ и увѣрялъ, что, цѣня Польшу выше всего, онъ готовъ, даже, пролить за нее свою кровь. Когда же подобныя заявленія не достигли ожидаемаго результата, онъ составилъ въ Могилѣ нѣчто въ родѣ генеральнаго съѣзда, откуда, именуя себя уже польскимъ королемъ, разослалъ повсюду универсалы съ приказаніемъ являться къ нему въ лагерь въ полномъ вооруженіи, какъ прилично вѣрноподданнымъ.

Максимиліанъ, которому Зборовскіе, Гурка и Язловецкій привели изъ Польши болѣе трехъ тысячъ вооруженныхъ людей, разсчитывалъ еще на другія подкрѣпленія. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, составленный изъ силезцевъ и нѣмцевъ проходилъ мимо Рабштына, оборона котораго была поручена Голубку. Послѣдній неожиданно напалъ на отрядъ и съ помощію олькушскихъ рудокоповъ разбилъ его совершенно. Когда всѣ переговоры оказались безуспѣшными, Максимиліанъ рѣшился прибѣгнуть къ оружію. Войдя въ тайныя соглашенія съ нѣмцами, жившими въ предмѣстьи Гарбарскомъ, онъ занялъ его (23 нояб.) и пользуясь туманомъ, подошелъ къ самымъ шевскимъ воротамъ. Бдительность Замойскаго парализировала покушеніе. Дѣло дошло до кровопролитнаго боя, въ которомъ войско Максимиліана претерпѣло пораженіе и потеряло около 2,000 убитыми, 2 знамени и 8 орудій съ гербами познанскаго воеводы Гурки. Замойскій перевелъ нѣмцевъ въ городъ, а предмѣстье велѣлъ сжечь. Максимиліанъ долженъ былъ опять отступить отъ Кракова, не достигнувъ цѣли.

Во время этихъ событій въ Польшѣ, на долю Лесніовольскаго и другихъ пословъ, отправленныхъ въ Швецію, выпала также весьма затруднительная миссія. Янъ отецъ Сигизмунда,—даже слышать не хотѣлъ о уступкѣ Эстоніи, а потому медлилъ отъѣздомъ сына. Къ тому же и сенатъ шведскій не соглашался на уступку этой провинціи и даже обязалъ Сигизмунда дать передъ отъѣздомъ обѣщаніе, что не только не допуститъ отдѣленія какой бы то ни было шведской провинціи, но и не употребитъ шведскаго флота въ интересахъ Польши; что въ случаѣ наслѣдованія послѣ отца шведскаго престола, онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, всякіе три года пріѣзжать въ Швецію на болѣе продолжительный срокъ, а во время своего отсутствія предоставитъ управленіе страною особенному регентству, въ составъ котораго войдутъ и уполномоченные его дяди Карла. Въ заключеніе всего онъ долженъ былъ обѣщать также, что не приведетъ съ собою въ Швецію католиковъ. Только послѣ такихъ переговоровъ Сигизмундъ получилъ дозволеніе отплыть въ Польшу. Прибывъ въ Данцигъ съ 24-мя кораблями, онъ не хотѣлъ высадиться на бе-

регъ, пока высланные къ нему на встрѣчу уполномоченные не увѣрятъ его, что при жизни его отца, рѣчьпосполитая не будетъ требовать возвращенія Эстоніи. Обрядъ присяги совершился въ Оливѣ, такъ какъ жители Данцига не хотѣли допустить совершенія церемоніи въ своемъ соборѣ. Сигизмундъ присягнулъ на всѣ пункты и тогда только направился къ Данцигу. Здѣсь онъ получилъ приказаніе отъ отца—отказаться отъ дальнѣйшаго искательства польской короны и возвратиться въ Швецію. Но Сигизмундъ, не обращая на это вниманія, направился, съ собиравшимся къ нему рыцарствомъ, въ Піотрковъ, гдѣ послѣ съѣздовъ, происходившихъ въ Ютрошинѣ, Велюнѣ и Крженицахъ, къ нему явилось много великополянъ и сѣрадзцевъ. Какъ скоро Максимиліанъ получилъ извѣстіе о движеніи Сигизмунда, онъ направилъ противъ него 2-хъ тысячный отрядъ съ цѣлію отрѣзать ему путь въ Краковъ. Отрядъ этотъ разбилъ горсть поляковъ подъ Пржедборжемъ, но не достигнулъ цѣли. Сигизмундъ двинулся по другой дорогѣ, черезъ Новое Мѣсто, Корчинъ и Величку, и 9 декабря торжественно въѣхалъ въ Краковъ. Максимиліанъ отступилъ (30 нояб.) къ Крженицамъ. Въ Корчинѣ Сигизмундъ получилъ второе письмо отъ отца, въ которомъ повторенъ былъ вызовъ о возвращеніи въ Швецію.

Почти три недѣли продолжались споры на счетъ Эстоніи и другихъ условій, выговоренныхъ при избраніи Сигизмунда, послѣ чего совершена была коронація (27 дек.). На это замедленіе имѣло также вліяніе отсутствіе литовцевъ, которые, собравшись въ Брестѣ литовскомъ, снарядили посольство въ Краковъ, только послѣ весьма продолжительныхъ совѣщаній. Въ то время когда сеймъ коронаціонный старался уладить всѣ затрудненія и, наказывая строго всѣхъ, поддерживавшихъ оружіемъ Максимиліана, хотѣлъ, какъ можно скорѣе, умиротворить разъединенную рѣчьпосполитую, Замойскій выступилъ противъ эрцгерцога. Заставивъ его очистить Велюнь, онъ перешелъ границу и подступилъ (24 янв. 1588 г.) къ Бычыну, гдѣ одержалъ полную побѣду надъ противникомъ. Максимиліанъ съ цѣлымъ войскомъ попался въ плѣнъ. Иноземныхъ солдатъ, а также поляковъ, Замойскій отпустилъ на свободу, но

польскихъ начальниковъ отправилъ въ тюрьму. Максимиліанъ былъ заключенъ въ Красноставѣ, впредь до окончанія переговоровъ съ австрійскимъ домомъ.

Во время послѣдняго похода Замойскаго, переговоры шли своимъ порядкомъ съ литовскимъ посольствомъ, которое роптало, что и избраніе короля, и коронація совершились безъ содѣйствія литовцевъ. Литва не переставала требовать и теперь уступки Ливоніи, отмѣны разныхъ злоупотребленій и гарантіи, что коронная Польша безъ Литвы ничего предпринимать не будетъ. Въ самый день дѣла подъ Бычиномъ, литовскіе послы получили прежде сейма извѣстіе о побѣдѣ. Желая воспользоваться нѣсколькими минутами неизвѣстности, въ которой находились коронныя сословія на счетъ результатовъ боя, они начали стращать безотлагательнымъ отъѣздомъ, если сеймъ не согласится, по крайней мѣрѣ, на присоединеніе къ Литвѣ половины Ливоніи. Угроза подѣйствовала: сеймъ согласился на требованіе литовскихъ уполномоченныхъ, которые, въ замѣнъ этой уступки, признали Сигизмунда королемъ. Послѣ полученія донесенія о побѣдѣ подъ Бычиномъ, было уже поздно взять назадъ состоявшееся рѣшеніе. Вскорѣ всѣ должны были признать Сигизмунда королемъ.

Польша не имѣла особенныхъ поводовъ радоваться избранію Сигизмунда. Король этотъ, воспитанный іезуитами, былъ постоянно орудіемъ чужеземной политики. Склонный къ интригамъ, недоступный, онъ навлекалъ, нерѣдко, на рѣчьпосполитую большія волненія. Въ то же время, слѣдуя влеченію іезуитскаго фанатизма, онъ нарушалъ свободу совѣсти, что заставляло иновѣрцевъ отстаивать свои права, самымъ отчаяннымъ образомъ. Его царствованіе было, во всѣхъ отношеніяхъ, вредно для Польши, ибо ввергло ее въ хаосъ анархіи, изъ котораго она уже не могла вытти впослѣдствіи.

Плѣнъ Максимиліана вынуждалъ австрійское правительство спѣшить съ переговорами. Прибывшій вскорѣ въ Польшу папскій легатъ Ипполитъ Альдобрандини взялъ на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ. Съѣздъ уполномоченныхъ въ Бендзинѣ (8 марта 1589) рѣшилъ, что Максимиліанъ отречется отъ титула польскаго короля,

и что Любомля, занятая его войскомъ, будетъ возвращена Польшѣ. Договоръ этотъ долженъ былъ подписать императоръ, вмѣстѣ съ чешскими и венгерскими сословіями, затѣмъ Сигизмундъ и, наконецъ, Максимиліанъ. Хотя австрійскій домъ не выполнилъ всѣхъ условій этого договора, Максимиліанъ былъ, однакожъ, выпущенъ на свободу*).

Сеймъ, собравшійся (въ мартѣ) въ Варшавѣ, отличался бурнымъ характеромъ. На этомъ сеймѣ предполагалось обсудить порядокъ избранія королей, для чего была назначена особенная коммиссія. Но когда духовенство хотѣло непремѣнно выговорить, чтобы король исповѣдывалъ всегда римско-католическую вѣру, а свѣтскіе полагали, что достаточно установить, чтобы король былъ католикъ, когда, затѣмъ, послѣдніе требовали, чтобы кандидаты изъ австрійскаго дома были навсегда исключены, — дѣло это, столь важное, не подвинулось ни на шагъ впередъ. За то было взято назадъ рѣшеніе коронаціоннаго сейма противъ сторонниковъ Максимиліана, которые получили совершенное помилованіе. Сеймъ позволилъ королю выѣхать въ Ревель, для свиданія съ отцемъ, обратившимся для этого къ нему съ просьбою. На счетъ средствъ къ уплатѣ войску жалованья за прошлое время и о обезпеченіи восточныхъ границъ отъ набѣговъ татаръ — сеймъ ничего не постановилъ, хотя набѣги козаковъ въ турецкія земли заставляли разсчитывать на такое же возмездіе.

Въ августѣ того же года (1589) Сигизмундъ отправился въ Ревель. По дорогѣ, въ Вильнѣ, онъ получилъ извѣщеніе отъ Замойскаго, что русскимъ землямъ угрожаетъ нападеніе многочисленныхъ татарскихъ полчищъ. Вмѣсто того, чтобы возвратиться съ своимъ дворомъ, для принятія мѣръ къ защитѣ владѣній рѣчипосполитой, которымъ угрожала явная опасность, — король отпра-

*) Максимиліанъ пробылъ въ красноставскомъ замкѣ цѣлый годъ, подъ ближайшимъ надзоромъ люблинскаго воеводы Марка Собѣскаго. Его сопровождали до границы Гослицкій и Зебржидовскій. Въ настоящее время слѣды этого замка исчезли—послѣднія развалины были разобраны въ 1823 году.

Прим. перевод.

вился въ дальнѣйшее путешествіе, и ограничился только разсылкою универсаловъ, приказывая войску собраться для отраженія наѣздниковъ. Замойскій приглашалъ также къ оружію и шляхту, но почти всѣ обольщали себя ошибочнымъ мнѣніемъ, будто-бы это вѣсть невѣрная, и начали дѣлать сборы лишь тогда, когда уже было слишкомъ поздно. Татары опустошили Волынь, Подолію и русское воеводство*) и хотя въ нѣкоторыхъ встрѣчахъ понесли чувствительныя потери, однакожъ причинили названнымъ провинціямъ много бѣдствій. Къ тому же пришло извѣстіе, будто бы, турецкій султанъ, раздраженный наѣздами козаковъ, произведшихъ въ его владѣніяхъ не мало опустошеній, назначилъ на берегахъ Дуная сборный пунктъ для огромной арміи, съ которою предполагалъ вторгнуться въ Польшу. Для обсужденія средствъ къ защитѣ съѣхались въ Львовъ Замойскій и нѣкоторые русскіе вельможи. Въ ожиданіи того, что рѣчьпосполитая станетъ подъ ружьемъ, гетманъ долженъ былъ укрѣпить Львовъ, а Язловецкій защищать Каменецъ противъ турокъ. Въ то же время было разослано воззваніе и къ прочимъ воеводствамъ, чтобы они готовились ко всеобщему ополченію. Примасъ Карнковскій, извѣщенный также объ опасности, угрожавшей отечеству, созвалъ сенаторовъ въ Ленчицу на конвокацію, гдѣ было рѣшено, съ каждыхъ 10 лановъ, снарядить одного вооруженнаго копейщика.

Между тѣмъ, когда такая буря готова была разразиться надъ рѣчьюпосполитою, король пріѣхалъ въ Ревель (7 сент.) и преспокойно провелъ тамъ съ отцомъ болѣе мѣсяца. Сенаторы, сопровождавшіе его въ этомъ путешествіи, замѣтивъ тайныя частыя совѣщанія съ отцомъ, заподозрили его въ намѣреніи послѣдовать наущеніямъ отца, и покинуть Польшу. Догадывались даже въ существованіи какихъ-то тайныхъ соглашеній съ австрійскомъ домомъ, въ силу которыхъ эрцгерцоги Максимиліанъ или Эрнестъ долженъ былъ, будто-бы, жениться на сестрѣ Сигизмунда, Аннѣ, сдѣлаться польскимъ королемъ, и за то уступить Швеціи Ливонію.

---

*) Нынѣшняя Бѣлоруссія. *Прим. перевод.*

Эти догадки сильно тревожили сенаторовъ, бывшихъ въ Ревелѣ. Вотъ почему они начали настаивать, чтобы Сигизмундъ, въ виду опасности, угрожавшей рѣчипосполитой, возвратился, какъ можно скорѣе; когда же онъ медлилъ исполнить это требованіе, они объявили, что сами уѣдутъ. Безпорядки въ самомъ шведскомъ гарнизонѣ въ Ревелѣ, который отказывалъ въ повиновеніи, если Сигизмундъ не выѣдетъ въ Польшу, склонили, наконецъ, обоихъ королей разстаться съ собою. Но сенаторы должны были поручиться, что Сигизмунду будетъ предоставлена возможность вскорѣ прибыть въ Швецію.

Тотчасъ же послѣ своего возвращенія, Сигизмундъ обнародовалъ универсалы, по которымъ сеймъ долженъ былъ происходить въ Варшавѣ 8 марта 1590 г., воеводствамъ же поручалось заняться на сеймикахъ обсужденіемъ мѣръ, необходимыхъ для обороны отечества. Вездѣ единогласно была взвѣшена серьезность положенія, тѣмъ болѣе, что и Максимиліанъ, все еще титуловавшій себя польскимъ королемъ, не хотѣлъ приступить къ бендзинскому договору. Сеймъ, слѣдовательно, былъ готовъ на все въ ту минуту, когда прибывшій изъ Стамбула Чижевскій донесъ сословіямъ, что посолъ Уханьскій умеръ, передъ самою аудіенціею у султана, а великій визирь Синай угрожаетъ войною, если Польша не обяжется платить гарачъ. Было также рѣшено установить новый поголовный налогъ для найма войска и обнародовать ополченіе, и дано правительству полномочіе произвести, не медля, заемъ на сумму 1,500,000 поль. зл. для покрытія военныхъ издержекъ. Наемное войско, вмѣстѣ съ козаками, должно было состоять изъ 40,000 пѣхоты и 70,000 конницы. При этомъ гетманамъ была предоставлена болѣе обширная власть. Не смотря, однакожъ, на всѣ эти приготовленія, королевскій секретарь, Янъ Замойскій, герба Гржимала, отправленъ въ Турцію, въ качествѣ посланника. Сеймъ навсегда лишилъ Максимиліана престола и въ то же время постановилъ, что всякій, кто рѣшится, въ случаѣ междуцарствія, предложить его въ качествѣ кандидата, будетъ считаться безчестнымъ.

Съ этими рѣшеніями не соглашался примасъ, который, вслѣдствіе этого, оставилъ Варшаву до закрытія сейма.

Въ то время, когда въ Польшѣ, не смотря на неудовольствіе, возбужденное поголовнымъ налогомъ, военныя вооруженія производились въ громадныхъ размѣрахъ — Замойскій, отправленный въ Стамбулъ, работалъ надъ возстановленіемъ мира. Сначала его попытки были безуспѣшны, и только послѣ паденія великаго визиря Синая, вліяніе и значеніе котораго подорвалъ англійскій посланникъ, — дѣло дошло до переговоровъ. Его преемникъ Ферратъ, менѣе заклятый противникъ христіанъ, согласился на вѣчный миръ, на началахъ довольно справедливыхъ. Гетманъ, узнавъ объ этомъ своевременно, пріостановилъ тотчасъ же дальнѣйшія приготовленія къ войнѣ и сборъ налоговъ.

Между тѣмъ примасъ, согласившись съ познанскимъ воеводою Гуркою, созвалъ (10 авг.) въ Колѣ генеральный съѣздъ великополянъ, на которомъ заявленъ былъ рѣзкій протестъ противъ излишней власти Замойскаго, противъ нарушенія коронныхъ уставовъ и противъ всѣхъ рѣшеній послѣдняго сейма; при чемъ утверждали, что всѣ эти ужасы турецкой войны разсчитаны единственно на увеличеніе власти Замойскаго, который произвольно распоряжается всею рѣчьюпосполитой. Внеся въ протоколъ всѣ эти нарушенія законовъ, съѣздъ отправилъ многочисленную депутацію къ королю съ просьбою о скорѣйшемъ созваніи сейма. Сигизмундъ сдѣлалъ, правда, участникамъ съѣзда строгій выговоръ за то, что они, безъ его вѣдома и позволенія, устраиваютъ многочисленныя сборища, какъ будто, во время междуцарствія, но, въ то же время, исполнилъ ихъ просьбу на счетъ созванія сейма. Этотъ необыкновенно бурный сеймъ открылся въ Варшавѣ (3 дек.). Послѣ весьма оживленныхъ преній, продолжавшихся нѣсколько недѣль, сейму удалось съ большимъ трудомъ разрѣшить нѣкоторыя общественныя дѣла. Рѣшенія предшествовавшаго сейма, относительно военныхъ приготовленій противъ Турціи, признаны недѣйствительными. Для удовлетворенія войска, которое прибѣгало, даже къ насилію, былъ

назначенъ лановый и чоповый налоги*), а сеймикамъ поручено избрать судей съ полномочіемъ изслѣдовать убытки, которые причинили обывателямъ солдаты не получившіе жалованія. На этомъ же сеймѣ былъ уничтоженъ приговоръ, произнесенный прежде надъ Христофоромъ Зборовскимъ, но ему, въ то же время, запрещено возвращеніе въ отечество до истеченія 20-лѣтняго срока. Рѣшеніе, лишающее Максимиліана, навсегда, польскаго престола, было вновь подтверждено, хотя австрійское посольство требовало его отмѣны.

Едва немного утихла одна буря — Сигизмундъ возбудилъ, не медля, другую. Прибывъ въ Краковъ (1 апр. 1591) и слѣдуя внушеніямъ іезуитовъ и нѣкоторыхъ магнатовъ, онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ австрійскимъ домомъ, на счетъ руки Анны, дочери австрійскаго эрцгерцога Фердинанда и отправилъ къ императору Рудольфу II, съ конфиденціальнымъ порученіемъ, вновь назначеннаго краковскаго епископа—кардинала Радзивилла. Когда, однакожъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ созвалъ сенаторовъ на конвокацію въ Неполомицы, какъ по дѣлу о предполагаемомъ бракѣ, такъ и для заключенія болѣе продолжительнаго перемирія съ Московіею,—большинство объявило себя рѣшительно противъ подобнаго брака. Съ Московіею состоялось одиннадцатилѣтнее перемиріе, а что касается брака, Сигизмундъ обѣщалъ не предпринимать ничего безъ вѣдома и воли сословій. Это была, не болѣе, какъ увертка, чтобы, на время, унять бурю и устранить препятствія. Въ дѣйствительности же переговоры не прекращались, а частыя взаимныя посольства только увеличивали подозрѣнія большинства

---

*) Подать эта, взимавшаяся съ пива, была извѣстна еще въ началѣ XVI столѣтія. Въ Польшѣ шляхта, какъ извѣстно, была освобождена отъ податей, за исключеніемъ, одного порадльнаго, существовавшаго до половины XVII столѣтія. Слѣдовательно чоповымъ могли быть обложены лишь мѣщане и содержатели корчемъ, въ казенныхъ или духовныхъ имѣніяхъ. Уставомъ 1629 года былъ опредѣленъ размѣръ этого налога. Такъ, между прочимъ, съ привознаго пива данцигскаго или бреславльскаго оплачивалось ¼ часть стоимости; съ пива внутренняго изготовленія взималось лишь ⅛ часть цѣнности. (См. Starożytności Polskie, T. I, str. 183). *Прим. перевод.*

шляхты. При этомъ произошло еще и другое обстоятельство. Толпы горожанъ и учениковъ, поджигаемые, вѣроятно, подстрекателями, бросились въ Краковѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ на евангелическія кирки и сравняли ихъ, почти съ землею. За такое очевидное насиліе Сигизмундъ никого не подвергнулъ отвѣтственности, отговариваясь тѣмъ, что нельзя было открыть дѣйствительныхъ виновниковъ этого беззаконія. Землевладѣльцы-иновѣрцы, чувствуя себя оскорбленными и собравшись на съѣздѣ въ Хмѣльникахъ, снарядили оттуда депутацію къ королю съ требованіемъ не допускать посягательствъ на гарантированную свободу совѣсти. Отвѣтъ короля не удовлетворилъ недовольныхъ, а это подало поводъ къ новому съѣзду въ Радомѣ.

Молодой король своимъ поведеніемъ содѣйстовалъ тому, что ряды недовольныхъ съ каждымъ днемъ увеличивались. Во главѣ антагонистовъ двора, въ которомъ главную роль играли іезуиты, ханжи или люди, предпочитавшіе всему свои собственные интересы,—находился Янъ Замойскій, жаловавшійся на короля за то, что онъ придавалъ весьма мало вѣса его совѣтамъ. Враги же Замойскаго примкнули къ королевской партіи не изъ убѣжденія, но главное для того, чтобы, тѣмъ вѣрнѣе, поколебать его могущественное вліяніе въ рѣчипосполитой. Когда, вслѣдъ затѣмъ, во время засѣданій судовъ трибунальскихъ, канцлеръ собралъ въ Люблинѣ (9 апр. 1592) многочисленный съѣздъ шляхты, — на немъ явилось также не мало сторонниковъ двора. Совѣщанія были бурны. Партія канцлера внесла обвиненіе, будто-бы, король тайно договаривается съ австрійскимъ домомъ на счетъ передачи престола одному изъ эрцгерцоговъ, самъ же хочетъ ѣхать въ Швецію. Обвиненіе было подкрѣплено многими письмами. Сторонники двора утверждали, что всѣ свѣдѣнія о заграничныхъ сношеніяхъ лишены основанія, а письма поддѣльныя. Обѣ партіи не могли между собою примириться, а потому отправили отдѣльныя депутаціи къ королю. Уполномоченные отъ недовльныхъ дворомъ требовали созванія сейма, прежде нежели совершится бракъ короля съ Анною,

слѣдствія противъ, такъ называемыхъ, практикантовъ *) и обезпеченія, что родство съ австрійскимъ домомъ не принесетъ вреда рѣчипосполитой. Уполномоченнымъ было при этомъ предоставлено право издать универсалы, сзывающіе новый генеральный съѣздъ въ Ендржеевѣ, въ случаѣ если король не исполнитъ этихъ требованій. Вторая же депутація была уполномочена объявить, что опасеніе практикъ—воображаемо, что, затѣмъ, нѣтъ повода прибѣгать къ болѣе строгимъ мѣрамъ, или же къ отсрочкѣ брака, впредь до созванія сейма. Ободренный послѣднею депутаціею, Сигизмундъ увѣрялъ, правда, что никогда не думалъ и не думаетъ объ уступкѣ польскаго престола и не входилъ въ никакія тайныя сношенія съ австрійскимъ дворомъ, что подтвердилъ, даже, особеннымъ письменнымъ ручательствомъ, но что касается вопроса объ отсрочкѣ брака съ Анною до сейма, отвѣтилъ, что на это въ никакомъ случаѣ согласиться не можетъ, безъ оскорбленія всего австрійскаго дома. Онъ обѣщалъ только созвать сеймъ въ Варшавѣ (6 сент.) и начать на немъ слѣдствіе противъ иноземныхъ практикъ, чтобы совершенно обнаружить свою невинность. Уполномоченные остались недовольны этимъ рѣшеніемъ и разослали универсалы на съѣздъ ендржеевскій, назначенный на день 1 іюня.

Послѣ пріема, сдѣланнаго посламъ люблинскаго съѣзда, Анна прибыла (26 мая) въ Краковъ, гдѣ, съ неимовѣрною роскошью, совершались свадебныя пиршества. Въ то же время многочисленная шляхта собралась подъ Ендржеевымъ, гдѣ дурное правленіе и иноземныя козни подверглись еще болѣе рѣзкимъ нападкамъ. Не подлежало сомнѣнію, что встрѣтятся трудности къ успокоенію раздраженныхъ умовъ, тѣмъ болѣе что подозрѣнія не были лишены основанія. Главнымъ образомъ роптали за то, что король вступаетъ въ бракъ безъ вѣдома и дозволенія сейма, что онъ содержитъ при дворѣ много иностранцевъ, что не присоединяетъ къ владѣніямъ рѣчипосполитой Эстоніи, согласно обязательствамъ

*) Практикантами называли въ то время лицъ, имѣвшихъ политическія сношенія съ австрійскимъ домомъ, которыя считались во вредъ рѣчипосполитой. *Прим. перевод.*

шведскихъ пословъ, что при раздачѣ должностей не принимаются въ соображеніе заслуги, что отъ канцеляріи исходятъ распоряженія, противныя уставамъ, что съ иностранцами заводятся козни въ ущербъ государству и т. п. Не смотря на это, рѣшено было отложить все до сейма, съ тою, однакожъ, оговоркою, что если бы король вздумалъ отсрочить сеймъ — всѣ должны собраться на новый съѣздъ (7 сент.) подъ Варшавою. Съ такимъ рѣшеніемъ отправились послы въ Краковъ. Король и окружавшіе его сенаторы порицали, правда, подобнаго рода съѣзды, но, въ то же время, обѣщали, что всѣ справедливыя требованія будутъ удовлетворены на ближайшемъ сеймѣ.

Одновременно съ сеймомъ съѣхалось въ Волѣ подъ Варшавою все краковское воеводство, чтобы поддержать ендржеевскія рѣшенія, такъ какъ знали, что королевская партія одержала побѣду на сеймикахъ въ нѣкоторыхъ воеводствахъ. Сеймъ долго не могъ притти къ соглашенію. Одна партія желала, прежде всего, инквизиціи (слѣдствія) надъ практикантами и удаленія отъ должностей лицъ, занявшихъ ихъ, вопреки уставамъ. Другая партія настаивала на выслушаніи предложеній, поступившихъ отъ короля. Послѣ преній, продолжавшихся цѣлый мѣсяцъ, какъ въ посольской палатѣ, такъ равно и въ сенатѣ, первая партія одержала верхъ, не смотря на заявленіе Сигизмунда (28 сент.), что онъ никогда не выѣдетъ изъ рѣчипосполитой, безъ согласія сословій, что никого не будетъ преслѣдовать за предшествовавшіе съѣзды, собиравшіеся съ добрыми намѣреніями и что положитъ преграду всевозможнымъ козиямъ. Во время слѣдствія были предъявлены письма съ собственноручною подписью Сигизмунда, свидѣтельствовавшія самымъ очевиднымъ образомъ о его намѣреніи уступить престолъ эрцгерцогу Эрнесту. Король отказался отъ своей подписи, утверждая, что она поддѣлана однимъ изъ его секретарей. Лицо, указанное королемъ, было подвергнуто строгому слѣдствію, но и пытками нельзя было принудить его къ сознанію, будто бы, имъ была поддѣлана на письмахъ королевская подпись. Партія, противная слѣдствію, добилась, наконецъ, происками того, что не былъ утвержденъ

уставъ, устраняющій навсегда австрійскій домъ отъ польскаго престола, не опредѣленъ порядокъ избранія короля, не удалены отъ должностей люди, получившіе ихъ незаконнымъ образомъ, и наконецъ не было произведено слѣдствія надъ практикантами. Время сессіи, опредѣленное уставами, прошло въ однихъ спорахъ и такъ всѣ должны были разъѣхаться, не придя ни къ какому рѣшенію. Сеймъ этотъ получилъ названіе инквизиціоннаго.

Спустя мѣсяцъ послѣ закрытія сейма, умеръ (24 нояб.) король шведскій Іоаннъ. Сигизмундъ получилъ весьма поздно вѣсть о смерти отца (въ янв. 1593) и, тотчасъ же назначилъ сеймъ въ Варшаву (на 4 мая), чтобы получить согласіе сословій на отъѣздъ въ Швецію.

Между тѣмъ русскія провинціи сдѣлались театромъ ужасныхъ насилій. Козацкій гетманъ Косинскій опустошалъ помѣстья кн. Острогскихъ и ихъ друзей и взялъ, даже, нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ. Тщетны были распоряженія короля и Замойскаго. Острогскимъ и ихъ друзьямъ пришлось собрать собственныя полчища. Подъ городомъ Піонткемъ *) произошелъ (2 февр.) бой. Косинскій, потерявъ болѣе 3,000 человѣкъ, почти всѣ знамена и всю полевую артиллерію, положился на милость и получилъ прощеніе, какъ скоро обѣщалъ, что съ этой минуты будетъ вести себя совершенно спокойно. Вскорѣ однакожъ, съ вновь набранными козаками, онъ подступилъ къ Черкасамъ, гдѣ должность старосты исполнялъ Вишневецкій. Косинскій погибъ въ этомъ походѣ, а товарищи его разбѣжались.

Сеймъ варшавскій былъ столь же буренъ, какъ вообще всѣ сеймики. Большинство шляхты не желало отъѣзда короля въ Швецію, главное изъ опасенія, что онъ навсегда оставитъ Польшу. Дѣло едва не дошло до прерванія сейма, но, наконецъ, когда король далъ торжественное обѣщаніе возвратиться изъ Швеціи, по разрѣшеніи болѣе важныхъ дѣлъ,—въ сеймѣ послѣдовало соглашеніе.

*) Піонтекъ—мѣстечко бывшаго ленчицкаго воеводства, вблизи Варшавы, нѣкогда принадлежало гнѣзненскимъ архіепископамъ. Извѣстный польскій лѣтописецъ Гвагнинъ говоритъ, что піонтковское пиво было прославлено во всей коронной Польшѣ. *Примѣч. перевод.*

Всѣ обязались взаимно остаться ему вѣрными. На путешествіе было отпущено, изъ поступившихъ податей 300,000 злот. польск. На случай опасности съ какой бы то ни было стороны, было обнародовано ополченіе. Всѣ общественныя дѣла и судопроизводство, должны были совершаться своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, съ тою только оговоркою, что во время отсутствія короля не слѣдуетъ ни принимать, ни снаряжать какія бы то ни было посольства. Одновременно изданы строгія постановленія противъ нарушителей общественнаго спокойствія и всевозможныхъ противозаконныхъ съѣздовъ. Во время сейма получено было извѣстіе о вторженіи въ Волынь татаръ, которые раззоривъ страну, возвратились въ свои кочевья съ множествомъ добычи и плѣнныхъ.

Король выѣхалъ въ Швецію (13 авг.) въ сопровожденіи многихъ магнатовъ, значительной придворной свиты, папскаго легата Маласпина и іезуитовъ. Въ Данцигѣ, гдѣ ему пришлось остановиться на нѣсколько дней, въ ожиданіи благопріятнаго вѣтра, произошло волненіе, во время котораго въ окна его помѣщенія сдѣлано было два выстрѣла. Прибывъ въ Стокгольмъ (10 окт.), онъ вооружилъ противъ себя собравшіяся на сеймъ шведскія сословія излишнимъ усердіемъ въ поддержаніи католицизма въ Швеціи. Это несвоевременное религіозное усердіе было вельма полезно для дяди его Карла, герцога сюдерманландскаго, тайно работавшаго надъ тѣмъ, чтобы присвоить себѣ шведскій престолъ. Послѣ продолжительныхъ споровъ и переговоровъ вестерскій лютеранскій епископъ совершилъ, наконецъ, въ Упсалѣ (20 февр. 1595) обрядъ коронаціи надъ Сигизмундомъ и его женою. Но это нисколько не улучшило его дѣлъ. Онъ обманулъ также ожиданія поляковъ на счетъ Эстоніи, ибо передъ вступленіемъ на престолъ рѣчипосполитой, приказалъ тайно правителямъ этой земли отказать ему въ повиновеніи, если когда либо онъ будетъ вынужденъ польскими сословіями, приказать имъ уступить Эстонію рѣчипосполитой. Проведя почти годъ въ Швеціи, Сигизмундъ поручилъ намѣстничество своему дядѣ, а самъ отплылъ (въ авг.) въ Польшу.

Между тѣмъ въ Польшѣ было все спокойно. Иновѣрцы хотѣли,

правда, устроить (4 февр. 1594) съѣздъ въ Радомѣ, но отзывы примаса, трибунала и нѣкоторыхъ воеводствъ, отвлекли ихъ отъ этого намѣренія. Въ то же время прибыло къ примасу посольство отъ императора Рудольфа II съ требованіемъ, чтобы рѣчьпосполитая не пропустила въ Венгрію чрезъ свои владѣнія татаръ и, даже, составила союзъ противъ турокъ. Примасъ созвалъ (19 апр.) въ Варшаву конвокацію, на которой австрійскій посолъ доказывалъ собранію, что Польша должна воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ возвратить себѣ Валахію, которую, какъ свою собственность, можетъ смѣло вырвать изъ турецкихъ рукъ. Вопросъ о союзѣ былъ отложенъ до пріѣзда короля, что же касается татаръ, обѣщано не дозволить имъ прохода. Султанъ, требовавшій, чтобы Польша во время его войны съ императоромъ, не нарушала мира и удерживала козаковъ отъ наѣздовъ, получилъ отвѣтъ, что рѣчьпосполитая вовсе не думаетъ о нарушеніи мира, но за козаковъ не можетъ брать на себя отвѣтственности. Когда же Замойскій сообщилъ достовѣрное извѣстіе о намѣреніи татаръ, во что бы то ни стало, пробиться въ Венгрію черезъ польскія владѣнія, — примасъ совѣтовалъ увеличить наемное войско, но напрасно. Гетманъ созвалъ, правда, кварцяные*) полки, приказалъ пограничнымъ старостамъ быть въ готовности и торопилъ сенаторовъ малопольскихъ распорядиться на счетъ заблаговременнаго вызовѣ шляхты ко всеобщему ополченію. Но пока совершались всѣ сборы, татары, неожиданно, вторглись въ Покуце, со стороны Валахіи, и съ огнемъ и мечемъ добрались до Самбора. Замойскій пустился за ними въ погоню, и настигъ ихъ было вблизи этого города, но татары успѣли скрыться въ Венгрію, гдѣ онъ уже не хотѣлъ продолжать преслѣдованія. Турки, соединившись съ татарами, одержали (8 сент.) рѣшительную побѣду близь Раба, а вслѣдъ затѣмъ взяли (20 окт.) и этотъ фортъ. Они хотѣли взять и Коморнъ, но, по случаю поздняго времени, должны были отказаться отъ своего

*) Такъ называлось войско, оберегавшее границы рѣчпосполитой и содержавшееся изъ четвертой части доходовъ съ королевскихъ имѣній или кварты Кварцяные полки были установлены въ 1562 г. *Примѣч. перевод.*

намѣренія. Поляки рѣшились встрѣтить достойнымъ образомъ татаръ, возвращавшихся изъ Венгріи, но, какъ бы предчувствуя опасность, наѣздники пошли берегомъ Дуная и затѣмъ чрезъ Молдавію направились къ своимъ степямъ.

Австрійскіе эмиссары дѣйствовали на козаковъ, всегда готовыхъ къ бою и грабежу и убѣждали ихъ тревожить турецкія владѣнія. Хлопицкій привезъ имъ даже отъ императора знамена и деньги, и вступалъ въ какіе-то переговоры съ Московіею. Его арестовали, но онъ успѣлъ бѣжать изъ краковской тюрьмы въ Силезію. Но и послѣ его арестованія, не прекращались австрійскія козни и козаковъ продолжали подстрекать, къ безпрестаннымъ набѣгамъ на турковъ до тѣхъ поръ, пока раздраженный султанъ не задумаетъ отомстить Польшѣ. Такимъ образомъ императоръ разсчитывалъ вовлечь рѣчьпосполитую, на перекоръ ея желанію, въ неблагопріятную войну съ Турціею. Послѣ арестованія Хлопицкаго, Лобода и Наливайко собрали болѣе 12,000 козаковъ. Насытившись достаточно въ брацлавской и другихъ земляхъ, гдѣ жестокимъ образомъ опустошили имущества шляхты, не обращая никакого вниманія на приказанія короля, они направились въ Валахію, откуда господарь Аронъ едва могъ вытѣснить ихъ при содѣйствіи турокъ.

Для разрѣшенія всѣхъ дѣлъ, король созвалъ сеймъ въ Краковъ (въ февр. 1595). Для переговоровъ въ Познани съ австрійскими уполномоченными на счетъ условій союза противъ Турціи, была назначена особая сеймовая коммиссія. Въ случаѣ соглашенія, король предполагалъ для утвержденія договора, созвать немедленно двухнедѣльный сеймъ въ Варшавѣ. На случай же войны было постановлено обнародовать ополченіе и назначить налогъ; но отъ послѣдняго уклонились великополяне и Литва. Познанскіе же переговоры окончились ничѣмъ, такъ какъ австрійскіе уполномоченные, разсчитывая на уступчивость короля, предъявляли весьма невыгодныя для поляковъ условія.

Въ то время когда Сигизмундъ праздновалъ въ Краковѣ пышные крестины новорожденнаго сына (9 іюня) Владислава, Замой-

скій, съ кварцяными войскомъ, стоялъ въ Подоліи, чтобы не допустить татаръ до новаго вторженія въ коронныя земли. Но получивъ извѣстіе, что валахцы не довольны своимъ воеводою Розваномъ, и что новый султанъ турецкій Могаметъ полагаетъ совершенно захватить ихъ землю, Замойскій двинулся съ своимъ войскомъ къ Пруту съ тѣмъ, чтобы посадить на господарскомъ престолѣ Еремію Могилу, удостоившагося польскаго индигената*). Валахцы охотно подчинились Могилѣ и, не смотря на многочисленность турокъ и татаръ, гетманъ оттѣснилъ ихъ (6 окт.) отъ своего укрѣпленнаго лагеря подъ Цецорою и довелъ, наконецъ, до необходимости открыть (20 окт.) переговоры о мирѣ. Признавъ Могилу господаремъ, татары и турки очистили Валахію. Одновременно не менѣе удачною была борьба въ Молдавіи между трансильванскимъ воеводою и турками. Но какъ только Замойскій, оставивъ часть войска при Могилѣ, съ остальными отступилъ, господарь Розванъ не замедлилъ воспользоваться этимъ и во главѣ отряда, составленнаго исключительно изъ венгерцевъ, вторгнулся въ Валахію. Поляки, хотя менѣе многочисленные, разбили совершенно (12 дек.) его полчища вблизи Сучавы. Самъ Розванъ былъ взятъ въ плѣнъ и, по приказанію Могилы, посаженъ на колъ. Дворъ австрійскій былъ весьма недоволенъ Сигизмундомъ за возведеніе въ санъ господаря Могилу, и даже жаловался, на Польшу въ Римѣ за это занятіе Валахіи, но, волею неволею, долженъ былъ уступить въ виду совершившагося уже факта.

Во время похода Замойскаго въ Валахію, козаки, подъ начальствомъ Ниливайки, позволяли себѣ разнаго рода беззаконія въ Украинѣ и Подоліи. Они двинулись, наконецъ, и въ Бѣлоруссію и захватили Слуцкъ, вмѣстѣ съ замкомъ. Гетманъ литовскій Радзивиллъ вытѣснилъ ихъ оттуда, но, по случаю зимняго времени, не могъ настигнуть козаковъ.

Среди этихъ военныхъ дѣйствій совершилось въ Брестѣ литовскомъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ іезуитовъ, соединеніе

---

*) Права польскаго урожденца. *Прим. перевод.*

Руси съ латинскою церковью. Какъ только были приведены къ сознанію необходимости соединенія нѣкоторые русскіе владыки и въ особенности кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза, Поцѣй и другіе, составлены условія этого соединенія на основаніяхъ флорентинской уніи 1439 г. Большинство польской Руси и, болѣе другихъ, кіевскій воевода князь Острогскій, самый могущественный изъ послѣдователей восточной церкви, не противились соединенію съ латинскою церковью. Но когда іезуиты, игравшіе во всемъ этомъ дѣлѣ главную роль, не выждавъ общаго согласія шляхты и православнаго духовенства, поторопились снарядить (1595) посольство въ Римъ, нѣкоторые владыки и даже самъ кіевскій воевода поколебались въ своемъ желаніи. Къ тому же не было недостатка въ проискахъ и со стороны другихъ иновѣрцевъ, которые составили, въ то же время, съѣздъ въ Торунѣ, написали разныя жалобы на религіозныя притѣсненія и отправили къ королю блестящее посольство съ требованіемъ не допускать посягательства на свободу совѣсти, гарантированную его присягою. Сигизмундъ, находившійся подъ исключительнымъ вліяніемъ іезуитовъ, не принялъ пословъ подъ предлогомъ, что торунскій съѣздъ состоялся безъ его вѣдома и позволенія. Не удивительно, затѣмъ, что протестанты, кальвинисты, гусситы и проч., опасаясь нарушенія своихъ правъ, хотѣли воспрепятствовать уніи восточной церкви съ Римомъ, ибо видѣли въ ней опасность для самихъ себя. Слишкомъ поспѣшное отправленіе въ Римъ Поцѣя и Терлецкаго, которые, отъ имени всей польской Руси подчинились папѣ Клименту VIII, было для помянутыхъ иновѣрцевъ весьма удобнымъ случаемъ поколебать самое дѣло уніи.

Созванный, при такихъ обстоятельствахъ, сеймъ въ Варшавѣ (26 марта 1596) имѣлъ, понятно, бурный характеръ. Почти все время сейма было поглощено спорами и недоразумѣніями. Всѣ рѣшенія его состояли въ слѣдующемъ: для обороны рѣчипосполитой назначенъ поборъ и поголовный налогъ на евреевъ, а гетману поручено наказать козаковъ. Иновѣрцы требовали, чтобы сеймъ, по смыслу варшавской конфедераціи 1573 г., гарантировалъ сво-

боду совѣсти, но католическая партія не хотѣла вмѣшиваться въ это. Послѣдователи же восточной церкви протестовали противъ уніи, подрывавшей ихъ обряды. Литовскіе депутаты настаивали у короля, чтобы вакантное виленское епископство и другія должности въ великомъ княжествѣ, были розданы природнымъ литовцамъ. Это раздражило коронныхъ пословъ, которые рѣшительно объявили, что подобное требованіе несправедливо и что оно противится привиллегіи Казиміра IV, постановившей, что король можетъ на всякую должность въ Литвѣ назначать поляка, если бы онъ не нашелъ для нея способнаго литовца. Важнѣйшимъ дѣломъ, долженствовавшимъ составить главный предметъ занятій сейма — былъ союзъ съ австрійскимъ домомъ противъ Турціи. Сеймъ назначилъ, правда, коммиссаровъ для переговоровъ съ австрійскими уполномоченными, но въ то же время опредѣлилъ условія, безъ которыхъ союзъ былъ бы немыслимъ. По этимъ условіямъ требовалось исполненіе бендзинскаго доровора, съ рѣшительнымъ устраненіемъ австрійскаго дома отъ польской короны; отреченіе императора за себя и всѣхъ германскихъ князей отъ всевозможныхъ притязаній на Пруссію, Ливонію или другія коронныя владѣнія; обязательство не входить ни въ какія соглашенія съ Московіею противъ рѣчипосполитой; содержаніе во время войны съ Турціею, постоянно подъ ружьемъ 70,000 войска; доставленіе въ Польшу опредѣленнаго числа орудій, пороху и пушкарей, а также принятіе на себя третей доли въ расходахъ по содержанію польскаго войска; наконецъ обѣщаніе императора не заключать особеннаго мира съ Турцію, дозволеніе всякому христіанскому монарху присоединиться къ этому союзу и предоставленіе папѣ, въ случаѣ несогласія, назначеніе главнокомандующаго союзныхъ войскъ. Коммиссары должны были также потребовать, чтобы Валахія, Молдавія и Бессарабія были признаны за Польшею, а прочія, захваченныя у Турціи земли, были предоставлены остальнымъ союзникамъ и чтобы всѣ эти условія были выполнены, не позже 4-хъ мѣсяцевъ послѣ заключенія союза. Въ силу этого рѣшенія сейма съѣхались въ Краковъ (1 авг.) польскіе и австрійскіе уполномоченные, но

переговоры ни къ чему не привели, ибо, сперва, императорскіе послы пріискивали разныя затрудненія, а потомъ со всякимъ вопросомъ обращались въ Вѣну. Сеймъ отправилъ также пословъ въ Швецію, которые должны были, отъ имени короля и рѣчипосполитой, увѣщевать Карла, дядю Сигизмунда, не нарушать спокойствія въ шведскомъ королевствѣ.

Дерзость Наливайки и козаковъ требовала строгаго наказанія. Едва они вышли изъ Бѣлоруссіи, за ними пустился въ погоню коронный польный гетманъ Станиславъ Жолкевскій. Настигнувъ ихъ (2 марта) подъ Прилуками, онъ напалъ на ихъ лагерь къ самому вечеру. Ночь дала Наливайкѣ возможность спасаться бѣгствомъ. Подъ Бѣлою-Церковью, куда онъ отступилъ, снова произошелъ бой, въ которомъ козаки уничтожили часть польскаго войска. Но вскорѣ они были снова настигнуты поляками, и, на этотъ разъ, испытали весьма чувствительную потерю. Приписывая пораженіе Наливайкѣ, козаки лишили его начальства и избрали своимъ гетманомъ Лободу. Безпрестанно преслѣдуемые до самаго Кіева, козаки начали переговоры. Жолкевскій требовалъ выдачи Наливайки и другихъ предводителей, а также заграничныхъ орудій и знаменъ. Сверхъ того онъ объявилъ, что всякій землевладѣлецъ вправѣ возвратить себѣ всѣхъ бѣжавшихъ отъ него крѣпостныхъ людей. Козаки не хотѣли согласиться на такія условія, а потому отступили къ Переяславлю. Жолкевскій гнался за ними безъ устали, и, настигнувъ ихъ (25 мая) около Лубна за Сулою, осадилъ ихъ укрѣпленный лагерь, считавшій около 10,000 человѣкъ. Положеніе осажденныхъ было самое отчаянное и нисколько не улучшилось, когда Лобода, заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ гетманомъ польскимъ, былъ казненъ, а на мѣсто его назначенъ Кремпскій. Но и поляки, за недостаткомъ орудій большаго калибра, не могли взять окоповъ. Это заставило Жолкевскаго выписать орудія изъ Кіева, и послѣ двухдневной пальбы, онъ велѣлъ своему войску готовиться къ штурму. Устрашенные козаки хотѣли уже выдать трехъ главныхъ зачинщиковъ—Саулу, Шостака и Наливаику, а также орудія и знамена и принести присягу, съ тѣмъ

только, чтобы они были отпущены на свободу. Но когда польскій гетманъ потребовалъ, чтобы они выдали помѣщикамъ ихъ подданныхъ, козаки объявили, что готовы скорѣе погибнуть всѣ до послѣдняго, нежели согласиться на такое условіе. Войско польское аттаковало лагерь козаковъ (9 іюня) и произвело значительную рѣзню. Кремпскій бѣжалъ съ полуторатысячнымъ отрядомъ къ днѣпровскимъ порогамъ. Остальные или погибли на мѣстѣ, или достались въ руки побѣдителей. Въ числѣ взятыхъ знаменъ были два—императорско-австрійскія. Наливайку и шесть другихъ козацкихъ начальниковъ отправилъ Жолкевскій въ Варшаву, гдѣ всѣ они были казнены смертію. Послѣ этого пораженія козаки нѣкоторое время вели себя спокойно.

Мысль о соединеніи Руси съ латинскою церковью, доведенная уже до того, что въ Римъ было отправлено особенное посольство, будто бы, отъ всѣхъ послѣдователей восточной церкви, была уже въ Польшѣ, весьма близка къ окончательному, всеобщему признанію. Почти всѣ вельможи подписались за унію и, даже, самъ кіевскій воевода Острогскій желалъ ея осуществленія. Все дѣло состояло только въ способѣ проведенія уніи, а тутъ именно господствовалъ полный произволъ, такъ какъ хотѣли покончить все, и, даже, снарядили посольство въ Римъ, помимо наиболѣе именитыхъ послѣдователей восточной церкви. Чтобы свести дѣло на болѣе нормальный путь, Острогскій потребовалъ созванія синода въ Брестѣ литовскомъ, на что Сигизмундъ далъ свое согласіе. Впослѣдствіи, однакожъ, князь требовалъ, чтобы никто не являлся на этотъ синодъ въ вооруженіи, и, сверхъ того, чтобы присутствіе на синодѣ было дозволено всѣмъ, безъ различія вѣроисповѣданій, въ особенности греку Никифору и, наконецъ, чтобы, въ случаѣ несогласія, все дѣло было рѣшено на будущемъ сеймѣ. Король согласился только на одно первое требованіе. Синодъ состоялся (6 окт.) въ Брестѣ, но съ появленіемъ королевскихъ коммиссаровъ и папскихъ делегатовъ обнаружились разногласія. Острогскій, прибывшій на синодъ съ значительными вооруженными силами, составилъ собраніе изъ одновѣрческой себѣ шляхты, къ которому примкнули также

львовскій владыка Балабанъ и перемышльскій Копестыньскій. Собраніе рѣшительно порицало способъ, избранный для проведенія уніи въ исполненіе и угрожало митрополиту Рагозѣ сложеніемъ съ него его сана и проклятіемъ. Тщетны были старанія королевскихъ коммиссаровъ. Правда что унія, однажды составленная, удержалась, но бо́льшая часть духовенства и шляхты, вмѣстѣ съ Острогскимъ, вовсе не хотѣла примкнуть къ ней. Съ этой поры послѣдователи православной церкви, во владѣніяхъ тогдашней Польши, раздѣлились на уніатовъ, т. е., признающихъ папу и на дисуніатовъ, признававшихъ константинопольскаго патріарха. Уніатамъ оставлено право для священниковъ вступать въ бракъ, литургія на народномъ языкѣ, юліанскій календарь, причастіе подъ обоими видами и прочіе, установленные православной церковью, обряды. Народное дѣло ничего не выиграло отъ этого соединенія, возбужденнаго стараніемъ іезуитовъ и, даже, напротивъ, послужило предлогомъ къ позднѣйшимъ преслѣдованіямъ, которымъ подвергались дисуніаты, и къ страшнымъ междоусобнымъ войнамъ, подрывавшимъ могущество рѣчипосполитой *).

Неудачи австрійскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ эрцгерцога Максимиліана, во время похода (1596) противъ султана Магомета, побудили апостольскую столицу снова позаботиться о союзѣ христіанскихъ государствъ противъ Турціи. Предложеніе это представилъ на варшавскомъ сеймѣ (созванномъ 26 марта 1597) папскій легатъ, но когда со стороны австрійской никто не явился, рѣчьпосполитая не хотѣла вступать ни въ какіе переговоры

---

*) Здѣсь считаемъ долгомъ замѣтить, что безпристрастный взглядъ автора на значеніе уніи, раздѣляютъ всѣ лучшіе польскіе писатели. Въ самомъ дѣлѣ унія, какъ нельзя точнѣе, обнаружила главное стремленіе іезуитовъ, которое, конечно, въ другихъ формахъ, но отчасти даетъ себѣ чувствовать и въ наши дни, но уже, по крайней мѣрѣ, встрѣчаетъ удачный отпоръ въ цивилизаціи новѣйшаго времени. Стремленіе это, идею эту, руководившую дѣйствіями іезуитовъ, можно выразить въ слѣдующихъ словахъ. «Если не будетъ такого или такого народа, мѣсто его займетъ другой; земля не останется такъ легко безъ людей и слѣдовательно, надъ этою страною все таки будутъ господствовать Римъ и іезуиты». Унія, не подлежитъ сомнѣнію, сдѣлалась главною виновницею дальнѣйшихъ судебъ польскаго народа. *Прим. перевод.*

и предпочитала оградить себя отъ турокъ миромъ. Замойскій совѣтовалъ при этомъ случаѣ сосредоточить на границѣ значительное войско и заставить этимъ султана согласиться на самыя благопріятныя для поляковъ условія; сеймъ однакожъ, встревоженный возникшими въ немъ религіозными спорами, не послѣдовалъ этому здравому совѣту. Нужно было также обдумать средства для удовлетворенія войска жалованьемъ за прошлое время и рѣшить что нибудь на счетъ отъѣзда короля въ Швецію, гдѣ Карлъ почти совсѣмъ присвоилъ себѣ власть. По случаю расторженія сейма вопросы эти остались неразрѣшенными.

Между тѣмъ 5,000 солдатъ, не получавшихъ жалованья, составили конфедерацію. Занявъ самборское староство, конфедераты угрожали захватомъ и другихъ помѣстій, и объявили, что не очистятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ вполнѣ удовлетворены слѣдуемыми имъ деньгами. Король поспѣшно оставилъ сеймъ и, прибывъ въ Краковъ, заложилъ часть коронныхъ сокровищъ на сумму 150,000 злотыхъ и съ этими деньгами отправилъ двухъ сенаторовъ, чтобы предотвратить дальнѣйшее самоуправство солдатъ. Получивъ часть своего жалованья, ввійско успокоилось, но за то религіозныя распри и столкновенія не прекращались, къ чему, главнымъ образомъ, содѣйствовалъ самъ король, слѣдовавшій во всемъ совѣтамъ іезуитовъ. Всѣ сомнѣнія и вопросы долженъ былъ разрѣшить новый сеймъ въ Варшавѣ (20 марта 1598). Король доказывалъ въ своихъ универсалахъ, сзывавшихъ сеймики, что долженъ непремѣнно отправиться въ Швецію, въ которой дядя его рѣшительно стремится къ окончательному утвержденію своей власти. Обращаясь къ рѣчипосполитой за содѣйствіемъ, король, въ то же время, обѣщалъ возвратиться къ назначенному сроку. При этомъ онъ умолялъ всѣхъ бросить на время всевозможныя личныя разногласія и, главнымъ образомъ, позаботиться о благѣ общемъ и о безопасности отечества. Онъ доказывалъ также необходимость заключенія союза съ Московіею или, по крайней мѣрѣ, продленія перемирія, срокъ котораго приближался къ концу.

Сеймъ былъ особенно уступчивъ, относительно Сигизмунда, по-

тому что послѣдняго постигло, въ весьма короткое время, двойное семейное несчастіе: сперва онъ лишился тетки Анны (9 сент. 1596), а теперь, почти въ моментъ обнародованія универсаловъ, скончалась его жена (2 марта 1598). Сеймъ, разрѣшивъ ему отъѣздъ въ Швецію, назначилъ на путешествіе 300,000 злот., установилъ налогъ для удовлетворенія войска и на выкупъ заложенныхъ имѣній и сокровищъ. Для обороны рѣчипосполитой, во время отсутствія короля, подскарбій долженъ былъ имѣть запасный наличный капиталъ, а шляхтѣ приказано было быть готовою къ войнѣ. Для предотвращенія всевозможныхъ волненій и произвольныхъ съѣздовъ были изданы строгія постановленія. Сеймъ этотъ, сверхъ всякаго ожиданія, прошелъ спокойно, и удовлетворилъ главнѣйшимъ требованіямъ рѣчипосполитой. Относительно Ливоніи было, между прочимъ, рѣшено раздавать всѣ должности и званія въ равномъ числѣ полякамъ, литовцамъ и лифляндцамъ и хотя провинціальный сеймъ послѣднихъ въ Венденѣ, былъ поставленъ на ряду съ сеймиками, однакожъ, ему было предоставлено право разсуждать о чисто мѣстныхъ нуждахъ.

Отъѣздъ Сигизмунда въ Швецію былъ необходимъ, такъ какъ дядя его Карлъ присвоилъ себѣ неограниченную власть. Заключеніе мира съ Московіею (15 мая 1595), по которому царь призналъ Нарву и Ревель за одною только Швеціею, доставило ему расположеніе шведовъ. На сеймѣ въ Седеркепингѣ Карлу удалось, при содѣйствіи крестьянскаго сословія, добиться рѣшенія, по которому было воспрещено всякое католическое богослуженіе. Но такъ какъ сторонникъ Сигизмунда Флеммингъ имѣлъ значительныя вооруженныя силы въ Финляндіи, то Карлъ и рѣшился обезоружить его силой. Государственный совѣтъ воспротивился этому, а главнокомандующій шведскими войсками не хотѣлъ выступить противъ Флемминга. Карлъ притворился, будто слагаетъ съ себя власть (2 нояб. 1596), но созвалъ сеймъ въ Аброгѣ. Не смотря на оппозицію совѣта и письма Сигизмунда сеймъ состоялся въ 1597 г., и Карлъ, уступая, будто бы, просьбамъ и настояніямъ сословій, вновь принялъ власть, еще болѣе обширную, нежели прежде. Въ то же время

сеймъ вызвалъ въ Швецію Сигизмунда. Многіе изъ шведскихъ магнатовъ, оставшихся вѣрными королю, бѣжали въ Польшу. Нѣкоторыхъ изъ схваченныхъ Карлъ велѣлъ казнить.

Получивъ полномочіе отъ варшавскаго сейма, Сигизмундъ III, во главѣ 5-ти тысячнаго отряда, отправился (20 іюля, 1598) изъ Данцига въ Швецію. Кольмаръ отворилъ ему ворота, а Стокгольмъ, часть войска и къ тому же Эстонія и Финонія сохранили ему еще вѣрность. Нужно было только энергическимъ шагомъ подавить коварнаго Карла. Но Сигизмундъ, потерявъ цѣлый мѣсяцъ на переговорахъ, прибылъ наконецъ въ Стегеборгъ, куда явился и Карлъ съ своимъ войскомъ. Польскіе военачальники Сигизмунда окружили противниковъ ночью (8 сент.) и ручались, что они не ускользнутъ отъ нихъ. Но король, не смотря на просьбы, не позволилъ завязывать боя. Переговоры начались снова и Карлъ тянулъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не прибылъ флотъ. Тогда съ превосходными силами онъ напалъ (25 сент.) на войско Сигизмунда, которое, потерявъ убитыми 2,000 человѣкъ, претерпѣло совершенное пораженіе. Король вынужденъ былъ дать слово, что распуститъ чужеземныя войска и самъ, согласно своей присягѣ, будетъ управлять государствомъ, что созоветъ сеймъ черезъ 4 мѣсяца и сверхъ того выдастъ Карлу 5 шведскихъ магнатовъ, которые нашли убѣжище въ Польшѣ. Сигизмундъ сѣлъ затѣмъ на корабль и хотѣлъ направиться въ Стокгольмъ, но буря помѣшала этому намѣренію. Оставивъ часть своего войска въ Кольмарѣ, онъ самъ отплылъ въ Данцигъ.

Между тѣмъ произошли важныя перемѣны въ Валахіи и Трансильваніи. Сигизмундъ Баторій уступилъ Рудольфу II Трансильванію въ замѣнъ опольской и ратиборской земель въ Силезіи. Недовольный, затѣмъ, договоромъ, онъ прибылъ въ Трансильванію, но одновременно аттакованный валахскимъ воеводою Михайломъ и австрійскими войсками вынужденъ былъ бѣжать къ Замойскому, а Трансильванію ввѣрилъварминскому кардиналу-епископу Андрею Баторію. Послѣдній сложилъ съ себя посохъ и припоясалъ мечъ. Первоначально онъ велъ довольно удачную войну съ Михайломъ

и австрійцами. Въ качествѣ посредника выступилъ папскій легатъ Маласпина и убѣдилъ Андрея распустить наемныя войска, въ особенности поляковъ. Едва окончились переговоры и едва уѣхалъ легатъ, Михаилъ вмѣстѣ съ австрійцами вѣроломно напалъ на Андрея, который, вынужденный бѣжать, попался въ руки непріятелей. Маласпина отправилъ императору отрубленную голову Андрея.

Михаилъ прекратилъ вскорѣ сношенія съ императоромъ, чтобы при помощи турокъ составить для себя одно государство изъ Трансильваніи, Валахіи и Молдавіи. Не теряя времени, Михаилъ вторгнулся съ многочисленнымъ войскомъ въ Молдавію, одержалъ подъ Сучавою побѣду надъ Іереміей Могилою, и, занявъ Хотинъ, овладѣлъ всею Молдавіею. Султанъ далъ свое утвержденіе на соединенное государство Валахію и Молдавію, а также на владѣніе всѣми землями, которыя ему удастся оторвать отъ Польши, а потому Михаилъ вторгнулся, дѣйствительно, въ Покуце и близлежащія земли. Въ это именно время варшавскій сеймъ (1599), не согласившись на налоги, предоставилъ Замойскому оборону границъ рѣчипосполитой. Вѣсть о нашествіи заставила полеваго коронпаго гетмана Жолкевскаго поспѣшить въ Хотинъ и здѣсь, совмѣстно съ Іереміею, онъ одержалъ побѣду надъ Михаиломъ; послѣ чего заключилъ съ нимъ мѣсячное перемиріе. Замойскій сосредоточилъ, между тѣмъ, разные мелкіе отряды и соединившись (30 сент.) съ Жолкевскимъ, вторгнулся съ 20-ти тысячнымъ войскомъ въ Валахію, гдѣ, подъ деревнею Каптури, совершенно разбилъ 50-ти тысячное войско Михаила. Господаремъ валахскимъ назначилъ гетманъ брата Іереміи, Симеона Могилу, въ качествѣ польскаго ленника. Такимъ образомъ Молдавія и Валахія снова подпали подъ верховную власть рѣчипосполитой.

Въ то время, когда въ Польшѣ совершались всѣ приведенныя событія, Карлъ созвалъ шведскій сеймъ въ Іенкепингѣ, съ цѣлію отказать Сигизмунду въ повиновеніи. Занявъ, вслѣдъ затѣмъ, Кольмаръ, онъ наказывалъ смертію всѣхъ сторонниковъ Сигизмунда и, въ довершеніе всего, рѣшился овладѣть и Эстоніею, пребывшею вѣрною, до того времени, польскому королю. Сигизмундъ хотѣлъ

принудить варшавскій сеймъ (1600) объявить войну Карлу, и съ этою цѣлію уступилъ формально рѣчипосполитой Эстоніею, въ видѣ собственности. Но сеймъ не состоялся, а сенатъ объявилъ, что дѣло о наслѣдствѣ шведскаго престола не касается рѣчипосполитой, что, затѣмъ, король долженъ поддерживать его собственными средствами.

Рѣшеніе сената не отвратило войны. Венденскій воевода Юрій Фаренсбахъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи 3-хъ тысячный отрядъ, открылъ, какъ кажется, по порученію Сигизмунда, наступательныя дѣйствія въ Эстоніи и, арестовавъ, даже пословъ Карла, отправилъ ихъ къ королю. Эти наступательныя дѣйствія раздражили Карла. Онъ вторгнулся (1600) во главѣ превосходныхъ силъ въ Ливонію, и, въ короткое время, занялъ Парнаву, Фелинъ и другіе замки. Изъ всей Ливоніи, въ рукахъ рѣчипосполитой осталась почти одна только Рига. Карлъ созвалъ, не медля, сеймъ въ Венденѣ, на которомъ состоялось рѣшеніе о присоединеніи Ливоніи къ Швеціи на вѣчныя времена. Религіозная неудовольствія жителей облегчили Карлу завоеваніе этого края.

Литовскій великій гетманъ Радзивиллъ и литовскій маршалъ Христофоръ Дорогостайскій поспѣшили, правда, въ помощь Фаренсбаху, но такъ какъ Карлъ захватилъ Діаментъ, Дерптъ и Кокенгаузенъ, то имъ пришлось ограничиться защитою Риги. Карлъ хотѣлъ занять и Ригу, но вынужденъ былъ отступить, а поляки дрались съ успѣхомъ при Каркусѣ и Венденѣ, гдѣ захватили шведскій лагерь, 12 орудій и 11 знаменъ. Вслѣдъ затѣмъ было приступлено къ осадѣ Кокенгауза. Карльсонъ, побочный сынъ Карла, явился въ помощь осажденнымъ съ 6-ти тысячнымъ отрядомъ, но претерпѣлъ (13 іюня 1601) совершенное пораженіе. Кокенгаузенъ долженъ былъ сдаться. Карлъ сдѣлалъ вторичное покушеніе взять Ригу, но результатъ оказался тотъ же самый, ибо пришло извѣстіе, что Сигизмундъ III двинулся съ коороннымъ войскомъ въ Ливонію.

Этимъ нашествіемъ на Ливонію, рѣчьпосполитая была вовлечена, невольно, въ войну съ Швеціею. Сословія не могли отказать

въ помощи королю противъ врага, который хотѣлъ отнять провинцію у рѣчипосполитой. Оба коронные гетмана — Замойскій и Жолкевскій сопровождали короля въ этомъ походѣ, во главѣ 20-ти тысячнаго отборнаго войска. Замойскій осадилъ Вольмаръ и взялъ его послѣ отчаяннаго сопротивленія. Карльсонъ попался въ плѣнъ, но впослѣдствіи Сигизмундъ обмѣнялъ его на трехъ іезуитовъ. Сильная зима и голодъ прервали на время военныя дѣйствія. Весною 1602 г. Замойскій приступилъ къ осадѣ Фелина и, не смотря на отчаянную защиту, взялъ его штурмомъ. Во время штурма погибъ отъ пули храбрый Юрій Фаренсбахъ. Замойскій успокоилъ войско, заплативъ ему часть слѣдовавшаго жалованья, и затѣмъ, послѣ мѣсячной осады, взялъ Бѣлый Камень *), разбивъ предварительно шведскій вспомогательный отрядъ.

Послѣ взятія Бѣлаго Камня, Замойскій возвратился въ Польшу, а Жолкевскій направился къ Днѣпру, чтобы держать въ страхѣ татаръ. Начальство надъ ливонскимъ войскомъ Сигизмундъ поручилъ литовскому польному гетману Яну Ходкевичу. Послѣдній осадилъ Дерптъ (1603) — единственный пунктъ, бывшій еще во власти шведовъ и взялъ его штурмомъ (въ полов. апр.). Но войско, не получая жалованья, безпрерывно выражало свое неудовольствіе, такъ что веденіе войны въ Эстоніи, съ усиленною настойчивостью, сдѣлалось совершенно невозможнымъ.

Между тѣмъ Карлъ не переставалъ стремиться къ захвату не только власти, но и королевскаго титула въ Швеціи. Когда, по вызову шведскаго сейма, Сигизмундъ не отправилъ въ Швецію своего сына Владислава,—Карлъ провозгласилъ себя (22 марта 1604) королемъ и, тотчасъ же снарядилъ большое войско съ приказаніемъ,

---

*) *Бѣлый Камень* (Weissenstein) находится въ нынѣшней Эстляндіи. Еще теперь существуютъ развалины замка, взятаго въ 1602 году, Замойскимъ у шведовъ. Замокъ этотъ, окруженный большими болотами, имѣлъ весьма трудный доступъ. А потому многіе совѣтовали Замойскому отказаться отъ осады, но Замойскій остался непоколебимъ. Разбивъ отрядъ, шедшій на выручку гарнизона, Замойскій открылъ сильный артиллерійскій огонь, подъ руководствомъ начальниковъ артиллеріи Пятковскаго и Возницкаго. *Прим. перевод.*

во что бы то ни стало, отнять у поляковъ Бѣлый Камень. Ходкевичъ поспѣшилъ въ помощь своимъ соотечественникамъ и подъ крѣпостью произошелъ бой, въ которомъ шведскій главнокомандующій Линдерсонъ потерялъ до 3,000 убитыми, 21 знамя, 7 орудій и едва съ остатками успѣлъ бѣжать въ Ревель. Въ слѣдующемъ году шведы испытали такую же неудачу, какъ скоро (въ авг.) самъ Карлъ съ 14,000 войскомъ явился подъ Ригою и снова хотѣлъ овладѣть ею. Ходкевичъ, назначенный въ то время великимъ гетманомъ литовскимъ и виленскимъ воеводою, поспѣшилъ съ 3,500 чел. на помощь. Подъ Кирхгольмомъ завязался (27 сент.) бой, въ которомъ Ходкевичъ одержалъ блистательную побѣду надъ впятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ. Карлъ потерялъ, около 9,000 чел., 60 знаменъ, 11 орудій и весь обозъ. Но столь блистательная побѣда не принесла никакихъ плодовъ, вслѣдствіе совершившихся въ самой Польшѣ событій и неудовлетворенія войска жалованьемъ.

Неудовольствіе противъ правленія Сигизмунда III возраставшее съ каждымъ днемъ, имѣло свои справедливые поводы хотя нельзя не сказать и того, что его подозрѣвали въ такихъ намѣреніяхъ, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ. Предавшись неприличнымъ развлеченіямъ и окруженный всегда льстецами или нѣмецкими іезуитами, онъ былъ недоступенъ для народа, а на увѣщеванія примаса и другихъ сенаторовъ не обращалъ никакого вниманія. Къ тому же Сигизмундъ входилъ безпрерывно въ какія-то тайныя сношенія съ австрійскимъ дворомъ, что навлекло на него подозрѣнія въ стремленіи къ самовластію или же въ намѣреніи передать кому либо рѣчьпосполитую. Первое тѣмъ болѣе было вѣроятнымъ, что королевскіе фавориты, то есть іезуиты, а между ними, въ особенности Петръ Скарга, часто доказывали съ амвоновъ, что лучшая форма правленія есть неограниченное единовластіе. Антагонисты двора пользовались всѣми этими обстоятельствами, чтобы подорвать довѣріе къ королю. Раздраженіе, очевидно, принимало, постоянно болѣе громадные размѣры, ибо всѣ должности, званія, старства и

кролевщизны *) исключительно раздавались королевскимъ наушникамъ или друзьямъ iезуитовъ.

Послѣ смерти первой жены Анны, Сигизмундъ намѣревался вступить въ бракъ съ родною ея сестрою — Констанцiею. Планъ этого брака былъ составленъ между королемъ и матерью Анны, тотчасъ же послѣ смерти ея. Путешествiе въ Швецiю и другiя событiя отсрочили исполненiе плана, тѣмъ болѣе что и Замойскiй, и всѣ, наиболѣе значительные сенаторы рѣшительно противились ему. Когда же король непремѣнно хотѣлъ настоять на своемъ, его упрямство возбудило подозрѣнiе, будто онъ желаетъ возобновить связи съ австрiйскимъ домомъ для того, чтобы попрать ногами права и преимущества народа такимъ же точно образомъ, какъ австрiйскiй домъ сдѣлалъ это въ своихъ владѣнiяхъ. Всѣ нововѣрцы видѣли въ этомъ посягательство па свободу совѣсти, ибо справедливо опасались, что король, воспитанный iезуитами, и будучи въ родствѣ съ австрiйскимъ домомъ, захочетъ посягнуть на ихъ права. Дисунiаты, исповѣданiе которыхъ подвергалось преслѣдованiю, должны были дрожать за себя, точно также какъ шляхта — католики и иновѣрцы должны были опасаться за рѣчьпосполитую. Къ тому же Сигизмундъ расточалъ государственные доходы на iезуитовъ, наушниковъ или алхимическiе опыты, войску нечѣмъ было платить жалованья, сына король воспитывалъ дурно и не по-польски и позволялъ себѣ, даже, оскорблять польскую нацiональность. Все это только усиливало всеобщее раздраженiе. При такомъ настроенiи умовъ, сеймовыя совѣщанiя, естественно, не имѣли успѣха.

По случаю войны съ Ливонiею, Сигизмундъ созвалъ (въ началѣ 1603) сеймъ въ Варшаву. Замойскiй обиженный королемъ, назначившимъ Мышковскаго, извѣстнаго своимъ равнодушiемъ ко благу рѣчипосполитой, великимъ коронымъ маршаломъ, — уклонялся отъ засѣданiй сената, тѣмъ болѣе, что онъ убѣдился окон-

*) Королевщизны—имѣнiя предназначенныя на награды за особенныя услуги оказанныя отечеству, потому ихъ обыкновенно называли *panis bene merentium*, хлѣбъ заслуженныхъ. *Прим. перевод.*

чательно въ безполезности своихъ совѣтовъ. Когда были внесены въ сеймъ предложенія короля, иновѣрцы потребовали, чтобы король предварительно устранилъ всѣ поводы къ ихъ неудовольствію. Но Сигизмундъ объявилъ, что прежде всего должны быть обсуждены и рѣшены его предложенія на счетъ дальнѣйшаго веденія войны въ Ливоніи и брака съ Констанціею. Ни одна изъ сторонъ не хотѣла уступить, а потому сеймъ не привелъ ни къ чему, и самыя безотлагательныя государственныя дѣла остались нерѣшенными. Послѣ закрытія сейма, всѣ дѣла начинали запутываться еще болѣе. Война въ Ливоніи, не поддержанная должнымъ образомъ, увѣнчала славою вождей и войско, но, собственно, рѣчипосполитой, не принесла никакой пользы. Кромѣ того, какой-то бѣглый монахъ, называвшій себя Димитріемъ, потомкомъ великихъ князей московскихъ, былъ принятъ іезуитами, королемъ и нѣкоторыми магнатами придворной партіи и, даже нашелъ у нихъ поддержку, какъ скоро далъ обѣщаніе все московское царство обратить въ римскую вѣру, если ему удастся, при ихъ содѣйствіи, возвратить себѣ престолъ предковъ. Сандомірскій воевода Юрій Мнишекъ повелъ его, съ вѣдома короля, въ Москву, и навлекъ, чрезъ это на рѣчьпосполитую опасности тяжкой войны. Ханъ татарскій требовалъ обычныхъ подарковъ и, въ случаѣ отказа, угрожалъ нашествіемъ. Въ Венгріи велась война съ турками, откуда она могла, при первомъ встрѣтившемся предлогѣ, перенестись и въ Польшу. Сигизмундъ изобразилъ въ универсалахъ, сзывавшихъ (1605) сеймъ въ Варшаву, опасность, угрожавшую рѣчипосполитой, надѣясь побудить этимъ народъ дать свое согласіе на все, чего онъ потребуетъ. Но не смотря на происки придворной партіи, противники двора одержали, почти вездѣ, верхъ на сеймикахъ. Къ большинству земскихъ пословъ были разосланы инструкціи, въ которыхъ имъ повелѣвалось не соглашаться ни на что до тѣхъ поръ, пока король не очиститъ себя отъ упрековъ и не раздастъ всѣхъ вакантныхъ должностей, надежда на занятіе которыхъ давала бы возможность ловить въ свою пользу голоса кандидатовъ.

Въ первое засѣданіе сейма, послѣ прочтенія королевскихъ

предложеній, Замойскій произнесъ рѣзкую противъ короля рѣчь. Онъ упрекалъ его въ томъ, что налоги, назначенные на удовлетвореніе войска, истрачиваются непроизводительно, что онъ дозволяетъ частнымъ лицамъ сопровождать самозванца въ Москву. Замойскій совѣтовалъ снарядить посольство въ Турцію и успокоить хана подаркомъ, въ войскѣ возстановить дисциплину и акуратною выдачею жалованья устранить поводы къ бунтамъ. Онъ требовалъ далѣе, чтобы король не дозволялъ короннымъ обывателямъ добиваться иностранныхъ титуловъ; порицалъ столь же рѣшительно намѣреніе короля вступить въ бракъ съ сестрою умершей жены, противъ чего, предварительно, писалъ уже къ папѣ, настаивая, чтобы онъ отказалъ королю въ требуемомъ разрѣшеніи. Онъ обвинялъ далѣе короля въ дурномъ воспитаніи сына и желаніи короновать его силою, еще при своей жизни. Въ заключеніе Замойскій, напомнивъ королю, что онъ не построилъ въ Украинѣ обѣщанныхъ замковъ, что онъ окружалъ себя чужеземными тѣлохранителями, что онъ тайно сносится, и *кажется продаетъ* даже Польшу иностранцамъ, грозилъ ему, нисколько не стѣсняясь, что король можетъ прокатиться за море, если не выполнитъ обязательствъ, данныхъ въ присягѣ. Многіе другіе сенаторы говорили въ томъ же духѣ и изъ среды сторонниковъ короля выступилъ одинъ только каштелянъ жарновскій Оссолинскій, съ заявленіемъ, что упреки направленные противъ короля, проистекаютъ болѣе изъ личнаго мщенія, нежели изъ рвенія ко благу общему. Пренія въ посольской палатѣ, предсѣдателемъ которой былъ избранъ Бѣлозоръ, отличались еще болѣе бурнымъ характеромъ. Здѣсь ни на что не хотѣли согласиться до тѣхъ поръ, пока король не утвердитъ прежнихъ и вновь состоявшихся рѣшеній на счетъ элекціи, королевскаго брака, мира между разновѣрцами, упраздненія заграничныхъ титуловъ, установленія строгихъ мѣръ для тѣхъ, которые произвольными походами въ чужіе предѣлы накликаютъ на отечество войну и, наконецъ, на счетъ раздачи вакантныхъ мѣстъ. Когда же Сигизмундъ потребовалъ, чтобы предварительно обсуждались его предложенія и когда онъ не хотѣлъ отказаться отъ

своихъ требованій, земскіе послы отправились (2 марта) въ городской судъ, и внеся въ его книги свои жалобы, вошли въ сенатъ, чтобы проститься съ королемъ. По закрытіи сейма — Сигизмундъ созвалъ на совѣтъ присутствовавшихъ въ Варшавѣ сенаторовъ и объявилъ имъ, что получивъ только что разрѣшеніе отъ новаго папы, намѣренъ совершить свое бракосочетаніе съ Констанціею. Хотя почти всѣ сенаторы старались отклонить короля отъ этого намѣренія, онъ, тѣмъ не менѣе, по возвращеніи своемъ въ Краковъ, снарядилъ посольство къ императору и началъ дѣлать приготовленія къ свадьбѣ. Раздраженіе сдѣлалось всеобщимъ. Краковскій каштелянъ Якушъ Острогскій, тотчасъ-же написалъ къ Замойскому, что посадитъ на конь шляхту и не впуститъ въ Польшу эту *ракузянку*. Замойскій, опасаясь столь насильственнаго шага, отклонилъ каштеляна отъ этого намѣренія; но когда къ несчастію Замойскій вскорѣ умеръ (3 іюня), волненія сдѣлались неизбѣжными, ибо уже некому было удерживать взрыва неудовольствія.

Въ то время, когда, послѣ смерти Замойскаго, король торжественно праздновалъ свою свадьбу, надъ рѣчьюпосполитою скоплялись громовыя тучи. Раздраженіе шляхты достигло громадныхъ размѣровъ. Ливонское войско, не получавшее жалованья, угрожало составленіемъ конфедераціи, а татары желая отомстить походъ козаковъ въ Турцію, вторглись въ Подолію и Украину. Жолкевскій разсѣялъ ихъ и отбилъ отъ нихъ плѣнныхъ и добычу, но не успѣлъ предупредить страшнаго опустошенія названныхъ провинцій. Все это приписывалось дурному правленію короля и его обвинили въ нарушеніи присяги, данной народу. Правда, что и у Сигизмунда было много сторонниковъ между духовенствомъ и магнатами, и іезуиты, по приказанію своего генерала, весьма усердно вовлекали въ его партію католиковъ. Не смотря на всѣ происки оставался одинъ только исходъ, выйти изъ запутаннаго положенія дѣлъ — нужно было созвать чрезвычайный сеймъ въ Варшавѣ (7 марта 1606). Жалуясь въ универсалахъ на расторженіе двухъ предшествовавшихъ сеймовъ, Сигизмундъ требовалъ постоянныхъ налоговъ для веденія дальнѣйшей войны въ Ливоніи и другихъ потребностей, позволе-

нія отправиться въ Швецію, установленія отношеній къ прусскому герцогству, гдѣ онъ назначилъ временнымъ опекуномъ надъ малодушнымъ герцогомъ курфирста бранденбургскаго. Сигизмундъ требовалъ, далѣе, обезпеченія границъ противъ набѣговъ татаръ и вступленія въ дружескія связи съ Димитріемъ, новымъ великимъ княземъ московскимъ. Онъ жаловался при этомъ, что есть люди, которые, занятые кознями, подговариваютъ къ заговору солдатъ и, возбуждая волненія въ рѣчипосполитой, производятъ разбои. Такое обвиненіе еще болѣе озлобило противниковъ и не предупредило грозы. Посланные на сеймики королевскіе коммиссары должны были дѣйствовать на шляхту, чтобы заставить ее согласиться на помянутыя требованія.

Но и противная партія не теряла времени. Краковскій воевода Николай Зебржидовскій, литовскій подчашій Янушъ Радзивиллъ, краковскій каштелянъ кн. Якушъ Острогскій, Матвѣй Смогулецкій, Станиславъ Стадницкій, Адамъ Горайскій, Щепсный Гербуртъ, Лащъ и многіе другіе, имѣвшіе независимо отъ общественныхъ поводовъ, и личныя неудовольствія противъ короля, распространили между шляхтою мысль, что Сигизмундъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ и чужеземцевъ, стремится подорвать права и льготы рѣчипосполитой. На сеймикѣ въ Прошовицахъ Зебржидовскій выступилъ съ формальнымъ обвиненіемъ противъ короля и вызвалъ рѣшеніе, по которому хотя сеймикъ послалъ депутатовъ на сеймъ, но съ категорической инструкціею — ни на что не соглашаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранено всякое посягательство на права рѣчипосполитой; всѣ же условились въ то же время собраться, въ началѣ апрѣля, въ Стенжицѣ, для поддержанія требованій, изложенныхъ въ инструкціи. Къ прошовицкому рѣшенію примкнулъ генеральный сеймикъ малопольскихъ воеводствъ въ Корчинѣ. Въ томъ же родѣ высказались великопольскіе сеймики, а белзскій сеймикъ отличился еще большей рѣзкостью.

Обѣ партіи заявили себя на сеймѣ весьма энергически и многіе послы прибыли въ Варшаву съ большею, нежели обыкновенно, свитою. Сигизмундъ настаивалъ, чтобы обсуждались его предложенія,

но собраніе депутатовъ объявило единогласно, что не будетъ разсуждать ни о чемъ, пока не прекратятся общественныя невзгоды и пока король не выполнитъ условій, на которыя онъ присягнулъ до вступленія на престолъ и вообще пока онъ не приступитъ къ основательной реформѣ въ рѣчипосполитой. При этомъ королю былъ предъявленъ длинный списокъ претензій народа, въ который были включены многіе изъ пунктовъ инструкціи, данной депутатамъ въ Прошовицахъ. Короля обвиняли въ неисполненіи большей части принятыхъ имъ обязательствъ, въ неимѣніи въ своей свитѣ опредѣленнаго уставами числа сенаторовъ, почему всѣ дѣла рѣшаются безъ ихъ участія, въ томъ что онъ замедляетъ дѣйствія правосудія, безпрерывно требуетъ налоговъ, которые проматываются, Богъ знаетъ, на что, не раздастъ вакантныхъ должностей и ввѣряетъ казну своимъ частнымъ чиновникамъ. Далѣе короля обвиняли въ утратѣ Эстоніи, которую онъ не включилъ въ земли рѣчипосполитой и въ вовлеченіи послѣдней въ войну съ Швеціею; въ раздачѣ неблагонадежнымъ людямъ и даже, измѣнникамъ, ливонскихъ помѣстій и староствъ, въ несооруженіи обѣщанныхъ 5-ти замковъ въ Украинѣ, въ несвоевременномъ отправленіи посольства въ Турцію и даровъ хану, называя его виновникомъ нашествія татаръ на русскія земли, въ назначеніи опеки надъ прусскимъ герцогомъ безъ вѣдома и согласія сословій, въ предоставленіи начальства надъ шотландскою пѣхотою иностранцу Юнгу, въ уничтоженіи частными придворными рескриптами приговоровъ трибуналовъ, въ дозволеніи чеканить дурную монету и въ увеличеніи пошлины въ таможняхъ, въ разрѣшеніи пограничнымъ старостамъ занимать военныя должности, въ неподдержаніи мира между разновѣрцами, въ раздачѣ королевщизнъ незаслуженнымъ людямъ, а такъ называемыхъ кудзковъ (т. е. имѣній опустѣвшихъ безъ законныхъ наслѣдниковъ), иностранцамъ, въ дозволеніи духовенству, даже по дѣламъ свѣтскимъ, обращаться въ Римъ и т. п. Въ концѣ этого списка собраніе депутатовъ объявляло, что, кромѣ поименованныхъ, существуетъ еще много другихъ поводовъ къ неудовольствію, а потому оно просило короля, не медля, устранить помянутыя затрудненія и удовлетворить принятымъ

на себя, по присягѣ, обязательствамъ, ибо только такимъ образомъ ему предстояла возможность привлечь къ себѣ снова сердца своихъ подданныхъ.

Въ совѣтѣ сената, составленномъ, по преимуществу, изъ сторонниковъ двора или роялистовъ, разсматривались весьма долго всѣ помянутые пункты, пока, наконецъ, не послѣдовалъ королевскій отвѣтъ, заключавшій въ себѣ много оправданій, обѣщаній и пустословія. Въ отвѣтѣ этомъ не опровергались нисколько сдѣланные упреки, а нѣкоторые изъ нихъ были обойдены намѣреннымъ молчаніемъ. Въ заключеніи своего отвѣта, король объявлялъ, что самымъ искреннимъ образомъ желаетъ рѣчипосполитой успѣховъ и могущества, къ чему наиболѣе могутъ содѣйствовать сами сословія, если рѣшатся работать надъ общимъ благомъ отечества, оставивъ въ сторонѣ всѣ личные интересы и недоразумѣнія. Собраніе депутатовъ не хотѣло довольствоваться оправданіемъ или обѣщаніями короля и объявило рѣшительно въ новомъ отзывѣ, что не приступитъ къ ничему до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены всѣ вышеприведенныя требованія. Сигизмундъ возобновилъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, свой отвѣтъ словесно, но депутаты, въ виду словъ и обѣщаній остались непреклонными.

Дни и недѣли проходили въ этихъ спорахъ, а между тѣмъ сеймъ приближался къ концу. Ни одна изъ сторонъ не хотѣла уступить, а потому не было никакой возможности примирить противоположные интересы. Въ это время собрался обнародованный съѣздъ въ Стенжицѣ. Въ началѣ онъ былъ весьма немногочисленнымъ, но впослѣдствіи принялъ громадные размѣры. Король и его сторонники вообразили себѣ, что одинъ только Зебржидовскій виновникъ всего этого движенія, а потому они рѣшились, при содѣйствіи тайнаго посольства, привлечь его на свою сторону, для чего прибѣгли къ ксендзу Скаргѣ, удостоенному нѣкогда довѣріемъ и дружбою воеводы. Священнику поручено употребить въ дѣло всю силу своего краснорѣчія и отвлечь Зебржидовскаго отъ съѣзда. Скарга работалъ весьма усердно надъ привлеченіемъ воеводы и старался изобразить ему всю тяжесть грѣха подобнаго союза съ еретиками.

Онъ пытался дѣйствовать и обѣщаніями, но все напрасно. Зебржидовскій отвѣчалъ, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду личныхъ интересовъ, но только одно общественное благо, что стенжинскій съѣздъ, поставившій себѣ задачею преобразованія въ рѣчипосполитой, можетъ оказать большія услуги, если только король захочетъ имъ воспользоваться и удовлетворитъ справедливымъ требованіямъ народа. Королевская партія, раздраженная отвѣтомъ воеводы, требовала принятія противъ него строгихъ мѣръ. Однакожъ, подъ вліяніемъ посольской палаты, нужно было отказаться отъ подобнаго намѣренія и сенатъ снарядилъ торжественное посольство въ Стенжицу съ вопросомъ, что означаютъ подобнаго рода волненія и въ чемъ состоятъ замыслы собравшихся. Когда прибыли послы сената, съѣздъ въ Стенжицѣ былъ уже весьма многочисленнымъ. Прежде всего послы хотѣли напомнить шляхтѣ о незаконности съѣзда подъ бокомъ сейма, и о необходимости домогаться нормальнымъ путемъ исправленія того, что они считаютъ дурнымъ. Безуспѣшность увѣщанія заставила пословъ вступить въ тайные переговоры съ Зебржидовскимъ для узнанія поводовъ, побудившихъ его созвать съѣздъ. Воевода указалъ на цѣлый рядъ тайныхъ соглашеній короля съ австрійскимъ домомъ, на раздачу должностей людямъ неспособнымъ, на очевидное стремленіе къ самовластію, подорваніе національныхъ правъ и т. д. Зебржидовскій увѣрялъ при этомъ, что онъ соединился съ ревностными, въ дѣлѣ отечества, гражданами единственно съ цѣлію—предотвратить упадокъ отечественныхъ правъ и рѣчипосполитой. Въ заключеніе онъ просилъ пословъ, повторить все имъ сказанное сеймовымъ сословіямъ. Но послы объявили, что повтореніе свѣдѣній, не поддержанныхъ доказательствами, противится ихъ достоинству и требовали, чтобы воевода не былъ столь настойчивымъ и во всемъ положился на сенатъ. Отвѣтъ Зебржидовскаго произвелъ въ сенатѣ самое неблагопріятное впечатлѣніе, но собраніе депутатовъ пришло въ восторгъ отъ его словъ и дѣйствій, называя его защитникомъ правъ и свободы рѣчипосполитой.

Такъ какъ сеймъ приближался уже къ концу и ничего не было еще рѣшено, то сенатъ потребовалъ къ себѣ собраніе депута-

товъ и пытался уговорить его заняться разрѣшеніемъ самыхъ безотлагательныхъ нуждъ рѣчипосполитой. Депутаты обѣщали дать отвѣтъ на слѣдующій день. Король роздалъ между тѣмъ должности своимъ сторонникамъ или друзьямъ іезуитовъ. Это раздражило Радзивилла, который съ нѣкоторыми литовскими депутатами, еще до закрытія сейма, уѣхалъ въ Стенжицу. Его примѣру послѣдовали многіе другіе депутаты, что подало поводъ къ прерванію сейма. Не смотря на это Сигизмунду удалось склонить оставшихся депутатовъ дать согласіе на налогъ, который приняли только нѣкоторые русскіе уѣзды и воеводства.

Въ Стенжицѣ, по распущеніи сейма, было рѣшено (около 20 апр.) созвать новый (4 іюня) генеральный съѣздъ въ Люблинѣ, на который приглашена вся коронная и литовская шляхта. Въ универсалахъ были изложены причины, по которымъ всѣмъ слѣдуетъ собраться и по расторженіи нѣсколькихъ сеймовъ, обсудить дѣла рѣчипосполитой. Король, съ своей стороны, разослалъ универсалы (28 апр.), сзывающіе сеймики въ тѣхъ воеводствахъ, которыя не согласились на налогъ. Подобно тому какъ стенжинскій съѣздъ обвинялъ его въ прерваніи сейма и во всѣхъ дѣйствіяхъ рѣчипосполитой,—Сигизмундъ сваливалъ въ своихъ универсалахъ всю вину на противную партію. Съ обѣихъ сторонъ были употреблены въ дѣло всѣ пружины, чтобы убѣдить народъ въ законности своего поведенія и обезпечить за собою побѣду. Въ это время появилось много брошюръ, въ которыхъ одна партія клеймила другую самыми рѣзкими обвиненіями. Появлялись, правда, и серьезныя сочиненія, въ которыхъ затрогивались жизненные общественные вопросы, въ которыхъ рѣзко нападали на испорченность нравовъ, на притѣсненіе сельскаго люда, козни и мотовство и, вообще, на небрежность въ общественныхъ дѣлахъ.

Все это встревожило шляхту въ высшей степени. Не смотря на всевозможные происки двора, громадное большинство объявило себя, по убѣжденію, въ пользу его противниковъ. Даже сеймики, созванные королевскими универсалами и составленные или изъ нейтральныхъ людей или же изъ роялистовъ, порицали дѣйствія правитель-

ства и едва съ трудомъ заявили требованія, чтобы въ ихъ отсутствіи ничего не было рѣшаемо на люблинскомъ съѣздѣ. Противъ этихъ сеймиковъ поступили въ городскіе суды протесты, потому что въ болѣе или менѣе многочисленныхъ собраніяхъ шляхты, на этотъ разъ, недостатка не было.

Люблинскій съѣздъ отличался своею многочисленностью. Зебржидовскаго просили назначить маршала собранія, и онъ передалъ жезлъ Янушу Радзивиллу. Со стороны короля явился Станиславъ Жолкевскій, съ намѣреніемъ уговорить Зебржидовскаго отказаться отъ дальнѣйшаго поддержанія дѣла. Въ этомъ же духѣ работали и прочіе сторонники двора, явившіеся на съѣздъ, собственно для того, чтобъ парализировать усилія противниковъ. Они обольщали себя надеждою, что съумѣютъ повредить всему, такъ какъ въ началѣ, дѣйствительно, существовало въ собраніи сильное несогласіе. Но происки ихъ остались тщетными, ибо самая умѣренная партія сдѣлала то, что предложеніе нѣкоторыхъ ярыхъ защитниковъ свободы, какъ напримѣръ, Станислава Стадницкаго, которые хотѣли, тотчасъ, отказать Сигизмунду въ повиновеніи и обнародовать междуцарствіе, было всѣми отвергнуто. Послѣ долгихъ преній было рѣшено (15 іюня) созвать съѣздъ въ Сандомірѣ, куда была вызвана вся шляхта. Кромѣ того было отправлено посольство къ королю, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ жалобъ и съ приглашеніемъ явиться не только лично на сандомірскій съѣздъ, гдѣ ему предстояло дать отчетъ въ своемъ правленіи, но заставить прибыть также сенаторовъ. Относительно иностранцевъ, было оговорено, чтобы король ни въ какомъ случаѣ, не привозилъ ихъ съ собою на сеймъ. Посольство должно было объявить ему прямо, что если онъ не выполнитъ желаній народа, то рѣчьпосполитая сама позаботится о себѣ.

Во время люблинскаго съѣзда король находился въ Варшавѣ. Подъ вліяніемъ своихъ сторонниковъ и іезуитовъ, а быть можетъ, вслѣдствіе наущеній австрійцевъ, король издалъ (13 іюня) универсалъ, въ которомъ обвинялъ собравшихся въ Люблинѣ въ замыслѣ свергнуть его съ престола, приглашалъ всѣхъ вѣрноподданныхъ,

поспѣшить, какъ можно скорѣе, съ вооруженными дружинами на защиту его и отечества. Разославъ эти универсалы, король, съ бывшими подъ рукою войсками, отправился въ Краковъ и занялъ его безъ сопротивленія, такъ какъ Зебржидовскій, уполномоченный люблинскимъ съѣздомъ собрать войско и созвать ополченіе, въ случаѣ какого-либо посягательства на свободу края, отозвалъ свой гарнизонъ изъ Кракова и располоившись подъ Завихостомъ, слѣдилъ со вниманіемъ за всѣми движеніями противниковъ. Вскорѣ послѣ послѣ вступленія Сигизмунда въ Краковъ, явилась депутація отъ люблинскаго съѣзда, и объявивъ, согласно данной ей инструкціи, волю народа, въ выраженіяхъ довольно рѣзкихъ, требовала скораго отвѣта. Король откладывалъ со дня на день, такъ какъ ждалъ совѣта со стороны вѣнскаго двора, къ которому отправилъ инструкцію депутаціи въ латинскомъ переводѣ. Но ему не давали покоя и онъ вынужденъ быть отвѣтить. Предварительно однакожъ, Сигизмундъ разослалъ секретно (28 іюня) къ Жолкевскому и ко многимъ сенаторамъ экстренное воззваніе, чтобы они, въ возможно большемъ числѣ, явились, вооруженные, не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ въ Краковъ, такъ какъ его личность находится въ опасности. Въ отвѣтѣ же, данномъ (30 іюня) депутаціи, король оправдывалъ свое поведеніе и заявлялъ о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, въ отношеніи рѣчипосполитой, для которой онъ готовъ пожертвовать даже, жизнію, а уклоненіе отъ окончательнаго отвѣта, объяснялъ отсутствіемъ многихъ сенаторовъ. Къ тому же Сигизмундъ выражался такъ мягко, что, казалось, въ самомъ дѣлѣ хочетъ разрѣшить всѣ разногласія мирнымъ путемъ и вовсе не думаетъ о вооруженной силѣ, о которой между тѣмъ, онъ уже позаботился.

Призывъ Жолкевскаго съ кварцяными полками, обязанными, по закону, оберегать границы рѣчипосполитой отъ татаръ, имѣлъ видъ полнѣйшаго произвола. Желая сообщить этому шагу, по крайней мѣрѣ, какой-либо характеръ законности, роялисты составили сеймикъ въ Вишни, на которомъ шляхта трехъ воеводствъ, видя, будто бы, опасность, которой подвержена личность и до-

стоинство короля, а также рѣчьпосполитая со стороны иностранныхъ войскъ заговорщиковъ, обратилась съ воззваніемъ къ Жолкевскому, прося его явиться, какъ можно скорѣе, съ помощью и защитою. Сверхъ того была снаряжена депутація на сандомірскій съѣздъ съ полномочіемъ объявить отъ имени трехъ русскихъ воеводствъ о желаніи послѣднихъ содѣйствовать необходимымъ преобразованіямъ въ рѣчипосполитой, лишь бы заговорщики, распустивъ свои войска, поддерживали законнымъ путемъ свои требованія и примкнули къ тѣмъ, которые не замедлятъ собраться вокругъ короля. И дѣйствительно сторонники короля собирали со всѣхъ сторонъ шляхту на отдѣльный съѣздъ въ Вислицу, куда отправился и Сигизмундъ, тотчасъ по прибытіи кварцянаго войска. Этимъ шагомъ хотѣли разрушить или, по крайней мѣрѣ, ослабить съѣздъ заговорщиковъ.

Не смотря па происки короля, многочисленныя толпы шляхты собирались со всѣхъ сторонъ въ Сандомірѣ. Къ означенному дню (6 авг.) прибылъ Зебржидовскій, но никого еще не засталъ, а въ теченіи одной недѣли, собраніе шляхты насчитывало до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ. Составился совѣщательный кругъ, въ которомъ засѣдали избранные отъ земель и воеводствъ депутаты. Каждое воеводство, въ свою очередь, составляло свой отдѣльный кругъ. Маршаломъ главнаго круга, или предсѣдателемъ всего съѣзда былъ избранъ Янушъ Радзивиллъ. Въ этомъ собраніи состоялся актъ конфедераціи, въ которомъ всѣ обязались подъ честнымъ словомъ держаться другъ друга до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ предположенной цѣли. Актъ этотъ подписали 50,400 шляхты и сверхъ того, каждое воеводство образовало отдѣльную конфедерацію. Установлены временныя правила для поддержанія въ столь многочисленномъ собраніи дисциплины и порядка, и избраны судьи, которые должны были наказывать всякое нарушеніе правилъ. Для совѣщаній отведено открытое поле подъ Покржнвницею. Къ Жолкевскому и кварцянымъ полкамъ отправлены послы съ требованіемъ, чтобы они возвратились на свои мѣста, ибо рѣчь-

посполитая содержитъ ихъ не для попиранія правъ, а для защиты границъ.

Король, испуганный многочисленнымъ сборищемъ шляхты, отправилъ двухъ сенаторовъ съ весьма благосклоннымъ заявленіемъ, что, собравъ вокругъ себя весь сенатъ и не мало шляхты, онъ готовъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ рѣчипосполитой, а потому приглашаетъ собравшихся уполномочить изъ своей среды нѣсколько лицъ для переговоровъ. Но конфедераты заподозрили его посланниковъ въ желаніи только вывѣдать что нибудь, такъ какъ они не могли представить достаточнаго ручательства въ данномъ имъ полномочіи, — окончательно обсудить условія договора. Сигизмундъ хотѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, ожиданіемъ переговоровъ выиграть только время, ибо зналъ, что собравшейся, въ огромномъ числѣ, шляхтѣ, особенно мелкопомѣстной, нельзя будетъ долго оставаться въ сборѣ, а когда разъѣдется большинство, съ остальными справиться было бы не трудно. Онъ разсчитывалъ къ тому же, на большую партію умѣренной шляхты, которая хотя и требовала реформъ въ рѣчипосполитой, но противилась насильственнымъ мѣрамъ, а потому желала преобразованій безъ перемѣны короля. Конфедераты, предвидя намѣреніе двора и его сторонниковъ, открыто объявили, что держась люблинскихъ рѣшеній, на которыя, до сихъ поръ не послѣдовало категорическаго отвѣта, — они сами осудили бы свои предшествовавшія дѣйствія, если бы вздумали вступать въ какіе либо новые переговоры. Столь же безуспѣшно было посольство отъ вислицкаго съѣзда.

Соглашеніе было рѣшительно невозможнымъ, какъ скоро сдѣлалось явнымъ стремленіе королевской партіи, во что бы то ни стало, унизить противниковъ и воспрепятствовать задуманной ими реформѣ рѣчипосполитой. Чтобы однакожъ не раздражить умѣренную партію, приступили и въ Вислицѣ къ обсужденію, преобразованій въ управленіи страною и просили конфедератовъ воздержаться отъ положительныхъ рѣшеній до тѣхъ поръ, пока вислицкое собраніе не доставитъ имъ своихъ постановленій. И дѣйствительно къ нимъ были доставлены (4 сент.) 12 параграфовъ, съ рѣ-

шительнымъ требованіемъ, не медля, разъѣхаться, распустить войска и не составлять новыхъ съѣздовъ, если они хотятъ, чтобъ на нихъ не смотрѣли, какъ на враговъ отечества. Какъ бы для насмѣшки требованіе заканчивалось весьма вѣжливою просьбою — дать отвѣтъ не далѣе, какъ по истеченіи одной недѣли. Въ вислицкихъ пунктахъ, утвержденныхъ Сигизмундомъ, была оговорена свобода избирательности короля, дополненія уставовъ, относительно пребыванія въ его свитѣ сенаторовъ, гарантировались послѣдователямъ *восточной церкви* прежнія права и льготы, было обѣщано удаленіе отъ двора всѣхъ иностранцевъ и раздача всевозможныхъ должностей людямъ заслуженнымъ и способнымъ. Наконецъ этими пунктами обезпечено правильное судопроизводство, установлено, чтобы ни одно распоряженіе не выходило подъ частною, королевскою печатію, и король обязался, въ самомъ непродолжительномъ времени, созвать сеймъ, на которомъ обѣщалъ дать охотно свое согласіе на требованія сословій обезпечить, самымъ положительнымъ образомъ, ихъ общественныя права.

Прежде нежели были получены подъ Покрживницею помянутые артикулы, составлявшіе не болѣе, какъ неудовлетворительный сколокъ изуродованныхъ постановленій рѣчипосполитой, — собраніе конфедератовъ занималось также обсужденіемъ своихъ артикуловъ. Совѣщанія были бурны и должны были длиться весьма долго, такъ какъ въ собраніи находилось много тайныхъ роялистовъ, намѣренно поднимавшихъ разные посторонніе вопросы, чтобы только занять время. Кромѣ того нѣкоторые фанатики и, даже, злонамѣренные люди, подавали, своими неумѣстными выходками, поводъ, къ шумнымъ преніямъ. Не смотря, однакожъ, на всѣ подобныя препятствія, умѣренная партія одержала верхъ. Съѣздъ избралъ коммисію изъ 24 членовъ для пересмотра и распредѣленія конфедератскихъ артикуловъ, имѣвшихъ цѣлію—обезпеченіе правъ и льготъ, а также лучшую организацію рѣчипосполитой. Болѣе важныя статьи, въ количествѣ 67-ми, рѣшено было, тотчасъ же, отправить къ королю, остальныя же 49 отложить до слѣдующаго сейма. Лучшимъ доказательствомъ зрѣлости сужденій коммисіи служитъ то, что

когда пришла очередь обсуждать статью о іезуитахъ, — иновѣрцы удалились, предоставивъ рѣшеніе этого вопроса однимъ католикамъ, число которыхъ въ коммисіи простиралось до 17. Послѣ окончанія трудовъ коммисіи, и одобренія этихъ трудовъ собраніемъ конфедератовъ, депутація, изъ 25 человѣкъ, отправилась (9 сент.) къ Сигизмунду съ конфедератскими статьями, которыя въ сущности, составляли дополненіе нѣкоторыхъ статей закона. Депутаціи приказано ожидать отвѣта короля не болѣе одной недѣли. Если бы этого отвѣта не послѣдовало, она была уполномочена оставить изъ своей среды двухъ членовъ въ Вислицѣ, и затѣмъ возвратиться. Требованія конфедератовъ были весьма умѣренны и король могъ смѣло принять ихъ, нисколько не оскорбляя своего достоинства. Развѣ можно было бы сдѣлать одинъ только упрекъ—зачѣмъ требовали они, безъ видимой надобности, принятія всѣхъ пунктовъ, какъ скоро они сами раздѣлили ихъ на нетерпящіе отлагательства и менѣе важные? Конфедераты могли бы домогаться исполненія первыхъ, а послѣдніе отложить до сейма. Роялистовъ особенно раздражила статья, опредѣлявшая сеймовый судъ для дурныхъ совѣтниковъ короля. Іезуиты, съ своей стороны, приходили въ негодованіе отъ направленной противъ нихъ статьи, а короля оскорбило требованіе возобновленія присяги о поручительствахъ сената и письменное утвержденіе всѣхъ правъ рѣчипосполитой, а также угроза, что въ случаѣ уклоненія съ его стороны, народъ откажетъ ему въ повиновеніи. Отправляя свои постановленія въ Вислицу, конфедераты одновременно разослали универсалы ко всему народу, въ которыхъ представили подробный отчетъ всего, происходившаго на ихъ съѣздѣ и въ Вислицѣ. Вислицкой же депутаціи было объявлено, что, по случаю закрытія собранія, она должна обождать королевскаго отвѣта на ихъ параграфы и новаго генеральнаго собранія конфедератовъ. Представительницею съѣзда осталась только коммисія, составленная изъ 30 лицъ, и находившаяся при войскѣ; она была уполномочена призвать къ оружію всю шляхту, если бы рѣчипосполитой угрожала опасность.

Король и его клевреты, видя на своей сторонѣ превосходство

оружія, отвѣтили гордо и рѣзко на конфедератскіе пункты. Въ этомъ отвѣтѣ все дѣло приписывалось нѣсколькимъ человѣкамъ, которые изъ личныхъ видовъ возбуждали волненіе въ рѣчипосполитой и вооружали народъ противъ невиннаго короля. Далѣе требовалось рѣшительное принятіе вислицкихъ параграфовъ, съ тою однакожъ примирительною оговоркою, что король, на ближайшемъ сеймѣ, дастъ свое согласіе на нѣкоторыя преобразованія, въ которыхъ окажется крайняя надобность. Въ случаѣ сопротивленія, король угрожалъ каптуромъ или, по нынѣшнему, полевымъ судомъ. Конфедераты, успѣвшіе перейти уже въ Сандоміръ, рѣшились, посредствомъ универсаловъ, созвать шляхту на новый генеральный съѣздъ для защиты своихъ льготъ. Но прежде нежели появился ихъ универсалъ (26 сент.), король издалъ (23 сент.) въ Вислицѣ свой универсалъ, въ которомъ приглашалъ шляхту бросить дѣло конфедераціи и объявлялъ, что хотя онъ не посягаетъ на жизнь сандомірскаго сборища, но тѣмъ не менѣе, въ случаѣ непослушанія, будетъ вынужденъ прибѣгнуть, какъ въ отношеніи къ нему, такъ равно и его сторонникамъ, ко всей строгости законовъ.

Нѣкоторые изъ умѣренныхъ сенаторовъ, а въ особенности Янушъ Острогскій, хотѣли своимъ посредничествомъ удержать обѣ стороны отъ вооруженнаго столкновенія. Но всѣ ихъ усилія были тщетны, такъ какъ королевская партія требовала униженія противниковъ. Всевозможные переговоры окончились ничѣмъ, и король съ 20 тысячнымъ войскомъ двинулся противъ конфедератовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Зебржидовскаго, который располагалъ только 4-хъ тысячнымъ отрядомъ. Подъ Яновцемъ, при переправѣ чрезъ Вислу, Сигизмундъ настигнулъ (4 окт.) противниковъ, именно въ ту минуту, когда Стадницкій, съ $1/3$ частью войска, былъ уже на той сторонѣ рѣки и потребовалъ безусловной покорности. Зебржидовскій и Радзивиллъ, насчитывая въ своихъ рядахъ едва 2,000 человѣкъ, не хотѣли сдаться и начали приготовляться къ бою, готовые жертвовать своею жизнью. Но подобно тому какъ прежде, они заявили и теперь, что гнушаются междоусобною войною, и что хотя король легко можетъ умертвить ихъ горсть,

побѣда все таки не останется за нимъ, ибо народъ вѣроятно потребуетъ отчета въ той крови.

Нѣкоторые сенаторы укрощая съ одной стороны гнѣвъ короля, съ другой—побуждали къ уступчивости Зебржидовскаго и Радзивилла. Послѣдніе двое обѣщали распустить войска, вести себя спокойно до самаго сейма и не сзывать новыхъ съѣздовъ *). Король же, съ своей стороны, обѣщалъ предать забвенію все прошлое и на ближайшемъ сеймѣ вполнѣ удовлетворить требованіямъ рѣчипосполитой. Яновецкое примиреніе было только кажущимся, ибо королевская партія не выполнила условій.

Если бы Сигизмундъ дѣйствительно желалъ успокоенія рѣчипосполитой, онъ не медлилъ бы созваніемъ сейма. Но проволочка подала поводъ къ новымъ смятеніямъ, чему впрочемъ содѣйствовали не мало его сторонники своимъ заносчивымъ поведеніемъ. На придирку великаго маршала короннаго Мышковскаго, отвѣтилъ Зебржидовскій весьма рѣзко, при чемъ возобновилъ прежніе толки о сношеніяхъ двора съ заграницею. Въ краковской, познанской и другихъ провинціяхъ шляхта не хотѣла позволить открытія судовъ, до тѣхъ поръ, пока король не созоветъ сейма и не дастъ полнаго удовлетворенія требованіямъ рѣчипосполитой. Отъ краковскаго воеводства явилась, даже депутація, которая, представивъ королю условія, на которыхъ онъ принялъ власть, потребовала рѣшительно скорѣйшаго созванія сейма, чтобы уже разъ навсегда покончить со всѣми жалобами на отступленія отъ закона. Король оправдывалъ замедленіе въ созваніи сейма дурнымъ временемъ и необходимостію снисхожденія, въ отношеніи людей, которые, во время недавнихъ потрясеній, потерпѣли значительные убытки. Такія пустыя отговорки не могли быть приняты и подобно тому, какъ придворная партія распространяла ложные слухи о конфеде-

*) Зебржидовскій и Радзивиллъ отправились въ королевскій лагерь ночью, при свѣтѣ факеловъ. Зебржидовскій, цѣлуя руку короля сказалъ: «клянусь Богомъ, предъ судомъ котораго я готовился предстать въ ожидавшемъ насъ сраженіи, что каждый мой шагъ имѣлъ въ виду одно общественное благо; обѣщаю покорность, въ полной увѣренности, что ваше величество удовлетворитъ желаніямъ народа». *Прим. перевод.*

ратахъ, будто бы они входили въ тайныя сношенія съ иностранцами, — такъ конфедераты, съ своей стороны, распускали вѣсти, будто духовенство рѣшило дать королю 200,000 злот. на наемъ войска, а также намѣрено исходатайствовать у папы значительное денежное вспомоществованіе. Взаимное раздраженіе партій возрастало съ каждымъ днемъ, а потому, неизбѣжно, должны были вспыхнуть безпорядки.

Теперь первый шагъ былъ сдѣланъ Великопольшею. Собравшаяся въ Колѣ шляхта, имѣя во главѣ своего маршала Понентовскаго, обнародовала (14 февр. 1607) универсалъ, сзывающій къ 20 марта все коронное и литовское рыцарство, на новый конфедератскій съѣздъ въ Ендржеевѣ. Это рѣшеніе послѣдовало тогда только, когда примасъ Мацѣіовскій не далъ шляхтѣ требуемой отъ него гарантіи, что конфедератскія предложенія будутъ приняты сеймомъ и что король никого не подвергнетъ отвѣтственности за составленіе новыхъ съѣздовъ. Универсалъ этотъ, обвинявшій короля и придворную партію въ нарушеніи яновецкаго договора, возбудилъ въ шляхтѣ самое сильное негодованіе. Сигизмундъ замѣтилъ уже поздно, что употребилъ во зло терпѣніе народа. Желая, однакожъ, парализировать усилія конфедератовъ, король объявилъ, что сеймъ соберется 7 мая въ Варшавѣ, а сеймики въ воеводствахъ 27 марта, т. е. тотчасъ же, послѣ обнародованнаго съѣзда подъ Ендржеевымъ. Онъ разсчитывалъ отвлечь этимъ маневромъ большинство шляхты отъ участія въ съѣздѣ, въ чемъ отчасти и успѣлъ. Но когда король въ универсалахъ своихъ, говоря о вислицкихъ постановленіяхъ, ничего не вспомнилъ о конфедератскихъ предложеніяхъ, возникло сомнѣніе на счетъ его искренности, въ отношеніи коренной реформы рѣчипосполитой. Объявленные сеймики, бывшіе почти вездѣ весьма бурными, отнюдь не помѣшали осуществиться ендржеевскому съѣзду. Въ началѣ партія оппозиціи была малочисленна, но мало по малу съѣздъ сталъ оживляться. Зебржидовскій и Радзивиллъ откладывали весьма долго свое прибытіе и только возобновленныя воззванія могли ихъ склонить къ участію въ съѣздѣ. Отправляясь въ Ендржеевъ, Радзивиллъ въ

особенномъ письмѣ къ королю изложилъ поводы, побудившіе его къ этому шагу и умолялъ не пренебрегать справедливыми желаніями народа. Въ то же время воевода убѣждалъ и сенаторовъ не раздражать умовъ несоотвѣтственнымъ поведеніемъ, а скорѣе чистосердечно подумать объ успокоеніи рѣчипосполитой. Король и его сторонники первоначально не обращали вниманія на ендржеевскій съѣздъ и только тогда обратились съ мягкою рѣчью къ собравшимся, когда замѣтили, что число ихъ представляло весьма почтенную цифру. Королевское посланіе успѣло на столько, что возмутившіеся отложили рѣшенія возстанія до 28 мая, съ цѣлію убѣдиться предварительно, какія средства предложитъ сеймъ, для успокоенія рѣчипосполитой. Приглашая, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣхъ коронныхъ и литовскихъ гражданъ на новый съѣздъ въ Варшаву къ означенному дню, конфедераты объявили, что сами не разъѣдутся и только подвинутся къ этому городу.

Король, во главѣ значительнаго войска, отправился въ Варшаву, гдѣ именно должно было послѣдовать открытіе сейма. Во время похода, онъ свернулъ въ сторону, желая избѣгнуть съ возмутившимися встрѣчи, которая могла бы быть для него весьма неблагопріятною. Свое войско Сигизмундъ расположилъ лагеремъ подъ Варшавою, чтобы не показалось, будто онъ посягаетъ на свободу сеймовыхъ совѣщаній. Всѣ сенаторы явились также съ болѣе или менѣе вооруженными дружинами. Нѣкоторыя воеводства, въ томъ числѣ и краковское, не прислали депутатовъ, что однакожъ не помѣшало открытію сейма, на которомъ королевская партія имѣла видимый перевѣсъ. Маршаломъ былъ избранъ, человѣкъ придворный, коронный референдарій Феликсъ Крыскій. Въ предложеніяхъ отъ трона, король изъявлялъ готовность на все, чего единогласно потребуютъ отъ него сословія, но съ своей стороны настаивалъ на назначеніи налоговъ для поддержанія ливонской войны и удовлетворенія войска жалованьемъ за прошлое время. При этомъ Сигизмундъ заявилъ, что не будетъ присутствовать на совѣщаніяхъ сената и соединенной съ нимъ посольской палаты до тѣхъ поръ, пока сеймъ не придумаетъ средствъ къ умиротворенію

рѣчипосполитой, чтобы, такимъ образомъ, предоставить всѣмъ полную свободу въ выраженіи своихъ мыслей. При началѣ совѣщаній, нѣкоторые сенаторы, въ томъ числѣ и Жолкевскій, хотѣли приступить къ разсмотрѣнію предложеній конфедератовъ и принять изъ нихъ то, что въ нихъ было хорошаго. Но большинство сената ничего и слышать не хотѣло объ этихъ предложеніяхъ.

Между тѣмъ возмутившіеся расположились (4 мая) подъ Вонхоцкомъ, откуда отправили депутацію въ Варшаву, заявившую въ посольской палатѣ (10 мая) требованіе, чтобы сеймъ, избѣгая личностей и связей съ иностранцами, и не откладывая, по обыкновенію, до послѣдней минуты самыхъ важныхъ вопросовъ, занялся, какъ можно добросовѣстнѣе, общественными дѣлами. Посольская палата, вопреки желанію придворной партіи, отвѣтила весьма дружески на это воззваніе, увѣривъ, что употребитъ всѣ усилія для скорѣйшаго умиротворенія отечества. Но дѣло окончилось одними лишь обѣщаніями. Коммисія, назначенная для пересмотра вислицкихъ и сандомірскихъ предложеній, дѣйствовала, совершенно, въ духѣ придворной партіи, отвергая все, что не нравилось этой партіи. Послѣ весьма поспѣшнаго и небрежнаго разрѣшенія этого дѣла, постановлено (25 мая), что каждый, знающій о какомъ либо незаконномъ дѣйствіи короля или сената, вправѣ выступить, въ качествѣ обвинителя, передъ сеймовымъ судомъ. Но при этомъ была сдѣлана оговорка, что въ случаѣ бездоказательности обвиненія, доносчикъ подвергается карѣ, которая должна была постигнуть обвиненнаго. Не было, однакожъ, сказано, что послѣдуетъ, если король окажется виновнымъ. Рѣшеніе это, въ видѣ воззванія, было доставлено также въ лагерь возмутившихся, расположенный въ то время подъ Сѣцѣховымъ. Въ отвѣтъ на это воззваніе, возмутившіеся обнародовали универсалъ, которымъ приглашали всѣхъ къ окончанію дѣла конфедераціи, такъ какъ сеймъ обманулъ справедливыя ожиданія народа. Вслѣдъ затѣмъ возмутившіеся подвинулись еще къ Варшавѣ и расположились (30 мая) подъ Черскомъ. Отсюда отправили они делегацію въ сенатъ и посольскую палату съ приглашеніемъ явиться на ихъ съѣздъ, на которомъ

должны были быть изобличены не только всѣ козни, но и обдуманы средства для кореннаго преобразованія рѣчипосполитой. Что же касается сеймоваго суда, то делегація объявила, что возмутившіеся видятъ въ этомъ—новое орудіе для притѣсненія всѣхъ гражданъ, сознающихъ свои обязанности. Сеймъ отвѣтилъ, что вовсе на думаетъ притѣснять кого либо своимъ рѣшеніемъ, а, напротивъ, желаетъ скорѣе умиротворить окончательно рѣчьпосполитую, и что, окончивая начатыя свои работы, онъ, въ то же время, не допуститъ никакихъ незаконныхъ съѣздовъ. Послѣ такого отвѣта, приступлено было къ розыгранію судебной комедіи. Въ продолженіи цѣлой недѣли, возные *) приглашали всѣхъ, имѣвшихъ въ рукахъ какія либо доказательства противъ короля или сената, выступить съ обвиненіемъ и когда никто не явился, какъ легко можно было предвидѣть, сеймъ призналъ торжественно (13 іюня) и короля и сенатъ невинно оклеветанными. Сеймъ снарядилъ блестящее посольство къ возмутившимся, поручивъ ему убѣдить послѣднихъ примириться съ королемъ, на условіяхъ, согласныхъ съ требованіями справедливости. Но усилія посольства оказались тщетными, такъ такъ возмутившіеся объявили, что тогда лишь согласятся на миръ, когда будутъ приняты сандомірскія предложенія и когда король обезпечитъ въ будущемъ рѣчьпосполитую отъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ козней и удалитъ отъ себя злонамѣренныхъ совѣтниковъ. Съ возвращеніемъ пословъ въ Варшаву окончились (18 іюня) совѣщанія сейма. По принятіи вислицкихъ постановленій съ нѣкоторыми прибавленіями, были воспре-

---

*) Вознымъ, во времена Пястовъ, назывался не прислужникъ въ судѣ, а младшій чиновникъ, нѣчто въ родѣ ассесора. Со временъ Ягеллоновъ возный дѣлается судебнымъ прислужникомъ. Но тѣмъ не менѣе званіе вознаго считалось всегда весьма важнымъ. Не даромъ его называли providus, т. е. проворнымъ, ловкимъ. Особенно требовалось много искусства при врученіи вызова. Обвиненный шляхтичъ поймавшій на своемъ дворѣ вознаго и выпустившій его безъ расправы, былъ, навѣрное, человѣкомъ весьма мягкаго нрава. А потому нужно было много ловкости со стороны вознаго, чтобы, вручивъ вызовъ при свидѣтелѣ, успѣть скрыться. Не разъ приходилось возному переодѣваться нищимъ, войти на крыльцо, положить бумагу передъ кѣмъ либо изъ домочадцевъ обвиненнаго и бѣжать. (А. Морачевскій.) *Прим. перевод.*

щены всякіе съѣзды, а возмутившимся повелѣно сложить оружіе и, не медля, расходиться по домамъ. Сверхъ того назначена сеймовая коммисія, которая, вмѣстѣ съ королемъ, должна была обдумать средства, *хорошія и милостивыя* съ цѣлію умиротворенія рѣчипосполитой, но существованіе этой коммисіи должно было ограничиться одною недѣлею. Король возвѣстилъ рѣчипосполитой универсалами обо всѣхъ единогласныхъ рѣшеніяхъ сейма, а равно о своей готовности простить всѣмъ, кто несправедливо вооружалъ противъ него народъ. Въ то же время онъ прибѣгнулъ къ угрозѣ, объявивъ, что дальнѣйшее сопротивленіе будетъ наказываемо по всей строгости законовъ.

Возмутившіеся, съ своей стороны, приступили (16 іюня) къ обѣщанному рѣшенію конфедераціи. Шляхта, тысячами, стекалась въ ихъ лагерь подъ Черскомъ, гдѣ былъ открытъ формальный процессъ Сигизмунду и его злонамѣреннымъ совѣтникамъ. Особенная коммисія должна была составить обвинительный актъ. Зебржидовскій вооружился фактическими доказательствами, обнаруживавшими интриги короля и двора. Кромѣ него явилось, впрочемъ, и много другихъ обвинителей. Все это послужило для коммисіи матеріаломъ къ составленію безспорнаго доказательства, заключавшагося въ 10 пунктахъ, что Сигизмундъ нарушилъ данную народу присягу и основные законы рѣчипосполитой. На основаніи, затѣмъ, точнаго смысла уставовъ, коммисія требовала, чтобы Сигизмунду было отказано въ повиновеніи. Происки сеймовыхъ депутатовъ, на этотъ разъ, не увѣнчались успѣхомъ. Въ лагерѣ подъ Езерною (24 іюня), дѣйствительно, было отказано въ повиновеніи Сигизмунду, о чемъ безотлагательно обнародовано во всеобщее свѣдѣніе. Едва вѣсть объ этомъ событіи дошла до Варшавы, король созвалъ (28 іюня) универсалами всѣхъ преданныхъ себѣ людей, и, оправдывая собственное поведеніе, свалилъ всю вину на противниковъ, которыхъ упрекалъ въ стремленіи погубить отечество, такъ какъ они не хотѣли подчиниться единогласному рѣшенію сейма и отвергли всякія условія примиренія. Увѣривъ при томъ, что онъ вовсе не намѣренъ призывать для своей защиты иноземныхъ под-

крѣпленій, король ввѣрилъ свою судьбу извѣстному великодушію и преданности поляковъ, къ свободно избраннымъ ими государямъ. Въ томъ же смыслѣ высказался и примасъ Мацѣіовскій, въ особенномъ универсалѣ по всей рѣчипосполитой, сдѣлавъ упрекъ возмутившимся, что исключительное присвоеніе себѣ права отказывать въ повиновеніи королю, права принадлежащаго лишь цѣлому народу, равносильно посягательству на національную свободу.

Въ королевскомъ лагерѣ, въ которомъ было на лицо 40 сенаторовъ, состоялось рѣшеніе, не медля аттаковать возмутившихся прежде чѣмъ успѣетъ съ ними соединиться вся шляхта. Однакожъ, когда данъ былъ приказъ войску выступить въ походъ, — въ отрядѣ кварцяномъ послышались голоса, что противъ братьевъ нельзя обнажить оружія. Нѣкоторые, найболѣе усердные роялисты, совѣтовали прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, но Жолкевскій, опасаясь возстанія въ собственномъ лагерѣ, составилъ военный совѣтъ и согласился отправить делегацію къ возмутившимся, съ приглашеніемъ—не возбуждать междоусобной войны. Избравъ затѣмъ, изъ каждой хоругви *), самыхъ приверженныхъ сторонниковъ короля, онъ отправилъ ихъ къ возмутившимся, будто бы, отъ имени всего войска. Конфедераты, послѣ отказа въ повиновеніи королю, упразднили у себя совѣщательное собраніэ, а взамѣнъ ввели военный порядокъ. Вотъ почему делегація отъ войска не была впущена въ лагерь, и Петръ Лащъ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу съ вопросомъ, чего имъ нужно. Такъ какъ делегація бсзусловно порицала всѣ дѣйствія возмущенія, а равно объявила отъ имени войска, что послѣднее будетъ отстаивать достоинство короля, то Лащъ уклонился отъ всякаго отвѣта, говоря, что оно прислано не войскомъ, а кѣмъ-то другимъ. Вопреки ожиданіямъ двора кварцяные полки и послѣ возвращенія делегаціи, отнюдь не обнаружили бо̀льшей, противъ прежняго, склонности, къ борьбѣ съ своими соотечественниками. Возмутившіеся, полагая, что король бу-

*) Боевая единица, въ родѣ теперешняго баталіона или эскадрона.
Прим. перевод.

детъ ихъ аттаковать, стояли (29 іюня) цѣлый день подъ ружьемъ, а ночью, неизвѣстно почему, внезапно выступили въ Варки, находившіеся на разстояніи 8 миль. Походъ этотъ, похожій на отступленіе, имѣлъ самыя дурныя послѣдствія, ибо множество шляхты разъѣхалось по домамъ, чрезъ что силы возстанія замѣтно сократились. Король бросился преслѣдовать (30 іюня) и, на другой день, переправясь чрезъ Пилицу, занялъ позицію. Оба войска вовсе не были воодушевлены желаніемъ вступить въ бой, а передовая стража вмѣсто перестрѣлки, завязывала дружескіе разговоры. Ходкевичъ хотѣлъ, правда, завязать дѣло, не смотря на прибытіе делегаціи отъ имени противниковъ, но кварцяное войско снова объявило, что съ братьями драться не будетъ. Это обстоятельство заставило начать переговоры. Прежде всего оба войска должны были избрать 30 уполномоченныхъ, которымъ предстояло — рѣшить правильно ли отказано королю въ повиновеніи, наказать злонамѣренныхъ совѣтниковъ, если бы таковые оказались, и, наконецъ, обсудить средства, какія они признаютъ необходимыми, для успокоенія рѣчипосполитой. Между тѣмъ предполагалось пріостановить военныя дѣйствія. Король долженъ былъ расположиться въ Варкѣ, а возмутившіеся на разстояніи двухъ миль отъ этого города. Заключивъ такой договоръ, Жолкевскій предалъ военному суду тѣхъ, кто сообщилъ противникамъ лозунгъ. Одинъ изъ нихъ (Лесницкій) былъ повѣшенъ тотчасъ же, а шестеро бѣжало. Преждевременная строгость гетмана внушила подозрѣніе, что король намѣренъ неожиданно напасть на противниковъ, такъ что вмѣсто того, чтобы расположиться въ разстояніи двухъ миль, возмутившіеся заблагоразсудили дойти до Радома, бывшаго въ разстояніи 7 миль. Это движеніе было принято за нарушеніе договора, а потому, не медля, дано приказаніе преслѣдовать врага, тѣмъ болѣе, что и со стороны кварцянаго войска не предвидѣлось болѣе никакой оппозиціи. Жолкевскій обратился къ Зебржидовскому съ новымъ воззваніемъ не отвергать мира, но это воззваніе было безуспѣшно, такъ какъ воевода взялъ въ плѣнъ парламентера. Бой сдѣлался, затѣмъ, неизбѣженъ. Встрѣча произошла

(5 іюля) между Волею Гузовскою, Оронскомъ, и Крогульчею. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ возмутившихся, но послѣ бѣгства Лаща и Феликса Гербурта, король одержалъ совершеннѣйшую побѣду *). Сигизмундъ извѣстилъ обо всемъ народъ универсалами, угрожая наказать по всей строгости законовъ всякаго, кто дерзнетъ поддерживать возстаніе. Зебржидовскій распустилъ послѣ гузовскаго пораженія свои собственныя войска, а самъ поселился сперва у своего пріятеля Щуцкаго, а потомъ, въ бернардинскомъ монастырѣ, въ Опатовѣ. Феликсъ Гербуртъ отступилъ къ Люблину и пытался собрать остатки разбитаго войска, но атакованный неожиданно, самъ попался въ руки противниковъ, а войско его разсѣялось. Почти въ то же время (11 іюля) Янушъ Радзивиллъ издалъ въ Люблинѣ универсалъ, которымъ объявилъ междуцарствіе, и созвалъ шляхту на избирательный съѣздъ въ Варшаву къ 5 августу. Король съ своей стороны, изъ лагеря подъ Илжею, издалъ, относительно возмутившихся, еще болѣе строгіе универсалы, въ которыхъ угрожалъ имъ, въ случаѣ сопротивленія, преслѣдовать ихъ наравнѣ съ врагами отечества и измѣнниками. Подобныя же угрозы были направлены противъ всякаго, кто бы осмѣлился поддерживать ихъ безбожныя намѣренія.

Не смотря на гузовское пораженіе, возмутившіеся, тѣмъ не менѣе, не упали духомъ до такой степени, чтобы думать о безусловной покорности. Напротивъ, отъ Радзивилла явилась депутація къ Янушу Острогскому съ требованіемъ, чтобы онъ, въ качествѣ перваго свѣтскаго сенатора, взялъ на себя посредничество между королемъ и рѣчьюпосполитою и устроилъ бы, въ Сандомірѣ или въ Люблинѣ, съѣздъ, на которомъ уполномоченные обѣихъ сторонъ, составили бы условія окончательнаго согласія. При этомъ просили Острогскаго склонить Жолкевскаго отказаться отъ пре-

*) Подъ начальствомъ Зебржидовскаго находилось 10,000 человѣкъ, въ лагерѣ короля—7,000. Битва продолжалась среди страшной пыли; съ королевской стороны пало 50 человѣкъ, противники же потеряли около 1,200 человѣкъ; сверхъ того у нихъ взято 23 пушки и 12 знаменъ. Во время сраженія король командовалъ резервнымъ отрядомъ. *Прим. перевод.*

слѣдованія возмутившихся. Острогскій заявилъ объ этомъ королю и гетману и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы рѣзко высказаться противъ тѣхъ сторонниковъ короля, которые подъ предлогомъ защиты королевскаго дѣла, совершенно упускаютъ изъ виду всѣ прочія гражданскія обязанности. Его вмѣшательство имѣло, по крайней мѣрѣ, тотъ результатъ, что Жолкевскій, вмѣсто преслѣдованія возмутившихся, увѣщевалъ ихъ примириться съ королемъ. Но такъ какъ прочіе роялисты не дѣйствовали съ подобною же умѣренностію, то объ общемъ успокоеніи не могло быть и рѣчи.

Едва, въ самомъ дѣлѣ, возмутившіеся пріутихли немного, Сигизмундъ поторопился извѣстить императора, папу и другіе дворы, что онъ усмирилъ уже *измѣнниковъ* и *бунтовщиковъ* и все привелъ къ нормальному порядку. Но какъ только Потоцкіе, самые усердные роялисты, двинулись съ войскомъ въ Валахію, чтобы удержать господаремъ Константина, сына покойнаго Іереміи Могилы, — Зебржидовскій, условившись съ Радзивилломъ, выступилъ вдругъ неожиданно, расположился въ Рыкахъ и началъ собирать вокругъ себя всѣхъ сторонниковъ возстанія. Снова состоялась конфедерація, маршаломъ которой былъ избранъ Нищицкій и, въ октябрѣ подступили къ Варшавѣ. Въ это самое время, все духовенство съѣхалось въ Піотрковъ на синодъ, откуда было послано (12 окт.) краткое и вѣжливое приглашеніе къ возмутившимся—принять его посредничество и не прибѣгать ни къ какимъ рѣзкимъ мѣрамъ. Къ тому же имъ объявили, что синодъ, закрывъ свои совѣщанія, уполномочилъ примаса къ дальнѣйшимъ переговорамъ по этому дѣлу. Возмутившіеся приняли, какъ нельзя лучше, заявленіе духовенства и, съ своей стороны, положившись вполнѣ на Зебржидовскаго, разъѣхались, въ ожиданіи благопріятнаго исхода переговоровъ. Делегація потребовала у примаса отъ имени возмутившихся созванія сейма, для обсужденія средствъ, какими можно успокоить рѣчьпосполитую и побудить короля къ выполненію условій, данной имъ присяги. Это посольство требовало, сверхъ того, освобожденія плѣнныхъ и упраздненія коммисіи, назначенной для

пересмотра уставовъ. Примасъ уклонился отъ исполненія этихъ требованій, а тѣмъ самымъ, разрѣшеніе дѣла снова замедлилось.

Прежде нежели синодъ принялъ на себя посредничество, Зебржидовскій разослалъ ко всѣмъ свѣтскимъ сенаторамъ письма, въ которыхъ объявлялъ, что готовъ ввѣриться суду, составленному изъ обѣихъ сторонъ, если король согласится поручить изслѣдованіе всего дѣла шляхтѣ, на генеральномъ съѣздѣ. Жолкевскій, тотчасъ же, донесъ объ этомъ королю, совѣтуя, съ своей стороны, не упускать столь удобнаго случая успокоить взволнованное отечество. Король, находясь подъ вліяніемъ ярыхъ противниковъ возстанія, приписалъ этотъ совѣтъ гетмана измѣнѣ и отвѣтилъ ему въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ опомнился и далъ позволеніе вступить въ переговоры съ Зебржидовскимъ. Коммисія, засѣдавшая въ Варшавѣ по дѣлу о пересмотрѣ уставовъ, также отправила двухъ епископовъ въ Краковъ, чтобы уговорить Сигизмунда созвать сенатъ, но послѣ четырехнедѣльныхъ усилій, они воротились домой, безъ всякаго успѣха. Жолкевскій, между тѣмъ, открылъ переговоры съ Зебржидовскимъ, предложивъ ему прощеніе и снятіе съ него недоимочной кварты въ томъ случаѣ, если онъ извинится передъ королемъ, возобновитъ присягу на вѣрноподданство и откажется, на будущее время, отъ сзыванія всякихъ съѣздовъ. Воевода отвѣтилъ, что если бы дѣло шло только о немъ, онъ не колебался бы и минуты, но въ дѣлѣ рѣчипосполитой, онъ считаетъ своимъ долгомъ огражденіе правъ и преимуществъ, которымъ, все еще, не переставала угрожать опасность. Къ тому же онъ обратился за совѣтомъ, къ наиболѣе значительнымъ своимъ сторонникамъ. Послѣ многихъ проволочекъ Сигизмундъ вынужденъ былъ, наконецъ, созвать (24 апр. 1608) сенатъ въ Краковъ, гдѣ (16 мая) и состоялось примиреніе. Окончательное успокоеніе рѣчипосполитой послѣдовало на сеймѣ въ Варшавѣ (въ янв. 1609), на которомъ король объявилъ недѣйствительными всѣ универсалы и распоряженія, направленныя противъ возмущенія, простилъ всѣмъ безъ исключенія, и въ отдѣльности сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ уставахъ и управленіи рѣчьюпосполитою.

Въ то время когда въ Польшѣ, вслѣдствіе дурнаго правленія Сигизмунда, происходили сильныя волненія, — сосѣднее царство московское сдѣлалось театромъ самой ужасной междоусобной войны. Іоаннъ Грозный оставилъ двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій Ѳеодоръ вступилъ на престолъ, а младшій Димитрій былъ отправленъ въ Угличь на Волгѣ, вмѣстѣ съ матерью царицею Марѳою. Именемъ Ѳеодора управлялъ братъ жены его Ирины — Борисъ Годуновъ. Послѣдній, желая обезпечить за собою наслѣдство престола, велѣлъ въ тайнѣ умертвить малолѣтняго Димитрія. Семь лѣтъ спустя скончался Ѳеодоръ, и послѣ него провозглашенъ былъ царемъ Борисъ Годуновъ. Вскорѣ, однакожъ, начали носиться слухи, будто-бы, Дмитрій Іоанновичъ, законный наслѣдникъ престола, не погибъ отъ руки убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ, но что онъ подъ именемъ Григорія Отрепьева скрывается въ чудовомъ монастырѣ. Борисъ, устрашенный этимъ извѣстіемъ, велѣлъ схватить мнимаго царевича, но Отрепьевъ исчезъ безъ слѣда. Нѣсколько времени спустя смертельно заболѣлъ одинъ изъ слугъ князя Адама Вишневецкаго и исповѣдуясь у одного іезуита, сознался, что онъ царевичъ Димитрій, въ доказательство чего показалъ драгоцѣнный золотой крестикъ, повѣшенный у него на груди. Іезуитъ увѣдомилъ, тотчасъ же, объ этомъ событіи своего настоятеля и подъ вліяніемъ могущественнаго ордена, истинѣ этого признанія повѣрили многіе вельможи, папа и, даже, самъ Сигизмундъ. Братъ Адама Вишневецкаго—Константинъ, отправился съ Димитріемъ къ своему тестю, сандомирскому воеводѣ Юрію Мнишку. Отсюда, въ сопровожденіи обоихъ этихъ лицъ, Димитрій направился къ Кракову. Іезуиты употребили въ дѣло всѣ пружины, чтобы посадить на престолъ предковъ, открытаго столь чуднымъ образомъ, царевича, тѣмъ болѣе, когда послѣдній тайно присоединился къ лону латинской церкви и обѣщалъ, по принятіи верховной власти, усердно работать надъ соединеніемъ своего государства съ тою же церковью. Въ глазахъ іезуитовъ и папы это дѣло было весьма серьезное, но и Сигизмундъ, подстрекаемый нунціемъ Рангони, готовъ былъ оказать дѣятельную помощь Димитрію.

Его связывалъ, однакожъ, двадцатилѣтній миръ, заключенный недавно (1602) съ московскимъ царствомъ, а потому, безъ согласія сейма, онъ не могъ открыть войны. Впрочемъ онъ далъ разрѣшеніе нѣкоторымъ вельможамъ содѣйствовать Димитрію въ достиженіи престола, въ особенности Мнишку, на дочери котораго Маринѣ лже-царевичъ намѣренъ былъ жениться *).

Мнишекъ, Вишневецкій и другіе вельможи, встрѣтивъ, со стороны іезуитовъ, денежную поддержку, начали собирать войско подъ Львовомъ. Большое жалованье привлекало не мало охотниковъ. Поднялись также козаки запорожскіе и донскіе. Вѣсти объ этихъ вооруженіяхъ встревожили Годунова и онъ отправилъ къ Сигизмунду пословъ съ вопросомъ — желаетъ ли рѣчьпосполитая мира или войны. При этомъ онъ увѣрялъ, что мнимый Димитрій, не кто другой, какъ только самозванецъ и обманщикъ. Король отвѣтилъ, что вовсе не думаетъ нарушать мира, а если отдѣльные вельможи своимъ содѣйствіемъ искателю приключеній измѣнятъ сосѣдской дружбѣ, то рѣчьпосполитая, на вѣрное, подвергнетъ ихъ отвѣтственности. Между тѣмъ Димитрій вторгнулся въ Россію (въ окт. 1604) и во всѣхъ изданныхъ имъ прокламаціяхъ именовалъ себя сыномъ Іоанна. Мнишекъ, съ своей стороны, увѣрялъ, что король и рѣчьпосполитая поддерживаютъ оружіемъ законнаго царя въ борьбѣ съ похитителемъ престола. Вскорѣ многіе города сдались Димитрію, и народъ въ этихъ городахъ ловилъ чиновниковъ Бориса и доставлялъ ихъ въ лагерь самозванца, который, обыкновенно, освобождалъ ихъ, а тѣмъ самымъ, пріобрѣлъ себѣ сторонниковъ и между боярами. Напрасно вооружался Борисъ Годуновъ, даже

---

*) Эпоха самозванцевъ и тогдашнія сношенія Россіи съ Польшею разсказаны г. Шмиттомъ, по большей части, чрезвычайно безпристрастно. Онъ почти сходится во взглядахъ съ нашимъ Карамзинымъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ будто выражается его словами. Сожалѣемъ, что г. Шмиттъ нигдѣ не указываетъ на источники, которыми онъ пользовался, но это недостатокъ почти всѣхъ польскихъ историческихъ писателей, исключая Нарушевича; впрочемъ видно, что онъ изучалъ русскую исторію, не по однимъ польскимъ писателямъ, что признаемся, не малое достоинство, которымъ не могутъ похвалиться многіе польскіе историографы. Мы впослѣдствіи будемъ имѣть возможность указать еще разъ на безпристрастіе г. Шмитта. *Примѣч. перевод.*

патріаршія проклятія, направленныя противъ самозванца и всѣхъ его приверженцевъ, нисколько не улучшили положенія царя. Пятидесятитысячное царское войско претерпѣло пораженіе подъ Брянскомъ. Димитрій не могъ, однакожъ, извлечь выгодъ изъ этой побѣды, ибо часть поляковъ оставила его, а Мнишекъ былъ отозванъ королемъ. Вслѣдъ затѣмъ произошла новая встрѣча съ Василіемъ Шуйскимъ, который, во главѣ 60-ти тысячнаго войска, подступилъ къ Добрыничамъ, разбилъ совершенно полки Димитрія и заставилъ его бѣжать съ остатками въ Путивль. Здѣсь собирались къ нему новыя полчища, а когда, весною 1605 г., внезапно скончался Годуновъ,—въ Москвѣ провозгласили, правда, царемъ сына его Ѳеодора, но войско, бывшее, подъ начальствомъ Басманова перешло на сторону Димитрія. Вскорѣ вспыхнуло возстаніе въ самой столицѣ. Юный Ѳеодоръ Борисовичъ, вмѣстѣ съ матерью, былъ приговоренъ къ смерти, а Димитрій вступилъ (20 іюня) въ Москву и, въ качествѣ царя, принялъ бразды правленія. Онъ выписалъ царицу Марѳу изъ отдаленнаго монастыря, въ которомъ она проживала до того времени и былъ признанъ ею публично за сына. Затѣмъ совершилась коронація по русскому обычаю.

До этой минуты Лжедимитрій имѣлъ во всемъ удачу. Но онъ черезъ чуръ уже полагался на поляковъ, которые, въ значительномъ числѣ, оставшись въ столицѣ, прибѣгали довольно часто, къ злоупотребленіямъ и насиліямъ, что возбудило противъ нихъ неудовольствіе. Присутствіе іезуитовъ и пренебреженіе русскими обычаями внушили подозрѣніе, будто бы новый царь намѣренъ ввести латинскую вѣру. На него были, даже, въ претензіи за то, что будучи слишкомъ доступнымъ, онъ не окружалъ себя постоянно всѣми грозными аттрибутами царскаго величія. Пронеслась молва о его самозванствѣ, а Шуйскіе старались все болѣе и болѣе распространить убѣжденіе о томъ, что истинный сынъ Іоанна Грознаго не рѣшился бы до такой степени пренебрегать своимъ царскимъ достоинствомъ. Составился заговоръ, во главѣ котораго явился Василій Шуйскій. Дѣло это вышло однакожъ наружу.

Судъ приговорилъ Шуйскаго къ смерти, но Димитрій помиловалъ его, а, вслѣдъ затѣмъ, сдѣлалъ своимъ первымъ совѣтникомъ.

Желая отблагодарить Сигизмунда за нравственную помощь, оказанную ему въ достиженіи власти, Димитрій, прежде всего, пригрозилъ войною его дядѣ — Карлу, если онъ не отречется отъ присвоеннаго себѣ шведскаго престола. Затѣмъ онъ снарядилъ, осенью 1505 г., къ Сигизмунду блестящее посольство, задачею котораго было, во первыхъ—заключить вѣчный союзъ съ Польшею, а во вторыхъ — просить руки Марины Мнишекъ. Относительно союза король объявилъ, что, не медля, вышлетъ уполномоченныхъ въ Москву, а на бракъ съ Мариною согласился безъ всякихъ оговорокъ. Въ Краковѣ, 29 ноября, происходило обрученіе. Особу царя представлялъ посолъ. Послѣ этой церемоніи, новая царица съ блестящею свитою вельможъ и польскимъ посольствомъ отправилась въ Москву. Здѣсь совершилось, 17 мая 1606 г., новое вѣнчаніе и коронація. Но не долго тѣшились собою новобрачные. Спустя десять дней послѣ коронаціи въ Москвѣ вспыхнуло возстаніе, поводомъ котораго былъ, помилованный недавно Василій Шуйскій. Димитрія умертвили, а Марину и многихъ польскихъ магнатовъ заключили въ тюрьму. Изъ числа проживавшихъ въ столицѣ поляковъ погибло около 4,000 человѣкъ *). Бояре провозгласили царемъ Василія Шуйскаго. Новый владыка велѣлъ сжечь тѣло своего предмѣстника и зарядивъ имъ пушку, выстрѣлить по направленію къ польской границѣ. Сверхъ того, подъ его вліяніемъ, состоялось признаніе мощей истиннаго Димитрія, останки котораго были торжественно перевезены въ Москву. Марину съ отцомъ, многихъ магнатовъ и все польское посольство Шуйскій рѣшился удержать до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ отъ Сигизмунда увѣреніе въ ненарушимости мира съ Польшею. Съ этою цѣлію, съ титуломъ посланника Василія Шуйскаго, отправился въ Краковъ Волконскій.

---

*) «Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненыхъ; но знатнѣйшіе ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ.» (Карамзинъ, Т. XI, стр. 288). *Примѣч. перевод.*

Вѣсть о московскихъ событіяхъ, возбудила сильное волненіе въ рѣчипосполитой, но внутренніе безпорядки устраняли всякую мысль о мести. Волконскій возвратился въ Москву безъ отвѣта. Между тѣмъ въ московскомъ царствѣ вспыхнули новыя волненія. Враги Шуйскихъ твердили, что Димитрій не погибъ во время кровопролитія и вскорѣ явится между своими. Цѣлыя провинціи заявляли о своемъ неудовольствіи къ Василію, а Болотниковъ и Шаховскіе руководили возстаніемъ. Воротынскій одинъ изъ полководцевъ Василія разогналъ подъ Ельцемъ толпы мятежниковъ, но за то Болотниковъ одержалъ подъ Крошами побѣду надъ царскимъ войскомъ и, въ декабрѣ 1606 г., подступилъ, даже, къ Москвѣ, но оттѣсненный отсюда, вынужденъ былъ бѣжать въ Калугу. Въ это время среди козаковъ нашелся какой то Илейко, назвавшій себя Петромъ, сыномъ царя Ѳеодора, а тѣмъ самымъ племянникомъ Димитрія. Шаховскіе и Болотниковъ, не медля, примкнули къ нему. Царь выступилъ самъ противъ Илейки, разбилъ его войско подъ Вязьмою, а скрывшихся въ Тулѣ принудилъ къ покорности. Илейко окончилъ свое поприще на висѣлицѣ. Болотниковъ и нѣкоторые другіе, по приказанію Василія, были утоплены, а остальные сосланы въ Сибирь, или же помилованы.

Вскорѣ, однакожъ, явился (10 авг. 1607) въ Стародубѣ новый самозванецъ, подъ именемъ Димитрія, спасшагося, будто бы, во время московскаго кровопролитія. Къ нему поспѣшили—Заруцкій съ донскими козаками, князь Рожинскій, Романъ, Адамъ Вишневецкій, Лисовскій и множество польской шляхты, которая, послѣ подавленія возстанія, охотно шла подъ знамена самозванца, лишь бы выместить на Шуйскихъ смерть многихъ своихъ соотечественниковъ. Главное начальство принялъ Рожинскій, хотя Лисовскій и другіе дѣйствовали отдѣльно. Лисовскій одержалъ подъ Зарайскомъ побѣду надъ царскимъ войскомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Ляпунова. Рожинскій одержалъ также блистательную побѣду (11 мая 1608), вблизи Болхова надъ братомъ царя—Димитріемъ Шуйскимъ и остановился (10 іюня) въ двухъ миляхъ отъ Москвы, въ Тушинѣ, гдѣ укрѣпился лагеремъ. Сюда явились

къ нему Млоцкій, Бобовскій, Петръ Сапѣга и не мало шляхты. Собственно рѣчьпосполитая и польское правительство не принимали участія въ этой войнѣ, а потому посольство могло явиться съ поздравленіями, по поводу вступленія Василія на престолъ и съ требованіемъ освободить прежнихъ пословъ и арестованныхъ магнатовъ. Послѣ переговоровъ, продолжавшихся цѣлый мѣсяцъ, заключено было четырехлѣтнее перемиріе, въ теченіи котораго долженъ былъ состояться или вѣчный или, по крайней мѣрѣ, 20-ти лѣтній миръ. Мнишекъ обѣщалъ не признавать самозванца своимъ зятемъ и не выдавать ему дочери, которая, съ своей стороны, отказалась отъ титула царицы.

По заключеніи этого договора, Василій отправилъ, подъ военнымъ конвоемъ, освобожденныхъ плѣнниковъ къ границамъ Польши. Но отрядъ, сопровождавшій Марину съ отцомъ, подвергся вблизи границы нападенію Александра Зборовскаго, который разсѣялъ его, а Марину, Мнишка и остальныхъ поляковъ доставилъ въ тушинскій лагерь. Сперва Марина не хотѣла признать самозванца истиннымъ Димитріемъ, но послѣ продолжительныхъ переговоровъ, желаніе царствоватъ взяло верхъ. Какой-то іезуитъ обвѣнчалъ ихъ тайно, ибо Марина не соглашалась иначе жить съ человѣкомъ, совершенно ей чуждымъ. Ея колебаніе произвело самое дурное впечатлѣніе на умы, ибо внушало подозрѣніе на счетъ дѣйствительнаго происхожденія Димитрія.

Самозванецъ былъ впрочемъ только щитомъ, а въ сущности власть была въ рукахъ Рожинскаго, который имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 2,000 пѣхоты, 18,000 польской конницы и до 45,000 козаковъ. Весь его временный успѣхъ можно приписать этимъ военнымъ силамъ. Лисовскій и Петръ Сапѣга составили отдѣльно отряды въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и довольно удачно сражались съ войсками Василія, который, видя главную опасность со стороны Рожинскаго, долженъ былъ устремить всѣ свои силы на защиту столицы. Сапѣга, соединившись съ Лисовскимъ и Вишневецкимъ, хотѣлъ взять богатый троицкій монастырь, но, послѣ осьмимѣсячной осады, вынужденъ былъ отказаться (въ іюнѣ 1609)

отъ этого предпріятія. Тогда Рожинскій и Сапѣга затѣяли партизанскую войну и мелкіе отряды, разсѣянные по всѣмъ направленіямъ, причиняли большіе убытки московскому царству. Доведенный до крайности, Василій Шуйскій заключилъ оборонительно-наступательный союзъ съ Карломъ шведскимъ и получилъ отъ него (1609) въ помощь нѣсколько тысячный отрядъ, подъ начальствомъ Іакова Делагарди.

Сигизмундъ принялъ этотъ союзъ съ Швеціею за нарушеніе недавно заключеннаго перемирія и, успокоивъ окончательно рѣчьпосполитую на сеймѣ (1609), склонилъ сословія дать согласіе на войну съ Московіею, съ цѣлію вновь пріобрѣсти Смоленскъ и другія утраченныя земли. Немедленно начались военныя приготовленія. Король поѣхалъ въ Вильно (въ іюнѣ) и объявивъ войну царю, произвелъ подъ Оршею смотръ войскамъ, считавшимъ въ своихъ рядахъ до 26,000 человѣкъ. Войско Сигизмунда подступило вскорѣ къ Смоленску, гдѣ начальствовалъ Шеинъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи, для защиты этой крѣпости, 30,000 войска, 40,000 мѣщанъ и крестьянъ и, сверхъ того, большіе запасы провіанта, оружія и зарядовъ. Гетманъ Жолкевскій совѣтовалъ идти прямо на Москву, оставивъ Смоленскъ въ сторонѣ; но король предпочелъ приступить къ осадѣ, которая продолжалась 20 мѣсяцевъ *).

Вѣсть объ объявленіи войны и вторженіи короля въ русскія владѣнія была весьма неутѣшительною для тѣхъ вооруженныхъ полчищъ, которыя, обольщаемыя надеждою большой добычи, поддерживали дѣло самозванца. Они могли весьма основательно опасаться, что ожидаемыя ими необыкновенныя награды не попадутъ въ ихъ руки. А потому, когда Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ и отправилъ часть войска для занятія сѣверской земли, Рожинскій составилъ въ своемъ лагерѣ военный совѣтъ и склонилъ своихъ сподвижниковъ къ образованію конфедераціи, въ которой всѣ дали обѣтъ не покидать Димитрія до тѣхъ поръ, пока онъ не займетъ

---

*) Левъ Сапѣга и Госѣвскій увѣрили короля, что Смоленскъ желаетъ ему сдаться, чтобы избавиться отъ ненавистной власти самозванца.

Прим. перевод.

престола и пока они сами не получатъ выслуженнаго жалованья. Съ такими рѣшеніями была снаряжена депутація къ королю. Марходкій, одинъ изъ депутатовъ, объявилъ отъ имени конфедератовъ, что въ случаѣ оказанія имъ противодѣйствія въ полученіи, кровью заслуженной, награды, они не признаютъ ни короля — королемъ, ни братьевъ—братьями, ни отечества—отечествомъ. Не смотря на столь дерзкое заявленіе, депутатамъ отвѣтили довольно мягко, въ надеждѣ, что коммисары, отправленные уже въ тушинскій лагерь, съумѣютъ убѣдить войско отказаться отъ дѣла самозванца. Переговоры длились весьма долго, ибо рѣшительно нельзя было согласиться на преувеличенныя требованія войска. Во всякомъ случаѣ коммисары успѣли на столько, что Рожинскій рѣшился съ частью войска покинуть самозванца, и хотѣлъ остаться при немъ только до поры до времени, чтобы не смутить русскихъ, изъ которыхъ нѣкоторые намѣревались въ качествѣ пословъ, отправиться къ Сигизмунду съ просьбою дать своего сына Владислава въ цари московскіе. Самозванецъ началъ серьезно опасаться, что Рожинскій выдастъ его королю, а потому бѣжалъ изъ лагеря (9 янв. 1610) въ Калугу. Послѣ его бѣгства въ лагерѣ произошло замѣшательство. Донцы бросились за нимъ и многіе изъ русскихъ послѣдовали также ихъ примѣру. Марина, желавшая господствовать, во чтобы то ни стало, хотѣла принудить войско къ вѣрности самозванцу, но не достигнувъ цѣли, переодѣлась въ мужское платье и бѣжала въ Калугу. Въ пользу самозванца объявилъ себя и Сапѣга, чрезъ что на его сторону перешло много жолнеровъ Рожинскаго, при которомъ остались затѣмъ лишь лица, намѣревавшіяся перейти къ королю. Еще не давно, столъ многочисленное войско въ тушинскомъ лагерѣ сократилось до цифры 3,500. Рожинскій велѣлъ сжечь лагерь и перешелъ въ Осиповъ, гдѣ вскорѣ скончался отъ ранъ и сильной скорби.

Такое положеніе войска было для царя весьма кстати, но онъ не могъ имъ воспользоваться, ибо внезапная смерть его племянника Скопина Шуйскаго возбудила въ народѣ подозрѣніе, будто бы онъ виновникъ этой смерти. Обвиненіе вышло изъ устъ Про-

кофія Ляпунова, который отказалъ ему въ повиновеніи. Впрочемъ его постигло еще болѣе чувствительное бѣдствіе. Въ то время, когда онъ послалъ свое собственное войско, совмѣстно съ шведскими подкрѣпленіями, подъ начальствомъ своего брата Димитрія въ сѣверскую землю противъ Госѣвскаго, расположившагося подъ Бѣлымъ, король приказалъ Потоцкимъ идти послѣднему въ помощь. Послѣ долгихъ проволочекъ двинулся наконецъ, вмѣсто Потоцкихъ, Жолкевскій, но не заставъ противниковъ въ Бѣломъ, направился къ Москвѣ. Подъ Царевымъ-Займищемъ Жолкевскій аттаковалъ передовую стражъ русскихъ, которые въ числѣ 10,000 человѣкъ, заняли хорошо укрѣпленную позицію. Гетманъ окружилъ со всѣхъ сторонъ окопы, чтобы голодомъ принудить непріятелей къ сдачѣ. Здѣсь соединился съ нимъ Зборовскій, во главѣ отряда, оставшагося послѣ Рожинскаго. Но въ то же время получена была вѣсть, что приближаются главныя шведско-московскія силы въ числѣ 50,000 человѣкъ. Жолкевскій оставилъ подъ лагеремъ не болѣе тысячи людей, и двинулся съ остальными ночью противъ Шуйскаго *). Съ разсвѣтомъ онъ достигнулъ его лагеря подъ Клушиномъ, и велѣлъ, тотчасъ же, зажечь плетни, изъ за которыхъ непріятельская пѣхота могла затруднить аттаку. Воспользовавшись замѣшательствомъ въ лагерѣ противниковъ, Жолкевскій произвелъ нападеніе и послѣ непродолжительной, но кровопролитной стычки, одержалъ совершенную побѣду. Возвратившись неожиданно въ Царево-Займище онъ принудилъ и этотъ отрядъ къ сложенію оружія и къ принесенію присяги на вѣрность Владиславу **).

---

*) Жолкевскій выступилъ въ походъ съ 10,000 всадниковъ и съ легкими пушками столь тихо, что русскіе не замѣтили сего движенія и сидѣли спокойно въ укрѣпленіяхъ Займища, воображая всю рать непріятельскую передъ собою. (Карамзинъ, Т. XII, стр. 227). *Прим. перевод.*

**) Карамзинъ говоритъ (Т. XII, стр. 231), что Жолкевскій, смѣлый въ битвахъ, изъявилъ смѣлость и въ важномъ дѣлѣ государственномъ: онъ безъ указа королевскаго хотѣлъ воцарить Владислава, въ томъ убѣжденіи, что нѣтъ лучшаго способа окончанія войны съ выгодою для рѣчипосполитой. *Прим. перевод.*

Василій, готовясь защищаться до послѣдней крайности, началъ собирать новыя войска. Въ помощь прибыли къ нему и татары, но надъ ними одержалъ побѣду Сапѣга, который подступилъ, даже, къ самой Москвѣ. Съ другой стороны Ляпуновъ распространялъ бунтъ все болѣе и болѣе. Даже въ самой столицѣ народъ потребовалъ сверженія Василія съ царства. Бояре согласились на это не медля, послѣ чего Василій былъ постриженъ въ монахи, а власть приняла дума боярская, бывшая подъ начальствомъ князя Мстиславскаго. Столицѣ угрожалъ съ одной стороны Сапѣга, въ лагерѣ котораго находился самозванецъ, а съ другой — Жолкевскій шелъ изъ Можайска. Въ боярской думѣ мнѣнія раздѣлились. Одни хотѣли провозгласить царемъ польскаго королевича Владислава, другіе въ особенности духовенство, желали предоставить престолъ Василію Голицыну или Михаилу, сыну ростовскаго митрополита Филарета, родственнику царя Өедора Іоанновича. Въ это время (3 авг.) подступилъ къ Москвѣ Жолкевскій. Спрошенный думою о цѣли своего прибытія, гетманъ отвѣчалъ, что желаетъ освободить столицу отъ сосѣдства самозванца и его клевретовъ. Прежде нежели онъ открылъ переговоры съ боярами, къ нему прибыло посольство изъ лагеря Сапѣги съ заявленіемъ, что самозванецъ уступитъ Польшѣ весь сѣверный край и заплатитъ значительную сумму, лишь бы ему было дозволено вступить на московскій престолъ. Гетманъ отправилъ пословъ къ королю, а самъ вошелъ въ переговоры съ уполномоченными боярской думы на, такъ называемомъ, Дѣвичьемъ-Полѣ. Москва соглашалась имѣть царемъ Владислава, съ условіемъ, что онъ перейдетъ въ православную вѣру, сохранитъ независимость государства отъ Польши, оставитъ при себѣ не болѣе 500 поляковъ, будетъ наказывать смертію каждаго, кто приметъ католическую вѣру и т. п. *).

Жолкевскій извѣстилъ короля о требованіяхъ боярской думы и въ ожиданіи соотвѣтственной инструкціи откладывалъ, на сколько это было возможно, окончательное соглашеніе. Но Сигизмундъ не

---

*) См. Карамзинъ, Т. XII, стр. 246. *Прим. перевод.*

спѣшилъ высказываться и когда съ одной стороны настаивали бояре, чтобы хоть разъ покончить съ ними дѣло, а съ другой не получавшее жалованья войско, грозило составленіемъ конфедераціи, гетманъ, волею неволею, вынужденъ былъ заключить (27 авг.) договоръ на слѣдующихъ условіяхъ. Русскіе всѣхъ сословій должны присягнуть на вѣрность Владиславу, какъ своему царю, который, съ своей стороны, обязанъ гарантировать восточной церкви свою опеку, наказывать смертію всѣхъ принимающихъ другую вѣру и изгнать евреевъ. При этомъ Владиславъ долженъ обязаться не раздавать должностей полякамъ, не возвышать налоговъ и повинностей и судебную часть оставить безъ всякихъ измѣненій. Въ то же время было выговорено, что самозванецъ будетъ уничтоженъ общими силами, а Марина возвратится въ Польшу. Бояре обязались доставлять войску провіантъ, но за то гетманъ не могъ занять столицы безъ ихъ дозволенія. Относительно обращенія королевича въ православіе и заключеніе вѣчнаго мира съ Польшею, предполагалось войти въ переговоры лично съ королемъ. Разрѣшеніе же всякихъ споровъ на счетъ границъ и замковъ отложено до ближайшаго сейма рѣчипосполитой, на который должно было прибыть и московское посольство. Договоръ этотъ былъ подкрѣпленъ торжественною присягою съ обѣихъ сторонъ и вся Россія признала царемъ королевича.

Сигизмундъ желалъ властвовать въ Москвѣ, соединенной съ Польшей, и увлекаемый религіознымъ рвеніемъ, мечталъ объ обращеніи всей Россіи въ лоно римской церкви. А потому приведенный договоръ вовсе не былъ ему по сердцу. Не принося, впрочемъ, особенныхъ выгодъ рѣчипосполитой договоръ этотъ имѣлъ значеніе единственно потому, что сынъ *пожизненнаго польскаго короля* занялъ бы престолъ царей московскихъ и, послѣ смерти отца своего, навѣрное, пытался бы захватить и Польшу подъ свою неограниченную власть. Сигизмундъ отвѣтилъ, затѣмъ весьма основательно, что не можетъ утвердить подобнаго договора, какъ скоро началъ войну съ цѣлію возвратить утраченныя провинціи рѣчипосполитой, а вовсе не для того, чтобы ея цѣною посадить сына на московскомъ престолѣ.

Слѣдствіемъ такого взгляда было приказаніе гетману управлять Москвою именемъ Сигизмунда, а не именемъ королевича. Приказаніе это пришло слишкомъ поздно, а потому Жолкевскій, послѣ заключенія договора, не могъ уже его выполнить. Объяснивъ королю, въ подробномъ донесеніи, невозможность выполненія полученныхъ приказаній, гетманъ обратился съ воззваніемъ къ Санѣгѣ и его войску, прося ихъ или выдать самозванца, или, по крайней мѣрѣ, перейти на сторону братьевъ и короля. Высокомѣрный отвѣтъ, что рыцарство не покинетъ своего царя, и что оно готово драться со всякимъ, дерзнувшимъ оскорбить его, вынудилъ гетмана прибѣгнуть къ оружію. Подойдя къ лагерю Сапѣги, Жолкевскій выстроилъ свое войско въ боевой порядокъ. Войско Сапѣги заняло также позицію, но вмѣсто боя, начались переговоры. Какъ скоро бывшіе доселѣ защитники самозванца получили достаточную гарантію въ правильномъ удовлетвореніи жалованьемъ, то не медля перешли на сторону короля. Они выговорили себѣ только одно условіе, именно чтобы король предоставилъ Маринѣ и самозванцу, на ихъ содержаніе, Гродно и Самборъ. Димитрій, однакожъ, не согласился на такія условія, и предупрежденный заблаговременно, что Жолкевскій намѣренъ его схватить, бѣжалъ съ Мариною и Заруцкимъ въ Калугу. Гетманъ, по соглашенію съ боярами, вступилъ (въ окт.) въ Москву безъ сопротивленія и занялъ Кремль и другіе укрѣпленные пункты*). Къ королю же было снаряжено блестящее посольство, во главѣ котораго Жолкевскій поставилъ Голицына и ростовскаго митрополита Филарета. Не желая затрогивать самолюбія русскихъ, гетманъ поддерживалъ въ войскѣ самую строгую дисциплину. Полки Сапѣги не были впущены въ Москву, и отправлены въ сѣверскій край. Передавъ, наконецъ, начальство надъ войскомъ Госѣвскому, Жолкевскій поѣхалъ самъ къ королю въ Смоленскъ,

---

*) Подъ предлогомъ движенія мятежной черни, будто бы готовой призвать Лжедимитрія, Жолкевскій склонилъ Мстиславскаго и другихъ бояръ, *требовать* вступленія поляковъ въ Москву. Это совершилось ночью, войско шло въ тишинѣ, со свернутыми знаменами и жители только на разсвѣтѣ увидали среди себя королевскихъ воиновъ (Карамзинъ, Т. XII, стр. 259). *Прим. перевод.*

съ намѣреніемъ склонить его къ утвержденію заключеннаго договора.

Осада Смоленска продолжалась безостановочно, ибо Шеинъ объявилъ, что избранному царю Владиславу сдастъ крѣпость, но Сигизмунду никогда. Посолъ Голицынъ поддерживалъ съ Шеиномъ тайныя сношенія, за что вмѣстѣ съ митрополитомъ и другими членами посольства былъ сосланъ подъ стражею въ Каменку. Такое обращеніе съ послами и, къ тому же, явное желаніе Сигизмунда пріобрѣсти власть въ Москвѣ лично для себя, начало тревожить русскихъ. Самозванецъ погибъ, правда, отъ руки одного придворнаго, которому нанесъ оскорбленіе, но Ляпуновъ, Пожарскій и многіе бояре вмѣстѣ съ патріархомъ взывали къ народу взяться за оружіе, чтобы выступить противъ Сигизмунда и поляковъ. Патріархъ освобождалъ всѣхъ отъ присяги, данной Владиславу. Госѣвскій перехватилъ его письма и отдалъ его самого подъ стражу, но уже не могъ предотвратить возраставшаго неудовольствія. Дѣло дошло наконецъ (29 марта 1611) до боя въ самой Москвѣ. Весь народъ взялся за оружіе, поляки зажгли городъ, который, такимъ образомъ, сдѣлался жертвою пламени. Пожаръ остановилъ, правда, возстаніе въ городѣ, но вооруженныя толпы двигались къ Москвѣ со всѣхъ сторонъ подъ начальствомъ Ляпунова, Трубецкаго, Заруцкаго и другихъ. Струсь разбилъ отрядъ Плещеева, и въ ежедневныхъ стычкахъ поляки одерживали постоянно верхъ. Не смотря, однакожъ, на успѣхъ, положеніе ихъ становилось весьма затруднительнымъ, ибо, насчитывая въ своихъ рядахъ не болѣе 10,000 человѣкъ *), они должны были сражаться, съ 140,000 арміею, малѣйшая убыль которой могла быть, тотчасъ же замѣнена. Приближеніе Сапѣги внушало осажденнымъ надежду на общее спасеніе. Сапѣга, мечтавшій вѣроятно о царской власти, объявилъ себя сперва противъ своихъ соотечественниковъ, но впослѣдствіи дѣйствовалъ съ ними сообща и двинулся за провіантомъ во внутреннія провинціи Россіи. Едва онъ выступилъ въ походъ, Ляпуновъ

---

*) По Карамзину 7,000 человѣкъ. (Т. XII, стр. 294). *Прим. перевод.*

открылъ общій штурмъ. Русскіе взяли двѣ башни и ограду, соединяющую Кремль съ Бѣлымъ-городомъ. Поляки снова заняли свои позиціи по возвращеніи Сапѣги, который, опустошивъ огнемъ и мечемъ значительное пространство Россіи, доставилъ провіантъ въ Кремль. Къ тому же Госѣвскій такъ ловко бросилъ тѣнь подозрѣнія на Ляпунова, что его, какъ обвиненнаго въ измѣнническихъ сношеніяхъ, лишили жизни. Однакожъ, и это обстоятельство не улучшило положенія поляковъ, хотя и, ссорившіеся между собою, русскіе военачальники дѣйствовали съ меньшею энергіею. Извѣстіе, что Ходкевичъ, по приказанію короля, взявшаго наконецъ (13 іюня) Смоленскъ, долженъ прибыть съ вспомагательнымъ отрядомъ, могло придать нѣсколько бодрости, изнемогавшему отъ усиленныхъ трудовъ, войску, но не могло уже устранить опасности.

Пока снова вернемся съ Ходкевичемъ въ Москву, посмотримъ, что происходитъ въ Ливоніи и другихъ мѣстностяхъ рѣчипосполитой. Въ Ливоніи происходили безпрерывныя стычки, какъ во время возстанія Зебржидовскаго, такъ равно и послѣ объявленія войны Россіи. Карлъ, связанный союзомъ съ Шуйскимъ, хотѣлъ воспользоваться стеченіемъ обстоятельствъ. Но если Сигизмундъ, занятый въ другомъ мѣстѣ, защищался въ Ливоніи весьма слабо, но за то и Карлъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи большихъ силъ. Ходкевичъ собралъ, правда, послѣ пораженія Зебржидовскаго, небольшой отрядъ, взялъ Пернаву, разбилъ шедшаго на помощъ Мансфельда, но не могъ препятствовать войску, не удовлетворенному жалованьемъ, завязать конфедерацію, въ которой вынужденъ былъ даже лично участвовать, лишь бы на время удержать его подъ своимъ начальствомъ. Къ счастію датскій король объявилъ войну Швеціи. Это подало поводъ къ кратковременному перемирію въ Ливоніи, и когда, вслѣдъ затѣмъ, скончался Карлъ — борьба пріостановилась на время, такъ что Сигизмундъ могъ дать приказъ Ходкевичу поспѣшить на помощь осажденнымъ въ Москвѣ. Самъ же Сигизмундъ, по занятіи Смоленска, отправился въ Варшаву, гдѣ (9 нояб.) созвалъ сеймъ. Ходкевичъ склонилъ, правда, послѣ многихъ затрудненій, часть своего войска придти

въ помощь осажденнымъ, но ему удалось привести въ Москву (8 окт.) едва 2,000 человѣкъ. Появленіе его съ такою незначительною горстью не предсказывало большаго успѣха. Войско, претерпѣвая неслыханныя трудности и лишенія, снарядило депутацію на сеймъ съ требованіемъ слѣдующаго ему жалованья. Русскіе же, сохранившіе до того времени вѣрность присяги Владиславу, и видя, что Сигизмундъ не присылаетъ сына на царство, считали это нарушеніемъ договора, и переходили въ лагерь противниковъ. Сверхъ того поляки разграбили остатки драгоцѣнностей царской казны, для удовлетворенія, хоть частью, войска, домогавшагося жалованья, что окончательно возстановило жителей противъ нихъ.

Король, между тѣмъ, собралъ сеймъ въ Варшавѣ. Привезеніе бывшаго царя Василія Шуйскаго и его братьевъ, а равно задержанныхъ подъ стражею пословъ, торжественный въѣздъ Жолкевскаго и описаніе успѣховъ польскаго оружія въ русскомъ царствѣ, внушали всѣмъ чувство необыкновенной гордости. Къ тому же (16 нояб.) курфирстъ бранденбургскій Янъ Сигизмундъ торжественно принесъ присягу Сигизмунду, за что послѣдній, на перекоръ жела ніюсословій, отдалъ ему, въ видѣ лена, герцогство прусское, выговоривъ себѣ только 30,000 злот. ежегодной дани. Частію установленнаго на сеймѣ налога, король покрылъ недочетъ въ своей собственной казнѣ, оказавшійся по случаю уплаты имъ жалованья войску подъ Смоленскомъ, а остальная часть налога была употреблена на удовлетвореніе полковъ, возвратившихся изъ похода. Депутаціи отъ войска, оставшагося въ Москвѣ, было объявлено, что войско это, какъ состоящее изъ охотниковъ, постоянно нарушающихъ требованія дисциплины, ничего не получитъ. Такое объявленіе вызвало конфедерацію въ войскѣ. Тщетно старался Ходкевичъ помочь дѣлу. Онъ успѣлъ только отсрочить день выступленія (6 янв. 1612) изъ столицы до 14 марта. Среди безпрерывныхъ переговоровъ съ войскомъ, составившемъ конфедерацію и домогавшемся огромныхъ суммъ, не было возможности предпринять что либо рѣшительное. Дѣйствія поляковъ ограничивались походами за Волгу, гдѣ они добывали себѣ провіантъ. Къ тому

же возникли несогласія между Струсемъ съ одной, а Ходкевичемъ и Госѣвскимъ съ другой стороны. Струсь осадилъ столицу. Войско же, сражавшееся до того времени въ самой Москвѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, раздѣленное на три конфедераціи, возвратилось въ Польшу, въ числѣ 15,000 человѣкъ. Одни избрали себѣ столицею Львовъ, другіе Брестъ-литовскій, а третіе Бромбергъ. Конфедераты заняли коронныя и духовныя имѣнія съ цѣлію извлекать изъ нихъ свое жалованье до тѣхъ поръ, пока рѣчьпосполитая не удовлетворитъ окончательно ихъ требованій.

Отступленіе поляковъ имѣло выгодное, нравственное вліяніе на русскихъ, которые, послѣ того, какъ Ходкевичъ двинулся снова за провіантомъ, усилили блокаду Кремля и Китай-города. Доведенные неимовѣрнымъ голодомъ до крайности, поляки должны были, наконецъ, сдать Кремль (7 нояб. 1612), выговоривъ себѣ личную неприкосновенность и цѣлость своего имущества. Условіе это было нарушено, ибо почти всѣ поляки были умерщвлены, что слѣдуетъ приписать необузданности козаковъ. Подстрекаемый со всѣхъ сторонъ придти въ помощь осажденнымъ и привести съ собою Владислава въ Москву, король собрался, наконецъ, въ новый походъ съ 2,000 человѣкъ пѣхоты и 1,200 человѣкъ конницы. Но извѣщенный въ дорогѣ о сдачѣ Москвы, Сигизмундъ воротился ни съ чѣмъ въ Варшаву. По освобожденіи столицы отъ поляковъ, бояре провозгласили царемъ 15-ти-лѣтняго Михаила, сына плѣненнаго въ Польшѣ митрополита Филарета.

Въ то время когда король собрался во вторичный походъ въ Москву, во главѣ 3-тысячнаго отряда, Стефанъ Потоцкій, съ 6-тысячнымъ войскомъ, вторгнулся въ Молдавію, откуда Томжа поддержанный татарами, изгналъ Константина Могилу. Экспедиція Потоцкаго, предпринятая безъ вѣдома и позволенія сословій, окончилась какъ нельзя хуже. Недостатокъ осторожности со стороны поляковъ имѣлъ слѣдствіемъ внезапное нападеніе 30-тысячнаго полчища татаръ на берегахъ Прута; только горсть людей успѣла пробиться съ оружіемъ въ рукахъ чрезъ непріятельскіе ряды, остальные вмѣстѣ съ начальниками попались въ плѣнъ. Это пораженіе

открыло для татаръ Подолію. Они вторглись въ нее, увели тысячи плѣнныхъ, тогда какъ войско, образовавшее конфедерацію, опустошало въ то же время, самымъ жестокимъ образомъ, другія провинціи рѣчипосполитой.

Сеймъ, созванный въ Варшавѣ 19 февраля 1613 г., долженъ былъ врачевать всѣ эти раны. Земскіе послы, сваливая всю вину на короля, дѣлали ему рѣзкіе упреки за всѣ бѣдствія, испытываемыя рѣчьюпосполитою. Но когда однѣ сѣтованія не могли помочь горю, рѣшено было объявить новый, значительный налогъ для удовлетворенія жалованьемъ сконфедерованнаго войска, хотя многіе утверждали, что рѣчьпосполитая не обязана платить войску, набранному безъ ея вѣдома. Коммиссія составленная изъ членовъ сената и депутатовъ получила полномочіе войти въ окончательную сдѣлку съ войскомъ. Самуилъ Тарновскій былъ отправленъ, въ качествѣ посла, въ Турцію, откуда могла угрожать опасность войны. Онъ былъ уполномоченъ потребовать сложенія Томжею господарскаго престола и частнымъ образомъ работать надъ освобожденіемъ изъ плѣна Потоцкаго, заключеннаго въ константинопольской тюрьмѣ. Преувеличенныя требованія сконфедерованныхъ войскъ, которыя домогались не только жалованья но и вознагражденія за понесенные убытки, вынудили короля созвать (въ ноябрѣ) чрезвычайный сеймъ. На этотъ сеймъ явились уполномоченные отъ войска, въ сопровожденіи 7,000 вооруженныхъ людей, и расположились лагеремъ подъ Варшавою. Жолкевскій и нѣкоторые другіе хотѣли созвать народное ополченіе и этимъ обуздать наглость сконфедерованнаго войска, но мнѣніе ихъ не встрѣтило поддержки. Новые коммиссары, послѣ большихъ затрудненій, успокоили войско (въ іюлѣ 1614), которое разошлось по домамъ. Правда, что еще и послѣ того, часть бывшихъ конфедератовъ, подъ начальствомъ Карвацкаго, прослыла въ Руси своими разбоями, но Александръ Конецпольскій разбилъ ихъ подъ Галичемъ, а Карвацкаго и многихъ его товарищей казнилъ смертію чрезъ посаженіе на колъ. Другой отрядъ, занимавшійся подобными же разбоями въ Литвѣ подъ начальствомъ Челадки, былъ разбитъ королевскою стражею, и Че-

ладко погибъ отъ руки палача въ Варшавѣ. Только этимъ былъ положенъ конецъ внутреннимъ безпорядкамъ рѣчипосполитой.

Между тѣмъ татары не переставали опустошать сосѣднія съ ними воеводства. На жалобы Тарновскаго не обратили никакого вниманія въ Стамбулѣ, ибо знали очень хорошо, что Польша не могла тогда поддержать оружіемъ свои справедливыя требованія. Султанъ, съ своей стороны, не хотѣлъ отозвать Томжи, который былъ главнымъ виновникомъ наѣздовъ татаръ на рѣчьпосполитую. За татарскіе наѣзды козаки отмстили султану взятіемъ Синопа и опустошеніемъ всей окрестности, откуда увезли съ собою громадныя добычи.

Сигизмундъ не отказывался отъ правъ своихъ на Швецію, въ которой верховная власть перешла отъ отца къ его племяннику Густаву-Адольфу. Ему хотѣлось также и сына возвести на московское царство, хотя онъ принялся за это дѣло слишкомъ поздно. Всѣ планы короля должны были осуществиться одновременно съ рѣшеніями сейма (въ февр. 1615) на сборъ новыхъ податей. Но неудовольствіе противъ короля, полагавшагося, главнымъ образомъ, на совѣты придворныхъ, іезуитовъ и иностранцевъ, и не обращавшаго вниманія на мнѣнія преданныхъ гражданъ, обнаружилось теперь въ полной силѣ. Посольская палата, приведенная въ негодованіе тѣмъ, что король, не смотря на многократныя обѣщанія, предпринималъ многое безъ вѣдома сословій, ни на что не соглашалась, и сеймъ, такимъ образомъ, разошелся, не достигнувъ никакихъ результатовъ. Даже не были обсуждены средства для обороны рѣчипосполитой, на случай войны, хотя татары опустошали Русь частыми набѣгами.

Съ царствомъ московскимъ были открыты переговоры, при содѣйствіи германскаго императора Матіаса, отъ котораго, послѣ закрытія сейма, явилось посольство въ Польшу. Переговоры происходили въ Вязьмѣ. Но они были прерваны въ самомъ началѣ, какъ скоро московскіе уполномоченные не хотѣли признать царемъ Владислава и сверхъ того, требовали возвращенія Смоленска и забранныхъ провинцій. Между тѣмъ, Михаилъ Вишневецкій и Са-

муилъ Корецкій, безъ вѣдома и полномочія сословій, выступили въ Валахію противъ Томжи, во главѣ довольно значительныхъ отрядовъ, сформированныхъ собственными средствами. Одержавъ во многихъ стычкахъ верхъ надъ Томжею, они изгнали и его и турокъ изъ Валахіи. Но вскорѣ появленіе многочисленнаго турецкаго войска измѣнило порядокъ вещей. Поляки были разбиты, но вовсе не помышляли объ отступленіи. Вскорѣ умеръ Вишневецкій, а отъ Корецкаго Жолкевскій отозвалъ войско, не желая вовлекать рѣчьпосполитую въ войну съ Турціею. Имѣя въ своемъ распоряженіи едва 500 человѣкъ, Корецкій думалъ еще сопротивляться, но побѣжденный попалъ въ плѣнъ къ Скиндеръ-пашѣ, который отослалъ его въ Стамбулъ. Упоенный побѣдою Скиндеръ-паша угрожалъ королю нарушеніемъ мира, если поляки не перестанутъ вмѣшиваться въ валахскія дѣла и не удержатъ козаковъ отъ наѣздовъ и грабежей въ земляхъ турецкихъ. Когда, такимъ образомъ, съ одной стороны угрожала война, съ другой—русскіе осадили Смоленскъ, весьма скудно снабженный и людьми, и военными запасами. Кромѣ того, Сигизмундъ вооружилъ противъ себя своего племянника Густава-Адольфа планами походовъ въ Швецію, составленными съ иностранцами, помимо коронныхъ сословій, и которые, конечно, остались не болѣе какъ мечтою. За отреченіе отъ пустаго титула шведскаго короля, Густавъ-Адольфъ готовъ былъ возвратить всю Ливонію, но Сигизмундъ предпочелъ вовлечь рѣчьпосполитую въ самую неблагопріятную для нея войну.

Всѣ эти дѣла требовали безотлагательнаго разрѣшенія. А потому король созвалъ (въ концѣ апр. 1616) сеймъ въ Варшаву, хотя еще не минулъ двухлѣтній срокъ, предписанный уставами. Опасность, угрожавшая отечеству со всѣхъ сторонъ, склонила сословія къ уступчивости. Было рѣшено усилить войско въ Подоліи, уполномочено короля образовать всеобщее ополченіе, въ случаѣ появленія турокъ въ большихъ силахъ; но въ то же время предложено сдѣлать попытку продлить миръ съ султаномъ путемъ переговоровъ. Сеймъ обѣщалъ затѣмъ помочь королю вновь пріобрѣсти престолъ, и уполномочилъ королевича добиваться, при содѣй-

ствіи войскъ рѣчипосполитой, царства московскаго. Желая однакожъ, предотвратить излишнее продленіе войны, сеймъ назначилъ особыхъ коммиссаровъ, которые должны были состоять при особѣ Владислава и поручилъ имъ не вести войны болѣе года, и даже окончить ее миромъ, если Московія предложитъ выгодныя условія.

Одни военныя приготовленія заняли цѣлый годъ. Такъ какъ Жолкевскій отклонилъ отъ себя начальствованіе въ московскомъ походѣ, ссылаясь на необходимость обороны границъ рѣчипосполитой противъ турокъ, то король назначилъ главнокомандующимъ литовскаго гетмана Ходкевича. Послѣ продолжительныхъ сборовъ королевичъ выѣхалъ (въ апр. 1617), наконецъ, изъ Варшавы. Едва онъ прибылъ въ Кременецъ, какъ получилъ воззваніе отъ Жолкевскаго, придти къ нему, не медля, со всѣмъ, бывшемъ у него подъ рукою, войскомъ въ помощь противъ Скиндеръ-паши, угрожавшаго нападеніемъ рѣчипосполитой. Владиславъ направился къ Збаражу, откуда часть войска, подъ начальствомъ Казановскаго, отправилъ къ Жолкевскому, а съ остальнымъ двинулся къ Смоленску. Занявъ, вслѣдъ затѣмъ Вязьму, онъ не воспользовался, однакожъ, выгодою своего положенія. Споры между его совѣтниками, зависть Казановскихъ къ Ходкевичу и безцѣльные переговоры съ непріятелемъ, были главною причиною напрасной затраты средствъ, назначенныхъ сеймомъ и безуспѣшности цѣлаго предпріятія. Къ тому же наступила зима, дѣлающая невозможными всякія военныя дѣйствія, и войско начало требовать жалованья за прошлое время.

Пока королевичъ двигался къ Смоленску, Жолкевскій занялъ, съ значительнымъ войскомъ, укрѣпленный лагерь подъ Бушею на Днѣстрѣ. Турки, подъ начальствомъ Скиндеръ-паши, имѣя въ резервѣ массы татаръ, переправились черезъ рѣку. Вмѣсто того, чтобы вступить въ бой, который могъ бы окончиться благопріятно для поляковъ, Жолкевскій открылъ переговоры и заключилъ миръ на тяжкихъ и, даже, унизительныхъ условіяхъ, не бывъ вовсе къ тому уполномоченнымъ, ни отъ рѣчипосполитой, ни отъ короля. Онъ обѣщалъ, что рѣчьпосполитая не будетъ вмѣшиваться въ валах-

скія дѣла и усмирить козаковъ. Къ тому же далъ согласіе на разрушеніе двухъ пограничныхъ посадовъ на Днѣстрѣ, откуда, будто бы, козаки производили свои наѣзды на земли турецкія. Наконецъ, онъ приказалъ коменданту Хотима — Ивонію передать замокъ туркамъ, и когда послѣдній медлилъ, Жолкевскій приговорилъ его къ смертной казни, самымъ невиннымъ образомъ. Миръ этотъ возбудилъ въ Польшѣ страшное негодованіе. Гетманъ оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ единственно удовлетворить турокъ, чтобы принудить ихъ удерживать татаръ отъ набѣговъ во владѣнія рѣчипосполитой. Но послѣдствія обнаружили, какъ тщетны были надежды Жолкевскаго. Едва успѣли разойтись польскія войска и Казановскій, взявъ Стародубъ, двинулся на соединеніе съ королевичемъ — татары вторглись, съ вѣдома самаго Скиндеръ-паши, въ Подолію, обезпеченную недавно заключеннымъ миромъ и увели плѣнныхъ въ свои степи. Точно также и турки, поселившіеся въ Валахіи, производили набѣги на прилежащія коронныя земли, хотя поляки, съ своей стороны, старались въ точности выполнить условія мира.

Войско, бывшее въ Россіи съ королевичемъ, начало, не на шутку, волноваться и только надежда, что сеймъ собранный въ то время (въ февр. 1618) въ Варшавѣ, удовлетворитъ всѣмъ нуждамъ, успокоила его на время. Но сеймъ былъ необыкновенно бурный, главное потому, что король, вопреки прямому смыслу уставовъ, не роздалъ, въ самомъ его началѣ, вакантныхъ должностей. Збараскіе, желавшіе получить одну изъ коронныхъ печатей или званіе подкоморія, подстрекали раздраженіе пословъ. Упрямство Сигизмунда довело депутатовъ до того, что они не хотѣли дозволить открытія сейма до тѣхъ поръ, пока не будутъ розданы вакантныя мѣста. Такъ какъ большая половина времени, предназначеннаго для сеймовой сессіи, прошла въ спорахъ, то король ввѣрилъ, наконецъ, большую коронную печать Жолкевскому, а малую — Андрею Липскому, о которомъ ходатайствовали нѣмецкіе придворные дамы, королевы, званіе же подкоморія *) предоставилъ Волуцкому,

*) См. Ист. польск. нар. Т. I, стр. 251.

чѣмъ вызвалъ всеобщее неудовольствіе. Это, однакожъ, не помѣшало сейму дать согласіе на двѣ подати, изъ которыхъ одна назначалась на жалованье войску королевича, а другая на защиту Ливоніи и Руси.

Прежде нежели можно было приступить къ взиманію установленныхъ податей, значительная часть шляхты, бывшей въ лагерѣ королевича, разъѣхалась по домамъ. За то прибылъ Казановскій съ своимъ отрядомъ, а вслѣдъ за нимъ явился Сагайдачный Купашевичъ съ 20,000 козаковъ. Обойдя Можайскъ, взятіе котораго было довольно затруднительно, войска эти подступили къ Москвѣ. Изъ Тушина Владиславъ обратился съ воззваніемъ къ боярамъ объ отдачѣ ему, согласно данной ими присягѣ, московскаго царства. Бояре отвѣтили, что такъ какъ онъ явился не къ назначенному времени, то они считаютъ себя освобожденными отъ присяги, а онъ самъ можетъ возвратиться откуда пріѣхалъ. Послѣ такого заявленія было приступлено къ штурму, который не увѣнчался успѣхомъ. За то козаки опустошили русскія владѣнія, уничтожая все то, чего не успѣли уничтожить лиссовщики или другіе отряды, высылавшіеся въ прежнее время. Все таки бояре не хотѣли признать Владислава царемъ, и, даже, при переговорахъ о временномъ перемиріи, предлагали тяжкія условія, ибо знали изъ перехваченныхъ писемъ, что рѣчьпосполитая, угрожаемая со стороны татаръ, поручила коммиссарамъ, бывшимъ при королевичѣ, заключить, во что бы то ни стало, перемиріе. Послѣ многихъ проволочекъ и споровъ было, наконецъ, заключено (11 дек.) 14-ти-лѣтнее перемиріе. Россія уступила Польшѣ земли — смоленскую, новгородскую и черниговскую, а Польша возвратила остальныя захваченныя провинціи. Плѣнные должны были быть обмѣнены.

Въ то время, когда событія эти совершаются подъ Москвою, Жолкевскій сосредоточилъ 23-хъ тысячное войско въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Каменцемъ, съ цѣлію отраженія набѣговъ татаръ на русскія земли. Но вмѣсто того, чтобы отрѣзать имъ путь и завязать съ ними бой, престарѣлый гетманъ допустилъ ихъ опустошить Волынь и возвратиться въ свои кочевья съ множествомъ

плѣнныхъ. Эта излишняя осторожность, только усилила дерзость врага. Къ счастію, польскому посланнику въ Стамбулѣ, Коханскому, удалось убѣдить султана лишить Томжу званія молдавскаго господаря и передать таковое Каспару Граціани, который обнаруживалъ, въ отношеніи къ Польшѣ, гораздо болѣе расположенія. Впослѣдстіи за то Граціани открылъ тайныя козни Бетлема Габора *) въ Стамбулѣ и заблаговременно предостерегъ Сигизмунда и его совѣтъ, на счетъ враждебныхъ замысловъ султана, которые, по его мнѣнію, слѣдовало предупредить.

Поводомъ вражды Бетлема Габора, который, находясь во главѣ венгерскаго возстанія противъ австрійскаго дома, дѣйствовалъ съобща съ ляхями и германскими врагами этого дома, было снаряженіе 8,000 лисовсчиковъ въ помощь императору Фердинанду, подъ начальствомъ Рогавскаго, безъ вѣдома сената. Лисовсчики разбили Ракочаго. Встревоженный этимъ извѣстіемъ, Бетлемъ Габоръ, вынужденъ былъ отозвать свое войско изъ Вѣны. Но раздраженный противъ Сигизмунда, онъ, съ одной стороны, началъ подстрекать султана къ войнѣ съ Польшею, съ другой — давалъ деньги татарамъ, чтобы склонить ихъ къ вторженію въ польскія земли. Граціани открылъ эти козни и увѣдомилъ объ нихъ Сигизмунда. Вице-канцлеръ Липскій упрекнулъ въ своемъ письмѣ Бетлема, за поведеніе, столь недостойное христіанина, и желая убѣдить его, что знаетъ навѣрное о всѣхъ его козняхъ, указалъ на источникъ, изъ котораго почерпнуто это извѣстіе. Бетлемъ не замедлилъ обвинить Граціани передъ султаномъ въ измѣнѣ и успѣлъ въ томъ, что Скиндеръ-пашѣ приказано было отнять господарство у Граціани и отдать таковое Радулѣ. Скиндеръ-паша собралъ значительныя турецкія силы и, сверхъ того, призвалъ на помощь татаръ, изъ чего легко было заключить, что дѣло идетъ не объ одномъ отнятіи господарства у Граціани.

Жолкевскій, обязанный оберегать неприкосновенность корон-

*) Бетлемъ Габоръ провозгласилъ себя воеводою Трансильваніи въ 1613 г., послѣ Гавріила Баторія; въ началѣ тридцатилѣтней войны онъ поддерживалъ Богемію противъ Австріи и угрожалъ даже Вѣнѣ. *Примѣч. перевод.*

ныхъ границъ, созвалъ кварцяные полки и окрестныхъ старостъ. Всѣ собранныя имъ вооруженныя силы составили едва 8,000 человѣкъ. Нѣкоторые совѣтывали ему отправить часть войска въ помощь Граціани подъ начальствомъ полеваго гетмана Конецпольскаго, а съ остальнымъ укрѣпиться въ лагерѣ подъ Хотимомъ. Но Жолкевскій, желая доказать свою неустрашимость тѣмъ, которые упрекали его за бушицкій миръ и за робость въ дѣлахъ съ татарами, рѣшился вторгнуться въ Молдавію. Къ тому же онъ получилъ письма отъ короля, приказывавшаго подать помощь Граціани и разрушить замыслы Скиндеръ-паши, который намѣренъ былъ послать татаръ въ Венгрію противъ императора. Переправясь черезъ Днѣстръ (2 сент. 1620), онъ расположился подъ Цецорою, въ тѣхъ самыхъ окопахъ, въ которыхъ, нѣкогда, такъ мужественно дрался Замойскій съ своими врагами. Здѣсь соединился съ нимъ Граціани, но вмѣсто обѣщаннаго 15,000, привелъ съ собой только 600 человѣкъ. О силахъ непріятеля, появившагося весьма скоро, не было положительныхъ свѣдѣній. Общая численность Скиндерова войска и татаръ доходила до 100,000. Не смотря на это, поляки защищались весьма храбро. Но когда, по наущенію, какъ кажется, Калиновскаго, Струся, Корецкаго и другихъ противниковъ Жолкевскаго, въ лагерѣ произошло замѣшательство и часть войска, дѣйствительно, покинула его, гетманъ вынужденъ былъ помышлять объ отступленіи. Устроивъ подвижной лагерь или таборъ, окруженный со всѣхъ сторонъ повозками, чѣмъ занялся Мартинъ Казановскій, Жолкевскій началъ отступленіе (29 сент.), сражаясь на каждомъ шагу съ многочисленнымъ непріятелемъ. Этотъ медленный и тяжелый походъ, во время котораго войско должно было не только сражаться безъ устали, но и терпѣть страшную нужду, совершался цѣлую недѣлю, съ замѣчательнымъ порядкомъ. Гетманъ подвигался къ Могилеву, гдѣ предполагалъ переправиться черезъ Днѣстръ. Но въ то время, когда таборъ, почти съ нечеловѣческими усиліями, достигнулъ Днѣстра, произошло, неожиданно, ночью, смятеніе, вызванное безъ сомнѣнія тѣми, которые, за происходившіе грабежи въ лагерѣ подъ Цецорою, опасались наказанія по возвращеніи въ

Польшу. Порядокъ былъ нарушенъ, и конюхи, захвативъ лошадей, разбѣжались. Воспользовавшись этою суматохою, татары произвели нападеніе на таборъ. Часть польскаго войска погибла, въ томъ числѣ и самъ гетманъ *). Конецпольскій, Корецкій, Струсь и многіе другіе попались въ плѣнъ. Послѣ совершеннаго уничтоженія войска, татары вторглись въ Подолію, откуда увели съ собою множество плѣнныхъ.

Вѣсть объ этомъ пораженіи облекла Польшу въ трауръ. Сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ (въ началѣ нояб.) понялъ всю опасность, угрожавшую отечеству. А потому, безъ малѣйшаго колебанія, далъ согласіе на подати, для найма 60 тысячнаго войска, главное командованіе которымъ поручилъ, за отсутствіемъ коронныхъ гетмановъ, Ходкевичу, придавъ ему въ помощь сеймовыхъ коммисаровъ. Кромѣ того король былъ уполномоченъ созвать, въ случаѣ надобности, всеобщее ополченіе, но окончательное рѣшеніе, по этому предмету, предоставлялось чрезвычайному сейму, который долженъ былъ дать и ближайшія инструкціи. Во время этого сейма произошелъ случай, неслыханный до того времени въ Польшѣ. Нѣкто Пекарскій, страдавшій разстройствомъ ума, а потому переданный, по приказанію короля, на попеченіе родственниковъ, 15 ноября, въ костелѣ св. Яна, въ ту минуту, когда Сигизмундъ вошелъ туда со всѣмъ дворомъ, бросился на него и ударилъ нѣсколько разъ кистенемъ. Раненый король упалъ на земь, а Пекарскаго королевичъ Владиславъ отдалъ тотчасъ же подъ стражу. Его подвергли пыткамъ, желая узнать сообщниковъ преступленія, но нелѣпые и безсвязные отвѣты несчастнаго, доказывали только, что онъ помѣшанъ. Хотя, Сигизмундъ желалъ помилованія Пекарскаго, но сеймовый судъ приговорилъ его къ ужасной смерти чрезъ разорваніе лошадьми.

Послѣ закрытія сейма король отправилъ пословъ едва ли не ко

---

*) Станиславъ Жолкевскій род. въ 1547 г., слѣдовательно во время цецорскаго отступленія ему было 73 года. Съ нимъ вмѣстѣ погибли два его сына. Татары отрубили голову гетмана и отослали ее въ Константинополь. Такъ кончилъ свою жизнь одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ героевъ Польши, какъ жертва неповиновенія и самоуправства поляковъ. *Примѣч. перевод.*

всѣмъ европейскимъ державамъ съ требованіемъ помощи, но повсюду встрѣтила его неудача. Домъ австрійскій, который собственно вовлекъ рѣчьпосполитую въ эту войну, не дозволилъ даже Сигизмунду нанимать пѣхоту въ Венгріи и Германіи. Военныя приготовленія подвигались весьма медленно и вмѣсто 60,000, собралось только 35,000 человѣкъ, съ которыми Ходкевичъ, (въ концѣ іюля 1621), занялъ укрѣпленный лагерь подъ Хотимомъ. Часть этого войска, именно нѣмецкую пѣхоту, привелъ только мѣсяцъ спустя королевичъ Владиславъ, а впослѣдствіи прибыло еще 3,000 козаковъ, подъ начальствомъ Кунашевича. Въ это же время явился султанъ, во главѣ 300,000 турокъ и 80,000 татаръ. Не смотря на такой громадный перевѣсъ въ силахъ, поляки оставались побѣдителями почти во всѣхъ стычкахъ и отражали весьма удачно всѣ нападенія на свой лагерь. Султанъ лишился почти третьей части своего войска. Даже смерть Ходкевича, скончавшагося въ хотимскомъ замкѣ (24 сент.) послѣ тяжкой болѣзни, не поколебала мужества поляковъ *). Начальство надъ войскомъ принялъ Станиславъ Любомирскій. Но положеніе его было рѣшительно отчаянное. Безпрерывныя стычки, голодъ, болѣзни и дезертерство весьма сократили силы поляковъ, а король, окончивъ только что варшавскій сеймъ въ августѣ, ожидалъ въ Львовѣ сбора всеобщаго ополченія. Затѣмъ извѣстіе, что турки, при содѣйствіи валахскаго воеводы Радулы, открыли мирные переговоры, было, какъ нельзя болѣе, кстати. Сеймовые коммисары отправились въ турецкій лагерь, и, послѣ многихъ затрудненій, заключенъ былъ (9 окт.) миръ. Рѣчьпосполитая обязалась усмирить козаковъ, а султанъ, съ своей стороны, обязался не допускать татаръ до вторженій въ польскія земли. Польша должна была имѣть постояннаго посланника въ Стамбулѣ; коммисарамъ обѣихъ сторонъ предоставлялось покончить споры на

*) Во время этого похода поляки едва не сдѣлались вторично жертвою своихъ несогласій. Нѣкоторые военачальники не хотѣли повиноваться Ходкевичу, такъ какъ онъ былъ только литовскимъ гетманомъ; тогда королевичъ Владиславъ, съ коронными гетманомъ Любомирскимъ, дали прекрасный примѣръ всему войску, предоставляя себя въ полное распоряженіе Ходкевича. За ними послѣдовало все войско. *Примѣч. перевод.*

счетъ границъ. Войско турецкое должно было первое возвратиться восвояси, а вслѣдъ затѣмъ и польское. При заключеніи этого мира, въ польскомъ лагерѣ оставалась только одна бочка пороху и въ продовольственныхъ припасахъ ощущался также совершенный недостатокъ. Король выразилъ, правда, неудовольствіе, что не обождавъ его прибытія заключили миръ, но тѣмъ не менѣе, долженъ былъ утвердить его. Сеймъ послалъ въ Стамбулъ (1622), въ качествѣ посланника, Христофора Збаравскаго, гдѣ между тѣмъ произошла важная перемѣна. Янычары умертвили Османа, и вмѣсто него провозгласили султаномъ Мустафу, у котораго Збаравскій исходатайствовалъ не только утвержденіе хотимскаго договора (1623), но, даже, смягченіе нѣкоторыхъ обременительныхъ условій.

Когда Турція угрожала Польшѣ всѣмъ своимъ могуществомъ, Густавъ-Адольфъ предпринялъ также войну въ Ливоніи. Срокъ заключеннаго недавно перемирія оканчивался съ весною 1621 г. Еще до истеченія этого срока, шведскія сословія предложили коронным сословіямъ заключеніе вѣчнаго мира. Густавъ-Адольфъ уступалъ Эстонію, если Сигизмундъ отречется отъ своихъ правъ на шведскую корону. Но польскій король, обольщаемый обманчивыми обѣщаніями австрійскаго дома, медлилъ отвѣтомъ. Густавъ-Адольфъ, не объявивъ, даже, войны, появился (въ авг.) во главѣ 24-тысячнаго войска, овладѣлъ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, Ригою, въ которой партія, противная Сигизмунду, одержала верхъ и занялъ Дюнамюнде. Литовскій польный гетманъ Христофоръ Радзивиллъ поспѣшилъ, правда, съ горстью шляхты и успѣлъ бы даже ввести ее въ Ригу, если бы городской совѣтъ заблаговременно увѣдомилъ его, что городъ не въ состояніи защищаться. Но послѣ взятія города онъ не рѣшался помѣряться съ превосходными силами Густава-Адольфа. Юный воинъ вторгнулся не медля въ Куронію (нынѣшняя Курляндія) и занялъ Митаву. Зима и болѣзни въ войскахъ принудили его возвратиться. Пополнивъ въ Швеціи ряды своего войскъ, онъ открылъ (въ іюнѣ 1623) снова войну, въ продолженіи которой переговоры не прекращались. Густавъ желалъ постояннаго мира, а Сигизмундъ между тѣмъ, согла-

шался только на временное перемиріе. Наконецъ, заключено перемиріе по 1 января 1624 г., перемиріе принесшее ту пользу, что дало возможность успокоить войско, составившее конфедерацію послѣ хотимскаго похода, а именно, ему розданы были въ жалованіе подати, опредѣленныя варшавскимъ сеймомъ (1622).

Пользуясь минутнымъ спокойствіемъ въ рѣчипосполитой, Сигизмундъ отправился (въ іюлѣ 1623) въ Данцигъ, со всѣмъ своимъ дворомъ. Графъ Альтгеймъ, готовившійся быть главнокомандующимъ во время похода въ Швецію, сопровождалъ его въ этомъ путешествіи. Какъ только Густавъ-Адольфъ получилъ извѣстіе о пребываніи короля въ Данцигѣ и о секретныхъ приготовленіяхъ къ походу, онъ, не медля, подплылъ къ этому городу съ 24 кораблями, съ намѣреніемъ узнать въ чемъ дѣло. Сверхъ ожиданія онъ засталъ все въ обычномъ порядкѣ, но за то тщетны были всѣ его усилія склонить Сигизмунда къ заключенію постояннаго мира, въ которомъ Густавъ былъ заинтересованъ въ особенности потому, что хотѣлъ подать помощь своимъ единовѣрцамъ въ Германіи противъ императора. Вскорѣ, послѣ возвращенія Сигизмунда изъ Данцига, татары опустошили галицкую Русь, а кварцяное войско было равнодушнымъ зрителемъ этого бѣдствія.

Снова накопилось не мало поводовъ къ неудовольствію противъ короля, вслѣдствіе чего обыкновенный варшавскій сеймъ (въ мартѣ 1624) имѣлъ весьма бурный характеръ. Земскіе послы указывали на то, что королева, вопреки коронпымъ уставамъ, пріобрѣла живецкія помѣстья, что король отдалъ 9-ти-лѣтнему сыну варминское епископство, что оказываніемъ помощи императору вовлекаетъ рѣчьпосполитую въ тяжкія войны, что чеканкою дурной монеты подвергаетъ жителей значительнымъ убыткамъ и т. д. Послы требовали, чтобы постановленіе о раздачѣ вакантныхъ мѣстъ было приведено въ исполненіе, тотчасъ же въ началѣ сейма, и объявили рѣшительно, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены эти общественныя затрудненія, они не примутъ участія ни въ какихъ совѣщаніяхъ. Король, имѣвшій своихъ сторонниковъ въ посольской палатѣ, противился довольно долго и роздалъ вакансіи, едва

предъ самымъ закрытіемъ сейма. Сеймъ не далъ согласія на назначеніе налога для веденія ливонской войны, такъ какъ даже многіе сенаторы были того мнѣнія, что лучше заключить миръ на выгодныхъ условіяхъ, предложенныхъ Густавомъ-Адольфомъ, нежели изъ-за обманчивой надежды пріобрѣтенія шведскаго престола вызывать тяжелую войну. Условія эти были дѣйствительно весьма выгодны, ибо Густавъ-Адолъфъ, готовъ былъ возвратить Ливонію, уступить Эстонію и обезпечить наслѣдство шведскаго престола за однимъ изъ сыновей Сигизмунда, въ случаѣ пресѣченія въ своемъ родѣ мужескаго потомства. Но король, будучи подъ вліяніемъ іезуитовъ и австрійскаго двора, желавшаго, во что бы то ни стало, вовлечь рѣчьпосполитую въ шведскую войну, чтобы занять Густава-Адольфа и отвлечь его отъ оказанія помощи единовѣрцамъ въ Германіи,— отвергалъ всѣ подобные совѣты и только за недостаткомъ денегъ, продлилъ перемиріе съ Швеціею (до марта 1625). Сеймъ отсрочилъ обсужденіе нѣкоторыхъ возбужденныхъ вопросовъ, объявилъ безчестными всѣхъ тѣхъ, которые, находясь въ иностранной службѣ, не возвратятся къ назначенному сроку, или которые поступили бы впослѣдствіи въ таковую службу. Постановленіе это было, главнымъ образомъ, направлено противъ служившихъ въ войскахъ Фердинанда II. Нерасположенный къ литовскому польному гетману Христофору Радзивиллу, король передалъ большую литовскую булаву, послѣ смерти Ходкевича, Льву Сапѣгѣ, который въ дѣлѣ военномъ, не имѣлъ достаточной опытности, что и было впослѣдствіи причиною неудачъ во вновь начатой шведской войнѣ.

Татары, ободренные прошлогоднимъ успѣхомъ, сдѣлали снова наѣздъ изъ Валахіи на польскія земли въ числѣ 30,000, подъ начальствомъ мурзы Кантемира. Расположивъ свой кошъ въ Медикѣ, они опустошили значительныя пространства. Конецпольскій, который послѣ своего возвращенія изъ турецкаго плѣна, только что принялъ начальство надъ кварцянымъ войскомъ, не могъ остановить грабежа, но за то успѣлъ съ 3,000 конницы и 700 человѣкъ пѣхоты отрѣзать путь отступающимъ татарамъ подъ Мартыновомъ, вблизи Галича. Пренебрегая горстью поляковъ, Кантемиръ завя-

залъ бой, но потерпѣвъ пораженіе, вынужденъ былъ отступить съ весьма чувствительными потерями.

Между тѣмъ, срокъ перемирія съ Швеціею приближался къ концу, а потому приходилось, или заключить постоянный миръ, или же начать войну съ превосходными силами, такъ какъ Густавъ-Адольфъ, не хотѣлъ согласиться на продолженіе перемирія. Король созвалъ (въ янв. 1625) сеймъ въ Варшаву. Но уже на сеймикахъ было воспрещено депутатамъ соглашаться на новыя подати. Не смотря на это Сигизмундъ не хотѣлъ приступать къ переговорамъ о постоянномъ мирѣ, хотя его сильно убѣждали не вовлекать рѣчипосполитой въ трудную войну изъ за обманчивой надежды на пріобрѣтеніе престола. Сеймъ согласился, правда, на налогъ, но въ такомъ незначительномъ размѣрѣ, что едва достало на удовлетвореніе войска жалованьемъ. Военныя силы, для защиты Ливоніи, оказались также недостаточными, когда Густавъ-Адольфъ, послѣ окончанія перемирія (въ апр.) началъ враждебныя дѣйствія. Хотя Левъ Сапѣга и отправилъ противъ него своего сына Станислава, литовскаго маршала, съ 3-хъ тысячнымъ отрядомъ, но отрядъ этотъ, настигнутый шведами подъ Вальмойзою, претерпѣлъ совершенное пораженіе. Густавъ-Адольфъ овладѣлъ безъ труда Кокенгаузеномъ, Дерптомъ и другими городами и затѣмъ, вторгнувшись въ Литву, занялъ замокъ Радзивилловъ — Биржу *). Литовцы, отдали ему взамѣнъ Биржи одинъ изъ ливонскихъ замковъ. За исключеніемъ Динабурга, Густавъ-Адольфъ владѣлъ всею Ливоніею. Видя, что Сигизмундъ все еще не соглашался на заключеніе мира, шведскій король рѣшился перенести войну въ Пруссію, чтобы принудить польскаго короля войти съ нимъ въ переговоры.

Прежде нежели вспыхнула эта война, изъ Стамбула раздались новыя жалобы на козаковъ. Не ограничиваясь, по прежнему, по-

---

*) Биржа — городъ на границѣ Курляндіи, нѣкогда лучшая литовская крѣпость. Биржанскій замокъ памятенъ пребываніемъ въ 1701 г. Петра Великаго и Августа II. Здѣсь подписанъ былъ оборонительно-наступательный союзъ противъ Карла XII, имѣвшій столь значительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Польши. *Прим. перевод.*

ходами на своихъ челнокахъ къ самому Стамбулу, они вторглись теперь въ Крымъ, чтобы свергнуть съ престола Махметъ Гирея и посадить на его мѣсто его брата. Конецпольскій, получивъ извѣстіе, что козаки, въ числѣ 30,000, расположились лагеремъ подъ Крыловымъ, двинулся (въ окт.) противъ нихъ съ кварцянымъ войскомъ и вспомогательными отрядами нѣкоторыхъ вельможъ. Онъ обратился сперва къ козакамъ съ требованіемъ положить оружіе, но козаки отвѣчали рѣзко, а потому и завязался бой. Претерпѣвъ пораженіе, козаки не хотѣли сражаться въ открытомъ полѣ, и заперлись въ укрѣпленномъ лагерѣ близь озера Куроково. Осажденные сопротивлялись съ замѣчательнымъ мужествомъ, но все таки, окончательно, имъ пришлось просить пощады. Въ Красноставѣ козаки возобновили присягу на вѣрность рѣчипосполитой и обѣщали не дѣлать впредь нападеній на турецкія земли.

Покореніе остальной Ливоніи и опасность, угрожавшая Пруссіи, побудили сеймъ (въ янв. 1626) къ значительной уступчивости. Рѣшено было для военныхъ цѣлей объявить новыя подати, хотя въ то же время сеймъ умолялъ короля не разсчитывать на австрійскія обѣщанія и совѣты, а признать Густава-Адольфа пожизненнымъ шведскимъ королемъ, а взамѣнъ этого, получить Ливонію и Эстонію. Одновременно снаряжено посольство въ герцогство прусское, съ цѣлію припомнить прусскому герцогу его ленныя обязанности и убѣдиться, достаточно ли охраняется пиллаускій портъ. Всѣ эти усилія оказались безуспѣшными. Прусскій герцогъ завязалъ тайныя сношенія съ Густавомъ-Адольфомъ, бывшимъ съ нимъ въ родствѣ, а въ такъ называемой королевской части Пруссіи огромное большинство притѣсняемыхъ Сигизмундомъ иновѣрцевъ, съ нетерпѣніемъ ожидало появленія шведовъ *). Неудивительно

---

*) Здѣсь считаемъ не лишнимъ объяснить названія, употребляемыя часто авторомъ *«герцогство прусское, королевская часть Пруссіи»*. Пруссіею называлась издревле страна, обитаемая прежними пруссами, латышами или литовцами. Страна эта на западѣ упиралась въ правый берегъ Вислы, на сѣверъ въ Балтійское море, на востокѣ достигала лѣваго берега Нѣмана, а къ югу граничила съ Мазовіею. Пройдя чрезъ разныя историческія судьбы, сдѣлавшись въ средніе вѣка, театромъ крестовыхъ войнъ, Пруссія обратилась въ 1454 году

затѣмъ, что Густавъ-Адольфъ, подойдя (въ іюлѣ) въ главѣ значительнаго флота къ Пиллау, не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія. Произведена была, правда, по его кораблямъ пальба холостыми зарядами, но вслѣдъ затѣмъ сданъ былъ ему самый портъ. Оставивъ въ немъ свой гарнизонъ, Густавъ-Адольфъ вторгнулся въ Вармію, гдѣ почти безъ всякаго сопротивленія занялъ Брунсбергъ, Пехову и другіе города. Затѣмъ онъ овладѣлъ Эльбингомъ, Мальборгомъ, Тчевомъ, Гнѣвомъ и другими городами, прежде нежели король получилъ извѣстіе о его вторженіи въ Пруссію. Немедленно были вызваны кварцяные полки, стоявшіе въ Украинѣ, но на ихъ передвиженіе понадобилось довольно продолжительное время. Сигизмундъ поспѣшилъ выступить въ Пруссію съ надворнымъ войскомъ и дружинами нѣкоторыхъ магнатовъ. Подойдя къ Торну (въ концѣ авг.), Сигизмундъ произвелъ смотръ войску, состоявшему изъ 8,000 конницы и 3,000 пѣхоты, послѣ чего двинулся къ Пельплину. Здѣсь произошла встрѣча съ Густавомъ-Адольфомъ, которая могла, для послѣдняго, разрѣшиться совершеннымъ пораженіемъ, если бы придворный маршалъ не отдалъ заблаговременно приказъ войску прекратить битву. Густавъ-Адольфъ, занявъ сильную позицію подъ Мальборгомъ, избѣгалъ всякой встрѣчи съ польскими войсками. Наконецъ подошли (въ окт.) и кварцяные полки, подъ начальствомъ Конецпольскаго, который, окруживъ Тчево, въ теченіи цѣлой зимы, держалъ въ страхѣ шведовъ и, кромѣ того, отнялъ нѣкоторые ихъ замки въ Варміи.

Король созвалъ (въ нояб.) чрезвычайный сеймъ въ Торнѣ. На этомъ сеймѣ было рѣшено собрать значительныя подати на веденіе войны, а также приняты строгія мѣры, чтобы въ продолженіе

къ Казиміру Ягеллону съ просьбою о покровительствѣ. Послѣ 13-ти лѣтней войны, во время которой поляки опустошили часть Пруссіи, оставшуюся вѣрною ордену, былъ заключенъ въ Торунѣ въ 1466 году, миръ, по которому Польшѣ досталась часть прусской земли. Часть эта, подъ названіемъ *королевской Пруссіи*, была присоединена къ коронной Польшѣ. Королевская Пруссія, раздѣленная на три воеводства—хелмское, мальборгское, поморское и на княжество варминское, получила свои права, привиллегіи, сословія, съѣзды и суды.

Прим. перевод.

войны, не были доставляемы въ Кенигсбергъ изъ Лины ни хлѣбъ, ни какіе либо другіе припасы.

Татары, пользуясь отсутствіемъ Конецпольскаго, вторглись, въ числѣ 30,000 (въ сент.), въ Подолію и, расположившись кошемъ вблизи Бѣлой Церкви, залили край своими ордами. Намѣстникъ Конецпольскаго — Стефанъ Хмѣлецкій, собралъ наскоро 3,000 человѣкъ польской конницы и 600 запорожцевъ, бросился на непріятеля и послѣ кровопролитнаго боя, уничтожилъ ихъ кошъ и послѣдовательно одержалъ побѣду надъ возвращавшимися ордами. Едва $1/6$ часть татаръ вернулась въ свои степи — остальные погибли, или попали въ плѣнъ. И въ Пруссіи перевѣсъ былъ также на сторонѣ поляковъ. Конецпольскій захватилъ у шведовъ Пуцкъ и весною 1627 г. взялъ въ плѣнъ 8,000 нѣмцевъ, завербованныхъ въ шведскую службу и шедшихъ въ Пруссію чрезъ померскую землю. Къ тому же времени (въ маѣ) прибылъ Густавъ-Адольфъ съ новыми войсками изъ Швеціи. Незначительныя стычки, во время которыхъ шведскій король неоднократно подвергался большой опасности, имѣли единственно въ результатѣ продленіе военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ обѣ стороны избѣгали рѣшительнаго боя. Депутаты голландскихъ сословій предложили свое посредничество въ переговорахъ. Самъ даже Сигизмундъ не былъ прочь отъ переговоровъ и дѣла приняли почти такой оборотъ, что слѣдовало ожидать заключенія мира на 30 лѣтъ. По этому миру предполагалось, что Густавъ-Адольфъ возвратитъ всѣ захваченныя земли, за исключеніемъ Риги, которая должна была остаться въ его рукахъ до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится окончательно вопросъ о шведскомъ престолонаслѣдіи. Но австрійскій дворъ, прибѣгнулъ снова къ своимъ обыкновеннымъ проискамъ, чтобы повредить дѣлу. Послы испанскаго короля, прибывшіе къ несчастью передъ заключеніемъ мира, отвлекли Сигизмунда отъ дальнѣйшихъ переговоровъ обѣщаніемъ, что ихъ государь, вооружитъ на собственный счетъ 20 кораблей, что на эти корабли императорскій главнокомандующій посадитъ 12,000 войска и откроетъ военныя дѣйствія въ самой Швеціи, съ цѣлію завоевать ее для ко-

роля. Тщетны были увѣщанія голландскихъ пословъ и иныхъ польскихъ сенаторовъ. Австрійскій дворъ и іезуиты успѣли затронуть слабую струну Сигизмунда и тѣмъ самымъ вызвали прекращеніе переговоровъ. Испанскія обѣщанія, остались обѣщаніями, и сеймъ обратился къ королю съ справедливыми упреками, что угождая австрійскому двору, онъ не оканчиваетъ войны съ Швеціею, чрезъ что подвергаетъ рѣчьпосполитую безпрестаннымъ убыткамъ и даже бѣдствіямъ.

Если вѣроломство прусскаго герцога облегчило Густаву-Адольфу перенесеніе войны въ Пруссію, то и поляки, съ своей стороны, обнаружили весьма мало энергіи, не изгнавъ непріятеля изъ коронныхъ земель, тотчасъ же послѣ прерванія переговоровъ. Пруссія страдала и отъ своихъ, и отъ шведовъ. Захватъ замковъ, болѣе или менѣе значительныя стычки, или внезапныя вылазки, не приводили ни къ чему. Перевѣсъ былъ, по очередно, то на одной, то на другой сторонѣ. Въ выигрышѣ оставался все таки Густавъ-Адольфъ, ибо содержалъ около 30,000 войска на счетъ польской части Пруссіи, между тѣмъ какъ рѣчьпосполитая должна была содержать на собственный счетъ свои многочисленныя войска. Когда шведы заняли (1628) Бродницу и вслѣдъ затѣмъ нанесли полякамъ пораженіе подъ Горжномъ (19 февр. 1629), сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ, не только далъ согласіе на сборъ огромныхъ податей, но уполномочилъ даже короля вызвать вспомогательный австрійскій отрядъ. Вслѣдствіе настойчивыхъ требованій Сигизмунда, императорскій главнокомандующій Валленштейнъ отправилъ, наконецъ, въ Пруссію Арнгейма съ 7,000-мъ войскомъ. По прибытіи этого отряда Конецпольскій одержалъ побѣду подъ Тржціаною надъ Густавомъ-Адольфомъ, который едва самъ, два раза, не попался въ плѣнъ. Шведы потерпѣли значительную убыль въ людяхъ и сверхъ того лишились 15 знаменъ и 10 кожаныхъ орудій. Поляки немного воспользовались австрійской помощью, такъ какъ Арнгеймъ не только уклонялся отъ содѣйствія союзникамъ, но даже передавалъ непріятелю самые потаенные планы. Сигизмундъ потребовалъ отозванія Арнгейма, и, собравъ свѣжее войско, появился

снова въ Пруссіи. Замѣнившіе Арнгейма — герцогъ люнебургскій Генрихъ и Филиппъ Мансфельдъ также не отличались особенными воинскими способностями. Война велась по прежнему, весьма вяло, и австрійское войско приносило полякамъ, гораздо болѣе вреда, нежели пользы.

При содѣйствіи Франціи и Англіи, желавшихъ, во что бы то ни стало, вторженія Густава-Адольфа въ Германію, возобновились переговоры. Послѣ многихъ усилій было заключено, наконецъ, 6-ти лѣтнее перемиріе (до іюня 1635 года), по которому Густавъ-Адольфъ возвратилъ всѣ захваченные пункты въ Пруссіи, за исключеніемъ Эльбинга, Пиллау и Мальборга. Первые два города онъ оставилъ за собою, а послѣдній, въ видѣ залога, предоставилъ прусскому герцогу. Ливонія осталась также на время перемирія въ рукахъ шведовъ и по заключеніи постояннаго мира, должна была, вмѣстѣ съ Эльбингомъ и Мальборгомъ, возвратиться къ Польшѣ. По настойчивымъ требованіямъ сословій, перемиріе это было подтверждено королемъ на варшавскомъ сеймѣ (въ нояб. 1629). Въ довершеніе этихъ потерь, надъ Польшею разразились другія бѣдствія. Сперва — моровая язва, истребившая множество деревень и мѣстечекъ, а затѣмъ — необходимость уплатить войску недоимку по жалованью. Желая предупредить возможность военной конфедераціи, Конецпольскій, послѣ заключенія перемирія, намѣренно отвелъ квартиры своимъ полкамъ, въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Часть войска отправлена имъ въ окрестности Кіева, гдѣ начались волненія между козаками, вслѣдствіе распространенія ложныхъ извѣстій, будто бы все войско прибудетъ изъ Пруссіи въ Украину, съ цѣлію уничтожить православіе и козацкія вольности *). Всегда склонные къ волненіямъ, козаки, начали собираться (1630), бросились на поляковъ, часть ихъ умертвили, а остальныхъ принудили спасаться бѣгствомъ. Конецпольскій, не медля, двинулся въ Украину со всѣмъ кварцянымъ войскомъ и бросился подъ Переяславлемъ на

---

*) Слухи эти распущены были, какъ говорятъ, Петромъ Могилою, архимандритомъ кіево-печерскимъ (Соловьевъ, Т. X, стр. 105). *Примѣч. перевод.*

укрѣпленный лагерь козаковъ, избравшихъ своимъ предводителемъ Тараса. Кровопролитными стычками козаки были доведены до необходимости, выдать зачинщиковъ мятежа, присягнуть покорность и принять гетмана, назначеннаго Конецпольскимъ *). Едва онъ усмирилъ козаковъ, — сосредоточенное для этой цѣли войско успѣло составить конфедерацію, столицею которой должны были быть Глиняны. Во избѣжаніе несчастныхъ послѣдствій конфедераціи, Конецпольскій вошелъ въ соглашеніе съ начальниками и взявъ деньги отъ королевы, нѣкоторыхъ магнатовъ, а также изъ казны, поспѣшилъ успокоить войско уплатою недоимки.

Къ тому же времени австрійцы потребовали 500,000 злотыхъ вознагражденія за оказанную помощь. Дѣло это было отложено до сейма, который, по поводу моровой язвы, собрался только въ концѣ января 1631 г. Убѣдившись наконецъ, что слѣдуетъ жить въ согласіи съ народомъ, король сдѣлался болѣе доступнымъ и внимательнымъ къ справедливымъ требованіямъ сословій. Вслѣдствіе этого, былъ опредѣленъ законъ свободнаго выбора королей, а также рѣшено, что по примѣру того, какъ шляхетскія имѣнія вправѣ пріобрѣтать только шляхта, такъ точно должности и званія свѣтскія и духовныя, могутъ быть предоставляемы лишь лицамъ земскаго сословія. Разрѣшеніе споровъ, возникающихъ между свѣтскими и духовными лицами, было поручено коммисіи, составленной изъ членовъ отъ обоихъ сословій, а также вновь установлено соглашеніе между разновѣрцами. На покрытіе же расходовъ казны, сеймъ установилъ подымную подать, изъ которой и было уплачено австрійцамъ 500,000 злот.

Король, удрученный частыми болѣзнями, лишился въ это время (10 іюля) жены, съ которою прожилъ 26 лѣтъ. Тяжкая печаль, вызванная этою потерею, сдѣлала его менѣе склоннымъ заниматься общественными дѣлами. Единственно любовь къ дѣтямъ, будущность которыхъ онъ хотѣлъ обезпечить, побудила его созвать сеймъ (въ мартѣ 1632). Здѣсь были розданы дѣтямъ староства, быв-

---

*) Капевца Тимоху Арандаренка. *Примѣч. перевод.*

шія приданымъ покойной королевы, а королевичъ Янъ-Альбертъ, владѣвшій уже варминскимъ епископствомъ, получилъ еще краковское епископство. Взамѣнъ этого, король передалъ рѣчипосполитой монетный дворъ. Ему хотѣлось, собственно, убѣдить сословія, назначить наслѣдника престола, но онъ отказался отъ этого намѣренія, убѣдившись съ самаго начала, что сеймъ ни за что не дастъ своего согласія. Вскорѣ по закрытіи сейма, Сигизмундъ заболѣлъ весьма серьезно и, 10 дней спустя (30 апр. 1632), скончался на 66 году жизни. Въ его 45-ти лѣтнее царствованіе рѣчьпосполитая испытала чувствительныя потери, ибо, подчиняясь враждебному вліянію иностранцевъ, онъ имѣлъ безпрерывныя столкновенія съ народомъ, а потому не могъ и не умѣлъ воспользоваться не разъ представлявшимся случаемъ возвеличенія могущества своего государства. Ханжи могутъ быть ему благодарны за уменьшеніе числа иновѣрцевъ, но добросовѣстный изслѣдователь прошедшаго Польши, не можетъ не видѣть, что въ царствованіе Сигизмунда, былъ нанесенъ сильный ударъ дѣйствительному могуществу народа, самимъ королемъ и возлюбленными его іезуитами. Страстный сторонникъ католицизма и династическихъ интересовъ, Сигизмундъ помѣшалъ исправленію учрежденій рѣчипосполитой и тѣмъ устранилъ ее съ пути истиннаго прогресса, по которому она рѣшилась слѣдовать *).

Едва умеръ король, прибылъ въ Варшаву примасъ Янъ Вен-

*) Къ оцѣнкѣ правленія Сигизмунда III, сдѣланной г. Шмиттомъ, мы прибавимъ еще слѣдующее. Сигизмундъ не понравился полякамъ съ самаго пріѣзда его въ Польшу. Отличаясь скрытностію характера, холодный, гордый, молчаливый, онъ рѣдко отвѣчалъ, даже если съ нимъ говорили первые сановники рѣчипосполитой. Какъ каждый посредственный человѣкъ, онъ окружалъ себя посредственностями, иногда даже недостойными льстецами. Недоступный для заслуженныхъ людей, Сигизмундъ проводилъ время съ алхимикомъ Вольскимъ, нѣсколькими нѣмцами іезуитами и референдаріемъ Тарновскимъ. Пока жила еще тетка его, королева Анна, при дворѣ замѣтны были слѣды обычаевъ Ягелловъ—съ ея смертью все онѣмечилось. Сигизмундъ наказывалъ даже королевича Владислава за то, что онъ предпочиталъ польскій контушъ нѣмецкому фраку. Неудивительно что всѣ эти недостатки, неспособность къ правленію, слѣпая привязанность къ Австріи и іезуитамъ, вооружили противъ него даже поляковъ. *Примѣч. перевод.*

жикъ и посовѣтовавшись съ бывшими на лицо сенаторами, объявилъ междуцарствіе, а конвакаціонный сеймъ созвалъ на день 27 іюня *). Сверхъ всякаго ожиданія междуцарствіе это отличалось гораздо большимъ спокойствіемъ, нежели всѣ бывшія до того времени. Всѣ сеймики прошли благополучно. Даже сеймъ, маршаломъ котораго былъ литовскій польный гетманъ Христофоръ Радзивиллъ, принялъ соотвѣтственныя мѣры, для защиты границъ и поддержанія внутренняго порядка. Впервые потребовало кварцяное войско, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, участія въ будущемъ выборѣ короля. Сословія отвѣтили, что наемный солдатъ, получаючающій жалованіе за защиту границъ рѣчипосполитой, долженъ исполнять принятыя на себя обязанности, а отнюдь не вмѣшиваться во внутреннія дѣла. Козаки, въ свою очередь, потребовали, чтобы сеймъ предварительно обезпечилъ ихъ православную церковь, а также предоставилъ и имъ право голоса при выборѣ короля. По первому пункту имъ было обѣщано, что рѣчьпосполитая поручитъ будущему королю равную опеку надъ всѣми христіанскими исповѣданіями. Относительно же втораго — козакамъ объявлено, что избирательныя и всякія правительственныя дѣла рѣчипосполитой подлежатъ исключительному вѣдѣнію сената и земскому сословію и что, затѣмъ, козаки не могутъ принимать участія въ ихъ обсужденіи **). Отвѣтъ весьма справедливый, ибо нельзя было пре-

---

*) Примасъ королевства считался первымъ лицемъ въ государствѣ послѣ короля и на его прямой обязанности лежало объявленіе междуцарствія и сзываніе конвокаціоннаго сейма. На этомъ сеймѣ примасъ занималъ мѣсто короля. Суды дѣйствовали, обыкновенно, отъ имени короля, а потому во время междуцарствія судопроизводство останавливалось, и вмѣсто обыкновенныхъ судовъ учреждались временно, такъ называемые, *каптуровые* суды. Суды эти по случаю ненормальнаго положенія страны, отличались большею строгостію, почему и соотвѣтствуютъ, по нынѣшнимъ понятіямъ, полевому военному суду.

Примѣч. перевод.

**) Сенатъ отвѣчалъ козакамъ, что они дѣйствительно составляютъ часть рѣчипосполитой, но такую, какъ волосы или ногти въ тѣлѣ человѣческомъ. Когда волосы или ногти слишкомъ выростутъ, то ихъ стригутъ. Такъ и козаки. Пока ихъ немного, могутъ служить защитою рѣчипосполитой, но когда размножатся, то возникаетъ опасность, чтобы русскіе крестьяне не возстали противъ польскихъ помѣщиковъ. *Примѣч. перевод.*

доставлять столь важныя права козачьимъ толпамъ, составленнымъ, большею частію, изъ бродягъ, которые, опасаясь въ собственномъ отечествѣ кары за какія либо преступленія, стекались съ разныхъ сторонъ на Запорожье, гдѣ разбои и грабежи составляли ихъ любимое занятіе. Болѣе важные вопросы были затропути въ самомъ сеймѣ. Значительная часть пословъ требовала, чтобы не только была гарантирована свобода совѣсти, но чтобы въ теченіи междуцарствія, были доведены до конца пріостановленныя преобразованія въ рѣчипосполитой. Послѣ продолжительныхъ преній, былъ возобновленъ уставъ варшавской конфедераціи (1573) на счетъ поддержанія мира между разновѣрцами, а специальная коммисія должна была заняться обсужденіемъ средствъ къ успѣшной реформѣ коренныхъ учрежденій рѣчипосполитой. Кромѣ того было постановлено, что къ примасу, на время управленія страною по случаю междуцарствія, сеймъ командируетъ 20 коммисаровъ отъ сената и войска, что коронный и литовскій маршалы, обязанные имѣть надзоръ во время элекціи, за общественнымъ спокойствіемъ, должны совершить особую присягу въ томъ, что, чуждые всякаго пристрастія, будутъ судить всѣхъ безъ изъятія и различія состояній, придерживаясь строго законовъ. Въ заключеніе назначенъ подъ Варшавою, между Волею и Повонзками, избирательный съѣздъ на день 27 сентября.

Такъ какъ Сигизмундъ оставилъ 5-ть сыновей, именно—Владислава, Яна Казиміра, краковскаго епископа Яна-Альберта, бреславскаго епископа Карла и Александра, то и не явилось ни одного иностраннаго претендента на престолъ. Общественное мнѣніе указало на старшаго сына—королевича Владислава, который, послѣ смерти отца, принялъ титулъ шведскаго короля. Хотя не было партій, которыя поддерживали бы разныхъ кандидатовъ, за то завязалась ожесточенная борьба иновѣрцевъ съ католиками. Поводъ къ тому подали сами епископы, ибо, подписывая во время конвокаціи уставъ, касательно сохраненія мира между разновѣрцами, сдѣлали оговорку, что это не должно быть малѣйшимъ посягательствомъ на права римско-католической церкви. Луцкій епископъ пошелъ далѣе. Онъ представилъ въ

городовой судъ протестъ противъ этого устава. Взаимное раздраженіе достигло крайнихъ предѣловъ и свѣтскіе католики угрожали даже прибѣгнуть къ оружію. Епископы, бывшіе первымъ поводомъ къ этому волненію, теперь употребляли всѣ усилія къ возстановленію согласія. При содѣйствіи Владислава утверждено рѣшеніе конвакаціоннаго сейма, а протестъ луцкаго епископа приказано исключить изъ городскихъ книгъ. При этомъ обѣщано дисуніатамъ, что церкви ихъ не будутъ болѣе занимаемы въ пользу уніатовъ. Все это поглотило такъ много времени, что нѣкогда было приступить къ обсужденію остальныхъ дѣлъ. Пересмотръ коренныхъ учрежденій рѣчипосполитой отложенъ, а пришлось заняться составленіемъ пунктовъ, на которые долженъ былъ присягнуть будущій король. Наконецъ (13 нояб.) начались выборы. Всѣ голоса оказались въ пользу Владислава, котораго поддерживали также папа и императоръ. Въ числѣ условій, на которыхъ вручено ему было правленіе, упоминалось, что онъ долженъ основать военную школу, не нарушать мира съ сосѣдями, склонить братьевъ своихъ принести присягу на вѣрность рѣчипосполитой, такъ какъ они были ея гражданами и т. п. Коронація была назначена 30 янв. 1633 г. Причиною такой поспѣшности было полученіе оффиціальнаго извѣщенія, что царь московскій, желая воспользоваться междуцарствіемъ, открылъ уже непріязненныя дѣйствія, и взявъ Дорогобужъ, осадилъ Смоленскъ.

По случаю болѣзни Владислава, коронація совершилась едва 6 февраля. И теперь дѣло не обошлось безъ жаркихъ преній о правахъ иновѣрцевъ. Король усмирилъ бурю увѣреніемъ, что будетъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никому не была учинена какая либо несправедливость. Вслѣдъ затѣмъ приступлено къ обсужденію средствъ для веденія войны съ Россіею, и установлена новая подать въ такомъ размѣрѣ, чтобы она была достаточна на годовое содержаніе 23,000 войска. Споръ академіи съ іезуитами, желавшими основать особую школу въ Краковѣ и получившими даже на то привиллегію изъ Рима, Владиславъ разрѣшилъ такимъ образомъ, что подтвердилъ въ цѣлости прежнія привиллегіи академіи,

а тѣмъ самымъ устранилъ іезуитовъ отъ права открыть новую школу. Но за то онъ позволилъ себѣ употребить во зло свою власть, освободивъ за 90,000 злот., прусскаго герцога Юрія-Вильгельма отъ личной ленной присяги, и согласился, чтобы эту формальность, отъ имени своего государя, исполнилъ на единѣ, въ одной изъ залъ замка, посланникъ Юрія.

Военныя приготовленія начались тотчасъ же по закрытіи сейма. Прибывъ въ Вильно (въ маѣ), король приказалъ войску собираться въ Оршѣ, а литовскаго гетмана Радзивилла отправилъ съ авангардомъ къ Смоленску. Съ главными силами Владиславъ двинулся въ сентябрѣ и хотя московцы, осаждавшіе Смоленскъ, превосходили числительностью его войско почти втрое, однакожъ были оттѣснены отъ Смоленска. Запершись затѣмъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, они были вынуждены (въ началѣ марта 1634) сдаться побѣдителямъ. Владиславъ устремился во внутрь Россіи и занявъ Дорогобужъ, Вязьму и другіе города, перемѣнилъ направленіе, и вмѣсто того, чтобы идти на Москву, осадилъ Бѣлу. Въ то же время отдѣльные отряды опустошали огнемъ и мечемъ значительную часть края. Царь Михаилъ, разсчитывавшій на одновременное объявленіе войны Польшѣ со стороны Турціи, не хотѣлъ входить въ переговоры. Но претерпѣнныя бѣдствія и ужасное опустошеніе государства, поколебали его сопротивленіе. Волею неволею онъ вынужденъ былъ просить о мирѣ, который и былъ заключенъ (27 мая) въ деревнѣ Поляновѣ. Царь уступилъ земли — смоленскую, черниговскую и и сѣверскую, отрекся отъ всякихъ правъ на Эстонію и Ливонію и обѣщалъ уплатить королю 200,000 рубл. Владиславъ, въ свою очередь, долженъ былъ отказаться отъ титула царя и при ратификаціи мира, возвратить дипломъ избранія на царство. Когда дѣло дошло до исполненія этого условія, оказалось, что дипломъ гдѣ то затерялся и король вмѣстѣ съ сенатомъ, долженъ былъ дать торжественное увѣреніе, что сказанный дипломъ дѣйствительно затерянъ.

Въ то время когда Владиславъ велъ войну въ Россіи, турки, по внушеніямъ царя, открыли непріязненныя дѣйствія. Великій ви-

зирь Абасси, отправилъ прежде всего татаръ, которыхъ Конецпольскій и осадилъ при первой встрѣчѣ и преслѣдовалъ вплоть до самой границы Молдавіи. Тогда визирь явился самъ съ 55,000 войскомъ. Конецпольскій расположился съ 10,000 отрядомъ въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Каменцемъ. Турки, нѣсколько разъ, бросались на польскіе окопы, но, оттѣсняемые всякій разъ, вынуждены были (въ концѣ окт. 1633) возвратиться за Днѣстръ. Конецпольскій, не желая еще болѣе раздражать султана, отказался отъ преслѣдованія. Не смотря на это султанъ объявилъ войну рѣчипосполитой, и военныя приготовленія приняли громадные размѣры, когда польскій посолъ Тржебинскій объявилъ, что Польша не будетъ платить дани. Между тѣмъ Владиславъ возвратился изъ московской войны на сеймъ въ Варшаву (въ іюлѣ 1634). Сословія утвердили налоги, и полки, бывшіе съ королемъ въ Россіи, начали сосредоточиваться въ лагерѣ Конецпольскаго. Вѣсть о мирѣ, заключенномъ между Польшею и Москвою, охладила воинскій пылъ султана. Его посланникъ началъ въ Варшавѣ поговаривать о мирѣ. Абасси, виновникъ войны, попалъ въ немилость и заплатилъ жизнію за нарушеніе мира съ Польшею. Его преемникъ заключилъ миръ, по которому султанъ обязался держать въ повиновеніи татаръ, а рѣчьпосполитая, съ своей стороны, должна была препятствовать козакамъ дѣлать набѣги на турецкія владѣнія.

Такое обезпеченіе Польши, со стороны турокъ, было тѣмъ болѣе необходимо, что срокъ перемирія съ Швеціею приближался къ концу. Густавъ-Адольфъ погибъ, правда, въ сраженіи подъ Люценомъ (1632), оставивъ единственную дочь малолѣтнюю Кристину, но управлявшій шведскими дѣлами канцлеръ Оксенштіернъ былъ человѣкъ непреклонный, а потому слѣдовало опасаться возобновленія войны. Австрійскій дворъ, желая также вовлечь Польшу въ войну съ Швеціею, а тѣмъ самымъ отвлечь шведскія силы, употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы препятствовать переговорамъ. Помимо сейма Владиславъ ничего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, а потому сеймъ собрался въ февралѣ 1635 г. Прежде нежели было приступлено къ обсужденію какихъ бы то ни было об-

щественныхъ дѣлъ, посольская палата утвердила уставъ, воспрещающій духовенству, въ особенности монашествующему, дальнѣйшее пріобрѣтеніе имѣній. Этотъ уставъ былъ, главнымъ образомъ, направленъ противъ іезуитовъ, которые пріобрѣли множество свѣтскихъ имѣній, частію покупкою, частію путемъ записей. Сверхъ того послѣдовали слѣдующія постановленія. Десятины сноповыя замѣнены денежнымъ взносомъ—запрещено отправляться въ Римъ въ дѣлахъ духовенства съ свѣтскими лицами — на случай войны назначены новые налоги. Въ сенатѣ, поводомъ къ весьма оживленнымъ преніямъ послужилъ вопросъ о бракѣ короля. Владиславъ хотѣлъ жениться на дочери рейнскаго воеводы, исповѣдывавшей протестантскую вѣру. Всѣ духовные сенаторы, за исключеніемъ каменецкаго епископа Пясецкаго, были противъ этого и, даже, между свѣтскими сенаторами было не мало усердныхъ католиковъ, не совѣтовавшихъ Владиславу вступать въ подобный бракъ. Въ заключеніе всѣ согласились, чтобы Владиславъ предварительно убѣдился—захочетъ ли его будущая невѣста перейти на лоно католической церкви.

По закрытіи сейма король велѣлъ войску собраться въ Пруссіи, гдѣ Конецпольскій расположился лагеремъ подъ Квидзыномъ *). Самъ Владиславъ отправился (въ іюлѣ) въ Торнъ. Шведы также сосредоточили значительныя военныя силы. Австрійскій посланникъ употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить короля вести войну, но французскіе, англійскіе и голландскіе послы вызвали сперва продленіе перемирія на нѣсколько недѣль, а затѣмъ и самые переговоры о мирѣ, такъ какъ и польскіе сенаторы были противъ войны. Шведскіе уполномоченные хотѣли заключить вѣчный миръ и возвратить всѣ захваченныя земли, если Владиславъ, вмѣстѣ съ братьями, отречется отъ правъ на шведскій престолъ, въ чемъ онъ, впрочемъ, секретно обязался передъ сословіями рѣчипосполитой. Но король, подъ вліяніемъ австрійскаго двора, не хотѣлъ сдѣлать этого шага. Послѣ долгихъ споровъ, заключено, наконецъ,

---

*) Нынѣшній Маріенвердеръ. *Прим. перевод.*

26-ти лѣтнее перемиріе въ Штумсдорфѣ. Швеція отдала все, чѣмъ она владѣла въ Пруссіи. Въ Ливоніи обѣ стороны удержали то, чѣмъ владѣли во время веденія переговоровъ. Владиславъ далъ слово, что въ продолженіе всего перемирія, не предприметъ ничего враждебнаго въ отношеніи къ Швеціи, а самыя условія должны были быть подтверждены сеймами обоихъ государствъ. Владиславъ созвалъ (24 нояб.) въ Варшавѣ чрезвычайный двухнедѣльный сеймъ, на которомъ штумсдорфское перемиріе получило утвержденіе, а также установлены значительные налоги для удовлетворенія войска. Кромѣ того король возобновилъ дѣло о своемъ бракѣ. Когда сословія объявили себя рѣшительно противъ дочери рейнскаго воеводы, король поднялъ вопросъ о бракѣ съ соотечественницею, но сословія воспротивились и этому. За то весьма многіе помышляли о королевѣ изъ австрійскаго дома, что опять таки, не соотвѣтствовало желаніямъ короля. Но ловкій австрійскій посолъ успѣлъ такъ повести дѣла, что Владиславъ вошелъ въ тайные переговоры, на счетъ руки дочери императора Фердинанда II—Цециліи-Ренаты. Когда все было улажено (въ концѣ 1636) и императоръ согласился на всѣ условія, король созвалъ (въ мартѣ 1637) сеймъ въ Варшаву. Въ универсалахъ, возвѣщавшихъ о сеймахъ, не было и помину о предположенномъ бракѣ съ австрійскою княжною. Король объявилъ о своемъ намѣреніи жениться на Цециліи-Ренатѣ лишь тогда, когда посолъ, отправленный въ Германію, донесъ сословіямъ, что рейнская воеводзянка рѣшительно отказывается принять католическую вѣру. Но и это новое родство съ австрійскимъ домомъ казалось сословіямъ весьма зловѣщимъ, а потому заявленіе короля встрѣтило сильную оппозицію. Однакожъ, на этотъ разъ, нельзя было помѣшать осуществленію желанія короля. По закрытіи сейма, блестящее посольство, въ средѣ котораго находился и братъ короля Янъ-Казиміръ, отправилось въ Вѣну, гдѣ только что, послѣ смерти Фердинанда II, вступилъ на престолъ сынъ его Фердинандъ III. Новый императоръ не хотѣлъ выполнить обязательствъ, принятыхъ на себя отцемъ. Пришлось начать переговоры снова, такъ что дѣло о бракѣ затянулось до осени. Новая королева при-

была въ сентябрѣ въ Варшаву, гдѣ совершился обрядъ вѣнчанія и коронаціи, что вызвало всеобщій ропотъ, такъ какъ, по искон-тому обычаю, коронаціи должны были совершаться въ Краковѣ.

Между тѣмъ произошли столкновенія съ козаками. Многіе изъ польской шляхты, владѣя обширными помѣстіями въ Украинѣ, желали увеличить получаемые съ нихъ доходы. Когда, по поводу сосѣдства козаковъ, крестьяне угнетаемые управляющими, начали переходить въ Запорожье, шляхта потребовала, чтобы болѣе строгими мѣрами пресѣчь зло. Требованія эти были мотивированы необходимостію поддержать миръ съ султаномъ, которому рѣчьпосполитая обѣщала, не позволить козакамъ вторгаться въ его земли. Конецпольскій приступилъ затѣмъ къ сооруженію замка Кудака на Днѣпрѣ, подъ прикрытіемъ отряда нѣмецкой пѣхоты. Козаки, умертвивъ атамана Савву Куровича, избрали своимъ вождемъ Павлюка, перерѣзали нѣмецкую пѣхоту и посадили на колъ ея предводителя Маріана. Конецпольскій двинулъ противъ нихъ польнаго гетмана Николая Потоцкаго, который разбилъ козаковъ подъ Корсуномъ и затѣмъ окружилъ ихъ лагерь подъ Боровицами. Голодъ принудилъ несчастныхъ открыть переговоры. При содѣйствіи подкоморія Адама Киселя, козаки обѣщали покорность и даже выдали Павлюка и трехъ другихъ начальниковъ, какъ скоро имъ было обѣщано помилованіе со стороны короля и сословій. Но сеймъ, собравшійся въ концѣ марта 1638 г., не заботясь вовсе о данномъ обѣщаніи, приговорилъ Павлюка къ смерти, а козаковъ приказалъ держать въ границахъ самаго строгаго повиновенія и дисциплины. Приведенные этимъ въ негодованіе, козаки снова взялись за оружіе, подъ начальствомъ Димитрія Тимашевича Гуни. Послѣ кровопролитныхъ стычекъ, въ которыхъ поляки понесли чувствительныя потери, Конецпольскому удалось склонить козаковъ къ договору обѣщаніемъ, что, на ближайшемъ сеймѣ, будутъ уничтожены всѣ новыя распоряженія, посягающія на ихъ льготы. Въ силу этого договора должно было быть, подъ начальствомъ атамана, назначаемаго королемъ, на жалованьѣ рѣчипосполитой, 6,000 реестровыхъ казаковъ; остальнымъ предоставлялось свободное пребываніе,

гдѣ пожелаютъ. Но и на этотъ разъ условія договора не были выполнены. По расформированіи ихъ войска, многіе козаки были умерщвлены, а являвшіеся атаманы и коммисары отличались только своими грабежами и ужасными притѣсненіями. Упавшіе духомъ козаки должны были покориться необходимости, но раздраженіе противъ поляковъ приняло громадные размѣры.

Независимо отъ этого, король былъ занятъ другимъ дѣломъ. Объѣзжая Пруссію, послѣ заключенія перемирія со шведами, Владиславъ задумалъ (1637) увеличить доходъ казны, введеніемъ морской пошлины. Самую сильную оппозицію встрѣтилъ король со стороны Данцига, который предложилъ внести единовременно, въ видѣ отступнаго 800,000 злот., тогда какъ ежегодный доходъ съ пошлины простирался до 2,000,000. Сеймъ объявилъ себя (1638) въ пользу пошлины и командировалъ коммисію, которая должна была покончить дѣло на мѣстѣ. Данцигскій магистратъ вызвалъ, по этому поводу, безпорядки въ городѣ. Когда и это ни къ чему не повело, и король приказалъ собирать пошлину въ портѣ, данцигскіе эмиссары обратились къ Швеціи и Даніи и пытались уговорить эти державы протестовать противъ распоряженій польскаго правительства. Дѣло приняло даже такой оборотъ, что датскій король снарядилъ флотъ, который захватилъ нѣсколько польскихъ военныхъ кораблей. Наконецъ и варшавскій сеймъ (1645) высказался противъ морскаго тарифа, и король, волею неволею, вынужденъ былъ отказаться отъ сего сбора.

Бракъ короля съ австрійскою принцессою возбудилъ сильное неудовольствіе англійскаго и французскаго двора. А потому, когда королевичъ Янъ-Казиміръ предпринялъ (1638) путешествіе въ Италію и, сѣвъ на корабль въ Генуѣ, поплылъ въ Испанію и по дорогѣ высадился на французскій берегъ, французскія власти арестовали его, подъ предлогомъ, что онъ, готовясь принять начальство надъ войскомъ въ Испаніи, ознакомляется съ французскими берегами, съ цѣлію отыскать наиболѣе выгодный пунктъ для высадки. Тщетно было ходатайство папы, венеціанской и генуэзской республикъ. Королевичъ былъ освобожденъ только послѣ двух-

лѣтняго, тяжкаго заключенія, по усиленному настоянію Владислава, и послѣ даннаго имъ и польскимъ посольствомъ обѣщанія, что прежнія дружественныя отношенія будутъ поддерживаться съ Франціею. Польскій посланникъ обѣщалъ даже, что завербуетъ въ Польшѣ нѣсколько тысячъ охотниковъ во французскую службу, что отнюдь не могло нравиться австрійскому дому. По освобожденіи изъ тюрьмы, Янъ-Казиміръ рѣшился, безъ вѣдома Владислава, вступить въ орденъ іезуитовъ. Онъ былъ уже два года послушникомъ, и затѣмъ, находясь подъ вліяніемъ разныхъ лицъ, раздумалъ и возвратился въ Польшу, не употребляя никогда кардинальскаго титула, дарованнаго ему папою.

День 1 апрѣля 1640 г. былъ для Владислава днемъ семейной радости. У него родился сынъ Сигизмундъ-Казиміръ. Но за то король возбудилъ противъ себя сильную бурю на сеймѣ, когда, во время пребыванія въ Вильнѣ, предоставилъ Курляндію, въ видѣ лена, Вильгельму Кетлеру. Члены сейма утверждали, что подобныя дѣла должны совершаться на сеймѣ, въ присутствіи всѣхъ сословій. Вскорѣ (24 марта 1644) скончалась его жена. Этотъ ударъ былъ для него тѣмъ болѣе чувствителенъ, что покойная королева, своею покорностію и большимъ тактомъ, умѣла пріобрѣсть его привязанность и, что важнѣе всего, вовсе не вмѣшивалась въ дѣла рѣчипосполитой. Во время похоронъ король созвалъ въ Краковѣ совѣтъ сената, на которомъ предложилъ вопросъ — можетъ ли онъ дать вооруженную помощь своему родственнику Фердинанду III, противъ трансильванскаго князя Юрія Ракочаго. Владиславъ имѣлъ сильное желаніе быть союзникомъ Фердинанда, но большинство сенаторовъ рѣшительно объявило себя противъ такого намѣренія, утверждая, что рѣчьпосполитая не должна вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣдняго государства. За то сенатъ предоставилъ королю быть посредникомъ. Вслѣдствіе этого Владиславъ снарядилъ посольство къ императору и Ракочему, но Фердинандъ III, требуя безусловной покорности, не хотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры съ подданнымъ.

Не смотря на то, что рѣчьпосполитая, соблюдая условія мира,

удерживала козаковъ отъ вторженій въ турецкія владѣнія, тѣмъ не менѣе татары производили набѣги на польскія земли. Значительныя силы татаръ вступили, въ январѣ 1644 г., на очаковскія поля. Извѣщенный заблаговременно, Конецпольскій сосредоточилъ свои войска подъ Охматовымъ и одержалъ совершенную побѣду надъ наѣздниками, изъ которыхъ многіе погибли во время отступленія. Между тѣмъ накоплялись и внутреннія бури. Король, извѣстный своею расточительностію, черпалъ не только изъ казны рѣчипосполитой, но, въ довершеніе, сдѣлалъ значительные долги. Не имѣя чѣмъ платить ихъ, онъ потребовалъ (1645) у сейма, назначенія новыхъ налоговъ. Депутаты утверждали весьма справедливо, что рѣчьпосполитая не обязана платить долговъ, совершенныхъ безъ ея вѣдома и согласія. Сторонники же короля увѣряли, что всѣ эти деньги были заняты на общественныя нужды. Послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ преній, сословія дали, наконецъ, согласіе на уплату долговъ, но предварили, чтобы на будущее время, король не былъ вправѣ заключать займовъ, безъ формальнаго разрѣшенія сейма. Вскорѣ другое дѣло вызвало еще болѣе сильную бурю. Въ мирномъ трактатѣ, заключенномъ съ Московіею, было внесено, между прочимъ, условіе, чтобы коммисары, назначенные отъ обѣихъ сторонъ, занялись размежеваніемъ границъ взаимныхъ территорій. При этомъ размежеваніи къ московскому государству отошло значительное пространство польскихъ земель. Это обстоятельство привело въ негодованіе посольскую палату, которая, въ февр. 1645, потребовала уничтоженія всего трактата, упрекая короля, что онъ, вопреки коронным уставамъ, уступилъ часть владѣній рѣчипосполитой, безъ малѣйшаго на то права. Владиславъ заглушилъ это дѣло уничтоженіемъ всѣхъ введенныхъ имъ пошлинъ. А такъ какъ, главнымъ образомъ, литовская территорія пострадала отъ этой уступки, то король поспѣшилъ успокоить литовцевъ присоединеніемъ къ Литвѣ двухъ пограничныхъ коронныхъ старостъ.

Во время сейма Владиславъ заявилъ желаніе вступить въ бракъ съ родственницею французскаго короля, Маріею-Людвикою Гонзага. Не смотря на оппозицію нѣкоторыхъ сенаторовъ, предпо-

читавшихъ новое родство съ австрійскимъ домомъ, король, тотчасъ же, по закрытіи сейма, отправилъ блестящее посольство во Францію. Въ Фонтенебло, отъ имени короля, обвѣнчался (5 нояб.) съ Маріею-Людвикою, познанскій воевода Опалинскій. Новая королева прибыла въ Варшаву 11 марта 1646 г. Владиславъ, страдавшій подагрою, не могъ выѣхать къ ней на встрѣчу, но принялъ ее въ соборѣ св. Яна.

Видя всеобщее раздраженіе умовъ, по поводу религіозныхъ столкновеній, Владиславъ пожелалъ устроить соглашеніе между разновѣрцами. Онъ льстилъ себя надеждою, что какъ скоро дѣло дойдетъ до сопоставленія догматовъ, отличающихъ одно исповѣданіе отъ другаго, разница окажется до того незначительною, что будетъ весьма легко вызвать соглашеніе путемъ взаимныхъ уступокъ. Съ этою цѣлію онъ устроилъ въ Торнѣ дружескую бесѣду (Colloquium charitativum), и предсѣдателемъ бесѣды назначилъ великаго коронпаго канцлера Юрія Оссолинскаго. Дѣйствительно въ августѣ 1645 г., съѣхались въ Торнъ, въ довольно значительномъ числѣ, богословы католическіе, лютеранскіе и кальвинскіе. Но вмѣсто соглашенія, на счетъ взаимныхъ уступокъ, раздраженіе достигло еще большихъ размѣровъ. Богословы обвиняли другъ друга въ прерваніи бесѣды, и наконецъ всѣ разъѣхались, унося въ сердцахъ взаимную ненависть. Къ несчастью религіозный фанатизмъ велъ польское общество по ложному пути. Іезуиты прибѣгли къ неблаговидному средству—именно къ фанатизированію католиковъ противъ иновѣрцевъ. По ихъ, несомнѣнно, внушеніямъ, католики, жившіе въ сосѣдствѣ съ иновѣрцами, ставили кресты на пограничныхъ межахъ, въ особенности тамъ, гдѣ границы имѣній были спорныя. Что же удивительнаго, если владѣлецъ некатоликъ, видя захваченную часть своей собственности, уничтожалъ межу, а съ нею вмѣстѣ сваливалъ и крестъ. Но послѣднее считалось святотатствомъ и виновнаго подвергали сеймовому суду. Нѣкоторымъ сходило это иногда съ рукъ, но аріанцы навлекли на себя (1638) по этому же поводу страшную бурю. Въ Раковѣ, нѣсколько школьниковъ свалили крестъ, изъ шалости ли, или по чьему либо посто-

роннему наущенію, за что всѣ аріанцы приговорены къ изгнанію изъ края, если они не отрекутся отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Многія почтенныя и свѣтлыя личности оставили отечество, въ которомъ имъ воспрещалось восхвалять Бога по своимъ понятіямъ.

Подобно тому, какъ нѣкогда Стефанъ Баторій, такъ теперь Владиславъ рѣшился начать войну съ турками въ большихъ размѣрахъ. Къ этому намѣренію особенно побуждалъ его венеціанскій посолъ Теполи обѣщаніемъ, что венеціанская республика и папа доставятъ значительныя суммы для веденія турецкой войны. Увлекаемый честолюбіемъ, король приступилъ, не медля, къ военнымъ приготовленіямъ. Занявъ большія суммы денегъ у жены, и другихъ лицъ, Владиславъ вербовалъ войско у себя дома и за границею и готовилъ военные запасы, которые приказалъ сосредоточить во Львовѣ. Въ то же время онъ отправилъ къ козакамъ довѣренныхъ лицъ, поручивъ имъ, обѣщаніемъ новыхъ льготъ склонить этихъ воинственныхъ людей ко вторженію въ турецкія земли и къ сбору большаго числа воиновъ, нежели ему было предоставлено держать подъ ружьемъ, на основаніи недавнихъ постановленій. Богдану Хмѣльницкому, пріобрѣтавшему уже популярность между козаками, Владиславъ послалъ знаки гетманскаго достоинства. Все это творилось безъ вѣдома и дозволенія рѣчипосполитой и было рѣшено лишь въ тайномъ совѣщаніи съ Теполи, Юріемъ Оссолинскимъ и нѣкоторыми найболѣе довѣренными сторонниками короля, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ Оссолинскій. Когда все уже было готово, и многочисленное войско, по обычаю того времени, причиняло жителямъ чувствительные убытки, собрался (25 окт. 1646) сеймъ въ Варшавѣ. Вся рѣчьпосполитая пришла въ неописанное негодованіе отъ произвольныхъ дѣйствій короля, который, помимо сейма, заключалъ союзы и готовился къ войнѣ. Его упрекали даже въ томъ, что войско собрано имъ для подавленія шляхетскихъ привиллегій. Тщетно Юрій Оссолинскій защищалъ политику короля и указывалъ на важные поводы къ войнѣ съ Турціею. Сеймъ высказался рѣзко противъ Владислава, угрожая даже, въ случаѣ не-

распущенія войска, что депутаты не разъѣдутся по домамъ до тѣхъ поръ, пока не прибудутъ ихъ избиратели съ вооруженною силою, для изгнанія этихъ незваныхъ гостей. Владиславъ былъ вынужденъ не только распустить набранное войско, но и сократить свою личную стражу до 1,200 человѣкъ. Кромѣ того, состоялось сеймовое рѣшеніе, по которому король не вправѣ дѣлать рекрутскихъ наборовъ безъ прямаго полномочія сословій. На удовлетвореніе войска жалованьемъ назначенъ налогъ, а тѣмъ, которые, не смотря на это рѣшеніе, не хотѣли разойтись, сеймъ угрожалъ безчестіемъ. Вслѣдствіе недовѣрія къ королю, вскорѣ (въ маѣ 1647) былъ объявленъ чрезвычайный, трехнедѣльный сеймъ. На раздраженіе сословій имѣли не малое вліяніе темные слухи о какихъ то тайныхъ проискахъ со стороны двора, относительно козаковъ. Такимъ образомъ рушились военные планы Владислава. Одна рѣчьпосполитая осталась въ проигрышѣ, ибо должна была заплатить издержки безцѣльныхъ вооруженій короля, который кромѣ того былъ причиною страшной междоусобной войны съ козаками.

По закрытіи чрезвычайнаго сейма, столь же бурнаго, какъ и многіе другіе, у Владислава скончался (9 авг. 1647) единственный сынъ его. Опечаленный этою потерею, разрушившею всѣ его династическія планы, король отправился въ Литву, гдѣ получилъ извѣстіе объ опасныхъ замыслахъ Богдана Хмѣльницкаго въ Украинѣ *). Хмѣль-

---

*) Что касается эпохи Богдана Хмѣльницкаго, то читателей, знакомыхъ съ прекраснымъ сочиненіемъ нашего извѣстнаго историка и писателя Н. И. Костомарова, не удовлетворитъ довольно сжатое изложеніе г. Шмита. Г. Шмитъ, по нашему крайнему разумѣнію, не могъ отступить отъ общаго плана своей исторіи и долженъ былъ разсказывать событія въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, не нарушая общей связи и останавливаясь лишь болѣе надъ тѣми фактами, которые, несомнѣнно, отразились въ судьбахъ польскаго народа. Въ этомъ отношеніи г. Шмитъ, какъ нельзя добросовѣстнѣе, выполнилъ свою задачу. Переводя его описаніе столкновеній поляковъ съ козаками, мы имѣли постоянно передъ глазами сочиненіе г. Костомарова, и могли убѣдиться, что г. Шмитъ съ особенною тщательностію остановился надъ этою эпохою. Онъ отнесся къ ней съ замѣтнымъ безпристрастіемъ, такъ что во многихъ мѣстахъ сходится въ воззрѣніяхъ съ нашимъ историкомъ. Впрочемъ, это наше личное мнѣніе и читатели имѣютъ полную возможность повѣрить, справедливо ли оно или нѣтъ. *Прим. перевод.*

ницкій былъ сыномъ польскаго шляхтича, бѣжавшаго изъ края, за какое то преступленіе и женившагося въ Украинѣ па козачкѣ. Одаренный отъ природы большими способностями, отличаясь къ тому же, личною храбростію, Богданъ Хмѣльницкій служилъ въ чигиринскомъ полку реестровыхъ козаковъ, и великій коронный гетманъ Конецпольскій пожаловалъ ему, за особое мужество, значительное пространство земли, на которой Хмѣльницкій основалъ деревню Суботово. Послѣ смерти гетмана сынъ его Александръ, коронный подхорунжій съ нѣсколько тысячнымъ отрядомъ вторгнулся въ Крымъ, гдѣ причинилъ татарамъ не мало убытковъ. Хмѣльницкій не участвовалъ въ этой экспедиціи. Черкасскій подстаростій—Даніилъ Чаплинскій, желая погубить его, ловко воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Получивъ секретное дозволеніе отъ Конецпольскаго, Чаплинскій силою захватилъ деревню Суботово и, въ заключеніе, взялъ къ себѣ жену Хмѣльницкаго, на которой впослѣдствіи женился, обративъ ее въ латинскую вѣру. Хмѣльницкій, задѣтый за живое этимъ двойнымъ оскорбленіемъ, искалъ правосудія сперва у Конецпольскаго, потомъ у короля и на сеймѣ. Но онъ проигралъ дѣло, такъ какъ пожалованіе Суботова не было внесено въ земскія книги, а на счетъ жены сеймъ поднялъ его на смѣхъ, совѣтуя искать себѣ другую сожительницу, если первая покинула его и предпочитаетъ жить съ Чаплинскимъ. Король же, все еще мечтавшій о войнѣ, принялъ Хмѣльницкаго весьма милостиво и извиняясь невозможностію помочь ему въ данномъ случаѣ, подавалъ ему хорошія надежды въ будущемъ. Быть можетъ, что король желалъ даже при содѣйствіи козаковъ ограничить свободу шляхты, во многомъ ему препятствовавшую. Хмѣльницкій, не добившись требуемаго правосудія, по возвращеніи изъ Варшавы, началъ побуждать козаковъ къ открытому возстанію. Такъ какъ въ поводахъ къ неудовольствію недостатка не было, ибо угнетеніе сельскаго люда и православія не подлежало сомнѣнію, то Хмѣльницкій встрѣтилъ гораздо болѣе готовности, нежели разсчитывалъ, къ осуществленію своихъ плановъ. Вскорѣ еще возникъ новый поводъ къ мщенію. Сынъ Хмѣльницкаго Тимофей грозилъ въ Чи-

гиринѣ Чаплинскому, за что послѣдній велѣлъ его высѣчь публично *). Раздраженный Богданъ приступилъ серьезно къ пропагандѣ возстанія. Николай Потоцкій, къ которому послѣ смерти Конецпольскаго перешла большая коронная булава, замѣтилъ въ чемъ дѣло и приказалъ арестовать Хмѣльницкаго, но вскорѣ, по ходатайству нѣкоторыхъ лицъ, освободилъ его. Хмѣльницкій бросился въ запорожскую сѣчь, гдѣ безъ труда, уговорилъ козаковъ поднять возстаніе. Провозглашенный гетманомъ, онъ вошелъ въ сношенія съ татарами, которымъ открылъ тайные замыслы короля и получилъ отъ нихъ обѣщаніе помощи.

Грозное настроеніе Хмѣльницкаго и козаковъ не было тайною для Потоцкаго. Извѣстивъ обо всемъ короля, бывшаго тогда въ Вильнѣ, Потоцкій собралъ кварцяное войско и дружины нѣкоторыхъ пановъ, съ цѣлію подавить возстаніе въ самомъ зародышѣ. Сосредоточивъ около 12,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были и православные на жалованьи у рѣчипосполитой, Потоцкій, въ началѣ 1648 г., расположился лагеремъ на берегу Днѣпра. Лучшихъ воиновъ, подъ начальствомъ своего сына Стефана, Потоцкій отправилъ на Запорожье. Отрядъ этотъ, составленный изъ 7,000 человѣкъ, достигнулъ уже Желтыхъ Водъ, гдѣ Хмѣльницкій, почти въ недоступномъ мѣстѣ, занялъ укрѣпленный лагерь, не принимая сраженія. Чтобы легче справиться съ поляками, онъ началъ переговоры и длилъ ихъ такъ долго, пока не прибылъ обѣщанный вспомогательный татарскій отрядъ. Стефанъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, донесъ правда отцу о своей опасности, но козаки перехватили гонца. Поляки могли бы пробиться и не замедлили бы это сдѣлать, если бы не лукавство Хмѣльницкаго. Онъ обѣщалъ имъ свободу, если они выдадутъ ему 12 бывшихъ у нихъ орудій. Получивъ же орудія, Хмѣльницкій неожиданно, вмѣстѣ съ татарами, аттаковалъ (15 апр. 1648) обманутыхъ поляковъ и нанесъ имъ совершенное пораженіе. Вождь экспедиціи погибъ

---

*) Сыну Хмѣльницкаго было всего 9 лѣтъ. Его высѣкли среди базара такъ, что мальчика чуть живаго принесли домой, гдѣ онъ скоро послѣ того умеръ.
Прим. перевод.

вмѣстѣ со многими храбрыми товарищами. Только нѣсколько солдатъ успѣло спастись бѣгствомъ, чтобы донести Потоцкому о пораженіи и смерти сына. Гетманъ отступилъ къ Корсуну, а къ канцлеру Оссолинскому отправилъ гонца съ требованіемъ поспѣшной помощи. Вскорѣ подступилъ (22 мая) Хмѣльницкій, вмѣстѣ съ татарами, къ укрѣпленному польскому лагерю. Польный гетманъ Калиновскій былъ того мнѣнія, что, не смотря на численное превосходство непріятеля, слѣдуетъ ударить на него и въ мужествѣ искать спасенія. Но Потоцкій предпочелъ защищаться въ окопахъ, до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ потребованная помощь. Однакожъ настоянія старшихъ склонили его начать отступленіе укрѣпленнымъ обозомъ. Послѣ трехмилеваго перехода, обозъ потерялъ свою связь, такъ какъ козаки устроили по дорогѣ разныя препятствія. Часть войска, состоявшая изъ руссиновъ, перешла на сторону Хмѣльницкаго. Другіе, подъ начальствомъ Корыцкаго, сѣвъ на коней, пробились сквозь татарскія орды, и хотя испытали значительныя потери, однакожъ, въ свою очередь, устлали путь татарскими трупами. Остальные, вмѣстѣ съ обоими гетманами, попали въ плѣнъ къ татарамъ, или погибли на полѣ битвы. И такъ отъ всего кварцянаго войска коронной Польши, осталось только то, что успѣлъ увести съ собою Корыцкій *).

Король по полученіи извѣстія въ Вильнѣ о волненіи, готовомъ вспыхнуть между козаками, уполномочилъ немедленно Оссолинскаго отправить приказъ гетману о томъ, чтобы ожидали его прибытія, отнюдь не проникая въ глубь Украины. Оссолинскій отправилъ, правда, этотъ приказъ изъ Варшавы, но гонецъ опоздалъ и пріѣхалъ уже не во время. Между тѣмъ Владиславъ выѣхалъ изъ Вильно (въ концѣ апр.) и хотѣлъ прибыть въ Варшаву къ троицыну дню. Изъ Варшавы онъ предполагалъ самъ двинуться противъ козаковъ, надѣясь усмирить ихъ безъ труда. Но на пути въ

*) Потоцкій и Калиновскій были отосланы къ хану въ Крымъ. Поляки потеряли 127 офицеровъ, 8,520 рядовыхъ и 41 пушку. Пораженіе приписываютъ неблагоразумному раздѣленію войскъ на двѣ части. (Соловьевъ, Т. X, стр. 224).
Прим. перевод.

Варшаву, король, по случаю болѣзни жены, остановился въ Меречѣ и здѣсь, проводя цѣлые дни на охотѣ, сильно простудился и самъ долженъ былъ лечь въ постель. Неискусные врачи ухудшили положеніе и, чрезъ нѣсколько дней, Владиславъ скончался (20 мая 1648).

Царствованіе Владислава могло бы быть однимъ изъ самыхъ счастливыхъ, если бы съ одной стороны, онъ не вооружилъ противъ себя шляхту, очевиднымъ стремленіемъ къ самодержавію, что послужило, впрочемъ, еще къ большему ограниченію королевской власти, а съ другой — если бы онъ сдержалъ слово, данное секретно нѣкоторымъ сенаторамъ, отказаться отъ правъ своихъ на шведскую корону, ибо тогда не навлекъ бы на Польшу позднѣйшихъ шведскихъ войнъ. Его можно также упрекнуть въ томъ, что задуманною войною противъ турокъ, вызвалъ возстаніе козаковъ, и тѣмъ возбудилъ одну изъ самыхъ страшныхъ междоусобныхъ войнъ. Затѣмъ, по всей справедливости, слѣдуетъ поставить въ заслугу Владиславу, тотъ фактъ, что онъ препятствовалъ, по возможности, религіознымъ преслѣдованіямъ и помышлялъ о соглашеніи между разновѣрцами. Его смерть, въ минуту возстанія козаковъ, была громаднымъ несчастіемъ для рѣчипосполитой, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что своимъ присутствіемъ, онъ подавилъ бы движеніе въ самомъ зародышѣ *).

---

*) Владиславъ IV рѣзко отличался отъ своего отца и умомъ, и сердцемъ. Поляки любили его съ дѣтства, ибо видѣли въ немъ много хорошихъ качествъ и дѣйствительную привязанность ко всему отечественному. Умный и разсудительный, онъ старался привить въ Польшѣ все, что видѣлъ хорошаго въ Европѣ во время своихъ путешествій. Искусство стрѣльбы, артиллерію, Владиславъ довелъ до такого цвѣтущаго состоянія, въ какомъ онѣ никогда не находились; устроилъ почтовыя сообщенія; хотѣлъ соединить Пину, Припеть и Бугъ съ Днѣпромъ. Его обвиняютъ въ расточительности. Но едва ли польскій король могъ иначе править своимъ подданнымъ. Ставятъ ему въ укоръ, что онъ не прекратилъ злоупотребленій сильнѣйшихъ магнатовъ въ Украинѣ. Но лишенный власти, развѣ онъ могъ усмирить тѣхъ, кто въ дѣйствительности былъ сильнѣе его. Справедливость требуетъ сказать, что все что было хорошаго, блестящаго въ это царствованіе — сдѣлано королемъ; всему же неудачному — виною испорченное правительство и самоуправство ослѣпленной шляхты. Но самою главною заслугою Владислава IV было то, что въ его царствованіе сдѣланы были удачныя попытки къ подорванію могущества ордена іезуитовъ. *Прим. перевод.*

Въ теченіи изложеннаго пятаго періода дѣяній польскаго народа, совершилось окончательное преобразованіе общественнаго строя. Начало избирательности королей, положительно уже введенное въ жизнь, сдѣлалось основаніемъ рѣчипосполитой и всѣхъ привиллегій штяхты, которая исключительно присвоила себѣ названіе народа. Землевладѣльцы, называемые также шляхтою, или рыцарствомъ, сообщили своимъ учрежденіямъ почти тѣже самыя формы, которыя мы видѣли болѣе или менѣе въ первобытныхъ славяно-польскихъ общинахъ, съ тою единственно разницею, что преимущества, составлявшія нѣкогда общую принадлежность, сдѣлались правомъ одной части населенія. Шляхта уѣзда или земли образуетъ отдѣльную общину, которая, въ совокупности съ другими, составляетъ воеводскую общину. Нѣсколько воеводствъ сливаются въ одну провинціальную общину, которыя, въ свою очередь, составляютъ рѣчьпосполитую, изображающую государственное цѣлое. Каждая земская община пользовалась самымъ широкимъ правомъ самоуправленія, на сколько, впрочемъ, его можно было согласить съ общимъ благомъ. Совокупная воеводская община разрѣшала всѣ мѣстныя дѣла, на такъ называемыхъ сеймикахъ, т. е. хозяйственныхъ съѣздахъ, на которыхъ выбирали судей и постановляли рѣшенія (lauda), относившіяся къ внутреннимъ дѣламъ воеводства. Подобныя рѣшенія воеводствъ, утвержденныя на общемъ сеймѣ, были обязательны для цѣлой провинціи. На провинціальные сеймики съѣзжались только делегаты или представители воеводскихъ общинъ, между тѣмъ какъ въ воеводскихъ сеймикахъ принимала, обыкновенно, участіе вся мѣстная шляхта. На съѣздахъ воеводскихъ, какъ равно и провинціальныхъ, рѣшеніе признавалось законнымъ въ томъ лишь случаѣ, если оно было принято единогласно. Представителемъ рѣчипосполитой былъ генеральный сеймъ, составленный изъ трехъ сословій, т. е. короля, сената и посольской палаты. Сеймы бывали обыкновенные и чрезвычайные. Первые собирались разъ въ два года и засѣданія ихъ продолжались шесть недѣль. Послѣдніе назначались въ крайнихъ случаяхъ и не болѣе какъ на двѣ или на три недѣли. Право сзыванія сей-

мовъ было предоставлено королю, но съ согласія сената, съ которымъ онъ долженъ былъ предварительно совѣщаться, что называлось конвокаціею. Въ сенатѣ засѣдали архіепископы и епископы, затѣмъ воеводы и каштеляны большіе и малые. Первымъ лицомъ въ сенатѣ, заступавшимъ короля во время междуцарствія, былъ примасъ королевства, гнѣзненскій архіепископъ. Изъ свѣтскихъ сенаторовъ старшимъ считался краковскій каштелянъ. Впослѣдствіи вошли въ сенатъ коронные и литовскіе министры, т. е. канцлеры, маршалы, подскарбіи и гетманы. Такъ какъ сенаторы были старшинами въ земляхъ и воеводствахъ, то ихъ и называли, обыкновенно, старшею братьею. Назначеніе сенаторовъ и раздача высшихъ должностей и староствъ зависѣли отъ короля. Но онъ былъ обязанъ, всѣ мѣста, оставшіяся не занятыми или вакансіи роздать на сеймѣ, тотчасъ по открытіи засѣданій.

Власть короля, какъ перваго сановника рѣчипосполитой, была ограничена и обусловлена. Управляя на ясно выраженныхъ условіяхъ, король, по собственной инціативѣ, не могъ ничего предпринять въ дѣлахъ рѣчипосполитой. Онъ не былъ вправѣ заключать союзы или начинать войну безъ вѣдома и дозволенія сословій. Не могъ назначать новыхъ налоговъ или дѣлать займы. Сзывать всеобщія ополченія предоставлялось ему въ экстренныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія сената, а въ обыкновенныхъ — на основаніи рѣшеній сейма. Король не имѣлъ права увеличивать войскъ. Не могъ уничтожать судебныхъ приговоровъ, ибо рѣчьпосполитая не признавала даже за нимъ права помилованія. Во всемъ онъ долженъ былъ руководствоваться уставами и обязательствами, данными подъ присягою при полученіи диплома избранія и при коронаціи. Въ случаѣ нарушенія какого либо изъ этихъ обязательствъ, народъ былъ вправѣ отказать ему въ повиновеніи.

Въ универсалахъ, сзывающихъ сеймы, король излагалъ все, о чемъ предстояло разсуждать сословіямъ, чтобы сеймики имѣли возможность снабдить своихъ депутатовъ соотвѣтственными полномочіями. Каждый сеймикъ затѣмъ обсуждалъ предложенія короля и, избравъ предписанное уставами число депутатовъ, давалъ

имъ, согласную съ своимъ взглядомъ на дѣло, инструкцію или правила, какъ они должны вести себя на сеймѣ. Независимо отъ этихъ указаній, въ инструкцію вносились желанія воеводствъ и жалобы на разныя злоупотребленія, или такъ называемыя эксорбитанціи *). Иногда оговаривалось, что депутаты не должны приступать къ совѣщаніямъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены злоупотребленія. Если король вносилъ въ сеймъ проектъ, о которомъ не упоминалось въ универсалахъ, депутаты не были вправѣ давать безусловно свое согласіе, но чаще всего, обращались въ посеймовый или реляціонный сеймикъ, на которомъ давали отчетъ шляхтѣ въ томъ, какъ выполнили на сеймѣ данное имъ полномочіе. Такъ какъ депутатъ былъ только представителемъ своего воеводства, то долженъ былъ непремѣнно держаться инструкціи, малѣйшее отступленіе отъ которой навлекало на него самую строгую отвѣтственность. Это было главною причиною, почему правительство прибѣгало ко всевозможнымъ проискамъ, лишь бы инструкціи воеводствъ отвѣчали его планамъ. Такъ какъ всякое воеводство считалось равноправнымъ, то естественнымъ послѣдствіемъ такого склада вещей было обстоятельство, что рѣшеніе могло состояться только по единогласному соглашенію всѣхъ депутатовъ. Оппозиція со стороны депутатовъ одного воеводства была достаточною, чтобы рѣшеніе было отвергнуто. Въ случаѣ если всѣ остальныя воеводства соглашались съ предложеннымъ рѣшеніемъ, королю предоставлялось

*) Все совершавшееся вопреки закону, съ ущербомъ для правъ и льготъ рѣчипосполитой, называлось эксорбитанціею (extra orbitam legum). Сюда относились не только злоупотребленія чиновниковъ, но и всѣ противозаконныя дѣйствія короля и другихъ сословій. Во время междуцарствія 1669, въ числѣ эксорбитанцій былъ включенъ приговоръ Яна-Казиміра надъ Любомирскимъ и всѣ невыполненныя королемъ обязательства. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что во время всякаго междуцарствія, на избирательномъ сеймѣ назначалась спеціальная коммисія изъ шести сенаторовъ и двѣнадцати депутатовъ, для изслѣдованія и уничтоженія всѣхъ дошедшихъ до ея свѣдѣнія эксорбитанцій, которыя были совершены въ послѣднее царствованіе. Рѣшенія этой коммисіи утверждались въ общемъ собраніи сейма въ началѣ сессіи. Засѣданія происходили по утрамъ въ варшавскомъ замкѣ, ибо члены коммисіи должны были послѣ полудня участвовать въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ, на избирательномъ полѣ.

Прим. перевод.

обратиться прямо къ сеймику того воеводства, котораго депутаты отвергли предложенную имъ мѣру.

Сеймъ начинался избраніемъ маршала посольской палаты *). Въ эту должность избирали, по очереди, одинъ разъ жителя коронной Польши, а другой разъ литовца. Въ коронѣ очередовались провинціи малопольская и великопольская. До избранія маршала депутатами предводительствовалъ или старшій лѣтами, или маршалъ прежняго сейма. По избраніи новаго маршала, депутаты отправлялись въ сенатъ, гдѣ присутствовалъ король. Затѣмъ происходило чтеніе королевскихъ предложеній и сенаторы, въ присутствіи депутатовъ, высказывали поочередно свои мнѣнія. Послѣ этого происходили совѣщанія отдѣльно въ сенатѣ и отдѣльно въ посольской палатѣ. Когда всѣ пренія были исчерпаны—три сословія рѣчипосполитой сходились снова на, такъ названную, сеймовую конклюзію, гдѣ всѣ рѣшенія получали санкцію закона и постановленій и безусловно дѣлались обязательными. Если посольская палата не соглашалась съ предложеніями правительства, или, по какимъ либо другимъ поводамъ, не хотѣла приступить къ конклюзіи—сеймъ считался прерваннымъ. Такіе случаи повторялись весьма часто. Въ этомъ періодѣ не выработалось еще знаменитое *liberum veto*, о которомъ намъ придется говорить впослѣдствіи.

Изъ этого краткаго очерка видно, что вся правительственная власть сосредоточивалась въ рукахъ шляхты. Города, обезпеченные своими привиллегіями, пользовались свободою въ отношеніи своего внутренняго устройства, но не имѣли почти никакого непосредственнаго вліянія на общественныя дѣла рѣчипосполитой, ибо ихъ представители не засѣдали въ сеймѣ. Крестьяне были совершенно предоставлены произволу своихъ пановъ, и на столько лишь находились подъ покровительствомъ закона, что въ случаѣ тяжкаго оскорбленія, могли жаловаться въ судъ. Впрочемъ помѣщики не имѣли въ своихъ рукахъ судебной исполнительной власти.

---

*) Маршалъ посольской палаты имѣлъ совершенно такое же значеніе, какъ предсѣдатель палаты депутатовъ въ нынѣшнихъ конституціонныхъ государствахъ. *Прим. перевод.*

Въ этотъ періодъ угнетеніе сельскаго люда, не достигло еще такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ впослѣдствіи, ибо просвѣщеніе и, даже, истинное благочестіе явились щитами противъ многихъ въ этомъ родѣ злоупотребленій. Большинство землевладѣльцевъ, нѣтъ сомнѣнія, обходилось по человѣчески съ крестьянами. Но такъ какъ въ сущности судьба крестьянина зависѣла отъ личнаго настроенія владѣльца, такъ какъ владѣльцамъ же была предоставлена законодательная власть и надзоръ за исполнительною,—то всякія злоупотребленія были явленіемъ весьма возможнымъ.

При правленіи избирательномъ, послѣ смерти короля наступало междуцарствіе, т. е. время отъ смерти одного короля до коронаціи вновь избраннаго. Во время междуцарствія обыкновенные суды прекращали свое дѣйствіе, а взамѣнъ ихъ воеводства выбирали каптуровыхъ судей, которые судили всѣхъ возмутителей общественнаго спокойствія. Общественными дѣлами управлялъ, во время междуцарствія, примасъ королевства, который, созвавъ тотчасъ послѣ смерти короля совѣтъ сенаторовъ, назначалъ день конвокаціоннаго сейма, имѣвшаго цѣлію обсудить средства для внутренней и внѣшней безопасности рѣчипосполитой и постановить рѣшеніе—когда и гдѣ должно совершиться избраніе короля. На элекцію, происходившую, обыкновенно, подъ Варшавою, могъ явиться лично всякій шляхтичъ и подавать голосъ въ своемъ воеводствѣ. Но воеводства могли имѣть своими представителями уполномоченныхъ. Совѣщаніе сейма, составленнаго подобно всякому другому сейму изъ сената и депутатовъ, происходило на избирательномъ полѣ. Сеймъ этотъ принималъ посланниковъ отъ иностранныхъ государствъ и кандидатовъ на престолъ, проектировалъ будущія преобразованія въ учрежденіяхъ рѣчипосполитой и составлялъ условія, которыя предполагалось предъявить будущему королю. По окончаніи этихъ дѣлъ и составленіи списка кандидатамъ, собирались воеводства и начиналась, собственно, элекція. Примасъ переѣзжалъ отъ одного воеводства къ другому, и собравъ всѣ голоса, возвращался въ избирательный навѣсъ и называлъ электа (избраннаго), послѣ чего коронный или литовскій маршалъ

провозглашалъ выборъ. Послѣ избраннаго кандидата, должны были, не медля, присягнуть на составленныя условія (pacta conventa), послѣ чего-писали дипломъ элекціи и отправляли пословъ къ будущему королю. Послѣдній получалъ дипломъ элекціи, только по принесеніи присяги на pacta. Избирательный сеймъ заключалъ свою дѣятельность назначеніемъ срока коронаціи, во время которой собирался новый сеймъ, коронаціонный. Передъ самою коронаціею новаго короля, опускали въ могилу останки его предшественника.

Земское сословіе отличалось совершеннымъ равенствомъ, ибо польскіе уставы не дѣлали никакого различія между шляхтою. На Литвѣ и Руси употреблялись правда княжескіе и графскіе титулы, но съ титулами этими отнюдь не были сопряжены бо̀льшія гражданскія права, ибо князья причислялись къ рыцарскому сословію или шляхтѣ. Въ сенатѣ никто не засѣдалъ потомственно, каждый сенаторъ былъ лишь пожизненнымъ сановникомъ. Богатство давало правда перевѣсъ, но ни уставы, ни знатность рода не обезпечивали такого перевѣса. Путемъ злоупотребленій переходили иногда нѣкоторыя должности, по наслѣдству, отъ отца къ сыну, но это отнюдь не уничтожало въ принципѣ гражданскаго равенства шляхты, гарантированнаго закономъ. Хотя раздача должностей и званій относилась къ королевскимъ правамъ, тѣмъ не менѣе король долженъ былъ, въ этомъ случаѣ, руководствоваться постановленіями. Чиновникомъ могъ быть только тотъ, кто владѣлъ поземельною собственностію въ воеводствѣ. Впрочемъ всѣ должности король долженъ былъ раздавать въ началѣ сейма. Хотя этою оговоркою право короля было значительно ограничено, однакожъ это право, а равно и пожалованіе такъ называемыхъ милостей или королевщинъ, составляли могущественное средство для привлеченія въ свою пользу голосовъ на сеймѣ и этимъ путемъ король могъ добиться весьма многаго, если только былъ одаренъ способностями, соотвѣтственными его положенію.

Въ этотъ періодъ Польша развилась окончательно какъ шляхетско-общинная рѣчьпосполитая, съ избирательнымъ королемъ.

Гражданское равенство, личная свобода, свобода совѣсти и слова благопріятствовали этому развитію. Гражданскія доблести, любовь къ отечеству, готовность къ самоотверженію и шляхетское равенство характеризуютъ тогдашнее польское общество. Устраненіе большинства жителей отъ пользованія гражданскими правами, составляетъ темную сторону этого періода и подало поводъ ко всѣмъ позднѣйшимъ бѣдствіямъ. Возникшая общественная жизнь создала могущественное общественное мнѣніе, которое долго сдерживало многихъ. Народная литература развивалась какъ нельзя лучше, особенно съ половины XVI вѣка, когда и законы начали писаться на польскомъ языкѣ. Къ несчастію поляковъ вармійскій кардиналъ-епископъ Гозій вызвалъ іезуитовъ, которые медленно и постепенно, въ особенности въ царствованіе Сигизмунда III, пріобрѣли пагубное вліяніе на всѣ общественныя дѣла. Династическіе замыслы этого короля и сына его Владислава, религіозные споры, излишнее сосредоточеніе богатствъ въ рукахъ нѣсколькихъ семействъ, а главное, предоставленіе общественнаго воспитанія іезуитамъ, отразились въ концѣ этого періода самымъ гибельнымъ образомъ на дѣла рѣчипосполитой. Просвѣщеніе мало по малу клонилось къ упадку, а религіозныя преслѣдованія становились все рѣзче и рѣзче. Съ упадкомъ же просвѣщенія поколебалось и общественное мнѣніе, а съ нимъ и тѣ гражданскія доблести, которыя были главнымъ фундаментомъ рѣчипосполитой. Изъ школъ іезуитовъ лесть разошлась по всей странѣ и каждому магнату доставалось множество панегириковъ, внушавшихъ ему смѣлость прибѣгать къ разнымъ злоупотребленіямъ. Происки двора и іезуитовъ вывели, къ несчастію, польское общество на ложную дорогу и были главною причиною всѣхъ бѣдствій, которыя обрушились на рѣчьпосполитую въ слѣдующемъ періодѣ.

ШЕСТОЙ ПЕРІОДЪ.

Польша, клонящаяся къ паденію (1648 до 1763).

Послѣ продолжительныхъ религіозныхъ войнъ, Европа только что вздохнула свободнѣе въ началѣ этого періода, ибо права некатоликовъ были обезпечены вестфальскимъ миромъ (1648). Не смотря на это, во многихъ мѣстахъ, продолжались взаимныя религіозныя преслѣдованія. Ужасныя кровопролитія могли, правда, породить какую то безчувственность, но мало по малу, начали возникать на западѣ явленія, возвѣщавшія, что господство физической силы и вызванное ею историческое право, должны уступить мѣсто естественнымъ правамъ человѣка и общества. Проявленія эти были еще весьма блѣдны, и Польша, стоявшая тогда по развитію выше многихъ державъ, могла бы стать во главѣ этого движенія, если бы, къ несчастію, сама не сошла съ пути своего развитія. Когда съ одной стороны, общество, въ сознаніи своихъ правъ, стремилось къ освобожденію отъ физическаго и нравственнаго ига—правительства, съ другой стороны, истощали всѣ усилія, лишь бы парализировать такое стремленіе. Съ этою цѣлію онѣ сосредоточивали значительныя войска и подъ ихъ прикрытіемъ могли творить всякое насиліе. Хотя и теперь, въ нѣкоторомъ отношеніи, сила физическая имѣла на столько перевѣсъ, что распоряжавшіеся болѣе значительными и лучшими войсками, могли обижать сосѣдей, тѣмъ не менѣе нужно было уже справляться съ справедливостью и закономъ, ибо общественное мнѣніе становилось силою, пренебрегать которою было не совсѣмъ безопасно. Воспрянулъ, очевидно, духъ человѣческій и можно было предвидѣть, что онъ выйдетъ окончательно побѣдителемъ изъ неизбѣжной борьбы съ физическою силою. Во всемъ видѣнъ прогрессъ, хотя нравственная испорченность въ высшихъ слояхъ общества достигла большихъ размѣровъ, нежели когда либо въ прежнее время. Но и это было

необходимо для убѣжденія свѣта, что отжившія средневѣковыя формы, лишены всякой внутренней силы и, тѣмъ самымъ, какъ препятствующія возрожденію человѣчества, должны пасть неизбѣжно.

Вѣсть о смерти Владислава IV, полученная одновременно съ донесеніемъ о пораженіи подъ Желтыми Водами и подъ Корсуномъ, могла естественно, встревожить всю рѣчьпосполитую. Примасъ Матвѣй Лубенскій, не медля, созвалъ въ Варшаву сенаторовъ на совѣщаніе. Нужно было думать о защитѣ, прежде нежели соберется конвокаціонный сеймъ (16 іюля). Сенаторы объявили отъ имени воеводствъ, какъ великъ можетъ быть вооруженный контингенсъ каждаго воеводства и съ быстротою, достойною изумленія, было собрано 30,000 войска, командованіе коимъ было поручено сандомирскому воеводѣ Доминику Заславскому и двумъ его намѣстникамъ — Остророгу и Александру Конецпольскому. Еремія Вишневецкій, Янушъ Тышкевичъ и Станиславъ Ланцкоронскій, сражавшіеся до сего времени съ козаками, во главѣ собственныхъ отрядовъ, были не довольны вновь назначеннымъ главнокомандующимъ и потому пріостановили военныя дѣйствія. Это дало Хмѣльницкому возможность увеличить свои силы.

Конвокаціонный сеймъ, подъ вліяніемъ опасности, угрожавшей со стороны козаковъ, прошелъ весьма спокойно. Сеймъ принялъ рѣшеніе сената, на счетъ количества войска и начальниковъ, которые должны были занять мѣста обоихъ коронныхъ гетмановъ, находившихся въ плѣну. Къ нимъ были приставлены лишь коммисары отъ сената и посольской палаты, чрезъ что войско было въ рукахъ какого то многоголоваго начальства—обстоятельство, приносящее всегда вредъ всякимъ военнымъ дѣйствіямъ. Иновѣрцамъ гарантированы снова всѣ права, признанныя за ними въ прежнія времена рѣчьюпосполитою. Иностранные посланники—австрійскій, папскій, французскій и шведскій совѣтовали сословіямъ избрать въ короли одного изъ сыновей Сигизмунда III, т. е. Яна-Казиміра, или епископа бреславскаго и плоцкаго Карла-Фердинанда. Въ то

же время явилось посольство отъ козаковъ, снаряженное еще къ Владиславу IV. Посольство это жаловалось на угнетенія, испытываемыя козаками со стороны коммисаровъ и полковниковъ, а также старостъ, которые обращались съ ними, какъ съ невольниками. Сеймъ назначилъ коммисію, составленную изъ брацлавскаго воеводы, Адама Кисселя, Обуховича, Януша Тышкевича и другихъ, и поручилъ ей отправиться въ Кіевъ и успокоить козаковъ. Коммиссары должны были потребовать отъ козаковъ выдачи польскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ орудій и писемъ Владислава IV, которыми они хвастались, а также заставить ихъ отказаться отъ союза съ татарами, не входить ни въ какія сношенія съ врагами рѣчипосполитой, прекратить бунтъ и вновь принести присягу на вѣрность рѣчипосполитой. Въ то же время коммисарамъ поручалось требовать выдачи зачинщиковъ бунта, изъ которыхъ однихъ—наказать примѣрно на мѣстѣ, остальныхъ же доставить въ Варшаву. Они были также уполномочены къ такимъ уступкамъ въ пользу козаковъ, которыя покажутся имъ соотвѣтственными. Одновременно отправленъ посолъ въ Стамбулъ съ требованіемъ, чтобы султанъ отклонилъ хана татарскаго отъ союза съ козаками. Конвокаціонный сеймъ окончилъ свои занятія, назначивъ день 6 окт. на элекціонный съѣздъ въ обыкновенномъ мѣстѣ подъ Варшавою.

Между тѣмъ въ Украинѣ кипѣла ожесточенная борьба. Хмѣльницкій, послѣ корсунской побѣды, расположился съ главными силами вблизи Бѣлой Церкви. Но Кривоносъ, собравъ нѣсколько десятковъ тысячъ вооруженной черни, производилъ, съ его вѣдома, страшныя опустошенія въ краѣ. Соединившись съ Ланцкоронскимъ и Осинскимъ, Вишневецкій завязалъ бой подъ Константиновымъ (26 іюля), въ которомъ Кривоносъ потерялъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, Вишневецкій же направился къ Пилавкѣ, гдѣ сосредоточивалось польское войско. Вскорѣ прибыли изъ Кіева и коммисары, претерпѣвъ неудачу, такъ какъ Хмѣльницкій прервалъ переговоры, подъ предлогомъ слишкомъ строгаго обращенія Вишневецкаго съ упрямымъ людомъ. Числительность собравшагося войска доходила до 40,000. Хмѣльницкій подступилъ также съ большими

силами, и обольщая поляковъ надеждою на переговоры, ожидалъ татарскихъ отрядовъ, долженствовавшихъ явиться подъ начальствомъ самого хана. Обманутые притворною покорностію козаковъ, поляки не атаковали ихъ и провели нѣсколько недѣль въ бездѣйствіи. Брацлавскій воевода Кисель совѣтовалъ медлить, увѣряя, что чернь скоро разбредется. Вишневецкій полагалъ нужнымъ дѣйствовать наступательно. Главнокомандующій Заславскій не зналъ, какому слѣдовать совѣту. Наконецъ когда козаки уже слишкомъ долго не давали рѣшительнаго отвѣта, Заславскій началъ угрожать войною. Угроза была не кстати, такъ какъ къ тому времени подоспѣлъ съ ордою Исланъ-Гирей. Поляки, при встрѣчѣ съ татарами, одержали верхъ и перерѣзали значительное количество враговъ, но появленіе хана, до такой степени встревожило Заславскаго, что онъ тайно скрылся изъ лагеря. Когда же войско не видѣло и намѣстниковъ главнокомандущаго и когда разошлась молва, что паны уходятъ—началось общее (28 сент.) бѣгство. Весь обозъ, даже передовая стража, были брошены на произволъ судьбы. Вишневецкій, съ горстью оставшихся, вынужденъ былъ поспѣшно отступить къ Львову. Хмѣльницкій и ханъ не вѣрили своимъ глазамъ, увидя польскій лагерь пустымъ. Они нашли огромное количество драгоцѣнныхъ предметовъ, брошенныхъ въ торопяхъ поляками.

Всѣ татарско-козацкія силы двинулись къ Львову. Нѣкто Award Гловацкій, польскій шляхтичъ, бывшій на службѣ у козаковъ, отправился въ авангардъ и прибывъ въ Львовъ, обратился къ городскому магистрату съ воззваніемъ соединиться съ козаками, какъ съ своими единовѣрцами. Магистратъ отвѣтилъ рѣшительно, что городъ намѣренъ остаться вѣрнымъ рѣчипосполитой. Съ прибытіемъ Хмѣльницкаго началась осада Львова. Не смотря на значительныя войска, бывшія въ его распоряженіи, онъ усомнился, наконецъ, въ возможности взять Львовъ силою, а потому потребовалъ, въ видѣ выкупа 200,000 злот., которыя и получилъ. Изъ Львова Хмѣльницкій направился къ Замостью. Комендантомъ этой крѣпости былъ Вейеръ. Мужественное его сопротивленіе принудило

Хмѣльницкаго вступить въ переговоры. 20,000 злот. склонили гетмана снять осаду. Впрочемъ главнымъ поводомъ уступчивости, со стороны Хмѣльницкаго, было избраніе въ короли Яна-Казиміра, вполнѣ отвѣчавшее желаніямъ козаковъ, что они и объявили, даже, чрезъ своихъ пословъ.

Всѣ однакожъ окрестности Львова, Замостья и болѣе отдаленныя мѣстности подверглись страшному опустошенію, благодаря тѣмъ, которые съ позоромъ бѣжали изъ подъ Пилявецъ. Разъяренная чернь убивала людей тысячами. Въ самомъ Наролѣ, какъ увѣряютъ, было умерщвлено до 45,000 человѣкъ *), разнаго званія. Бѣдствія этой войны отразились и на Литвѣ. Русскіе крестьяне, угнетаемые своими помѣщиками, почти вездѣ соединились съ козаками.

Пока происходила эта военная суматоха, собрался элекціонный сеймъ. Нужно было, не медля, приступить къ обсужденію средствъ для защиты отечества, ибо съ каждымъ днемъ вѣсти становились страшнѣе, а безпрерывные пожары свидѣтельствовали о неистовствахъ козаковъ и татаръ въ обезоруженной странѣ. На сеймѣ поднялся шумъ противъ первыхъ виновниковъ бѣгства войска изъ пилявецкаго лагеря. Но справедливое замѣчаніе, что слѣдуетъ, прежде всего, отклонить угрожающую опасность, успокоило волненіе. Воеводства обязались поставить войска, а магнаты, съ своей стороны, вооружили также значительные отряды. Командованіе предполагалось вручить Вишневецкому, хотя нѣкоторые, готовые, путемъ переговоровъ, привести козаковъ къ повиновенію, были противъ назначенія человѣка, извѣстнаго своимъ крутымъ нравомъ. Покончивъ это дѣло, сеймъ перешелъ къ очереднымъ вопросамъ. Иновѣрцы, видя до какой степени серьезно дѣло съ козаками, не хотѣли излишнею навязчивостью тревожить рѣчьпосполитую. Католики, съ своей стороны, оказались столь же сговорчивыми. Самымъ важнымъ вопросомъ былъ выборъ короля. Шляхта спѣ-

---

*) По другимъ источникамъ до 12,000 человѣкъ, по преимуществу евреевъ. *Прим. перевод.*

шила, и такъ какъ явились всего только два кандидата, т. е. оба королевичи, то при выборѣ не могло быть никакихъ затрудненій. Значительное большинство шляхты ненавидѣло Яна-Казиміра, котораго также ничто не привлекало къ рѣчипосполитой. Но такъ какъ Карлъ-Фердинандъ отказался добровольно отъ престола въ пользу брата, а французскій посланникъ совѣтовалъ избрать Яна-Казиміра, какъ человѣка свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ — выборъ состоялся единогласно (17 нояб.) и Янъ-Казиміръ присягнулъ на тѣ же самыя условія, на которыя присягалъ Владиславъ IV, съ нѣкоторыми только прибавленіями. Коронація должна была совершиться 10 янв. 1649 г. Тотчасъ послѣ избранія, Янъ-Казиміръ отправилъ Сняровскаго, въ качествѣ своего повѣреннаго, къ Хмѣльницкому, который, къ тому времени, возвратился со всѣмъ войскомъ въ Украину *). Новый король успокоилъ его обѣщаніемъ, что выхлопочетъ у рѣчипосполитой выгодныя условія мира.

На нѣкоторое время пріутихла междоусобная война. Коронаціонный сеймъ въ Краковѣ былъ весьма оживленъ. Посольская палата требовала, чтобы виновники пилявскаго бѣгства были преданы суду, иновѣрцы же домогались своихъ правъ. На эти споры и столкновенія было потеряно такъ много времени, что сеймъ хотѣлъ уже разойтись, не разрѣшивъ ни одного вопроса. Съ большимъ трудомъ удалось посольской палатѣ продлить сеймъ для обсужденія средствъ къ веденію войны съ козаками на случай, если бы мирныя старанія коммисаровъ не увѣнчались успѣхомъ. Нѣкоторыя воеводства обязались прислать вооруженные отряды, другія назначили новыя подати, а всѣ остальныя воеводства должны были разрѣшить этотъ вопросъ на реляціонныхъ сеймахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймъ уполномочилъ короля созвать, въ случаѣ надобности, всеобщее ополченіе.

---

*) Возвращеніе Хмѣльницкаго изъ похода было настоящимъ торжествомъ, въ особенности въѣздъ его въ Кіевъ. Вокругъ него ѣхали полковники въ золотѣ, серебрѣ, отнятомъ у поляковъ, впереди песли польскія знамена; духовенство, академія встрѣчали его, народъ привѣтствовалъ, какъ освободителя и защитника. *Прим. перевод.*

Переговоры съ Хмѣльницкимъ шли весьма туго. Выдержавъ болѣе полугода коммисаровъ, онъ потребовалъ наконецъ уничтоженія брестъ-литовской уніи, изгнанія изъ Украины іезуитовъ и евреевъ, а также, чтобы кіевскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ и украинскіе сановники принадлежали къ восточной церкви. Въ тоже время онъ домогался обезпеченія всѣхъ льготъ козаковъ, съ тѣмъ, чтобы гетманъ подчинялся одному лишь королю. Коммисары не могли согласиться на такія условія, тѣмъ болѣе, что были убѣждены въ невозможности, даже и этими уступками, усмирить Хмѣльницкаго. Пришлось затѣмъ вновь взяться за оружіе, къ чему обѣ стороны готовились съ одинаковымъ усердіемъ. Король назначилъ главнокомандующимъ Андрея Фирлея, по случаю отсутствія обоихъ коронныхъ гетмановъ. Кварцяное войско собралось въ окрестностяхъ Стараго Константинова, откуда, по прибытіи Вишневецкаго, Адама Сенявскаго, Ланцкоронскаго и другихъ, всѣ польскія силы направились къ Збоража. Здѣсь поляки воздвигли укрѣпленный лагерь, какъ скоро получили извѣстіе, что Хмѣльницкій приближается во главѣ 200,000 козаковъ и 100,000 татаръ. Фирлей съ прочими начальниками рѣшился защищаться до послѣдней крайности, и умолялъ короля прислать, какъ можно скорѣе, вспомогательное войско. Хмѣльницкій явился дѣйствительно (10 іюля 1649) и окружилъ со всѣхъ сторонъ польскій лагерь, съ желаніемъ овладѣть имъ, послѣ вступительнаго боя. Но усилія его были безуспѣшны. Поляки защищались, съ замѣчательнымъ мужествомъ. Напрасно Хмѣльницкій обѣщалъ войску свободное отступленіе, лишь бы ему выдали Вишневецкаго и Конецпольскаго. Поляки отвергли столь постыдное условіе, объявивъ, что готовы лучше погибнуть до послѣдняго, нежели запятнать рыцарскую честь. Положеніе поляковъ, терпѣвшихъ нужду въ продовольствіи, водѣ и порохѣ, становилось однако съ каждымъ днемъ отчаяннѣе, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе болѣзней и безпрестанныхъ стычекъ, они понесли значительную убыль въ людяхъ.

Между тѣмъ король, женившись на своей невѣсткѣ Маріи-Людвикѣ, собрался въ походъ, вскорѣ послѣ свадьбы, именно въ

концѣ іюня. Произведя въ Люблинѣ смотръ войскамъ, онъ двинулся чрезъ Замосцъ, Соколъ, Львовъ къ Злочову. Главное командованіе надъ всѣмъ войскомъ, на правахъ своего намѣстника, онъ передалъ великому коронному гетману Юрію Оссолинскому, а начальникомъ пѣхоты назначилъ шведа Губальда, что вызвало сильное неудовольствіе въ войскѣ.

Вѣсть, полученная изъ збаражскаго лагеря, что осажденные не могутъ долѣе держаться, заставляла дѣйствовать быстро. Едва король, со всѣмъ своимъ войскомъ, простиравшемся до 34,000 человѣкъ, расположился (15 авг.) подъ Зборовымъ, Хмѣльницкій подступилъ къ его лагерю съ ханомъ и съ 150,000 народа, оставивъ остальныя свои силы подъ Збаражемъ. Янъ-Казиміръ отбилъ непріятеля въ первой встрѣчѣ *), но ночью произошло между поляками смятеніе, вызванное ложнымъ слухомъ, будто бы король выѣхалъ тайно изъ лагеря. Готовы были повториться пилявецкія происшествія, если бы Янъ-Казиміръ, объѣхавъ лагерь при свѣтѣ факеловъ, не увѣрилъ войско, что предпочитаетъ гибель бѣгству. Ободренное войско оттѣснило на слѣдующій день непріятеля, которому жители Зборова и окрестныхъ деревень весьма охотно служили за проводниковъ. Подобныя стычки значительно сокращали ряды поляковъ и хотя козаки, относительно, испытывали гораздо большія потери, тѣмъ не менѣе они совершенно окружили польскій лагерь.

Судьба осажденныхъ подъ Збаражемъ сильно безпокоила короля и всю рѣчьпосполитую, и слѣдовало рѣшительнымъ шагомъ кончить войну. По совѣту Юрія Оссолинскаго рѣшено попытаться отвлечь хана отъ союза съ Хмѣльницкимъ. Великій коронный канцлеръ началъ съ того, что написалъ письмо къ Исламъ-Гирею, упрекая его въ томъ, что онъ, забывъ благодѣянія покойнаго Владислава IV, поддерживаетъ взбунтовавшихся козаковъ, которые не

---

*) «Самъ (Хмѣльницкій) съ конницею и съ ханомъ отправился къ Зборову; 5 августа дѣло началось сильнымъ пораженіемъ поляковъ, не ожидавшихъ нападенія; къ ночи они были окружены со всѣхъ сторонъ». (Соловьевъ, Т. X, стр. 225). *Прим. перевод.*

преминутъ отплатить ему зломъ за эту поддержку. Ханъ выразилъ въ своемъ отвѣтѣ готовность начать переговоры, къ которымъ и было приступлено безъ замедленія. Хмѣльницкій также поспѣшилъ заявить, что признаетъ власть короля и хочетъ покориться ему во всемъ, лишь бы были обезпечены права козаковъ. Вскорѣ состоялся, такъ называемый, зборовскій договоръ. Хану обѣщано ежегодной платы 90,000 злот., которыя онъ долженъ былъ получать въ Каменецъ-Подольскѣ *), за что, съ своей стороны, онъ обязался являться съ всею ордою, по каждому востребованію короля и рѣчипосполитой. Точно также состоялось соглашеніе и съ Хмѣльницкимъ. Король простилъ ему и козакамъ ихъ бунтъ и подтвердилъ прежнія ихъ льготы, гетманъ же и козаки просили публично прощенія у короля. Кіевскому митрополиту предоставлялось засѣдать въ сенатѣ, а всѣ свѣтскіе сенаторы трехъ украинскихъ воеводствъ, должны были быть православные. Евреямъ и іезуитамъ запрещено жить въ Украинѣ и сверхъ того должны были быть возвращены всѣ православныя церкви въ Владимірѣ, Люблинѣ, Красноставѣ и Сокалѣ. Кварцяному войску воспрещено располагаться на квартирахъ въ Украинѣ, гдѣ должны были находиться лишь 40,000 реестровыхъ козаковъ. Гетманъ Хмѣльницкій и его преемники, получивъ во владѣніе чигиринское староство, должны были признавать власть одного лишь короля и отнюдь не подчиняться коронымъ гетманамъ. Обѣ стороны присягнули на этотъ договоръ, и король обѣщалъ склонить на ближайшемъ сеймѣ всѣ сословія къ утвержденію его. Ханъ хотѣлъ получить еще выкупъ отъ войскъ, осажденныхъ подъ Збаражемъ, но храбрые воины отвѣтили, что не намѣрены платить за свою свободу, пока держатъ оружіе въ рукахъ. Когда же король отправилъ къ нимъ брацлавскаго каштеляна Стемпковскаго, которому, въ качествѣ его уполномоченнаго, поручалось провести ихъ безопасно черезъ непріятельскій лагерь, они точно съ такою же гордостію отвѣтили, что собственное оружіе составляетъ ихъ единственную опеку.

---

*) Сверхъ этой ежегодной дани, король далъ хану обязательство прислать въ Крымъ единовременно 200,000 злот. *Прим. перевод.*

По заключеніи зборовскаго договора, Хмѣльницкій возвратился на Украину, а ханъ въ Крымъ. Король же, наградивъ мужество войска и, въ особенности, начальниковъ, отправился въ Варшаву. Зборовскій договоръ возбудилъ всеобщій ропотъ, въ особенности тогда, когда сдѣлалось извѣстнымъ, какъ хорошо дрались литовцы съ козаками подъ Лоевымъ и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ козацкіе вожди — Голота, Кречевскій, Подобайло и другіе, едва ли не при всякой встрѣчѣ, претерпѣвали пораженіе. Литовскій гетманъ Радзивиллъ угрожалъ даже, Украинѣ, что будто бы, главнымъ образомъ, побудило Хмѣльницкаго къ переговорамъ, и вслѣдствіе этого составилось мнѣніе, что договоръ былъ бы заключенъ на несравненно выгоднѣйшихъ условіяхъ, если бы Оссолинскій не обнаружилъ такой торопливости.

Король созвалъ въ Варшаву, на день 22 ноября, чрезвычайный сеймъ, на которомъ слѣдовало утвердить зборовскій договоръ. Посольская палата противилась весьма долго, но наконецъ, покорилась необходимости. Приходилось только соблюдать всѣ условія договора, чтобы лишить Хмѣльницкаго возможности продолжать подстрекать народъ. Свѣтскіе и духовные магнаты не могли однако свыкнуться съ мыслію о предоставленіи крестьянамъ въ Украинѣ такихъ обширныхъ гражданскихъ правъ и о правѣ православнаго митрополита засѣдать въ сенатѣ. Происки іезуитовъ, приведенныхъ въ негодованіе тѣмъ, что ихъ изгоняли изъ Украины вмѣстѣ съ жидами, препятствовали исполненію договора, а заявленіе архіепископовъ и епископовъ о выходѣ изъ сената, если въ немъ будетъ засѣдать схизматическій митрополитъ, порѣшило остальное. Условіе, по которому кварцяному войску не дозволялось располагаться на квартирахъ въ Украинѣ, было также нарушено, такъ что, вообще, Хмѣльницкій имѣлъ полное основаніе нарушить договоръ.

Сеймъ отправилъ въ Кіевъ коммиссаровъ для составленія реестра или вѣдомости 40,000 козаковъ. Хмѣльницкій созвалъ козачьихъ старшинъ на вечъ, гдѣ раздался сильный ропотъ противъ уніи и шляхты, угнетающей сельскій людъ. Къ тому же не было

возможности составить означенный реестръ, ибо никто не хотѣлъ возвращаться къ прежнему подданству. Хмѣльницкій дѣлалъ видъ, будто искренно желаетъ выполненія договора, а между тѣмъ самъ подстрекалъ къ сопротивленію, желая лишь привлечь на свою сторону большія силы. Ему было также извѣстно, что прибывшее въ Варшаву московское посольство, требовало наказанія всѣхъ тѣхъ, которые оскорбили царя въ оффиціальныхъ или частныхъ сочиненіяхъ, а равно возвращенія земель — смоленской, черниговской и сѣверской, угрожая въ противномъ случаѣ войною. Единственное опасеніе, что ханъ татарскій, только что дозволившій обоимъ коронным гетманамъ возвратиться въ свое отечество, по внесеніи ими выкупа, захочетъ строго выполнить условія договора, удерживало еще нѣсколько Хмѣльницкаго и московцевъ.

Очевидно, что Хмѣльницкій выжидалъ лишь удобнаго случая для возобновленія военныхъ дѣйствій. Кіевскій воевода Адамъ Кисель сообщилъ объ этомъ, донося въ то же время, что Хмѣльницкій вошелъ въ сношенія съ турками и намѣренъ отдать имъ Украину, за что султанъ прислалъ ему уже знаки леннаго турецкаго князя. Къ тому же не было тайною, что Хмѣльницкій ведетъ переговоры съ Швеціею и Москвою, а потому приходилось заблаговременно готовиться къ войнѣ. Вскорѣ возникло новое обстоятельство, явно обнаружившее, до какой степени шатокъ миръ съ козаками. Господаремъ въ Молдавіи былъ Василій Лупули. На дочери его Розандѣ, извѣстной также подъ именемъ Думной, хотѣлъ жениться Димитрій Вишневецкій, племянникъ русскаго воеводы Іереміи Вишневецкаго. Отецъ и Розанда соглашались на этотъ бракъ, какъ вдругъ Богданъ Хмельницкій потребовалъ руки молдавской княжны для своего сына Тимофѣя. Получивъ отказъ, онъ двинулся съ татарами въ Молдавію, сжегъ Яссы и угрожая совершеннымъ раззореніемъ всего воеводства, принудилъ Василія вступить въ переговоры, вслѣдствіе которыхъ молдавскій господарь обязался уплатить Хмѣльницкому значительную дань и выдать дочь за сына его Тимофѣя.

Великій коронный гетманъ Потоцкій, недавно освобожденный

изъ татарскаго плѣна, расположился съ войскомъ подъ Каменцемъ, для защиты этой важной крѣпости. Хмѣльницкій, по возвращеніи изъ Молдавіи, потребовалъ, чтобы онъ распустилъ войско и хлопоталъ о выполненіи зборовскихъ условій, предупреждая, что въ противномъ случаѣ, война неизбѣжна. Потоцкій не внялъ требованіямъ Хмѣльницкаго и дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ, началась рѣзьня въ русскихъ земляхъ. Опасность сдѣлалась очевидною и когда къ тому же, скончался главный виновникъ зборовскаго договора Юрій Оссолинскій,—король увидѣлъ себя вынужденнымъ созвать сеймъ въ Варшавѣ (въ нояб. 1650) для обсужденія средствъ къ выходу изъ труднаго положенія. Сначала предполагали, что затянувъ дѣло, можно будетъ сладить съ козаками. Но когда возвратились коммисары съ донесеніемъ, что Хмѣльницкій требуетъ головъ Вишневецкаго, Конецпольскаго и кого то третьяго, стало яснымъ какъ день, что дѣло должно быть рѣшено оружіемъ. Вишневецкій предлагалъ сформированіе 60,000-го войска, чтобы, разъ на всегда, усмирить козаковъ. Въ это время явилось козачье посольство съ требованіемъ, что на зборовскій договоръ, нарушенный уже почти по всѣмъ статьямъ, присягнули гнѣзненскій архіепископъ и нѣсколько епископовъ, а также Николай Потоцкій, Еремія Вишневецкій и Левъ Сапѣга, а равно, чтобы никто изъ поляковъ не содержалъ въ Украинѣ надворнаго войска и чтобы крестьянамъ, которые присоединялись къ козакамъ, была дарована амнистія. Сеймъ отказалъ посламъ Хмѣльницкаго и, разрѣшивъ вооруженіе 40,000 войска, уполномочилъ короля созвать, въ случаѣ надобности, посполитое рушенье.

Янъ-Казиміръ обратился съ просьбою о денежномъ вспомоществованіи къ папѣ Иннокентію X и императору Фердинанду, но оба отвѣтили весьма вѣжливо, что сами находятся въ финансовыхъ затрудненіяхъ. Между тѣмъ опасность приближалась, ибо перехвачено письмо Хмѣльницкаго, которымъ онъ приглашалъ трансильванскаго воеводу Ракочаго, открыть одновременно враждебныя дѣйствія противъ Польши. Было также положительно извѣстнымъ, что эмиссары Хмѣльницкаго волновали вездѣ сельскій

людъ. Въ Украинѣ собирались вооруженные отряды подъ начальствомъ Нечая, который (въ февр. 1651), въ главѣ 30,000 козаковъ, опустошалъ границы Подоліи и занялъ Красное. Польный коронный гетманъ Калиновскій выступилъ противъ него и подъ Краснымъ завязался бой, въ которомъ козаки претерпѣли пораженіе, потерявъ 7,000 убитыми и 3,000 плѣнными. Въ числѣ убитыхъ былъ и самъ Нечай. Калиновскій затѣмъ занялъ Мораxву, Шарогродъ и Стѣну, а Станиславъ Ланцкоронскій — Ямполь и оба подступили къ Винницѣ, гдѣ козаками предводительствовалъ Богунъ. Приближеніе однако Хмѣльницкаго съ превосходными силами, заставило Калиновскаго отступить чрезъ Баръ къ Каменецъ-Подольску. Здѣсь пришлось заняться укрѣпленіемъ фортовъ, такъ какъ получено было извѣстіе, что Хмѣльницкій намѣренъ овладѣть Каменцемъ и отдать его туркамъ.

Между тѣмъ Потоцкій собиралъ наемное войско и сосредоточивалъ свои полки подъ Соколомъ, гдѣ ожидалъ прибытія короля, который дѣйствительно пріѣхалъ, (14 мая) въ лагерь. Калиновскій также привелъ свои отряды Соколъ и на военномъ совѣтѣ было рѣшено двинуться къ Берестечку со всѣми силами, численность которыхъ превышала 70,000 человѣкъ. Когда все уже было готово къ походу, король получилъ донесеніе, что какой то Наперскій, волнуя сельскій людъ въ карпатскихъ горахъ, овладѣлъ уже Чорштыномъ и что также въ Великопольшѣ замѣтно движеніе между крестьянами. Янъ-Казиміръ послалъ трехтысячный отрядъ для прекращенія этихъ безпорядковъ. Но прежде нежели отрядъ успѣлъ прибыть на мѣсто назначенія, — Наперскій и другіе возмутители были схвачены и казнены смертію.

Вслѣдъ затѣмъ подступилъ къ польскому лагерю Хмѣльницкій съ татарскимъ ханомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи около 300,000 войска. Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ стычекъ завязался рѣшительный бой (1 іюля). Обѣ стороны дрались съ ожесточеніемъ, но когда татары съ своимъ ханомъ бросились въ бѣгство а Хмѣльницкій поскакалъ за ними, то и козаки послѣдовали тому же примѣру. Правое крыло польскаго войска бросилось

преслѣдовать непріятеля, который, во время бѣгства, потерпѣлъ страшную потерю въ людяхъ. Только часть козаковъ, подъ начальствомъ Дзедзялы, заперлась въ таборѣ, укрѣпленномъ возами. Рѣшено было окружить ихъ со всѣхъ сторонъ и, затѣмъ, принудить къ сложенію оружія. Но прежде нежели поляки успѣли осуществить это намѣреніе, явилось козацкое посольство съ просьбою о королевскомъ помилованіи. Въ отвѣтъ посламъ было объявлено, что король помилуетъ козаковъ лишь тогда, когда они откажутся отъ Хмѣльницкаго и отдадутъ все бывшее при нихъ огнестрѣльное оружіе. Козаки не согласились и отнявъ начальство у Дзедзялы, провозгласили вождемъ Богуна, который, ловкими маневрами, вывелъ часть козацкаго войска изъ табора. Поляки, овладѣвъ окопами, умертвили часть козаковъ въ лагерѣ, а остальныхъ во время преслѣдованія. Весь козацкій лагерь достался въ руки поляковъ. Хмѣльницкій, котораго ханъ держалъ почти въ неволѣ, успокоилъ нѣсколько своего раздраженнаго союзника уплатою 800,000 чер вонн. злот., что дало ему возможность вскорѣ явиться снова, въ главѣ значительныхъ силъ.

Король задумалъ самъ со всѣмъ войскомъ двинуться къ Кіеву, чтобы наконецъ нанести козакамъ рѣшительный ударъ. Но посполитое рушеніе, указывая на уставы, гласившіе, что шляхта обязана только два мѣсяца служить на собственный счетъ, требовало или уплаты жалованья, или дозволенія разойтись по домамъ. Король вынужденъ былъ согласиться на послѣднее и только добился того, что воеводства оставили на жалованьи часть войска. Передавъ затѣмъ, дальнѣйшее веденіе войны обоимъ коронным гетманамъ, король приказалъ литовскому польному гетману Радзивиллу соединиться, какъ можно скорѣе, съ короннымъ войскомъ, самъ же возвратился въ Варшаву.

Когда коронные гетманы, преслѣдуя непріятеля по тремъ дорогамъ, чтобы облегчить продовольствіе войска, достигли Трилясова, Янушъ Радзивиллъ разбилъ козаковъ подъ Лоевымъ и занялъ Кіевъ, часть котораго сдѣлалась жертвою пламени *). Хмѣль-

*) Поляки, обуреваемые местью, произвели въ Кіевѣ страшное опустоше-

ницкій, тѣснимый съ двухъ сторонъ, объявилъ великому коронному гетману Потоцкому, что козаки будутъ повиноваться по прежнему, лишь бы былъ выполненъ зборовскій договоръ, но гетманъ, не обративъ вниманія на эти заявленія, пригласилъ Радзивилла соединиться съ нимъ подъ Васильковымъ. Хмѣльницкій хотѣлъ помѣшать этому движенію, но безуспѣшно, ибо коронное войско дѣйствительно соединилось (3 окт.) съ литовскимъ подъ Васильковымъ, послѣ чего была занята Германовка. Встревоженный Хмѣльницкій отправилъ къ Потоцкому уполномоченнаго съ просьбою о назначеніи коммисара, который вошелъ въ соглашеніе съ Выговскимъ*), на счетъ условій окончательнаго договора. Мнѣнія польскихъ начальниковъ и коммисаровъ раздѣлились. Одни высказались въ пользу переговоровъ, а другіе полагали, что козаковъ слѣдуетъ преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока они не положатъ оружія. Къ счастію Хмѣльницкаго и козаковъ, во время экспедиціи, скончался подъ Хвастовымъ, самый заклятый ихъ противникъ Іеремія Вишневецкій и такимъ образомъ, требовавшіе переговоровъ одержали верхъ. Маховскій былъ отправленъ въ качествѣ уполномоченнаго для составленія съ Выговскимъ предварительныхъ условій. Обѣ стороны согласились на перемиріе, а переговоры должны были происходить въ Бѣлой Церкви, куда и поѣхали (15 окт.) коммисары — кіевскій воевода Кисель, смоленскій воевода Юрій Хлебовичъ, Викентій Госѣвскій и Михаилъ Коссаковскій. Хмѣльницкій прибылъ также въ Бѣлую Церковь, имѣя съ собою 40,000 войска и объявилъ, что, съ своей стороны, употребитъ всѣ усилія къ успѣшному

ніе: разграбили церкви и монастыри, многіе изъ нихъ сожгли, въ томъ числѣ соборную церковь Богородицы, куда, какъ говорятъ евреи и солдаты ставили лошадей. *Прим. перевод.*

*) Выговскій, игравшій впослѣдствіи столь важную роль въ дѣяніяхъ Малороссіи, былъ шляхтичъ православнаго исповѣданія, служилъ прежде въ Кіевѣ, гдѣ за растрату какихъ то книгъ, или денегъ, приговоренъ къ смерти, но получилъ помилованіе и опредѣлился въ военную службу. Въ сраженіи при Жолтыхъ Водахъ попался въ плѣнъ и взятъ Хмѣльницкимъ для занятій по письменной части. Умомъ и нѣкоторымъ образованіемъ пріобрѣлъ огромное вліяніе въ войскѣ и даже надъ самимъ гетманомъ, но въ душѣ не переставалъ благопріятствовать Польшѣ. *Прим. перевод.*

окончанію дѣла. Вдругъ, неожиданно, вспыхиваетъ волненіе въ Бѣлой Церкви. Городская чернь и козаки угрожаютъ смертію всѣмъ ляхамъ и даже Хмѣльницкому, котораго упрекаютъ въ томъ, что думая о себѣ и старшинахъ, онъ хочетъ отдать сельскій людъ на произволъ пановъ. Хмѣльницкій прикрывалъ коммисаровъ какъ умѣлъ и, наконецъ, таки удалось ему вывести ихъ изъ города. Потоцкій, узнавъ объ опасности, въ которой находились коммисары, направился со всѣмъ войскомъ къ Бѣлой Церкви. Хмѣльницкій старался оправдать это движеніе и просилъ ускорить заключеніемъ договора. Поляки отвѣтили, что онъ самъ долженъ явиться въ лагерь и присягнуть на статьи, изъ которыхъ главныя заключались въ томъ, что козаки могутъ содержать только 15,000 реестровыхъ и что Хмѣльницкій долженъ навсегда прервать сношенія съ татарами. Вмѣсто него прибыло на слѣдующій день посольство отъ войска запорожскаго изъ 12 козаковъ, прося не ограничивать числа козаковъ и требовать расторженія союза съ татарами. Переговоры не состоялись и борьба закипѣла вновь. Радзивиллъ, командовавшій правымъ крыломъ, дрался мужественно и если бы Потоцкій поддержалъ его какъ слѣдуетъ, а въ особенности, если бы не приказалъ къ вечеру протрубить сигналъ къ отступленію— поляки одержали бы совершенную побѣду. Стычки продолжались нѣсколько дней и во все это время Хмѣльницкій не переставалъ выражать искреннюю готовность къ миру. Въ заключеніе, дѣйствительно, начались переговоры. Рѣшено было, чтобы число реестровыхъ козаковъ не превышало 20,000, а остальные возвратились бы къ прежнему состоянію, т. е. подчинились вновь панамъ, чтобы реестръ былъ составленъ до наступленія праздниковъ Рождества Христова и утвержденъ сеймомъ—чтобы гетмановъ выбирали сами козаки, а король всегда будетъ утверждать избраннаго кандидата— чтобы козаки располагались только въ коронныхъ земляхъ, а войско коронное и литовское отступило бы за Горынь—чтобы Хмѣльницкій помирилъ хана съ королемъ, а въ случаѣ неуспѣха выступилъ бы противъ него войною, а также не входилъ ни въ какія сношенія съ иностранными князьями—православное исповѣданіе

должно пользоваться прежними правами—евреямъ дозволяется возвратиться на Украину и оставаться тамъ подъ опекою шляхты и т. д. По составленіи этихъ статей, Хмѣльницкій прибылъ въ польскій лагерь и присягнулъ на нихъ великому коронному гетману, въ присутствіи цѣлаго войска.

Договоръ этотъ не возстановилъ мира въ Украинѣ. Хмѣльницкій, вмѣсто 20,000 козаковъ, удержалъ подъ оружіемъ вдвое больше. Сверхъ того образовались отдѣльныя, значительныя, независимыя отъ Хмѣльницкаго банды подъ начальствомъ Бугая, Мозыря и другихъ. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, поляки не могли отступить за Горынь и, что хуже всего, должны были сражаться почти постоянно. Шляхта, возвращавшаяся въ свои имѣнія на Украинѣ, раздражала народъ чрезмѣрною жестокостію при возстановленіи прежняго порядка вещей. Радуясь въ душѣ всей этой неурядицѣ, Хмѣльницкій, въ то же время, представлялся человѣкомъ самымъ благонамѣреннымъ, не переставая помышлять о новомъ возстаніи, тѣмъ болѣе, что къ тому времени скончался великій коронный гетманъ Николай Потоцкій. Въ то же время были перехвачены письма Хмѣльницкаго къ султану, въ которыхъ онъ заявлялъ готовность овладѣть Каменцомъ-Подольскомъ и передать его султану, что требовало еще большей осторожности.

Сеймъ, созванный въ Варшавѣ (въ янв. 1652), долженъ былъ заняться разсужденіемъ о дѣлахъ рѣчипосполитой, но былъ расторгнутъ уницкимъ депутатомъ Сициньскимъ. Главнымъ поводомъ волненія и закрытія сейма было дѣло коронпаго вице-канцлера Іеронима Радзѣіовскаго. Человѣкъ этотъ, осыпанный милостями Яна-Казиміра, въ особенности же королевы, участвовалъ во всѣхъ придворныхъ интригахъ, чѣмъ и открылъ себѣ путь къ почестямъ. При посредничествѣ короля онъ женился на вдовѣ Казановскаго, урожденной Служка. Вскорѣ, однакожъ, онъ вооружилъ противъ себя короля тѣмъ, что, гоняясь за популярностію у шляхты, не во всемъ слѣдовалъ мнѣніямъ и политикѣ двора. Король заподозрилъ его даже въ томъ, что шляхта подъ Берестечкомъ, главнымъ образомъ, по его внушеніямъ стала въ оппозицію. Рѣшительно не до-

вѣряя ему, король хотѣлъ отдѣлаться отъ него и потому предложилъ ему краковскую каштелянію. Но Радзѣіовскій не принялъ этого званія, предпочитая имѣть печать, а съ нею власть. Янъ-Казиміръ, не любившій стѣсняться въ средствахъ, искалъ лишь удобнаго случая, чтобы избавиться отъ Радзѣіовскаго. Вице-канцлеръ поссорился съ своею женою, такъ что раздраженная женщина начала хлопотать о разводѣ, а между тѣмъ поселилась въ монастырѣ клярисокъ въ Варшавѣ. Когда начали съѣзжаться депутаты на сеймъ, прибылъ въ столицу братъ ея — литовскій подскарбій Служка и занялъ ея дворецъ, откуда вооруженная его свита, силою вытѣснила прислугу вице-канцлера. Изъ этого вышелъ споръ, и затѣмъ, ночью произошла формальная стычка, при чемъ даже даны были выстрѣлы чуть ли не изъ орудій. Такъ какъ это происходило подъ бокомъ короля, то канцлеръ Мещинскій заявилъ, что дѣло подлежитъ разбирательству маршалковскаго суда. За отсутствіемъ великаго короннаго маршала, король приказалъ придворному Лукашу Опалинскому потребовать къ суду виновныхъ. Радзѣіовскій не принялъ вызова и отправился въ Піотрковъ, гдѣ именно собрался трибуналъ. Опалинскій, разсмотрѣвъ между тѣмъ дѣло, приговорилъ жену вице-канцлера и брата ея къ денежному штрафу и къ аресту, а Радзѣіовскаго къ лишенію чести и смертной казни, приказавъ приговоръ этотъ обнародовать при звукѣ трубъ, чѣмъ исключилъ Радзѣіовскаго изъ подъ покровительства законовъ. Радзѣіовскій подалъ жалобу въ трибуналъ и добился даже благопріятнаго рѣшенія, но король съумѣлъ пріостановить его обнародованіе. Подвергаясь личной опасности, ибо каждый староста былъ вправѣ схватить его, какъ обезчещеннаго человѣка и казнить смертію, онъ выхлопоталъ у краковскаго воеводы Заславскаго охранительный листъ и отправилъ къ депутатамъ записку съ изложеніемъ всей несправедливости приговора, самъ бѣжалъ въ Вѣну, а оттуда въ Швецію.

Такъ какъ приговоръ былъ въ самомъ дѣлѣ пристрастный и несогласный съ закономъ, то дѣло это вызвало въ посольской палатѣ сильное волненіе. Большинство депутатовъ роптало громко

злоупотребленій двора и противъ произвола правительства, а Стефанъ Замойскій напомнилъ даже въ соединенномъ засѣданіи сената и палаты, что въ Польшѣ не король выше закона, а законъ выше короля. Партія придворная пыталась оправдывать всѣ дѣйствія короля, но въ посольской избѣ раздалось требованіе, чтобы маршалъ палаты, привѣтствуя королю, прямо объявилъ ему, что при дворѣ господствуетъ одна лишь продажность. Не смотря на это, Янъ-Казиміръ передалъ должность вице-канцлера, какъ вакантную послѣ Радзѣіовскаго, Корыщинскому, и сверхъ того роздалъ его староства и помѣстья королевѣ и своимъ сторонникамъ. Неожиданно исчезаетъ изъ посольской палаты депутатъ Сицинскій, оставивъ въ городовомъ судѣ протестъ противъ всѣхъ рѣшеній сейма. Большинство депутатовъ признало сеймъ прерваннымъ и всѣ разъѣхались по домамъ.

Король виноватъ въ томъ, что долженъ былъ, по закону, передать дѣло Радзѣіовскаго сеймовому суду, онъ же поступилъ самовластно и тѣмъ въ критическую минуту, подалъ поводъ къ прерванію сейма. Опасность же дѣйствительно была серьезная, такъ какъ, съ одной стороны, московское посольство вновь выступило съ требованіемъ о наказаніи тѣхъ, которые оскорбили царя въ рукописныхъ и печатныхъ сочиненіяхъ, а съ другой — сношенія съ Швеціею были весьма шатки. Слѣдовало опасаться, что Хмѣльницкій не замедлитъ воспользоваться столь удобнымъ случаемъ. Часть короннаго войска, подъ начальствомъ Войниловича и Потоцкаго, стояла за Днѣпромъ для предупрежденія произвола козаковъ. Калиновскій, съ остальными полками, расположился въ Подоліи. Въ это время получено извѣстіе, что сынъ Хмѣльницкаго — Тимоѳѣй, съ козаками и татарами, намѣренъ двинуться въ Валахію. Гетманъ, сосредоточивъ свои войска близъ горы Батова, хотѣлъ преградить ему путь, не обративъ вниманія на предостереженіе Богдана, который его увѣдомилъ, что сынъ отправляется въ Валахію за невѣстой, а въ случаѣ помѣхи, готовъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Калиновскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи около 10,000 войска и окруживъ себя окопами, рѣшился

остаться на мѣстѣ. Вскорѣ (въ іюнѣ) подошелъ Тимоѳѣй съ огромными силами. Поляки защищались мужественно, но не было возможности одолѣть гораздо сильнѣйшаго непріятеля. Начальникъ пѣхоты и аттиллеріи Пржіемскій совѣтовалъ гетману оставить лагерь съ конницею, и поручить ему держаться съ пѣхотою до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ помощь. Калиновскій не принялъ этого совѣта и вмѣсто того, чтобы ограничиться обороною, самъ бросился на непріятеля. Во время боя въ лагерѣ вспыхнулъ пожаръ. Поляки сражались какъ львы, но окруженные со всѣхъ сторонъ, должны были покориться тѣмъ болѣе, что и Калиновскій и многіе изъ старшинъ погибли на полѣ битвы. Оставшіеся въ живыхъ попали въ плѣнъ. Татары захватили болѣе 5,000 человѣкъ. Тимоѳѣй или вѣрнѣе самъ Богданъ, слѣдовавшій за сыномъ съ свѣжимъ войскомъ, уплатилъ татарамъ сумму, равнявшуюся выкупу, на который татары могли разсчитывать и велѣлъ всѣхъ ихъ умертвить самымъ жестокимъ образомъ. Послѣ этого пораженія Хмѣльницкій подступилъ къ Каменцу-Подольску и потребовалъ его сдачи. Получивъ отказъ, онъ началъ осаду, но моровая язва принудила его вскорѣ отступить.

Вѣсть о батовскомъ пораженіи получена была въ Варшавѣ именно въ то время, когда собрался чрезвычайный сеймъ. Грозная опасность заставляла обдумать средства для защиты рѣчипосполитой. Явилось, правда, посольство отъ Хмѣльницкаго, который, объясняя все случившееся юношескимъ увлеченіемъ сына, выражалъ готовность строго выполнить всѣ статьи договора. Послы оправдывали даже самую рѣзню, обвиняя Калиновскаго, который, по ихъ мнѣнію, обходился весьма жестоко съ козаками и насиловалъ всякіе права. Король обѣщалъ предать все забвенію и отправить комисаровъ для изслѣдованія этого злосчастнаго дѣла, но одновременно приходилось помышлять объ образованіи войска. Сеймъ назначилъ налогъ на содержаніе 40,000 войска. Для переговоровъ съ Швеціею избраны коммисары. Въ то время былъ схваченъ гонецъ Радзѣіовскаго—Ясинскій, ѣхавшій къ Хмѣльницкому и козацкимъ старшинамъ съ письмами, въ которыхъ бывшій вице-канц-

леръ убѣждалъ ихъ заключить союзъ съ Швецію, вслѣдствіе чего Радзѣіовскій объявленъ измѣнникомъ отечества. Онъ обнародовалъ однако свою защиту, въ которой отказался отъ писемъ, увѣряя, что не давалъ никакого полномочія Ясинскому.

Коммисары — Зацвилиховскій и Черный, отправленные къ Хмѣльницкому, потребовали, чтобы гетманъ не только сдержалъ всѣ статьи договора, заключеннаго съ Потоцкимъ, но и далъ, тотчасъ же, королю въ заложники своего младшаго сына Юрія. Хмѣльницкій отвѣчалъ, что вовсе не намѣренъ отдавать сына въ заложники и что козаки тогда лишь успокоятся, когда будетъ обезцечена ненарушимость зборовскаго договора. Послѣ такого заявленія, коммисарамъ не оставалось ничего дѣлать, какъ возвратиться домой. Тогда былъ посланъ (въ нач. 1653) въ Украину коронный обозный Стефанъ Чарнецкій съ 11,000 конницы. Опустошивъ Еленьце, Погребища и другіе города, и преслѣдуя отправленнаго противъ него Хмѣльницкимъ Богуна, который заперся въ Монастырищахъ, Чарнецкій рѣшился овладѣть этимъ пунктомъ. Раненный пулею въ лице, Чарнецкій не былъ въ состояніи удержать отъ отступленія своихъ солдатъ, которые, по ложному извѣстію о приближеніи Хмѣльницкаго съ войскомъ, бѣжали въ безпорядкѣ семь миль, до тѣхъ поръ, пока Чарнецкій, перевязавъ рану, снова явился передъ ними и возстановилъ порядокъ.

Положеніе дѣлъ принимало все болѣе и болѣе грозный характеръ. Перемиріе съ Москвою оканчивалось. Швеція очевидно, помышляла о войнѣ, такъ какъ Янъ-Казиміръ не хотѣлъ отречься отъ титула шведскаго короля и даже употреблялъ этотъ титулъ въ полномочіяхъ и инструкціяхъ, выдаваемыхъ своимъ коммисарамъ. Хмѣльницкій же, женивъ своего сына на дочери валахскаго господаря, явно стремился къ оторванію Украины отъ Польши и мечталъ, даже, объ овладѣніи Молдавіею и Валахіею. Въ самой Польшѣ было множество недовольныхъ, приписывавшихъ королю всѣ бѣдствія и несчастія. Уже одно обстоятельство, что Янъ-Казиміръ не роздалъ гетманскія булавы, вооружило противъ него шляхту. Не смотря на все это, была возможность помочь злу, если бы Янъ-

Казиміръ хотѣлъ итти рука объ руку съ народомъ. Сеймъ, созванный (24 марта 1653) въ Брестѣ-Литовскѣ, спеціально занялся обсужденіемъ средствъ для обороны. Особенные ревизоры должны были осмотрѣть замки и крѣпости, по преимуществу Смоленскъ, а коммисіи финансовъ приказано удовлетворить войско въ Львовѣ жалованьемъ за прошлое время. Но подати поступали весьма медленно, по поводу обѣдненія жителей и страшной язвы, опустошившей земли рѣчипосполитой.

Въ Валахіи между тѣмъ возгорѣлась война. Тимоѳѣй Хмѣльницкій, совмѣстно съ своимъ тестемъ Василіемъ, хотѣлъ отнять у Радулы Молдавію. Послѣдній вошелъ въ сношеніе съ трансильванскимъ воеводою Ракочимъ, а въ самой Валахіи логофетъ *) Стефанъ провозгласилъ себя господаремъ. Тимоѳѣй былъ вытѣсненъ изъ Молдавіи и когда онъ явился снова съ свѣжимъ войскомъ, то былъ окруженъ въ Сочавѣ и въ то же время потребована помощь отъ Яна-Казиміра, находившагося тогда въ Львовѣ. Король отправилъ къ Сочавѣ изъ глинянскаго лагеря 4,000-й отрядъ, и, истративъ часть поступившихъ налоговъ на блестящій пріемъ московскихъ пословъ, самъ двинулся со всѣмъ войскомъ чрезъ Гусятынъ къ Каменцу. Здѣсь было рѣшено итти въ Украину, чтобы окончательно подавить козаковъ. Но во время похода получено извѣстіе объ опасности, угрожавшей Руси со стороны хана. Поляки вынуждены были отступить и расположиться лагеремъ подъ Жванцемъ. Въ это время погибъ въ Сочавѣ Тимоѳѣй отъ пушечнаго ядра и спустя нѣсколько дней послѣ его смерти, козаки сдали городъ полякамъ, присягая на вѣрность королю, въ службу котораго они обязались вступить. Но когда дѣло дошло до выполненія обязательства, козаки бѣжали въ Украину. Между тѣмъ ханъ подступилъ къ польскому лагерю. Ежедневно происходили болѣе или менѣе значительныя стычки. Оба войска начали испытывать сильный голодъ и холодъ. Наконецъ начались переговоры и послѣ

*) Логофетъ соотвѣтствовалъ въ Молдавіи званію канцлера.

Прим. перевод.

продолжительныхъ проволочекъ, заключенъ (17 дек.) миръ. Король обѣщалъ уплатить хану недоимку дани и дозволить увести безпрепятственно всѣхъ плѣнныхъ и добычу, а въ отношеніи козаковъ обязался держаться строго зборовскаго договора. Ханъ, съ своей стороны, долженъ былъ возвратиться въ Крымъ тотчасъ по полученіи денегъ, но предупреждалъ однакожъ, что часть орды, готова предаться грабежамъ, что въ самомъ дѣлѣ и случилось. Едва только разошлись поляки, часть татаръ вторглась въ Подолію и Червонную Русь, гдѣ захватили до 3,000 плѣнныхъ *).

Жванецкій договоръ былъ весьма обременителенъ, но не смотря на это дѣла рѣчипосполитой не улучшились и надъ нею готова была разразиться новая буря. Царь московскій Алексѣй Михайловичъ, 23-хъ лѣтній юноша, дѣлалъ безпрестанныя приготовленія къ войнѣ. За деньги ему доставляли изъ разныхъ концовъ Европы оружіе и способныхъ воиновъ. Въ Польшѣ знали хорошо, къ чему клонятся всѣ эти вооруженія, и потому въ качествѣ посланника, былъ отправленъ въ Москву Янъ Млоцкій. Московскій митрополитъ Никонъ совѣтовалъ правда королю не начинать войны съ Польшею, но противуположное мнѣніе одержало верхъ. Царь объявилъ, что готовъ жить въ мирѣ съ польскимъ королемъ, лишь бы послѣдній отдалъ ему Смоленскъ и уничтожилъ унію на Руси. Уже стало очевиднымъ, что Хмѣльницкій призналъ своимъ верховнымъ владыкою царя, который принялъ на себя роль защитника православія. Въ такой крайности, король созвалъ (въ янв. 1654) сеймъ въ Варшаву. Посольская палата, упрекая его въ стремленіи къ самовластію, поручила своему маршалу Дубровскому, во время привѣтствованія короля, сказать ему чистую правду. Рѣшено было также потребовать отъ него назначенія гетмановъ. Нѣкоторые депутаты, принадлежавшіе къ придворной партіи, считали оскорбленіемъ королевскаго достоинства, если бы посольская палата обратилась къ

---

*) Говорятъ, что король самъ позволилъ татарамъ въ продолженіи сорока дней грабить, раззорять и уводить въ плѣнъ русскихъ жителей въ польскихъ областяхъ, не касаясь поляковъ. (Соловьевъ, Т. IX, стр. 319).

Прим. перевод.

королю, не съ просьбою, а съ требованіемъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Бонковскій, объявилъ даже, въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ избъ, что король не долженъ допустить, чтобы самое низшее сословіе (т. е. военное) вырывало у него изъ рукъ право назначенія гетмановъ. Янъ-Казиміръ отвѣтилъ дѣйствительно, что раздача булавъ послѣдуетъ впослѣдствіи. Раздраженные депутаты возвратились въ палату, и отрѣшили Бонковскаго отъ званія депутата, что подало поводъ къ закрытію сейма, ибо прусскіе депутаты приняли сторону Бонковскаго. Король, бывшій самъ главнымъ виновникомъ закрытія сейма, вынужденъ былъ созвать вскорѣ (въ іюнѣ) другой чрезвычайный сеймъ, чтобы рѣшить самыя экстренныя дѣла рѣчипосполитой. Раздача булавъ успокоила раздраженные умы, и угрожавшая Польшѣ дѣйствительная опасность, склонила депутатовъ дать свое согласіе на налоги и посполитое рушенье. Во время этого сейма, Іеронимъ Радзѣіовскій просилъ короля о помилованіи, но по внушеніямъ своихъ противниковъ, не получилъ благопріятнаго отвѣта, за что впослѣдствіи дорого приплатила рѣчьпосполитая.

Въ то время, когда новый сеймъ обдумывалъ средства для обороны, многочисленныя московскія войска, безъ объявленія войны, вторглись въ Украину. Козаки и духовенство встрѣтили весьма радушно своихъ мнимыхъ защитниковъ, но вскорѣ разочаровались. Занявъ своими гарнизонами Кіевъ, Переяславль, Бѣлую церковь и другіе болѣе важные города, московцы начали угнетать сельскій людъ налогами и барщиной, а духовенство принуждали отправлять богослуженіе не только на русскомъ нарѣчіи, но и признавать московскаго, митрополита своимъ владыкою. Кіевскаго митрополита Косскаго, желавшаго остаться вѣрнымъ константинопольскому патріарху и удержать прежнее богослуженіе, вывезли въ Москву, откуда онъ уже не возвращался*). Козаковъ, отстаивающихъ свои льготы под-

*) Сильвестръ Коссовъ былъ шляхтичь и потому не могъ не сочувствовать шляхетскому государству, а главное, при польскомъ владычествѣ онъ былъ независимъ, ибо зависимость отъ отдаленнаго и слабаго патріарха византійскаго была номинальная, тогда какъ при подданствѣ московскому государю, трудно

вергали самымъ жестокимъ наказаніямъ, но и это не вылечило упрямыхъ козаковъ и не смягчило ихъ сердца, проникнутаго ненавистью къ Польшѣ. Они предпочли позорную неволю, обширнымъ льготамъ подъ властью рѣчипосполитой.

Самъ царь двинулся между тѣмъ въ Литву во главѣ 40,000 московцевъ, 20,000 козаковъ подъ начальствомъ Золотаренки и 20,000 ногайскихъ татаръ. Великій гетманъ литовскій Радзивиллъ, имѣя едва 10,000 человѣкъ, не хотѣлъ ожидать прибытія посполитаго рушенья и ненавистнаго ему польнаго литовскаго гетмана Госѣвскаго, и вопреки приказанію короля, вышелъ на встрѣчу непріятеля подъ Шкловъ, гдѣ потерпѣлъ совершенное пораженіе, такъ что едва успѣлъ собрать подъ Минскомъ остатки своей арміи. Теперь царь могъ занимать города и замки безъ малѣйшаго сопротивленія. Онъ взялъ — Дорогобужъ, Серпѣйскъ, Могилевъ и другіе. 29 мая Алексѣй Михайловичъ приступилъ къ осадѣ Смоленска, гдѣ начальствовалъ смоленскій воевода Обуховичъ. Крѣпость эта могла выдержать продолжительную осаду, но Обуховичъ сдалъ ее (29 сент.) послѣ 4-хъ мѣсячной обороны. Московцы овладѣли Витебскомъ, Мозыремъ и множествомъ другихъ крѣпостей и городовъ, а въ сѣверскомъ краѣ и въ части Литвы произвели страшныя опустошенія. Король пріѣхалъ, правда, въ Гродно, но такъ какъ литовское посполитое рушенье собиралось весьма медленно, то онъ возвратился въ Варшаву, поручивъ защиту края гетманамъ и витебскому воеводѣ Павлу Сапѣгѣ.

Въ это же время (1654) королева Христина добровольно отказалась отъ престола, въ пользу своего родственника, герцога цвейбрикенскаго Карла-Густава. Новый король потребовалъ отъ Яна-Казиміра отреченія отъ титула шведскаго короля, угрожая въ противномъ случаѣ войною. Если бы король имѣлъ хоть сколько нибудь привязанности къ рѣчипосполитой, онъ несомнѣнно отказался бы отъ пустаго титула. Но онъ предпочелъ своимъ упрям-

---

было избѣжать зависимости отъ московскаго патріарха, которая была уже не то (Соловьевъ, Т. X, стр. 328). *Прим. перевод.*

*

ствомъ навлечь на несчастную Польшу войну съ новымъ врагомъ, хотя и безъ того не могъ справиться съ козаками и Московіею. Прежде, однакожъ, нежели дѣло дошло до шведской войны, которой хотѣли избѣжать снаряженіемъ новаго посольства, король открылъ переговоры съ новымъ ханомъ Мехметъ-Гиреемъ. Послѣ долгихъ преній, ханъ согласился на союзъ съ Польшею противъ Московіи и козаковъ, и выпустилъ изъ плѣна болѣе 200 поляковъ. По заключеніи союза двинулись въ Украину коронные гетманы — Станиславъ Потоцкій и Станиславъ Лянцкоронскій съ 20,000 конницы и 8,000 пѣхоты. Хотя универсалами было возвѣщено жителямъ самое кроткое обращеніе, если они будутъ сдаваться добровольно, тѣмъ не менѣе польское войско встрѣчало во многихъ пунктахъ отчаянное сопротивленіе. Морахва, Красное и Чернѣіовице сдались сами, но Буму пришлось взять силою, при чемъ козаки и жители защищались съ такимъ остервененіемъ, что охотно бросались въ пламя, лишь бы не попасть живыми въ руки побѣдителей*). Брацлавъ защищался съ менѣе сильнымъ ожесточеніемъ, но и его оборона свидѣтельствовала, что придется добывать весь край оружіемъ. Подъ Ободовкою поляки соединились (въ концѣ дек.) съ 20,000 войскомъ татаръ. Соединенныя эти силы, занявъ нѣкоторые менѣе значительные города, которые приходилось брать съ бою, и потомъ опустошивъ ихъ, подступили къ Умани. Уже былъ открытъ огонь изъ орудій по валамъ и уже вспыхнулъ пожаръ въ городѣ, какъ вдругъ татары извѣстили гетмановъ, что огромное войско идетъ на помощь къ Умани. Гетманы, не медля, двинулись къ Ахматову, въ окрестностяхъ котораго произошло въ темную ночь, генеральное сраженіе. Русскіе

---

*) Польскимъ войскомъ предводительствовалъ Стефанъ Чарнецкій. Два раза отбитые съ урономъ, поляки ворвались, наконецъ, на валы. Жители, въ отчаяніи, начали поджигать дома и прощаясь, убивали другъ друга; женщины бросались съ дѣтьми въ пламя и въ колодцы, а жена козацкаго предводителя, убивъ мужа, сѣла на бочку съ порохомъ и зажгла ее подъ собою. Послѣ взятія города, слишкомъ 16,000 человѣкъ приплатило жизнью за этотъ день мести.

Прим. перевод.

не смотря на свой численный перевѣсъ *), претерпѣли пораженіе и готовы были сложить даже оружіе, но Хмѣльницкій съ большимъ трудомъ удержалъ ихъ отъ этого шага. Онъ устроилъ имъ таборъ изъ возовъ, подъ прикрытіемъ котораго началось (2 февр. 1655) отступленіе. Поляки хотѣли помѣшать движенію, но только успѣли отбить заднюю часть табора. Если бы татары дружно поддерживали поляковъ, побѣда была бы полною. Но подкупленные Хмѣльницкимъ, они уклонялись даже отъ участія въ битвахъ. Русскіе заняли сильныя позиціи, а гетманы вынуждены были, по поводу жестокихъ морозовъ, отправить пѣхоту въ Шарогродъ, конница же слѣдила за непріятельскими движеніями. Татары настояли также на томъ, чтобы увести въ Крымъ свою добычу и плѣнныхъ. Нужно было согласиться на это и что хуже всего, пришлось дать имъ, въ видѣ прикрытія, часть польскаго войска, подъ начальствомъ Іордана, которая такимъ образомъ, розыграла постыдную роль защитниковъ орды, гнавшей въ Крымъ христіанскихъ плѣнниковъ. Вотъ къ какому униженію привели рѣчьпосполитую іезуиты совмѣстно съ королемъ! Не смотря на уходъ татаръ, поляки имѣли много удачныхъ стычекъ съ козаками. Іорданъ между тѣмъ успѣлъ склонить хана снарядить новое войско. И дѣйствительно татары, въ числѣ 60,000, явились вскорѣ (въ мартѣ) на границахъ Польши подъ начальствомъ ханскаго намѣстника. Снова возгорѣлась война на Украинѣ. Польскіе полки, претерпѣвшіе убыль въ рядахъ и не получившіе къ тому жалованья, дрались тѣмъ не менѣе съ большимъ мужествомъ. Польскіе гарнизоны заняли Устье и другіе города. Но вдругъ, неожиданно, полученъ приказъ отъ короля, чтобы польный гетманъ Лянцкоронскій и Чарнецкій, съ возможною поспѣшностію, двинулись съ половиною войска противъ шведовъ.

Срокъ перемирія съ Швеціею оканчивался только въ 1661 г., но какъ скоро Христина уступила престолъ своему двоюродному

*) «Здѣсь (т. е. подъ Ахматовымъ) русскіе въ страшные морозы два дня отбивались отъ превосходившаго ихъ числомъ непріятеля и отступили къ Бѣлой Церкви» (Соловьевъ, Т. X, стр. 381). *Прим. перевод.*

брату Карлу-Густаву, отношенія сами собою поколебались. По настоянію коронныхъ сословій, Янъ-Казиміръ, во время царствованія еще Христины, отправлялъ уполномоченныхъ въ Любекъ, для переговоровъ о постоянномъ мирѣ. Всѣ однакожъ съѣзды оказались безуспѣшными, ибо шведы требовали, чтобы Янъ-Казиміръ отрекся отъ титула шведскаго короля. По вступленіи на престолъ Карла-Густава, были также отправлены уполномоченные для переговоровъ, но новый шведскій король пріискивалъ постоянно новыя затрудненія. Очевидно, что онъ хотѣлъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши, которая должна была бороться съ козаками и Московіею. Шведскій сеймъ былъ противъ войны, но Карлъ-Густавъ успѣлъ такъ ловко устроить дѣла, что уничтожилъ и это препятствіе. Когда затѣмъ, весною (1655), явилось въ Стокгольмъ новое польское посольство, онъ не хотѣлъ открывать съ нимъ переговоровъ, а объявилъ, что удобнѣе всего будетъ переговариваться о мирѣ (14 авг.) въ Штеттинѣ, куда онъ собирался съ войскомъ. И въ самомъ дѣлѣ, король отплылъ вскорѣ въ Померанію, гдѣ собралъ почти 40,000 войска, составленнаго преимущественно изъ наемныхъ нѣмцевъ.

Варшавскій сеймъ, снаряжая посольство въ Стокгольмъ, отнюдь не обольщалъ себя надеждою на миръ съ Швеціею, а потому принялъ соотвѣтственныя мѣры для обороны. Часть кварцянаго войска, была отозвана изъ Украины для усиленія всеобщаго ополченія; кромѣ того сдѣлано распоряженіе о вооруженіи лановой пѣхоты. Все это было, по крайней мѣрѣ, хотя частію выполнено, когда Карлъ-Густавъ, издавъ манифестъ съ изложеніемъ поводовъ, побуждавшихъ его, будто бы, открыть враждебныя дѣйствія съ Польшею, отправилъ къ польскимъ границамъ своего полководца Виттемберга. Великополяне, въ числѣ 15,000, подъ начальствомъ четырехъ воеводъ, стояли лагеремъ подъ Устьемъ, чтобы затруднить шведамъ переправу чрезъ Нотецъ. Виттембергъ обратился къ шляхтѣ и ея предводителямъ съ требованіемъ покорности шведскому королю. Радзѣіовскій, съ своей стороны, поддержалъ весьма краснорѣчиво это требованіе. Сначала великополяне сопротивля-

лись, но когда Виттембергъ, перейдя Нотецъ, окружилъ лагерь, а Радзѣіовскій дѣйствовалъ краснорѣчіемъ, они признали (25 іюля) Карла-Густава своимъ государемъ. Именемъ своего короля, Виттембергъ обѣщалъ всѣмъ, что ихъ права и льготы будутъ сохранены въ цѣлости, и что на католическую вѣру не будетъ сдѣлано и малѣйшаго посягательства. Познань хотѣла защищаться, но познанскій воевода успѣлъ убѣдить городъ отказаться отъ этого намѣренія.

Вскорѣ вторгнулся и Карлъ - Густавъ въ Великопольшу. Шляхта привѣтствовала его вездѣ съ радостію въ томъ убѣжденіи, что съ его приходомъ кончатся бѣдствія, которыя, своимъ дурнымъ правленіемъ, навлекъ на рѣчьпосполитую Янъ-Казиміръ. По крайней мѣрѣ въ этомъ увѣрялъ Радзѣіовскій и сторонники шведовъ. Янъ-Казиміръ прибѣгалъ къ всевозможнымъ средствамъ, чтобы склонить къ миру не только царя, вторгнувшагося снова въ Литву и взявшаго Вильно (8 авг.) и многіе другіе города, но и Карла-Густава, къ которому для этой цѣли отправилъ, въ качествѣ уполномоченнаго, Христофора Пржіемскаго. Шведскій король, гордясь своимъ успѣхомъ, далъ послу отрицательный отвѣтъ и двинулся въ Варшаву, которую и занялъ (8 сент.) безъ сопротивленія. Янъ-Казиміръ, соединившись съ кварцяными полками Лянцкоронскаго и Чарнецкаго, и имѣя подъ знаменами всего 12,000 человѣкъ, занялъ позицію подъ Сулеіовымъ. Чарнецкій сдѣлалъ вылазку и подъ Иновлодземъ, уничтожилъ отрядъ шведовъ въ 500 человѣкъ, а подъ Опочною поляки разбили часть шведской конницы. Подъ Страшовою Волею произошло (16 сент.) болѣе значительное сраженіе, въ которомъ его превосходная числомъ артиллерія заставила поляковъ отступить. Янъ-Казиміръ отошелъ къ Пржедборжу, откуда поѣхалъ въ Краковъ.

Подобно Великопольшѣ и другія воеводства, занимаемыя шведами, сдавались Карлу-Густаву. Кварцяные полки, находившіеся въ лагерѣ Яна-Казиміра, по поводу неполученія жалованья, составили конфедерацію подъ предводительствомъ Тыравскаго и Працкаго. Располагая столь незначительными силами, въ особен-

ности съ того времени, когда его покинуло посполитое рушенье, король не могъ съ успѣхомъ бороться со шведами. Янъ-Казиміръ передалъ защиту Кракова Чарнецкому, а самъ, съ остальнымъ войскомъ, двинулся въ сандецкій округъ, откуда вскорѣ послѣдовалъ за королевою въ Малый Глоговъ, въ Силезіи. Карлъ между тѣмъ бросился преслѣдовать кварцяное войско и убѣдилъ его обѣщаніемъ большихъ наградъ, при содѣйствіи Працкаго, перейти на свою сторону, послѣ чего припудилъ Чарнецкаго (18 окт.) сдать Краковъ. Чарнецкій выговорилъ ненарушимость религіи и всѣхъ учрежденій и церквей, а также права и привиллегіи, принадлежащія городу, а для своего войска — свободное отступленіе къ силезской границѣ.

Съ не меньшею удачею дѣйствовали шведы въ Литвѣ. Великій гетманъ литовскій Янушъ Радзивиллъ, желая отвлечь отъ литовскаго княжества опасность, угрожавшую со стороны Московіи и Швеціи, вошелъ въ переговоры съ Магнусомъ Делагарди и условившись еще съ нѣкоторыми магнатами, передалъ (31 іюля) въ Кейданахъ Литву Карлу-Густаву, на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на которыхъ подчинились коронныя воеводства. Польный гетманъ Госѣвскій, противился такому рѣшенію, но Радзивиллъ велѣлъ его схватить и посадить въ тюрьму. Въ Украинѣ коронный гетманъ Потоцкій не могъ сопротивляться Хмѣльницкому и вынужденъ былъ отступить. Преслѣдуемый постоянно превосходными силами непріятеля, онъ успѣлъ вздохнуть лишь немного свободнѣе въ Львовѣ, откуда двинулся (23 сент.) къ Грудку, гдѣ съ горстью людей расположился лагеремъ. Хмѣльницкій и Бутурлинъ осадили Львовъ, защищаемый съ замѣчательнымъ мужествомъ Христофоромъ Гродзицкимъ. Значительный отрядъ козаковъ напалъ неожиданно на Грудекъ. Поляки дрались сначала храбро, но принявъ отрядъ посполитаго рушенья, шедшій имъ въ помощь, за непріятельскій, разбѣжались въ безпорядкѣ. Вскорѣ и остальная часть кварцянаго войска сложила оружіе передъ Карломъ-Густавомъ. Между тѣмъ Львовъ продолжалъ защищаться. Къ Хмѣльницкому прибылъ отъ Яна-Казиміра, гостившаго въ Силезіи, по-

солъ Любовицкій и привезъ также отъ Маріи-Людвики письмо къ женѣ гетмана. Растроганный этимъ Хмѣльницкій согласился на переговоры, отступилъ отъ Львова, который заплатилъ лишь русскимъ, въ видѣ выкупа, 60,000 злот. Это снятіе осады было нѣсколько вынуждено *), ибо татарскій ханъ Мехметъ-Гирей явился въ помощь Яну-Кизиміру и въ окрестностяхъ Тарнополя завязалъ бой съ Хмѣльницкимъ. Одержавъ побѣду, ханъ заставилъ гетмана прервать всякія сношенія съ Московіею и сдѣлаться защитникомъ Яна-Казиміра, которому донесъ, что готовъ быть къ его услугамъ со всею ордою, лишь бы онъ возвратился въ коронныя земли. Въ то же время ханъ велѣлъ оповѣстить во всей рѣчипосполитой, что будетъ поддерживать своего союзника Яна-Казиміра до тѣхъ поръ, пока шведъ не очиститъ польскихъ владѣній, а всѣмъ короннымъ обывателямъ, которые рѣшились бы принять сторону шведскаго короля, угрожалъ местію. Это былъ первый благопріятный оборотъ дѣлъ въ пользу Яна-Казиміра.

Въ то время когда Литва и коронная Польша, подчинялись шведскому королю, прусское герцогство рѣшилось защищаться до послѣдней крайности. Произведенъ былъ новый наборъ, и съ герцогомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ заключенъ союзъ для общей защиты. Сосредоточенныя здѣсь силы могли вмѣстѣ съ гарнизонами составить болѣе 40,000 человѣкъ. Прусскія сословія довѣрились вполнѣ Фридриху-Вильгельму, и, даже, позволили ему укрѣпить нѣкоторые замки и города. Одинъ Данцигъ объявилъ, что не приметъ никакихъ гарнизоновъ, и съумѣетъ самъ постоять за себя. Когда же появился передъ этимъ городомъ шведскій флотъ, данцигцы не впустили его въ гавань, и оттѣснили дессантъ подъ Пуцкомъ.

Карлъ-Густавъ, по занятіи Кракова, разослалъ универсалы,

---

*) Г. Соловьевъ говоритъ (Т. X, стр. 388), что русскіе не могли ничего сдѣлать подъ Львовомъ, по явному нежеланію Хмѣльницкаго дѣйствовать рѣшительно; онъ взялъ съ осажденныхъ 60,000 злот., а Выговскій писалъ даже прямо горожанамъ, чтобъ не сдавались на царское имя.

Прим. перевод.

сзывающіе на сеймъ, отъ чего, онъ впрочемъ вскорѣ отказался, желая предварительно привести къ покорности Пруссію. Вотъ почему онъ приказалъ Штейнбоку вторгнуться въ Пруссію съ одной стороны и самъ вскорѣ послѣдовалъ за нимъ. Генералъ Миллеръ подступилъ къ ченстоховскому монастырю. Тамошній настоятель Августинъ Кордецкій не хотѣлъ впустить шведскаго гарнизона, и когда Миллеръ началъ осаду (18 нояб.), то Кордецкій, вмѣстѣ съ сѣрадзкимъ мечникомъ Стефаномъ Замойскимъ взяли на себя защиту ясногурскаго монастыря *) и выполнили это съ такимъ мужествомъ и энергіею, что шведы, потерпѣвъ значительныя потери, вынуждены были (26 декаб.) наконецъ отступить. Защита Ченстоховы сильно возвысила упавшій нравственный духъ въ польскомъ народѣ.

Польская и нѣмецкая части прусскаго герцогства могли не только защищаться, но даже поколебать успѣхъ Карла-Густава, если бы только Фридрихъ-Вильгельмъ желалъ того искренно. Но было очевидно, что онъ, помышляя объ измѣнѣ, хотѣлъ единственно обезпечить себѣ выгоды и выиграть, какъ можно болѣе, отъ энергическаго, по видимому, поведенія, въ отношеніи шведовъ. По этой причинѣ его гарнизоны не вступали нигдѣ въ борьбу со шведами. Онъ не спѣшилъ также съ помощію городамъ, которымъ угрожала опасность. Неудивительно затѣмъ, что Карлъ-Густавъ занялъ безъ труда — Свѣцѣ, Гнѣвъ и даже Торнъ, а впослѣдствіи и Мальборгъ; Эльбингъ сдался добровольно. Изъ королевской (польской) части Пруссіи одинъ только Данцигъ остался вѣренъ Яну-Казиміру. Всѣ прочіе города признали своимъ государемъ Карла-Густава, который, вторгнувшись въ нѣмецкую часть Пруссіи, довелъ Фридриха-Вильгельма (23 янв. 1656) переговорами до союза, и вознаградилъ его за это уступкою Варміи.

---

*) У шведскаго генерала было 12,000 войска, въ Ченстоховскомъ же монастырѣ находилось всего 160 солдатъ и 70 монаховъ. Осада монастыря до сихъ поръ памятна въ народѣ, который приписывалъ успѣхъ польскаго оружія заступничеству Божьей Матери. Ея икона до сихъ поръ находится въ церкви монастыря и имѣетъ въ глазахъ польскаго народа такое же значеніе, какъ образъ Иверской Божьей Матери для природнаго москвича. *Прим. перевод.*

Вскорѣ разочаровались всѣ тѣ, которые, безъ сопротивленія, подчинились покровительству Карла-Густава. Разбои, грабежи, насилія совершались въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ. Храмы подвергались грабежамъ, пастыри — смерти или страшнымъ пыткамъ, при содѣйствіи которыхъ хотѣли добиться отъ нихъ показанія, гдѣ скрыты церковныя или монастырскія сокровища. Церковную утварь и ризы шведскіе солдаты употребляли въ своей обыденной жизни, чѣмъ раздражали сельскій людъ, котораго тысячами сгоняли на работу по укрѣпленію городовъ и замковъ. Шляхта и всѣ жители были обложены громадными податями и налогами. Угнетеніе достигло самыхъ крайнихъ предѣловъ и всѣ окончательно пришли къ убѣжденію, что иноземное управленіе не можетъ быть полезно для отечества. Со всѣхъ сторонъ являлись къ Карлу-Густаву депутаціи съ просьбою положить конецъ страшному гнету. Карлъ отдѣлывался простыми обѣщаніями, а уполномоченнымъ отъ шляхты сандомірскаго воеводства, требовавшимъ назначенія избирательнаго съѣзда, указалъ на свою саблю, говоря, что занявъ однажды Польшу оружіемъ, онъ вовсе не намѣренъ подчинять своихъ правъ какой бы то ни было подачѣ голосовъ.

Все это возбуждало сильное негодованіе въ цѣломъ краѣ. Къ тому же времени, шведы, вопреки заключенному договору, напали на часть войска Чарнецкаго и силою увели его къ Ченстоховѣ. Чарнецкій, бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Яномъ-Казиміромъ, рѣшился на крайній шагъ. Снявшись съ остальнымъ своимъ войскомъ съ позиціи, онъ поспѣшилъ къ Белзу, и завязалъ сношеніе съ кварцяными полками. На съѣздѣ въ Тышовцахъ (29 дек.), куда стеклось множество шляхты, составилась конфедерація, во главѣ которой стали оба коренные гетманы и совѣтъ изъ воеводскихъ депутатовъ. Тотчасъ было сдѣлано воззваніе ко всѣмъ жителямъ о защитѣ отечества. Янъ-Казиміръ, увѣдомленный о конфедераціи, выѣхалъ изъ Силезіи (въ янв.) и прибылъ благополучно въ Львовъ. Вездѣ по дорогѣ шляхта присоединялась къ нему. Даже сельскій людъ, воодушевляемый священниками, вооружался и истреблялъ шведовъ поодиночкѣ. Царь московскій, вооруженный про-

тивъ шведовъ за господство ихъ въ Литвѣ, заключилъ, при посредничествѣ вѣнскаго двора, перемиріе съ рѣчьюпосполитою на одинъ годъ и разставшись съ надеждою получить польскую корону, началъ съ ними немедленно войну въ Ливоніи.

Король шведскій принуждалъ именно Данцигъ къ сдачѣ, когда получилъ извѣстіе о вооруженномъ движеніи въ Польшѣ. Онъ отправился туда немедленно съ 10,000 конницы. Принудивъ Чарнецкаго отступить изъ подъ Сольца, онъ нанесъ ему вскорѣ значительное пораженіе подъ Голомбіомъ*) и двинулся къ Замостью, желая овладѣть имъ. Но Янъ Замойскій не испугался его угрозъ. Шведы, не имѣя осадныхъ орудій, окружаемые понемногу польскими отрядами, принуждены были удалиться изъ подъ Замостья ни съ чѣмъ. Они хотѣли послѣ того овладѣть Пржемыслемъ, но и тутъ помѣшалъ Чарнецкій, подоспѣвшій во время съ Юріемъ Любомирскимъ. Карлъ-Густавъ принужденъ былъ возвратиться къ устьямъ Сана и заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ, гдѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ подвергался величайшей опасности, въ особенности когда и остальное кварцяное войско, начало переходить къ своимъ. Извернувшись кое какъ, онъ поскакалъ въ Варшаву. Чарнецкій между тѣмъ, болѣе осторожный послѣ голомбскаго пораженія, билъ шведовъ подъ Варкой и въ другихъ мѣстахъ, тогда какъ Янъ-Казиміръ, во время торжественнаго богослуженія въ львовскомъ каѳедральномъ соборѣ (12 апр. 1656), вручалъ себя и рѣчьпосполитую покровительству Божіей Матери, какъ королевы польской, и принесъ вмѣстѣ съ цѣлымъ сенатомъ обѣтъ, заняться, послѣ изгнанія шведовъ, облегченіемъ участи угнетенныхъ крестьянъ, что, по его мнѣнію, было причиной страшныхъ бѣдствій, постигшихъ отечество.

Усиливъ гарнизонъ въ Варшавѣ, Карлъ-Густавъ возвратился

---

*) Потеря поляковъ простиралось до 3,000 человѣкъ, не столько убитыми въ сраженіи, сколько ранеными и взятыми въ плѣнъ во время весьма трудной переправы черезъ р. Вепръ. Потери шведовъ были также чувствительны. Вилькинсонъ, предводитель авангарда убитъ, графъ Вольдемаръ, родственникъ датскаго короля смертельно раненъ, принцъ Адольфъ, братъ шведскаго короля сломалъ ногу. (Грондзкій, *Historia Belli Cosacco-Polon.*). *Прим. перевод.*

въ Пруссію, откуда разослалъ во всѣ воеводства циркуляръ, обѣщая освободить крестьянъ отъ подданства и подарить имъ землю, если они будутъ доставлять его военачальникамъ своихъ пановъ, живыхъ или мертвыхъ. Землевладѣльцевъ же, которые подобнымъ образомъ ловили бы и истребляли своихъ согражданъ, возставшихъ для защиты отечества, обѣщалъ награждать половиною имущества, остававшагося послѣ пойманнаго или убитаго. Циркуляръ этотъ принятъ былъ вездѣ съ презрѣніемъ и возстаніе постепенно усиливалось. За исключеніемъ нѣсколькихъ измѣнниковъ, которые съ Радзѣіовскимъ и Богуславомъ Радзивилломъ оставались при шведахъ, всѣ спѣшили подъ знамена защитниковъ отечества и вѣры. Вскорѣ вокругъ Яна-Казиміра собралось сильное войско, состоявшее, большею частью, изъ ополченія и простиравшееся до 70,000 человѣкъ вмѣстѣ съ вспомогательнымъ татарскимъ отрядомъ.

Во главѣ этого войска, король началъ дѣйствовать рѣшительно противъ шведовъ, и двинулся къ Варшавѣ, гдѣ командовалъ Виттембергъ. Приглашенный сдаться, онъ отвѣчалъ, что будетъ защищаться до послѣдней крайности. Нельзя удивляться этому отвѣту, если принять во вниманіе, что въ Варшавѣ была собрана большая часть добычи, которую должны были отправить по Вислѣ въ Пруссію. Поляки принуждены были начать осаду города, продолжавшуюся слишкомъ мѣсяцъ, потому что король не рѣшался раззорять собственную столицу. Наконецъ Виттембергъ, потерявъ надежду на подкрѣпленіе, сдалъ Варшаву, выговоривъ себѣ и войску свободное отступленіе, на что Янъ-Казиміръ изъявилъ согласіе. Но шляхта, ненавидѣвшая Виттемберга за его строгость, принудила короля нарушить уговоръ. Войску позволено удалиться, а Виттембергъ, вмѣстѣ съ другими военачальниками, отправлены въ Замосцъ. Послѣ взятія Варшавы, большая часть ополченія, въ особенности великопольскаго, разошлась по домамъ, такъ что оставшееся при королѣ войско уменьшилось почти на половину.

Между тѣмъ Карлъ-Густавъ склонилъ (19 мая) курфирста бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма къ болѣе тѣсному союзу, за что подарилъ ему всю Великопольшу. Онъ вступилъ также въ

сношенія съ Ракочимъ и Хмѣльницкимъ, которыхъ польскіе послы не съумѣли перетянуть на сторону рѣчипостолитой. Брата же своего Іоанна-Адольфа онъ отправилъ во время осады Варшавы къ Бугу, съ приказаніемъ избѣгать сраженія. Затѣмъ, вмѣстѣ съ курфирстомъ, двинулся къ Варшавѣ, гдѣ произошло рѣшительное сраженіе. Два дня продолжался бой съ равнымъ успѣхомъ, и только на третій день (30 іюля) шведы одержали побѣду и заняли Варшаву, а Янъ-Казиміръ отступилъ къ Люблину, тогда какъ большая часть войскъ, въ безпорядкѣ, перешла къ Окуневу. Шведы, ослабленные дорого стоившею побѣдою, не могли преслѣдовать уходящихъ противниковъ и дали возможность польскимъ дружинамъ собраться снова. Изъ Окунева они разошлись по разнымъ направленіямъ, чтобы въ мелкихъ встрѣчахъ изнурять шведовъ, которымъ именно въ это время русскій царь объявилъ войну и началъ военныя дѣйствія въ Ингріи и Кареліи.

Когда Янъ-Казиміръ былъ еще въ Люблинѣ, къ нему явились шведскіе послы съ предложеніемъ мира, но онъ его не принялъ, отвѣтивъ, что не можетъ входить ни въ какіе переговоры, покуда шведы не оставятъ земель рѣчипосполитой. Борьба возобновилась снова въ разныхъ мѣстахъ. Госѣвскій вторгнулся въ Пруссію и одержалъ (8 окт.) подъ Простками побѣду, положивъ на мѣстѣ 3,000 непріятелей, взявъ много плѣнныхъ и весь обозъ. Потомъ уничтожилъ 3 шведскіе полка, идущіе въ помощь къ курфирсту. Но когда татары, обремененные добычей, оставили его лагерь, онъ, въ свою очередь, настигнутый Штенбокомъ, потерпѣлъ пораженіе. Чарнецкій, сражаясь постоянно со шведами, уничтожилъ подъ Стржемешномъ отрядъ ихъ, состоявшій изъ 2,400 человѣкъ и другой, почти такой же, подъ Линномъ. За то въ другихъ мѣстахъ перевѣсъ оставался на сторонѣ шведовъ. Не смотря на то, положеніе ихъ ухудшалось съ каждымъ днемъ. Карлъ-Густавъ, подкрѣпляемый деньгами Англіи, скрѣпилъ союзъ съ курфирстомъ, уволивъ его на съѣздѣ въ Лябіявѣ*) (10 нояб.) отъ всякой лен-

*) Нынѣ *Labiau*, городъ въ 49 в. отъ Кенигсберга, на р. Дейнѣ.
Прим. перевод.

ной зависимости отъ Пруссіи, а обѣщаніемъ раздѣла Польши, пригласилъ Ракочаго участвовать въ разбояхъ.

Во время этой постоянной борьбы, польскіе послы разъѣжали по европейскимъ дворамъ, ходатайствуя о помощи противъ шведовъ, которые воевали съ рѣчьюпосполитой на ея собственный счетъ. Франція готова была принять на себя посредничество въ переговорахъ о мирѣ, а когда Янъ-Казиміръ прибылъ (25 нояб.) въ Данцигъ, французскій посланникъ де л'Омбръ началъ намекать о мирѣ. Казалось бы, что дѣйствительно приступятъ, по крайней мѣрѣ, къ предварительнымъ условіямъ и потому Марія-Людвика хотѣла отправиться къ мужу изъ Ченстоховы, чтобы поддержать его своимъ совѣтомъ и помощью. Чарнецкій получилъ приказаніе сопутствовать ей въ Данцигъ. Но въ Хойницахъ она получила извѣстіе, что переговоры прерваны, по случаю неумѣренныхъ требованій шведовъ. Когда притомъ король долженъ былъ согласиться, чтобы неполучавшее жалованія и утомленное войско отправилось на зимнія квартиры, Марія-Людвика, волей неволей, возвратилась въ Ченстохову, а Чарнецкій поспѣшилъ въ Данцигъ, откуда проводилъ Яна-Казиміра въ Калишъ.

Между тѣмъ Юрій Любомірскій осаждалъ Краковъ, защищаемый шведскимъ генераломъ Вюрцомъ. По полученіи прокламаціи Ракочаго, въ которой онъ, будто бы приглашенный на польскій престолъ, объявлялъ о вступленіи своемъ въ предѣлы рѣчипосполитой, обѣщая свою милость и дружбу всѣмъ тѣмъ, кто съ нимъ соединится и угрожая местью въ случаѣ сопротивленія, — Любомірскій принужденъ былъ оставить осаду Кракова, въ особенности когда узналъ, что не смотря на сопротивленіе Станиславскаго, Ракочій вступилъ дѣйствительно въ польскія земли у Сыноводзка (въ янв. 1657) во главѣ 40,000 венгерцевъ, валаховъ, нѣмцевъ и козаковъ. Войско его, отличавшееся неповиновеніемъ и жестокостью, истребляло по пути все мечемъ и пожарами и прибыло (28 мар.) въ Краковъ. Поляки сражались съ успѣхомъ противъ отдѣльныхъ отрядовъ Ракочаго, но не располагали достаточными силами, чтобы остановить походъ его. Карлъ - Густавъ поспѣшилъ изъ Пруссіи

на встрѣчу союзнику и соединился съ нимъ (4 апр.) у Модлишева. Соединенныя ихъ войска простирались до 70,000 вооруженныхъ. Однако король шведскій былъ очень недоволенъ неповиновеніемъ войскъ Ракочаго.

Прибытіе Ракочаго должно было привести въ исполненіе готовый уже планъ раздѣла Польши. Карлъ-Густавъ, составитель плана, назначалъ Ракочому Малопольшу, Мазовію и Русь; курфирстъ получалъ Великопольшу, для себя же оставлялъ Пруссію и другіе приморскія страны. Уступкою части Литвы, онъ хотѣлъ примапить русскаго царя. Противъ всего этого приходилось употребить самыя энергическія мѣры. По возвращеніи изъ Данцига, Янъ-Казиміръ собралъ сенатъ въ Ченстоховѣ и во время совѣщаній постановлено было затронуть всѣ пружины для спасенія отечества. Назначены новые налоги и королю разрѣшено продавать должности и шляхетское достоинство, лишь бы собрать деньги для войска. Отправлены послы въ Вѣну, къ германскому союзу и въ Данію, для возобновленія коалиціи. Съ вѣнскимъ дворомъ начались о томъ же переговоры, но Фердинандъ III колебался, связанный условіями вестфальскаго мира. Его смерть произвела благопріятную перемѣну въ расположеніи Вѣны. Преемникъ его Леопольдъ согласился, въ качествѣ венгерскаго и чешскаго короля, помочь Польшѣ будто бы противъ Ракочаго и выслалъ подъ начальствомъ генерала Гацфельда отрядъ изъ 16,000 человѣкъ. За это Янъ-Казиміръ обязался уплатить милліонъ злотыхъ и давать ежегодно, пока войска эти будутъ оставаться въ Польшѣ, по 300,000 зл. съ соляныхъ копей въ Величкѣ. Сверхъ того король обязался, безъ согласія Леопольда, не заключать ни мира, ни перемирія со шведами. Въ то же время Янъ-Казиміръ заключилъ оборонительно-наступательный союзъ съ Фридрихомъ, королемъ датскимъ.

Во время этихъ переговоровъ Карлъ-Густавъ и Ракочій взяли Брестъ. Карлъ получилъ извѣстіе, что король датскій объявилъ ему войну и вторгнулся въ его предѣлы. Онъ немедленно двинулся съ своимъ союзникомъ въ Варшаву, гдѣ простился съ нимъ, оставивъ Стенбока съ горстью шведовъ, самъ же поспѣшилъ въ Прус-

сію, а оттуда, во главѣ шеститысячнаго отборнаго отряда, черезъ Поморье, къ границамъ Даніи. Такимъ образомъ морская экспедиція датскаго короля кончилась ничѣмъ. Остановившись съ флотомъ въ Данцигѣ, онъ надѣялся поймать противника, но обманутый въ своихъ надеждахъ, долженъ былъ возвратиться поспѣшнѣе, для защиты собственныхъ предѣловъ.

Послѣ отъѣзда Карла, Ракочій началъ опасаться за себя. Во первыхъ онъ получилъ извѣстіе, что гетманъ польный коронный Юрій Любомирскій, въ отмщеніе за нашествіе Польши, опустошилъ Трансильванію, а султанъ, разсерженный на него за польскую экспедицію, грозилъ местью какъ своему вассалу. Кромѣ того онъ узналъ о прибытіи вспомогательнаго корпуса австрійскаго. Испуганный всѣмъ этимъ, онъ думалъ о томъ, какъ бы отступить съ честью. Станиславскій, который постоянно оставался при немъ, написалъ по вдохновенію канцлера его Микезія, Маріи-Людвикѣ, что какъ самъ канцлеръ, такъ и предводитель трансильванскихъ войскъ Кимини, помня постоянную дружбу венгерцевъ съ поляками, готовы уговорить своего князя заключить миръ, лишь бы королева постаралась, чтобы предложенныя условія были согласны съ честью сего послѣдняго и чтобы она выхлопотала имъ у короля награды. Но король вмѣсто условій мира, послалъ гетманамъ и Чарнецкому приказаніе преслѣдовать Ракочаго, который, выступивъ (24 іюня) изъ Варшавы, переправился черезъ Вислу у Завихоста, и оставивъ по дорогѣ обозъ, направился подъ прикрытіемъ козаковъ на Волынь и остановился въ Островѣ. Здѣсь его окружили поляки и не смотря на свою малочисленность вступили въ бой. Ракочій послалъ Микезія къ гетманамъ съ предложеніемъ начать переговоры, вмѣсто того, чтобы проливать христіанскую кровь. Гетманы согласились. Но когда хитрый канцлеръ, подъ предлогомъ переговоровъ, хотѣлъ обмануть поляковъ и дать своему повелителю время вывести войска изъ затруднительнаго положенія, — Чарнецкій воспрепятствовалъ этому, потребовавъ, чтобы во время переговоровъ князь не двигалъ своихъ дружинъ съ мѣста и обязался вознаградить убытки, причиненные рѣчипосполитой. Самонадѣянный отвѣтъ

Миксзія былъ причиной, что Чарнецкій, не ожидая разрѣшенія гетмановъ, приказалъ ударить на трансильванцевъ. Не смотря на гнѣвъ гетмановъ, упрекавшихъ Чарнецкаго въ неумѣстной поспѣшности, онъ шелъ впередъ. Ракочій, видя неминуемую гибель какъ свою такъ и войска, послалъ новыя предложенія, обѣщая согласиться на всѣ условія. Отъ него потребовали — извиниться передъ королемъ и рѣчьюпосполитою, возвратить всю добычу, уплатить 1,200,000 зл. вознагражденія, отказаться отъ союзовъ съ врагами Польши и возвратить немедленно Брестъ и Краковъ. Ракочій согласился на все (23 іюля), но и этимъ не спасъ своего войска. Татарскій ханъ, шедшій съ 60,000 войска на помощь Яну-Казиміру, не обращая вниманія на представленіе поляковъ о заключенномъ мирѣ, напалъ на войска Ракочаго, и нанесъ имъ совершенное пораженіе. Самъ князь едва успѣлъ скрыться, при помощи поляковъ, съ горстью своихъ рыцарей.

Одновременно съ этими происшествіями, великополяне выгнали гарнизоны курфирстовъ изъ Познани и другихъ городовъ, а Янъ-Казиміръ, съ австрійскимъ войскомъ, осадилъ Краковъ. Вюрцъ защищался мужественно, но когда часть гарнизона, которую оставилъ Ракочій, вышла изъ Кракова по его приказанію, Вюрцъ вступилъ (въ концѣ авг.) въ переговоры. Ему позволено со всѣмъ шведскимъ гарнизономъ, удалиться за границы рѣчипосполитой, а евреямъ, которые держали сторону шведовъ, обѣщано прощеніе. Городъ заняло 2,400 человѣкъ австрійцевъ, а въ замкѣ Янъ-Казиміръ помѣстилъ польскую стражъ. Необходимо было двинуться въ Пруссію, чтобы и оттуда вытѣснить шведовъ: Но австрійскіе генералы не отличались особеннымъ рвеніемъ и потому они остановились на зимнихъ квартирахъ въ Великопольшѣ, притѣсняя жителей болѣе, нежели шведы.

Курфирстъ бранденбургскій, ожидавшій отъ союза со Швеціей, значительныхъ выгодъ и усиленія своего могущества, ошибся въ разсчетахъ и началъ думать какъ бы ему избавиться отъ этого союза. И такъ, когда Карлъ-Густавъ, уѣзжая изъ Пруссіи, пригласилъ его на совѣщаніе, онъ не только не прибылъ, но объявилъ

впослѣдствіи через пословъ, что желаетъ вступить въ переговоры съ Яномъ-Казиміромъ. Король шведскій этому не противился, но съ условіемъ, чтобы отъ этого не пострадали шведскія дѣла. Курфирстъ спросилъ Госѣвскаго (20 іюня), нельзя ли ему будетъ сохранить нейтралитетъ, но ему отвѣчено, что желая мира, онъ долженъ отказаться отъ союза со шведами. Тоже повторялъ ему Лисоли, повѣренный австрійскій, затрогивавшій всѣ пружины, лишь бы его отторгнуть отъ Швеціи. Курфирстъ, думавшій только о собственной пользѣ, готовъ былъ принести въ жертву союзника, такъ точно какъ будучи ленникомъ рѣчипосполитой, онъ соединился съ ея врагомъ. Когда Госѣвскій получилъ обширное полномочіе къ веденію переговоровъ и когда къ нему прибылъ въ помощь Вячеславъ Лещинскій, переговоры начались въ Велявѣ. Послѣ многихъ толковъ и споровъ, заключенъ былъ наконецъ (7 сент.) оборонительно-наступательный союзъ противъ шведовъ, гораздо болѣе полезный для курфирста чѣмъ для рѣчипосполитой. Фридрихъ-Вильгельмъ получилъ освобожденіе отъ лена, и какъ независимый государь, съ мужскимъ своимъ потомствомъ, долженъ былъ владѣть Пруссіею, которая, въ случаѣ прекращенія мужскихъ потомковъ въ прямой нисходящей линіи, переходила, какъ ленъ королевства, къ двумъ побочнымъ линіямъ и только въ случаѣ прекращенія ихъ, могла быть, включена въ составъ земель рѣчипосполитой. Король долженъ былъ освободить жителей отъ присяги, данной ему какъ верховному владѣтелю, жители же должны были присягнуть, что по прекращеніи господствующей линіи, перейдутъ подъ власть рѣчипосполитой. Вмѣсто теперешнихъ ленныхъ отношеній, вѣчная дружба должна была соединять оба сосѣднія правительства, войскомъ обоихъ государствъ въ предѣлахъ ихъ территоріи предоставлялся свободный переходъ границы и пользованіе гаванями, что врагамъ одной или другой стороны положительно было воспрещено. Тѣсный союзъ противъ Швеціи долженъ былъ продолжаться до совершеннаго изгнанія ихъ изъ Пруссіи, Польши и Литвы, и еще 10 лѣтъ спустя. Обѣщано взаимное забвеніе прошедшаго и полнѣйшая амнистія для всѣхъ тѣхъ, ко-

торые измѣнили одной или другой сторонѣ, какъ равно и освобожденіе плѣнныхъ. Особой статьей обезпечено совершенное прощеніе Богуславу Радзивилу. Поручителями этого договора должны быть Франція, Данія, Голландія и вѣнскій дворъ. Всѣ условія должны быть скрѣплены присягой съ одной стороны курфирста, съ другой Яна-Казиміра и находящихся на лицо сенаторовъ. Кромѣ того сословія королевства должны утвердить ихъ на ближайшемъ сеймѣ. Каждый изъ послѣдующихъ королей и князей прусскихъ, при вступленіи на престолъ, долженъ былъ приносить присягу въ точномъ исполненіи этого договора.

Курфирстъ требовалъ еще вознагражденія за причиненныя ему потери и за издержки на вооруженіе, но обстоятельство это отложено до личнаго свиданія его съ Яномъ-Казиміромъ, которое послѣдовало въ Быдгощѣ*) (30 окт.). Король подтвердилъ (6 нояб.) велявскій договоръ, далъ курфирсту на ленныхъ правахъ уѣзды, лембургскій и бытомскій, и хотѣлъ въ обезпеченіе уплаты 400,000 тал. предоставить ему Эльбингъ, которымъ онъ владѣлъ бы до совершенной уплаты этого долга коронным казначействомъ. Этому сопротивлялись уполномоченные Данцига, а когда король и придворные паны говорили имъ, что отказавъ курфирсту въ этомъ требованіи, придется порѣшить съ нимъ споръ съ оружіемъ въ рукахъ, тогда одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, что курфирстъ и безъ того достаточно награжденъ, а что касается его военной силы, то ея рѣшительно нечего опасаться. Не смотря на это курфирстъ получилъ все, чего желалъ, потому что въ пользу его предоставлена еще сумма въ 120,000 тал., обезпеченная на старостве драгинскомъ. Такимъ образомъ союзъ, на который и нельзя было разсчитывать съ достовѣрностью, обошелся весьма дорого. Въ оправданіе короля и его совѣтниковъ можно бы сказать, что такъ какъ Карлъ-Густавъ съ успѣхомъ сражался въ Даніи, то слѣдовало опасаться, что принудивъ датскаго короля къ заключенію мира, онъ появится въ Польшѣ съ новыми силами. Но какое же было

---

*) Нынѣ Бромбергъ.

ручательство, что въ семъ послѣднемъ случаѣ, курфирстъ исполнитъ условія договора.

Фридрихъ Вильгельмъ, обезпечивъ за собой столь значительныя преимущества, хотѣлъ, какъ можно скорѣе, склонить Карла-Густава къ заключенію мира, чтобы, не принося большихъ жертвъ, воспользоваться пріобрѣтеннымъ. Но тотъ, называя его измѣнникомъ, отказался принять предложенныя условія, въ которыхъ требовали совершеннаго его удаленія изъ границъ польской рѣчипосполитой. Это склонило курфирста заключить оборонительно-наступательный союзъ съ Леопольдомъ, вслѣдствіе котораго договаривающіяся стороны обязались помогать какъ Польшѣ, такъ и себѣ взаимно, пока не будетъ заключенъ миръ съ шведскимъ королемъ. Союзъ же долженъ былъ оставаться въ своей силѣ и въ теченіи слѣдующихъ 10 лѣтъ, на случай если бы кто нибудь подвергся войнѣ. Какъ курфирстъ, такъ и вѣнскій дворъ были довольны этимъ союзомъ, потому что послѣдній пріобрѣталъ такимъ образомъ вліяніе даже въ будущихъ переговорахъ о мирѣ.

Французскій посланникъ де л'Омбръ, употреблявшій всѣ усилія, чтобы заставить принять посредничество его короля въ переговорахъ о мирѣ, былъ очень недоволенъ вліяніемъ вѣнскаго двора на польско-шведскія дѣла. Когда послѣ быдгощскаго договора съ курфирстомъ, Янъ-Казиміръ прибылъ въ Познань, де л'Омбръ всячески старался поколебать вѣру его въ искренность желаній вѣнскаго двора, и убѣдить, что намѣренія Франціи относительно успокоенія сѣвера, совершенно безкорыстны, а потому и король, и рѣчьпосполитая выиграютъ болѣе отъ французскаго посредничества. Въ этомъ ему много содѣйствовала Марія-Людвика, на мнѣнія которой король всегда полагался и которая, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и теперь, умѣла лаской склонять къ своимъ видамъ находящихся при королѣ совѣтниковъ. Сверхъ того многія другія обстоятельства требовали заключенія мира со шведами. Царь Алексѣй Михайловичъ, надѣясь получить польскую корону, готовъ былъ, въ случаѣ надобности, объявить Швеціи войну и требовалъ признанія его теперь же королемъ. На Украинѣ смерть Хмѣль-

ницкаго (15 авг. 1657) давала возможность привести къ повиновенію козаковъ, такъ какъ Выговскій, опекунъ Юрія Хмѣльницкаго, котораго козаки передъ смертью отца провозгласили гетманомъ, былъ противникомъ Россіи и хотѣлъ возобновить прежнюю связь съ Польшей. Его необходимо было поддерживать. Прибавимъ еще, что войско требовало недоплаченнаго жалованья, что весь край, вслѣдствіе продолжительной войны, былъ страшно раззоренъ, что вспомогательныя австрійскія войска грабежемъ и дѣйствительно звѣрскимъ поведеніемъ приводили жителей въ отчаяніе, такъ что великополяне, принося жалобу королю, объявили прямо, что въ случаѣ если ихъ не удовлетворятъ, они возьмутся за оружіе. Всѣ эти обстоятельства говорили весьма краснорѣчиво въ пользу мира, а потому нельзя удивляться, что происки французскаго посланника и старанія королевы, укрѣпили во всѣхъ мысль принятія французскаго посредничества, даже помимо Леопольда, что было совершенно противно, только что заключенному съ нимъ договору. Когда, затѣмъ, находившіеся при королѣ сенаторы, объявили себя въ пользу этого посредничества, Янъ-Казиміръ уполномочилъ французскаго посланника узнать въ этомъ отношеніи желанія Карла-Густава и тотъ отправился немедленно въ Голштинію, гдѣ король шведскій находился съ своимъ войскомъ.

По прибытіи въ Варшаву (въ февр. 1658), король созвалъ сенатъ, для пріисканія мѣръ къ успокоенію страны и къ устраненію труднаго положенія. Австрійскій посланникъ Лисоли употреблялъ всѣ средства, лишь бы воспрепятствовать намѣреніямъ французскаго двора и дѣйствительно въ сенатѣ громко возставали противъ неблагодарности оказанной вѣнскому двору, когда вопреки заключенному съ нимъ союзу, начались какіе то таинственные переговоры о мирѣ. Такъ какъ оказывалось необходимымъ придумать средства къ порѣшенію всѣхъ общественныхъ дѣлъ и къ отысканію источниковъ какъ для уплаты жалованія войску, такъ и на новые наборы, если бы миръ не былъ возможнымъ, то всѣ сенаторы согласились, что созваніе сейма крайне необходимо. Король, слѣдуя совѣту сената, разослалъ универсалы, сзывающіе сеймики въ концѣ

апрѣля, и генеральный сеймъ въ Варшавѣ къ 10 іюля. Важность дѣлъ, которыя приходилось рѣшать на сеймѣ, привлекли многихъ въ столицу. Кромѣ того прибыли послы отъ войска съ просьбою объ уплатѣ жалованья. Въ то время находился также въ Варшавѣ московскій посланникъ, требовавшій титула короля польскаго для своего повелителя. Выговскій прислалъ Носача и другихъ, чтобы переговорить объ условіяхъ, на какихъ козаки должны войти снова въ составъ рѣчипосполитой.

Когда слѣдовало обдумывать самыя дѣйствительныя мѣры для спасенія отечества и отвращенія несчастій, совѣщанія сейма начались совершенно неумѣстнымъ преслѣдованіемъ аріанцевъ. Первый поводъ подалъ іезуитъ Корватъ, который въ рѣчи, произносимой обыкновенно при открытіи сеймовыхъ совѣщаній, возставалъ противъ иновѣрцевъ и приглашалъ короля и сеймъ истребить ихъ, какъ враговъ вѣры. Эти неумѣстныя слова должны были поразить всѣхъ иновѣрцевъ, а потому Любовицкій, маршалъ посольской палаты, долженъ былъ объяснить, что евангеликовъ и исповѣдующихъ восточную церковь, вѣрующихъ въ св. Троицу, нельзя считать врагами вѣры, подлежащими истребленію, что на это заслуживаютъ одни только аріанцы, тѣмъ болѣе что они соединялись со шведами противъ отечества. И дѣйствительно послѣдовало рѣшеніе сейма, предписывающее имъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, оставить земли рѣчипосполитой, если они не откажутся отъ своихъ заблужденій. Послѣ того сеймъ подтвердилъ договоры, заключенные съ Леопольдомъ, Даніею и курфирстомъ, установилъ въ Радомѣ казенный трибуналъ, наложилъ значительныя подати, назначилъ особую коммисію, долженствовавшую уплатить войску жалованье. Посланнику царя данъ отвѣтъ, что такъ какъ по случаю отъѣзда короля, вслѣдствіе распространяющейся моровой язвы, сеймъ не можетъ кончить своихъ совѣщаній, то и нѣтъ возможности рѣшить вопросъ о признаніи за нимъ короны; но что отправленные въ Вильно коммисары условятся съ повѣренными царя на счетъ того, что необходимо для сохраненія дружбы между сосѣдями. Наконецъ назначены ком-

мисары, которые должны были обдумать съ Выговскимъ средства успокоить козаковъ.

Маршалъ сейма, уѣзжая, поручилъ одному изъ придворныхъ, для напечатанія, подписанные депутатами рѣшенія сейма. Но придворный этотъ, намѣренно, вѣроятно по приказанію двора, въ особенности королевы, помѣстилъ въ нихъ и такія вещи, о которыхъ на сеймѣ и рѣчи не было. Между прочимъ тамъ было сказано, будто бы сеймъ разрѣшилъ королю продавать должности и даже дворянское достоинство, вслѣдствіе чего поднялся страшный шумъ, а отпечатанные фальшивые экземпляры рѣшеній сейма были сожжены рукой палача. По случаю этой поддѣлки, во многихъ мѣстахъ, подати не были уплачены. Это опять было причиной, что львовская коммисія не удовлетворила войска, которое, считая себя обманутымъ съ умысломъ, начало поговаривать, что оно прибѣгнетъ къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ.

Отправленнымъ въ Украину коммисарамъ—волынскому каштеляну Бѣнѣвскому и смоленскому Евлатевскому, предстояла трудная задача. Козаки раздѣлились на три партіи. Одни держали сторону Выговскаго и желали соединиться съ Польшей, если имъ будетъ обезпечена свобода и провинціальная автономія. Другіе, въ особенности заднѣпровскіе козаки, вслѣдствіе единства вѣры, тянули къ Россіи. Третья наконецъ партія мечтала о совершенно независимомъ козачествѣ, но не знала какъ приняться за осуществленіе этого намѣренія. Одна часть этой партіи желала соединенія съ Россіей, другая съ Польшей. Обѣ соглашались, что такъ какъ нѣтъ возможности теперь же осуществить ихъ мысль, то слѣдуетъ выжидать и мнимой покорностью предупреждать бѣдствіе. При такомъ положеніи дѣлъ, когда для усмиренія козачества не было достаточной вооруженной силы, а и самое сильное войско не привело бы ни къ чему, коммисары, по прибытіи въ Гадячъ, должны были согласиться на такія условія, которыя бы не только утвердили въ вѣрности Выговскаго и его сторонниковъ, но привлекли бы на сторону Польши и остальныхъ. Переговоры ихъ съ Выговскимъ и козацкими старшинами (продолжавшіеся съ 8 по 16 сент.)

кончились гадяцкимъ договоромъ, которымъ было постановлено: воеводства кіевское, черниговское и брацлавское, составляя особенную провинцію подъ названіемъ Руси, будутъ находиться въ такихъ же отношеніяхъ къ коронѣ, какъ и Литва; исповѣдующіе православную вѣру будутъ пользоваться безусловно религіозной свободою во всей Польшѣ; католики не будутъ присвоивать себѣ судебной власти надъ православнымъ духовенствомъ; въ трехъ сказанныхъ воеводствахъ унія будетъ уничтожена и имѣнія отнятыя у православныхъ церквей, будутъ имъ возвращены; кіевскій митрополитъ съ 6-ю владыками будетъ засѣдать въ сенатѣ, латинское же епископство изъ Кіева перевести въ Хвастовъ; будутъ открыты православные университеты, одинъ въ Кіевѣ, другой въ Литвѣ, съ такими же правами, какъ и краковскій, но кальвинисты, протестанты и аріанцы не могутъ въ нихъ быть ни учителями, ни учениками, за то въ округѣ кіевскаго университета будутъ уничтожены іезуитскія школы; король объявитъ совершенное прощеніе козакамъ; прежніе владѣльцы въ Украинѣ получатъ обратно отнятыя у нихъ имѣнія; кіевскимъ воеводою будетъ всегда шляхтичъ православнаго исповѣданія, воеводы же брацлавскій и черниговскій будутъ по очереди католики и православные; Русь будетъ имѣть собственнаго маршала, канцлера и подскарбія; всѣ распоряженія въ границахъ трехъ воеводствъ будутъ выходить изъ русской канцеляріи; что же касается провославныхъ церквей, то дѣятельность канцеляріи будетъ распространяться на Волынь, Подолію и червонную Русь; Русь будетъ имѣть собственное судопроизводство и право чеканить монету; реестровыхъ козаковъ будетъ 30,000, кромѣ того 10,000 регулярнаго войска, содержимаго на счетъ трехъ воеводствъ; вся эта вооруженная сила будетъ находиться въ распоряженіи гетмана, котораго король назначитъ изъ числа 4 представленныхъ ему кандидатовъ; если бы польское войско было выслано въ Украину, то оно поступаетъ въ распоряженіе козацкаго гетмана; козаки свободны отъ податей и пользуются правомъ торговли, охоты и рыбной ловли; король пожалуетъ шляхетское достоинство 100 козакамъ по представленію гетмана;

Польша, Литва и Русь будутъ составлять одну нераздѣльную рѣчьпосполитую и потому козаки прекращаютъ всякіе союзы съ посторонними. Въ прибавочныхъ секретныхъ пунктахъ представлены козацкимъ старшинамъ обширныя права. Договоръ этотъ должны были подтвердить король и сеймъ.

Во время гадячской сдѣлки, переговоры со шведами и виленская коммисія, долженствовавшая рѣшить споръ съ царемъ, кончились ничѣмъ. Первые оказались невозможными, потому что Карлъ-Густавъ потребовалъ не только, чтобы Янъ-Казиміръ отказался отъ своихъ правъ на шведскій престолъ, а рѣчьпосполитая отдала ему всю Ливонію, но домогался еще 4,000,000 тал. за военныя издержки. Требованія Карла-Густава были потому столь преувеличены, что принудивъ датскаго короля принять весьма выгодныя условія и заключивъ съ нимъ, при посредничествѣ Франціи, миръ въ Рёскильдѣ, онъ могъ обратить всѣ свои силы противъ Польши. Съ царемъ не было также возможности покончить дѣла, потому что, не обращая вниманія на принадлежащее народу право избирать короля, онъ не хотѣлъ подчиниться этому выбору. Какъ съ однимъ, такъ и съ другимъ, приходилось рѣшать споръ съ оружіемъ въ рукахъ, тогда какъ въ самой странѣ жалобы на австрійскія войска постоянно усиливались, а въ польскихъ войскахъ поднялся ропотъ, потому что лембергская коммисія кончилась ничѣмъ. Въ Украинѣ слѣдовало также поддерживать Выговскаго, который долженъ былъ бороться съ московцами и заднѣпровскими козаками.

Противъ Швеціи, правда, борьба продолжалась въ Пруссіи, но безъ значительнаго успѣха. Послѣ постоянныхъ проволочекъ, австрійскія войска, подъ начальствомъ генерала де-Сушъ, приступили наконецъ (въ іюлѣ) къ осадѣ Торна. Въ помощь къ нимъ отправились польскіе полки съ Гродзицкимъ и Любомирскимъ, а и самъ король прибылъ въ лагерь съ женой и дворомъ въ сентябрѣ. Когда же при содѣйствіи Яна-Казиміра, Леопольда и курфирста бранденбургскаго удалось склонить короля датскаго объявить вторую войну Швеціи, тѣмъ болѣе, что Карлъ-Густавъ не исполнилъ условій мира, тогда курфирстъ, во главѣ 18,000 войска, отпра-

вился въ Данію, а Янъ-Казиміръ послалъ туда 6,000 польскаго войска подъ начальствомъ Чарнецкаго и Опалинскаго. Въ Украину онъ выслалъ великаго коронаго гетмана Потоцкаго, а оборону Литвы поручилъ двумъ литовскимъ гетманамъ Сапѣгѣ и Гонсѣвскому. Чарнецкій и польское войско покрылись славой во время датской экспедиціи, какъ при взятіи острова Альзена, такъ и въ другихъ встрѣчахъ съ врагомъ.

Пока Чарнецкій сражался со шведеми, Янъ-Казиміръ, съ 20-ти тысячнымъ войскомъ, осаждалъ Торнъ. Желая же предохранить городъ отъ истребленія и остановить безполезное кровопролитіе, онъ тотчасъ по прибытіи въ лагерь, пригласилъ горожанъ сдаться. Послѣдніе отвѣтили, что вопреки желанію шведскаго гарнизона, они не могутъ входить въ переговоры. Въ Торнѣ гарнизономъ командовалъ Белке, а шведскимъ начальникомъ города былъ Оксенштіернъ. Оба хотѣли защищаться до послѣдней крайности, но когда въ постоянныхъ схваткахъ часть гарнизона была перебита, когда началъ угрожать голодъ и не было надежды на подкрѣпленіе, осаждающіе же подвигались все дальше и дальше,— начались переговоры. Гарнизону и военачальникамъ дозволено удалиться въ Мальборгъ, а всѣмъ сторонникамъ Швеціи обѣщано прощеніе. Войска заняли Торнъ 29 дек. и въ немъ оставленъ польскій гарнизонъ подъ командою Гродзицкаго. Горожане вѣроятно могли бы и ранѣе уговорить шведовъ къ сдачѣ, еслибъ не опасеніе, что король помѣститъ въ городѣ австрійскій гарнизонъ, котораго опасались болѣе чумы. Потерю Торна Швеція вознаградила себѣ Курляндіей, овладѣвъ ею обманомъ. Князь же ея, польскій ленникъ, взятъ въ плѣнъ со всѣмъ семействомъ.

Занявъ Торнъ, Янъ-Казиміръ хотѣлъ, не смотря на зимнее время, продолжать войну со шведами, пока не заставитъ ихъ удалиться изъ Пруссіи и потому приказалъ собираться короннымъ полкамъ въ этой странѣ. Онъ надѣялся, покончивъ съ однимъ врагомъ, обратить всѣ силы противъ Россіи, тѣмъ болѣе, что еще въ лагерѣ подъ Торномъ послы козаковъ присягнули ему на вѣрность. Но коронное войско, оскорбленное тѣмъ, что люблинская

коммисія, по приведенію въ извѣстность недоимокъ слѣдующихъ въ уплату полкамъ, не приступила къ выдачѣ жалованья по недостатку въ казначействѣ денегъ, —завязало конфедерацію, избравъ маршаломъ ея Яскульскаго. Этимъ поступкомъ оно отказалось отъ повиновенія гетманамъ. Тщетны были старанія Любомирскаго, который тотчасъ прибылъ лично въ Люблинъ и умолялъ новѣренныхъ войска не подвергать отечество опасности подобнымъ раздоромъ. Войско объясняло свое бѣдственное положеніе и ни за что не соглашалось отстать отъ союза. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ рѣшено роздать по полкамъ находящіяся на лицо въ казначействѣ деньги, объ уплатѣ же остальнаго жалованья долженъ былъ позаботиться имѣющій собраться сеймъ. Казенную коммисію обѣщали перевести въ Львовъ, войско же должно было оставаться въ союзѣ до полученія всего жалованья. Сконфедерованное войско постановило самыя строгія наказанія за проступки, направленные противъ дисциплины, за самоуправство, притѣсненіе крестьянъ, грабежъ и т. п.

По возвращеніи изъ Торна (18 янв. 1659) король созвалъ сеймъ въ Варшавѣ (17 марта). И на этотъ разъ Корватъ, произнеся фанатическую рѣчь противъ иновѣрцевъ, вызвалъ новое преслѣдованіе аріанцевъ, когда слѣдовало думать только объ умиротвореніи отечества. Предписанный уставомъ шестинедѣльный срокъ былъ недостаточенъ для рѣшенія всѣхъ дѣлъ. Пришлось продлить сеймъ на 3 мѣсяца, тѣмъ болѣе, когда получено было извѣстіе, что три русскія арміи, каждая въ 30,000 человѣкъ, направляются противъ рѣчипосполитой. Одна изъ нихъ подъ начальствомъ Хованскаго вступила въ Литву, взяла въ плѣнъ Госѣвскаго *) и заняла Вильно, Троки, Брестъ и другіе города. Вторая

*) Мы находимъ умѣстнымъ заявить здѣсь, что считая Госѣвскаго личностію, замѣчательною во многихъ отношеніяхъ, мы воспользовались представившемся случаемъ, и сгруппированные нами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, малоизвѣстные матеріалы о пятилѣтнемъ пребываніи Госѣвскаго въ Москвѣ, надѣемся, въ непродолжительномъ времени, опубликовать въ видѣ исторической монографіи. *Прим. перевод.*

подъ командой Трубецкаго, начала наступательныя дѣйствія противъ Выговскаго, третья же подъ предводительствомъ Ромодановскаго, составляла резервъ, чтобы въ случаѣ надобности подкрѣпить одну или другую. Сверхъ того Вюрцъ вторгнулся черезъ Поморье въ Пруссію, занялъ многіе города и угрожалъ Данцигу. Многія важныя внутреннія дѣла требовали также скораго и основательнаго рѣшенія. Не только нужно было пріискать средства для успокоенія войска и козаковъ, но и отвратить всеобщую нищету въ краѣ, происходившую, частью, вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ, частью же, вслѣдствіе безмѣрнаго умноженія мелкой монеты самаго низкаго достоинства. Во время прошлогодняго сейма разрѣшено было италіянцу Боратини отчеканить на 200,000 зл. мѣдныхъ шелеговъ *). Между тѣмъ имъ было выпущено слишкомъ на 2,000,000. По поданной жалобѣ сеймъ назначилъ слѣдствіе. Но все дѣло кончилось ничѣмъ, потому что Боратини, имѣя сильную поддержку при дворѣ, показалъ подъ присягою вмѣстѣ съ 18 свидѣтелями, что онъ не отчеканилъ ни одного шелега сверхъ разрѣшеннаго ему количества. Всю вину свалили на фальшивыхъ монетчиковъ, которыхъ впрочемъ не наказали, а край страдалъ, буквально залитый ничего не стоющею монетою, тогда какъ италіянскіе арендаторы монетнаго двора наживали страшные барыши, дѣлясь ими съ многими придворными и съ назначенными отъ сейма ревизорами.

Самымъ важнымъ дѣломъ было, безъ сомнѣнія, успокоеніе войска, котораго послы прибыли на сеймъ. Приглашенные на засѣданіе, они смѣло и откровенно выразили требованія товарищей, которые, перенося труды, неудобства и всѣ тяжести войны, подвергая постоянно опасности свое здоровье и жизнь, не могутъ получить кровью заслуженнаго жалованья и, обманываемые постоянно пустыми надеждами, дошли до совершенной нищеты. Они упрекали дворъ, что назначенныя рѣчьюпосполитою подати въ пользу войска, об-

---

*) Шелегъ, шилингъ, самая мелкая мѣдная монета. Три шелега составляютъ одинъ польскій грошъ, то есть ½ к. сереб. *Прим. перевод.*

ращаются на другія издержки, что управленіе казначействомъ самое неблагонадежное, что придворные льстецы загребаютъ жаръ чужими руками, ибо король, при раздачѣ староствъ и кадуковыхъ имѣній*), не обращая почти никогда вниманія на военныхъ, награждаетъ ими придворныхъ. Поэтому они требовали, чтобы сеймъ придумалъ средства для уплаты войску жалованья, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, оно принуждено будетъ само себѣ пособить и добиться оружіемъ того, что ему слѣдуетъ. Отвѣтъ отъ имени короля былъ также безцеремонный. Сконфедерованныхъ упрекали, что они для денегъ жертвуютъ благомъ отечества и въ рѣшительную минуту, когда ему угрожаютъ отовсюду, подвергаютъ его величайшей опасности. Нѣкоторые изъ сторонниковъ двора были того мнѣнія, что слѣдуетъ вызвать изъ Даніи Чарнецкаго, и принудить агитаторовъ оружіемъ къ повиновенію. Но мнѣніе умѣренныхъ одержало верхъ. Они совѣтовали назначить коммисію для переговоровъ съ войскомъ объ уплатѣ ему жалованья изъ податей, которыя сеймъ вновь опредѣлитъ. Марія-Людвика старалась, по возможности, успокоить пословъ войска, обѣщая, что впредь, при раздачѣ староствъ, король не преминетъ награждать военныхъ.

Послѣ этого необходимо было кончить дѣло съ козаками, которыхъ послы также присутствовали на сеймѣ. Условія гадяцкаго договора нашли многихъ противниковъ, опасавшихся, что онъ подорветъ основанія рѣчипосполитой. Духовные сенаторы не хотѣли слышать о допущеніи въ сенатъ митрополита и епископовъ восточной церкви, а уничтоженіе уніи называли насиліемъ, на которое рѣчьпосполитая согласиться не можетъ. Тщетны были представленія коммисаровъ, подписавшихъ гадяцкій договоръ, что сеймъ долженъ утвердить его въ цѣлости. Нѣкоторые пункты были вычеркнуты и утверждено только остальное, на что, разумѣется, козацкіе послы не преминули жаловаться. Желая какъ нибудь удовлетворить козаковъ, многимъ изъ старшинъ пожаловано шляхетское до-

*) Имѣніе, оставшееся безъ наслѣдниковъ, которое король имѣлъ право раздавать по усмотрѣнію. *Прим. перевод.*

стоинство, чтобы ихъ тѣмъ сильнѣе привязать къ рѣчипосполитой. Шагъ этотъ однако не имѣлъ ожидаемыхъ благотворныхъ послѣдствій. Напротивъ того, онъ только раздражилъ козацкій простой народъ, опасавшійся, чтобы дворяне-старшины не наложили на него ига рабства. Впрочемъ даже и послы, удостоенные дворянства, по выходѣ изъ сеймовой залы, подтрунивали надъ своимъ новымъ званіемъ, спрашивая другъ друга, больше ли теперь ихъ тѣнь или нѣтъ.

Грустныя послѣдствія войны, подъ бременемъ которыхъ изнемогала рѣчьпосполитая, вызывали всеобщее желаніе мира. Затруднялись только, съ кѣмъ прежде начать переговоры, съ царемъ ли русскимъ или королемъ шведскимъ. Послѣ продолжительныхъ преній назначены коммисары съ обширнымъ полномочіемъ для переговоровъ съ однимъ и другимъ. Что касается переговоровъ со шведами, никакъ не могли согласиться, на счетъ посредничества. Марія-Людвика требовала непремѣнно посредничества Франціи, тогда какъ другіе утверждали, что дружественное вмѣшательство вѣнскаго двора будетъ гораздо выгоднѣе для рѣчипосполитой. Посланники французскій и австрійскій прибѣгали къ увѣщаніямъ, подкупу, даже къ угрозамъ, лишь бы получить большинство голосовъ, что сообщало засѣданію бурный характеръ. Наконецъ сеймъ объявилъ себя въ пользу посредничества Франціи, съ тѣмъ однако, что въ переговорахъ примутъ участіе повѣренные Австріи и курфирста. Такъ какъ миръ со шведами былъ весьма правдоподобенъ, то всѣ настаивали, чтобы король пригласилъ вѣнскій дворъ отозвать изъ Польши свои войска, которыя притѣсняя край, до того расхозяйничались, что офицеры и солдаты, выписавъ свои семейства, содержали ихъ на счетъ жителей. Ходатайство короля было немедленно уважено, и нельзя описать всеобщей радости, когда изъ Кракова и другихъ мѣстъ, саранча эта отправилась (въ окт.) обратно домой.

Начатые переговоры о мирѣ не прерывали борьбы, которая кипѣла въ разныхъ мѣстахъ. Выговскій, командуя 16,000 козаковъ, 30,000 татаръ и 3,000 польскаго войска, двинулся про-

тивъ Трубецкаго, который занялъ укрѣпленный лагерь близъ Конотопа, имѣя въ своемъ распоряженіи, вмѣстѣ съ Пожарскимъ, и козаками русской партіи около 80,000 человѣкъ. Въ первыхъ стычкахъ съ татарами русскіе одержали перевѣсъ, вслѣдствіе чего Трубецкой началъ наступательное дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что многіе козаки, оставляя знамена Выговскаго, переходили къ нему. Тогда Гуляницкій, командовавшій авангардомъ Выговскаго, разрушилъ мостъ на Деснѣ и построивъ плотину, затопилъ русскій лагерь и всѣ баттареи. Пользуясь этимъ Выговскій далъ сраженіе (17 іюля) и послѣ незначительнаго сопротивленія, одержалъ побѣду. Трубецкой погибъ съ оружіемъ въ рукахъ*), а козаки перешли на сторону Выговскаго. Пожарскій, стоявшій вблизи, не могъ помочь Трубецкому и настигнутый татарами былъ разбитъ. Выговскій вмѣсто того, чтобы воспользоваться побѣдой, повернулъ къ Кіеву, желая имъ завладѣть, татары же направились въ глубь Россіи. Но Кіевъ, имѣя многочисленный гарнизонъ, хорошо вооруженный, могъ долго защищаться. Осада обратилась въ родъ блокады, а когда козаки начали опять волноваться и провозгласили Юрія Хмѣльницкиго гетманомъ, Выговскій принужденъ былъ отступить отъ Кіева. Нерасположеніе къ нему до того усилилось, что нѣкоторыхъ его пословъ, возвратившихся изъ Варшавы, козаки изрубили въ куски и Выговскій не избѣжалъ бы подобной участи, если бы не окружавшіе его польскіе полки. Вскорѣ пламя возстанія охватило всю Украину. Юрій Хмѣльницкій, провозглашенный вездѣ гетманомъ, перетянулъ почти всѣхъ козаковъ на свою сторону, за исключеніемъ малой горсти, оставшейся при Выговскомъ въ Барѣ. Янъ-Казиміръ, желая умилостивить Хмѣльницкаго, отправилъ къ нему посольство, но онъ, не давая рѣшительнаго отвѣта, велъ секретные переговоры съ Россіей, пока не сбросилъ маски. Когда Шереметевъ прибылъ въ Кіевъ съ новымъ войскомъ,

---

*) Не знаемъ откуда г. Шмиттъ почерпнулъ это свѣдѣніе. Онъ вѣроятно смѣшалъ князя Трубецкаго съ княземъ Львовымъ, который дѣйствительно во время конотопскаго сраженія былъ взятъ въ плѣнъ, гдѣ и умеръ.

Прим. перевод.

Юрій Хмѣльницкій призналъ надъ собою верховную власть царя, а коронному гетману Потоцкому и Выговскому приказалъ удалиться изъ Украины. Онъ прибѣгнулъ даже къ оружію, преслѣдуя вездѣ поляковъ.

Когда это происходило въ Украйнѣ, русскіе занимали Литву почти безпрепятственно, потому что послѣ пораженія Госѣвскаго, у Сапѣги оставалось слишкомъ мало войска, чтобы ихъ остановить. За то поляки отняли у шведовъ Митаву и другіе города Курляндіи. Всѣ силы однако были обращены противъ Пруссіи, откуда Янъ-Казиміръ хотѣлъ совершенно удалить шведовъ, и потомъ уже со всѣми силами направиться противъ Россіи. Поэтому онъ не далъ подкрѣпленій Выговскому, чтобы не ослаблять войска, осаждавшаго подъ начальствомъ Любомирскаго, Мальборгъ въ Пруссіи. Крѣпость эту защищалъ упорно Лиліенстрёмъ, но когда коронныя войска заняли крѣпость Гауптъ, потомъ Тчево и другіе города, въ рукахъ шведовъ остался Мальборгъ и Эльбингъ. Не смотря на эти неудачи, Карлъ-Густавъ не изъявлялъ особенной готовности къ миру, придумывая разныя препятствія, хотя французскіе уполномоченные работали весьма усердно. Только, наконецъ, когда Англія отказалась помогать ему и послѣ нанесеннаго ему пораженія при Нидборгѣ (25 нояб.), Карлъ-Густавъ сдѣлался сговорчивѣе.

Янъ-Казиміръ, остававшійся съ Маріей-Людвикой послѣ сейма въ Позпани, гдѣ онъ принялъ вызваннаго изъ Даніи Чарнецкаго и отправилъ его тотчасъ въ Литву, — переѣхалъ въ Данцигъ (въ дек.), какъ только шведскіе повѣренные согласились открыть переговоры въ Оливѣ, близь Данцига. Послѣ открытія переговоровъ (5 янв. 1660) все шло чрезвычайно медленно, потому что не было возможности примирить требованій договаривавшихся сторонъ. Впрочемъ повѣренные Австріи и курфирста дѣлали болѣе затрудненій, чѣмъ повѣренные Польши и Швеціи. Усердіе однако французскаго посланника и всеобщее желаніе мира, со стороны поляковъ, одолѣли всѣ препятствія. Кромѣ того смерть Карла-Густава (23 февр.) облегчила многое, потому что регентша, назначенная по случаю малолѣтства наслѣдника престола, предписала швед-

скимъ коммисарамъ, непремѣнно заключить миръ. Не смотря на то, прошло много времени, пока подписаны были условія (3 мая). Янъ-Казиміръ отказался отъ своихъ правъ на шведскій престолъ, сохраняя однако, въ сношеніяхъ со всѣми государствами, кромѣ Швеціи, гербъ и титулъ наслѣдственнаго короля шведскаго. Рѣчьпосполитая уступила Швеціи Ливонію, по ту сторону Двины, Швеція же отказалась отъ своихъ правъ на Курляндію и ту часть Ливоніи, которая принадлежала Польшѣ при началѣ войны. Послѣ ратификаціи мира, Швеція должна была вывести свои войска изъ прусскихъ крѣпостей, и возвратить архивы, библіотеки, церковную утварь и прочіе предметы, вывезенные изъ Польши. Плѣнные должны были быть возвращены и объявлено прощеніе всѣмъ тѣмъ, кто во время войны принадлежалъ къ одной или другой партіи. Обезпечена свобода совѣсти для католиковъ въ части Ливоніи, переданной Швеціи, а для иновѣрцевъ въ Пруссіи, шведы требовали отмѣны постановленія сейма, относительно аріанцевъ, но требованіе это устранено. Въ этотъ миръ включены договоры велявскій и бромбергскій съ курфирстомъ, поручительство же во всемъ принялъ на себя французскій король *).

Когда переговоры были кончены, Янъ-Казиміръ поспѣшилъ въ Варшаву и, пригласивъ назначенныхъ сеймомъ коммисаровъ (16 іюня), подтвердилъ вмѣстѣ съ ними всѣ условія мира. Шведы выступили изъ земель рѣчипосполитой. Были споры съ курфирстомъ о представленіи въ залогъ Эльбинга. Король желая принудить прусскіе чины уплатить закладную сумму, а курфирста-уменьшить ее, медлилъ исполненіемъ этого пункта бромбергскаго договора. Переговоры по этому предмету заняли не мало времени.

Во время оливскихъ совѣщаній, хотѣли условиться и съ русскимъ царемъ о мирѣ. Но Россія не принимала никакихъ предложеній и поневолѣ разрѣшеніе вопроса слѣдовало предоставить оружію. Чарнецкій, отправленный въ Литву, далъ отдыхъ своимъ

---

*) Олива, мѣсто гдѣ былъ заключенъ миръ, великолѣпное аббатство, въ 7 верстахъ отъ Данцига, основанное въ 1170 г. Говорятъ, что Янъ-Казиміръ громко плакалъ, подписывая условія оливскаго мира. *Прим. перевод.*

полкамъ въ теченіи зимы и весной началъ военныя дѣйствія, вмѣстѣ съ Сапѣгой. Соединенное ихъ войско едва составляло 9,000 человѣкъ. Не смотря на это, они рѣшились придти въ помощь ляховичамъ, которые Хованскій осаждалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ съ 30,000 корпусомъ. Не ожидая, въ укрѣпленномъ лагерѣ, прибытія поляковъ, онъ отправился къ нимъ на встрѣчу и вступилъ въ бой у Полонки (27 іюня), гдѣ потерпѣлъ совершенное пораженіе. До 15,000 человѣкъ осталось на мѣстѣ, кромѣ того Хованскій потерялъ 40 пушекъ, военную казну и обозъ, и принужденъ былъ отступить къ Смоленску *). Чарнецкій хотѣлъ продолжать преслѣдованіе, но Сапѣга воспротивился этому, такъ какъ нельзя было оставить Литвы совершенно открытою. Рѣшено было начать осаду Могилева, который защищалъ Морозовъ. Не имѣя ни осадныхъ орудій, ни достаточно пѣхоты, польскіе военачальники потеряли только напрасно время и людей, какъ вдругъ получено было извѣстіе, что Долгорукій идетъ на помощь Морозову. Польскія войска обратились противъ него и (13 окт.) начали осаду укрѣпленнаго его лагеря, имѣя намѣреніе голодомъ принудить сдаться. Осада продолжалась безуспѣшно около мѣсяца, когда пришло извѣстіе, что съ одной стороны Хованскій, собравъ свой корпусъ, опустошаетъ Литву, а съ другой — Золотаренко идетъ на помощь Долгорукому. Послѣднее извѣстіе оказалось ложнымъ, но вѣсти о Хованскомъ вполнѣ подтвердились. Осаду бросили и раздѣливъ войско на два отряда, чтобы легче прокормить его въ дорогѣ, соединились подъ самымъ русскимъ лагеремъ. Хованскій ночью отошелъ къ Полоцку. Поляки отдохнули въ его лагерѣ нѣсколько дней, и соединившись съ литовскимъ ополченіемъ, направились къ Полоцку, начавъ правильную его осаду.

Во время этихъ военныхъ дѣйствій въ Литвѣ, Украина также не была спокойна. Когда Юрій Хмѣльницкій перешелъ открыто на сторону Россіи, царь послалъ къ нему въ помощь свѣжее войско. Ше-

---

*) Полонка или Волонъ, деревня въ 35 верстахъ отъ Слонима.

Прим. перевод.

реметевъ, командовавшій этимъ отрядомъ, хотѣлъ воспользоваться оливскими переговорами и идти прямо на Краковъ, надѣясь, вслѣдствіе волненій въ войскѣ, легко одержать побѣду. Онъ двинулся (лѣтомъ 1660) впередъ съ своимъ корпусомъ и съ 20,000 козаковъ, а Хмѣльницкій долженъ былъ слѣдовать за нимъ съ 40,000 человѣкъ. Начало кампаніи было вполнѣ благопріятно для русскихъ. Ни Выговскій, ни гетманъ коронный Потоцкій не могли остановить такой силы. Янъ-Казиміръ созвалъ совѣтъ сената для обсужденія средствъ къ веденію войны. Любомирскій полагалъ, что прежде всего слѣдуетъ удовлетворить войско, требующее жалованья и потому не покидающее конфедераціи, причемъ онъ рѣзко упрекалъ тѣхъ, кто дурно управляетъ финансами, расходуетъ неизвѣстно какъ взимаемые налоги, вмѣсто того, чтобы ихъ употребить на жалованье войску. Въ совѣтъ пригласили присутствующихъ въ Варшавѣ пословъ войска, пріохотили ихъ къ походу противъ Россіи выдачею всѣхъ находившихся въ казначействѣ на лицо денегъ и обѣщали доставить остальное жалованье съ тѣхъ воеводствъ, которыя еще не внесли подати. Кромѣ того, король обѣщалъ имѣть въ виду заслуженныхъ воиновъ при раздачѣ королевскихъ имѣній.

Успокоенное на время войско, начало собираться въ Волыни, куда болѣе богатые вельможи отправляли также свои придворныя дружины. Кромѣ того, пришло 20,000 татаръ подъ начальствомъ Нуредина, брата хана. Великій гетманъ Потоцкій, по случаю болѣзни, передалъ начальство Любомирскому. 17 сент. начато движеніе противъ Шереметева, стоявшаго у Любара, въ укрѣпленномъ лагерѣ. Постоянными нападеніями, поляки причиняли ему большую потерю въ людяхъ, такъ что Шереметевъ перешелъ къ Чуднову, и укрѣпился тамъ, ожидая прибытія Хмѣльницкаго. Поляки окружили его и завладѣвъ замкомъ, наносили страшный вредъ. Когда получено было извѣстіе, что Хмѣльницкій дѣйствительно приближается, тогда Потоцкій съ частью войска остался на мѣстѣ, а Любомирскій двинулся съ остальными противъ Хмѣльницкаго, который расположился лагеремъ у Слободищъ, въ 5 миляхъ отъ Чуднова. Въ форсированномъ походѣ, Любомирскій разогналъ аван-

гардъ козаковъ, оберегавшій переправу у Піонтка, а съ разсвѣтомъ появился въ виду непріятеля. Пользуясь его первымъ замѣшательствомъ, онъ повелъ свои полки въ дѣло, которое, не смотря на упорную защиту козаковъ, кончилось совершенной побѣдой. Во время сраженія въ особенности отличился правый флангъ, которымъ командовалъ Янъ Собѣскій. Онъ первый вломился въ козацкій лагерь. Ночь прервала бой. Нурединъ выступилъ въ качествѣ посредника, ручаясь за вѣрность козаковъ. Начались переговоры, веденіе которыхъ Любомирскій поручилъ Нуредину и назначеннымъ коммисарамъ, самъ же возвратился къ Чуднову. Онъ прибылъ во время. Шереметевъ слыша выстрѣлы подъ Слободищами, двинулся по направленію къ нимъ для соединенія съ Хмѣльницкимъ. Феликсъ Потоцкій, сынъ великаго гетмана, настигнулъ его и завязалъ перестрѣлку. Въ эту минуту появился Любомирскій и ударилъ съ противоположной стороны. Послѣ трехчасоваго боя, поляки взяли часть обоза и 17 орудій. Ночью Шереметевъ успѣлъ укрѣпить свою позицію.

Между тѣмъ заключено условіе съ козаками. Хмѣльницкій и старшины должны были присягнуть на вѣрность королю и рѣчипосполитой, прервать сношенія съ Россіей, отозвать козаковъ отъ Шереметева и служить противъ общихъ враговъ Польши и Малороссіи. За то рѣчьпосполитая принимала гядячскій договоръ и утверждала Хмѣльницкаго гетманомъ. Когда все было кончено, Хмѣльницкій прибылъ въ польскій лагерь и послалъ приказаніе козакамъ оставить русскій лагерь. Шереметевъ, приведенный этимъ въ крайность, долженъ былъ сдаться, отказываясь отъ покровительства надъ козаками и возвращая крѣпости, занятыя русскимъ войскомъ. За то ему дозволено свободно выйти изъ Украины. Когда Шереметевъ подписывалъ эти условія, Нурединъ потребовалъ выдачи всѣхъ козаковъ, находившихся въ русскомъ лагерѣ. Татары бросились на нихъ. Нѣкоторые были умерщвлены, а остальные взяты въ плѣнъ *).

*) По другимъ источникамъ это происшествіе разсказывается иначе. Когда Хмѣльницкій послалъ козакамъ приказаніе оставить русскій лагерь, полков-

Гетманы хотѣли добросовѣстно сдержать условія договора и опасаясь какого нибудь покушенія со стороны татаръ, намѣревались поставить польскую стражъ у русскаго лагеря, Нуредина же успокоить какимъ нибудь подаркомъ. Но тщетны были всѣ эти старанія. Нурединъ угрожалъ, что потребуетъ въ помощь 30,000 своихъ, если гетманы вздумаютъ ему мѣшать, и не обращая вниманіа на ихъ просьбы, бросился на безоружныхъ русскихъ, перебилъ ихъ или взялъ въ плѣнъ, отнялъ добычу, орудія и знамена. На возвратномъ пути, послѣ столь тяжелой кампаніи, польское войско перенесло много лишеній, въ чемъ преимущественно обвиняли гетмановъ, которые, не распорядившись предварительно на счетъ зимнихъ квартиръ для войска, оставляли полки на произволъ судьбы. Чтобы поддержать миръ въ Украинѣ, вскорѣ послѣ цудновскаго договора прибылъ Чарнецкій въ Кіевъ, и не позволяя нигдѣ собираться сторонникамъ Россіи, препятствовалъ возобновленію движенія.

Приходилось однако думать о дальнѣйшемъ веденіи войны съ Россіею, тѣмъ болѣе что ханъ татарскій, приглашая короля (въ янв. 1661) къ походу противъ Москвы, обѣщалъ привести весной 100,000 человѣкъ. Но неудовольствіе войска, которое не могло дождаться своего жалованья, притомъ намѣреніе Яна-Казиміра, или вѣрнѣе Маріи-Людвики, избрать наслѣдника престола, а равно и мнимое желаніе царя заключить миръ, были причиною, что до открытія кампаніи пришлось созвать сеймъ. Королева настаивала на выборѣ наслѣдника престола еще при жизни Яна-Казиміра, потому что только этимъ путемъ она надѣялась обезпечить польскую корону за принцемъ Генрихомъ д'Енгіенъ, сыномъ принца Конде и ея племянницы. Эта мысль не переставала занимать се, а потому она старалась еще въ 1659 г. вывѣдать ловко

никъ Цецура обѣщался исполнить это не иначе, какъ убѣдившись въ присутствіи гетмана въ польскомъ станѣ. Хмѣльницкій выѣхалъ на холмъ. Тогда Цецура бросился къ нему съ 2,000 козаковъ. Татары, воображая, что это вылазка, начали рѣзать козаковъ, пока поляки не успѣли ихъ защитить. Около 200 козаковъ пало жертвой этого недоразумѣнія. *Прим. перевод.*

у нѣкоторыхъ вельможъ, осуществима ли она или нѣтъ. Подарки и обѣщанія соблазняли многихъ, другими же руководило убѣжденіе, что выборъ наслѣдника престола при жизни короля, будетъ полезенъ для рѣчипосполитой, потому что охранитъ ее отъ безпорядковъ междуцарствія, всегда опасныхъ. Даже Юрій Любомирскій одобрялъ мысль двора. Янъ-Казиміръ сдѣлалъ на этотъ счетъ публично предложеніе только въ совѣтѣ сената, собранномъ (10 февр. 1661) въ Ченстоховѣ. Многіе какъ свѣтскіе, такъ и духовные сенаторы объявили себя въ пользу его. Сторонники двора отправлены были во многія воеводства, чтобы склонить ихъ къ тому же, а король прибылъ на съѣздъ шляхты сандомирской въ Кѣльцахъ, и личнымъ своимъ вліяніемъ склонилъ многихъ на свою сторону. Приготовивъ такимъ образомъ умы, король хотѣлъ открыть свою мысль народу на сеймикахъ посредствомъ универсаловъ, и на сеймѣ — въ предложеніи отъ имени трона.

Сеймъ собрался (1 мая) въ Варшавѣ весьма многочисленный. Первую бурю вызвалъ опять сеймовый проповѣдникъ іезуитъ Корватъ, фанатическою рѣчью противъ иновѣрцевъ. Вслѣдствіе этого подтверждены постановленія прежнихъ сеймовъ относительно аріанцевъ, а Петровскій, посолъ мазовецкій, придрался къ Богуславу Радзивиллу послу Литвы, за то, что онъ у себя на квартирѣ совершаетъ богослуженіе по кальвинскому обряду, тогда какъ это воспрещено мазовецкимъ статутомъ. Когда же познанскій епископъ прибавилъ еще, что подобное богослуженіе противно не только мазовецкому статуту, но и коронномъ постановленіямъ, что вся корона и всемірная церковь подвергаются обидѣ и униженію, ежели въ католической землѣ, еретическое исповѣданіе можетъ нагло совершать свои обряды даже на глазахъ короля, — въ залѣ сдѣлался страшный шумъ. Радзивиллъ хотѣлъ говорить, но его не допустили. Одни кричали, что реформату нельзя предоставлять дѣйствительнаго голоса во время сейма, другіе защищали Радзивилла, а другой посолъ Литвы хотѣлъ даже выйти изъ залы, протестуя противъ нанесенной его товарищу обиды. Великій канцлеръ литовскій Пацъ усмирилъ бурю и король потребовалъ, чтобы Радзивиллу позво-

лено было говорить. Тотъ объяснилъ прямо, что онъ не позволитъ никому отымать у себя право голоса: „я какъ и всѣ вы, сказалъ онъ, сынъ общей съ вами земли, я не ослушался ни одного устава; напротивъ того, я держусь только исконной свободы предковъ, которые исповѣдывали свою вѣру безпрепятственно; не откажусь отъ моей религіи и каждому съумѣю отвѣтить“. Его обвиняли, будто онъ другъ и покровитель аріанцевъ, что онъ опровергнулъ. Послѣ того приступили къ постановленію противъ аріанцевъ и хотѣли въ немъ прибавить, что аріанцы принимающіе не католическое, а другое исповѣданіе, будутъ считаться атеистами, Радзивиллъ противился этому всѣми силами и добился отмѣны этого постановленія. Затѣмъ составлено было постановленіе, воспрещающее вездѣ, гдѣ находится король, какое бы то ни было служеніе кромѣ католическаго, и хотя оно не было прочтено на сеймѣ, но король приказалъ объявить оное на четырехъ углахъ варшавскаго рынка. Впослѣдствіи онъ повелѣлъ, что во время пребыванія королевскаго двора, иновѣрцы могутъ совершать свои обряды только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у нихъ есть церкви, во всѣхъ же другихъ это воспрещается. Не смотря на такой фанатизмъ, сеймъ подтвердилъ оливскій миръ и договоръ съ козаками.

Торжественные въѣзды обоихъ коронныхъ гетмановъ, великаго гетмана литовскаго и Чарнецкаго, были пустою демонстраціей, вовсе несогласной съ грустнымъ положеніемъ рѣчипосполитой. Военачальниковъ благодарили отъ имени короля за блестящія дѣла, а Чарнецкій получилъ по просьбѣ короля, не смотря на сопротивленіе сейма, тыкоцинское староство въ потомственное владѣніе. Между тѣмъ явились послы отъ войска, требовавшаго жалованье. Вслѣдствіе этого опредѣлены новые налоги, и назначены коммисары, которымъ поручено заняться въ Львовѣ приведеніемъ въ извѣстность счетовъ съ войскомъ. Наконецъ на очередь попалъ проектъ избранія наслѣдника престола при жизни короля. Янъ-Казиміръ говорилъ самъ и представляя сейму необходимость подобнаго выбора, объяснялъ, что одна любовь къ отечеству внушала ему эту мысль. Онъ ручался, что право народа избирать короля ни мало

отъ этого не пострадаетъ. Напротивъ того, подобный выборъ только при его жизни можетъ быть совершенно свободнымъ. Онъ предупреждалъ, что нѣкоторые сосѣды выжидаютъ только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы нагрянуть на рѣчьпосполитую, что они вѣроятно захотятъ воспользоваться волненіями междуцарствія, чего именно для блага отечества слѣдуетъ избѣжать. Убѣдивъ наконецъ всѣхъ, что онъ ни въ чемъ не будетъ препятствовать свободѣ выбора, просилъ только, чтобы новоизбранный былъ католикъ, какого нибудь древняго княжескаго рода, чтобы онъ не былъ ленникомъ какого нибудь государства, непріязненнаго Польшѣ, ни сыномъ одного изъ тѣхъ, которые хотѣли ее покорить, и притомъ чтобы онъ былъ гораздо моложе его. Слова короля произвели глубокое впечатлѣніе. Въ сенатѣ ихъ поддержалъ весьма краснорѣчивоварминскій епископъ, а и другіе сенаторы, снисканные королевой, присутствовавшей въ собраніи, объявили себя въ пользу этого проекта. Казалось, что въ сенатѣ предложеніе пройдетъ безъ возраженій. Но львовскій каштелянъ Фредро воспротивился ему рѣшительно, говоря, что рѣчьпосполитая не избѣгнетъ внутреннихъ волненій, если въ ней будутъ одновременно два короля, и потому умолялъ Яна-Казиміра не вводить столь опасной новизны, угрожающей спокойствію отечества. Въ посольской палатѣ подольскій посолъ Повальскій, говорилъ еще рѣзче противъ предложенія короля, утверждая, что это подорветъ основные уставы рѣчипосполитой, конституцію и равенство сословій, что совѣсть воспрещаетъ ему дать согласіе. Упоминая о ченстоховскомъ совѣщаніи сената относительно этого дѣла, онъ требовалъ наказанія тѣхъ, кто далъ свое согласіе на проектъ столь опасный. Произошла страшная суматоха и оказалось необходимымъ взять предложеніе назадъ и закрыть засѣданія сейма.

Такъ какъ дворъ употреблялъ всѣ мѣры, лишь бы провести мысль объ избраніи наслѣдника престола, для чего изъ казначейства постоянно отпускались деньги, то разумѣется самое важное дѣло—успокоеніе войска, отсрочивалось поминутно. Какая польза, что сеймъ назначилъ новую коммисію, ежели въ казначействѣ не

было денегъ? Раздраженное коронное войско завязало конфедерацію, маршаломъ которой избрало Самуила Свидерскаго. Придворные шутили сначала, но когда одинъ полкъ за другимъ приступали къ союзу, да кромѣ того и литовское войско послѣдовало этому примѣру, тогда увидѣли всю опасность положенія. Король предупреждалъ войско, чтобы оно бросило конфедерацію и возвратилось къ должному послушанію. Войско отвѣтило, что не получая кровью заслуженныхъ денегъ и зимнихъ квартиръ, оно должно было ухватиться за это средство, но тотчасъ разстроитъ конфедерацію, если будетъ удовлетворено.

Король рѣшился предпринять кампанію противъ Россіи, во первыхъ потому, что надѣялся этимъ путемъ склонить ее къ заключенію мира, во вторыхъ потому, чтобы разъѣдинить сконфедерованныхъ. Но коронное войско, приглашенное къ походу, отказалось повиноваться. Не смотря на то, король двинулся въ Литву во главѣ 4,000 войска, подъ командою Сапѣги и Чарнецкаго, занялъ Гродно и повернулъ въ Вильно, когда жители Могилева сами освободили себя отъ русскаго гарнизона. Хованскій направился съ 20,000 корпусомъ противъ малочисленнаго отряда короля. Въ столь крайнемъ положеніи, Янъ-Казиміръ обратился къ литовскому войску. Оно вняло призыву короля, разбило у Высокаго шеститысячный русскій отрядъ и соединившись съ полками короля, одержало надъ Хованскимъ побѣду у Глембокаго. Король прибылъ тотчасъ въ лагерь и пользуясь обстоятельствами, хотѣлъ предпринять походъ во внутрь Россіи, одновременно съ татарами и козаками. Но когда сконфедерованное войско отказалось отъ этой экспедиціи, король долженъ былъ ее покинуть и для защиты Литвы оставилъ Чарнецкаго при Сапѣгѣ. Гарнизонъ виленскаго замка сдался. Ему было позволено возвратиться домой, комендантъ же отданъ подъ судъ и казненъ *).

---

*) Комендантомъ Вильны былъ стольникъ князь Мышецкій, который, не получивъ согласія короля распродать, при сдачѣ города, весь хлѣбъ и соль, приказалъ у себя въ избѣ въ подпольѣ приготовить порохъ, и намѣревался,

Между тѣмъ сконфедерованное войско перешло Вислу и основало свою главную квартиру сперва въ Кельцахъ, потомъ въ Вольборжѣ. Оно заняло королевскія и духовныя имѣнія, собирало со всѣхъ лановую подать, наложило секвестръ на томожни и другіе доходы рѣчипосполитой, объявило военныя постановленія противъ тѣхъ, которые вздумали бы расторгнуть конфедерацію. Потомъ послѣдовало соединеніе коронной и литовской конфедерацій, причемъ было обѣщано помогать другъ другу. По возвращеніи изъ Литвы, король посылалъ разныхъ лицъ къ Свидерскому, уговаривая распустить пагубную для края конфедерацію, торжественно обѣщая забвеніе прошедшаго и прощеніе, а равно и положительную уплату жалованья, лишь бы войско не грабило доходовъ рѣчипосполитой. Но войско требовало денегъ а не обѣщаній. Для прекращенія безпорядковъ, король созвалъ сеймъ въ Варшавѣ (20 февр. 1662), но предварительно онъ вторично послалъ къ конфедератамъ Лигензу и Витовскаго, обѣщая не только уплату жалованья, но и награды для войска. На это отвѣтилъ Христофоръ Лещинскій, одинъ изъ совѣтниковъ конфедераціи, что войско, принимая съ благодарностью слова короля, понять однако не можетъ, почему, когда съ одной стороны сеймъ долженъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ войска, съ другой стороны, для его истребленія, употребляютъ и золото и желѣзо. Онъ показалъ прокламаціи, вышедшія изъ коронной канцеляріи, въ которыхъ подстрекали прислугу конфедератовъ перебить своихъ господъ. Притомъ Лещинскій возвратилъ золото, которымъ эммисаръ королевы хотѣлъ подкупить Павла Борженцкаго, помощника союзнаго маршала, присовокупивъ, что если бы неправильно израсходованныя суммы возвратились въ казначейство, то будетъ чѣмъ удовлетворить войско и прекратить жалобы бѣднаго народа.

Варшавскій сеймъ долженъ былъ, прежде всего, принять мѣры къ удовлетворенію войска, котораго послы прибыли въ столицу.

зазвать солдатъ, взорвать всѣхъ на воздухъ. Солдаты узнали обо всемъ, схватили Мышецкаго и выдали королю. *Примѣч. перевод.*

Но королева, не будучи въ состояніи отказаться отъ намѣренія посадить родственника на польскомъ престолѣ, принудила опять сдѣлать въ этомъ смыслѣ предложеніе. Теперь однако дѣло было гораздо труднѣе, потому что послы прибыли съ инструкціей, на что либо подобное, не давать согласія. Дворъ подозрѣвалъ, что Юрій Любомирскій былъ главнымъ виновникомъ подобной инструкціи. Не смотря на это Янъ-Казиміръ, находясь подъ вліяніемъ жены, сдѣлалъ снова предложеніе о избраніи наслѣдника, чѣмъ вызвалъ страшную сеймовую бурю. Старанія королевы и ея сторонниковъ ни къ чему не привели. Предложеніе вторично отвергнуто и сверхъ того сеймъ особымъ рѣшеніемъ опредѣлилъ считать государственною измѣною всякую попытку назначить наслѣдника престола при жизни короля. Споры сторонниковъ двора съ противниками предположеннаго избранія заняли столько времени, что пришлось отсрочить засѣданія сейма для разрѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ, что также не обошлось безъ горячихъ преній. Наконецъ, послы сконфедерованнаго войска представили сословіямъ пространную записку, состоявшую изъ 40 пунктовъ. Въ ней объяснялось, что только крайняя нужда заставила войско приступить къ союзу и что немедленно по полученіи жалованья, войско вознаградитъ все своею храбростью и вѣрностью. Потомъ слѣдовали жалобы на дурное управленіе, а именно — что министры рѣчипосполитой позволили представить противный народнымъ правамъ проектъ избранія наслѣдника престола, что церковная утварь была захвачена подъ предлогомъ уплаты войску жалованья, чего впрочемъ не сдѣлали, что народъ гибнетъ подъ бременемъ налоговъ, тогда какъ вельможи ничего не платятъ, а чиновники грабятъ достояніе рѣчипосполитой, что королевская канцелярія выдаетъ нѣсколькимъ лицамъ привиллегіи на одно и тоже имѣніе, вслѣдствіе чего прибѣгаютъ къ насиліямъ и наѣздамъ, и обыкновенно сильнѣйшій беззаконно все себѣ присвоиваетъ, что Боратини чеканитъ болѣе монеты, нежели ему позволено, что обѣщаніе уплатить войску жалованье въ Львовѣ было только мечтой, деньги растаяли въ ру-

кахъ плательщиковъ и войско не получило ни гроша. Притомъ требовали, чтобы гетманское достоинство не было пожизненнымъ, чтобы число наемныхъ иностранныхъ войскъ было сокращено, а народное возстановлено въ прежнемъ видѣ, чтобы военачальники не присваивали себѣ отнятыхъ у врага знаменъ, орудій и плѣнныхъ, но передавали бы ихъ королю, чтобы королевскія имѣнія раздавались поочередно гражданскимъ и военнымъ лицамъ. чтобы военные госпитали были улучшены и т. п. Король отвѣтилъ, что онъ отеческимъ сердцемъ принимаетъ жалобы и при содѣйствіи государственныхъ чиновъ, постарается удовлетворить справедливымъ требованіямъ. Сеймъ опредѣлилъ всеобщую поголовную подать для уплаты войска и назначилъ одну коммиссію въ Львовѣ (7 авг.) для коронныхъ войскъ, другую въ Вильнѣ (19 іюля) для литовскихъ. Кромѣ того обѣщано забвеніе прошедшаго, а Радзѣіовскому и Станиславскому возвращены прежнія права состоянія. Многимъ вѣроятно покажется страннымъ, что войско дерзало указывать правительству и сеймовымъ сословіямъ, какія слѣдуетъ сдѣлать улучшенія въ рѣчипосполитой — но не должно забывать, что въ Польшѣ военный не переставалъ быть гражданиномъ.

Львовская коммисія начала съ депутатами полковъ сводить счеты. Оказалось, что войску причитается 26 милліоновъ злот. Въ счетъ этой суммы, кромѣ другихъ налоговъ, надѣялись получить одной поголовной подати 10 мил. зл. Но когда вопервыхъ, нѣкоторыя воеводства, какъ напр. прусскія, только послѣ продолжительныхъ переговоровъ, согласились уплатить эту подать, а сборщики не внесли, во время, въ казначейство полученныхъ денегъ; когда, далѣе, хотѣли принудить повѣренныхъ войска, которыхъ собралось въ Львовѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, уменьшить требуемую сумму, — то переговоры, разумѣется, длились до безконечности. Между тѣмъ дворъ пріискивалъ средства разрушить военный союзъ. Противъ него составили, такъ называемый, святой союзъ, находившійся въ распоряженіи самаго короля. Къ нему присоединилось много свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, вооружаясь какъ бы на войну. Кромѣ того предположено со-

ставить новые полки, и какъ многіе полагаютъ, начаты переговоры съ татарами и козаками, чтобы и ихъ, въ крайнемъ случаѣ, употребить противъ конфедераціи. Устроивъ все это, король созвалъ совѣтъ сената въ Варшаву. Многіе совѣтовали прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Но Юрій Любомирскій былъ противнаго мнѣнія и старался отклонить короля отъ предложенной поѣздки въ Львовъ, совѣтуя разрѣшеніе всего дѣла предоставить коммисарамъ. Не смотря на его представленіе, король отправился въ Львовъ съ женой и дворомъ (17 сент.), желая своимъ присутствіемъ принудить войско къ большей уступчивости. Пріѣздъ двора не ускорилъ разрѣшенія этого щекотливаго дѣла. Послы войска, измученные пятимѣсячнымъ напраснымъ ожиданіемъ, отправили къ коммисарамъ двухъ изъ своей среды, для объявленія имъ, что потерявъ напрасно столько времени и истративъ послѣднія деньги, замѣчая кромѣ того явные заговоры противъ войска, они принуждены возвращаться съ пустыми руками, чтобы съ товарищами подумать о себѣ. Желая какъ нибудь успокоить взолнованные умы, великій гетманъ коронный Потоцкій отвѣчалъ, что войско получитъ жалованье немедленно, лишь только поступятъ въ казначейство взимаемые налоги, а между тѣмъ оно можетъ быть увѣрено, что рѣчьпосполитая не думаетъ вредить ему. Съ этимъ обѣщаніемъ повѣренные удалились.

Во время пребыванія ихъ въ Львовѣ, умеръ Борженцкій, заступавшій мѣсто маршала конфедераціи. Послѣ него избранъ Януарій Бейковскій, который, дѣйствуя въ примирительномъ духѣ, уговаривалъ войско отправить къ королю пословъ, и если бы нельзя было получить всего жалованья, то исходатайствовать, по крайней мѣрѣ, часть его. Посольство было снаряжено, но король отослалъ его въ коммисію. Но какъ послы не были снабжены достаточнымъ полномочіемъ отъ войска, то коммисія признала болѣе соотвѣтственнымъ дать незначительную сумму впередъ и послать въ Вольборжъ своихъ повѣренныхъ, которые заключили бы окончательныя условія съ конфедератами. И теперь коммисія убѣждала, что ни дворъ, ни святой союзъ, не думаютъ обижать

войско. По этому случаю, а равно вслѣдствіе прибытія русскаго и татарскаго посланниковъ, король созвалъ сенатъ. Посланникъ царя уѣхалъ немедленно, такъ какъ онъ не былъ уполномоченъ вести переговоры о мирѣ. Ханъ татарскій опять приглашалъ въ экспедицію противъ Россіи. Ему отвѣтили, что какъ только дѣло съ войсковой конфедераціей будетъ покончено, король направится противъ Москвы со всѣми своими силами. Что же касается переговоровъ съ войскомъ, то сенатъ назначилъ для этой цѣли куявскаго епископа Чарторыскаго и четырехъ коммисаровъ, уполномочивая ихъ окончательно порѣшить дѣло. Король желалъ, чтобы кромѣ коммисаровъ отправились въ Вольборжъ оба коронные гетмана и Янъ Замойскій, но Свидерскій совѣтовалъ противное, ибо не ручался за ихъ безопасность, среди войска, раздраженнаго до крайности.

По прибытіи коммисаровъ рѣчипосполитой въ Вольборжъ, начались тотчасъ переговоры. Куявскій епископъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы уговорить сконфедерованныхъ сбавить требуемую сумму, доказывая имъ, что, засеквестровавъ почти всѣ доходы рѣчипосполитой, они получили уже сами значительную часть долга, которую слѣдуетъ вычесть изъ общей суммы. Онъ изобразилъ имъ самыми живыми красками грустное и опасное положеніе рѣчипосполитой, и старался тронуть ихъ сердца, ссылаясь на любовь ихъ къ отечеству. Замѣчая однако безуспѣшность своихъ усилій, онъ объявилъ о скоромъ отъѣздѣ коммисаровъ. Испуганные этимъ конфедераты, согласились на мировую (25 дек.) на слѣдующихъ условіяхъ: 1) совершенное забвеніе прошедшаго, что должно быть скрѣплено присягой коммисаровъ и люблинскаго и піотрковскаго трибуналовъ, и утверждено на будущемъ сеймѣ; 2) войско будетъ довольствоваться 9,000,000 зл., изъ которыхъ 6,000,000 оно получитъ въ теченіи шести недѣль, 1,000,000 товарами, а остальное по мѣрѣ полученія податей съ воеводствъ и доходовъ съ таможенъ; 3) секвестръ съ королевскихъ и духовныхъ имѣній будетъ немедленно снятъ по полученіи 6,000,000 и войско будетъ находиться въ распоряженіи короля и гетмановъ;

4) будетъ принята во вниманіе просьба коронной конфедераціи объ удовлетвореніи литовскаго союза; 5) если бы условія этого договора не были выполнены въ теченіи 6 недѣль послѣ новаго года (1663), договаривающіеся освобождаются отъ всякихъ обязательствъ.

Во время дѣйствій львовской коммисіи, собралась также и виленская. Сначала удалось раздѣлить союзныхъ на двѣ партіи, изъ которыхъ одна готова была мириться, лишь бы жалованье было заплочено, другая же требовала сверхъ того вознагражденія потерь. Госѣвскій, сманивъ на свою сторону маршала конфедераціи Жиромскаго, написалъ къ львовскимъ коммисарамъ, что онъ скоро приведетъ къ повиновенію раздѣленныхъ на партіи мятежниковъ. Котовскій, помощникъ маршала, перехватилъ это письмо и объявилъ въ измѣнѣ Госѣвскаго и Жиромскаго, который жилъ въ Вильнѣ, подъ предлогомъ ускоренія дѣйствій коммисіи. Войско приговорило тотчасъ обвиненныхъ къ смертной казни и отправило въ Вильно 1,500 всадниковъ подъ предводительствомъ Новошинскаго и Хлевинскаго съ приказаніемъ доставить ихъ живыхъ или мертвыхъ. Новошинскій поймалъ Жиромскаго и казнилъ его въ 3 миляхъ отъ Вильна. Хлевинскій привезъ Госѣвскаго въ Волпу, гдѣ, приговоривъ его къ разстрѣлянію, исполнилъ тотчасъ приговоръ. Этотъ неслыханный поступокъ, нарушавшій права рѣчипосполитой, вызвалъ всеобщее негодованіе.

Къ этимъ внутреннимъ потрясеніямъ присоединилась еще моровая язва, уничтожившая множество народа, который и безъ того, придавленный бременемъ огромныхъ налоговъ, выходилъ толпами изъ селеній и оставлялъ поля невоздѣланными. Монета низкаго достоинства увеличивала общественное бѣдствіе. Не только арендаторы монетнаго двора выпускали ее въ бо́льшемъ, чѣмъ было постановлено, количествѣ, но и сборщики податей, въ ущербъ казнѣ, обмѣнивали на нее получаемое золото и серебро.

Дворъ не одобрилъ вольборскаго договора. Великій канцлеръ коронный Пражмовскій говорилъ открыто, что подобныя условія оскорбительны для королевскаго величія и что коммисары слиш-

комъ щедро распорядились общественными деньгами. А потому когда послы войска прибыли (въ янв. 1663) въ Львовъ, чтобы наблюсти за исполненіемъ договора, они увидѣли, что дворъ не думаетъ его исполнять и намѣренъ уплатить только часть жалованья. Они просили аудіенціи у короля, но имъ отказали и въ этомъ подъ предлогомъ болѣзни. Между тѣмъ король принималъ московскаго посланника, предлагавшаго заключить миръ, лишь бы на справедливыхъ условіяхъ. О возвращеніи однако Смоленска и другихъ завоеваній не хотѣлъ и слышать, и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Дѣло войсковаго союза отсрочилось, какъ потому, чтобы выиграть время и снисканіемъ нѣкоторыхъ лицъ ослабить его, такъ и потому, чтобы угрозами принудить къ повиновенію. При содѣйствіи денегъ, дворъ пріобрѣлъ какого то Лабенту, который началъ уговаривать другихъ оставить союзъ. Послы приняли это за измѣну, и недолго думая, арестовали Лабенту и приговорили къ смертной казни. Шагъ этотъ вызвалъ страшное волненіе. Король угрожалъ всею строгостью закона, если у арестованнаго хотя волосъ спадетъ съ головы. Между тѣмъ прошелъ срокъ опредѣленный вольборскимъ договоромъ. Послы, послѣ совѣщанія, рѣшили ѣхать и потребовали прощальной аудіенціи у короля и коммисіи, гдѣ прямо объявили, что обманутые во всѣхъ своихъ надеждахъ, должны ни съ чѣмъ возвратиться домой, такъ какъ опредѣленные сеймомъ налоги для удовлетворенія войска, обращены на другія цѣли. Пражмовскій, отвѣчая отъ имени короля, употребилъ рѣзкія выраженія, даже угрозы. Послы, уѣзжая изъ города, хотѣли захватить съ собой Лабенту, но городская стража отбила его.

Послѣ отъѣзда пословъ, король издалъ строгое постановленіе, въ которомъ объявлялъ, что такъ какъ дружескимъ способомъ, нельзя было усмирить дерзости войска, то онъ вынужденъ употребить строгія мѣры, и если послы конфедераціи не вернутся въ Львовъ въ теченіи 4 недѣль, то онъ принудитъ ихъ къ тому силой. Коммисія издала также строгое объявленіе, а духовенство, собравшись на синодъ подъ предводительствомъ примаса, отправило викарнаго плоцкаго епископа Чижовскаго къ союзникамъ,

угрожая проклятіемъ, если войско не освободитъ изъ подъ секвестра церковныхъ имѣній. Кромѣ того король собралъ совѣтъ сената. Нѣкоторые желали пригласить татаръ для усмиренія союза, но Юрій Любомирскій совѣтовалъ созвать всеобщее ополченіе, которое, по его мнѣнію, не только усмиритъ союзныхъ, но и можетъ улучшить финансы рѣчипосполитой. Дворъ, усматривая въ этомъ намѣреніе ослабить королевскую власть, не принялъ совѣта и усиливъ, при содѣйствіи Чарнецкаго и Пражмовскаго, святой союзъ, пригласилъ въ помощь татаръ, такъ какъ войска, находившіяся при королѣ, были не въ силахъ справиться съ союзомъ. Въ Литву посланы также повѣренные, чтобы стараться разстроить тамошнюю конфедерацію и ослабить этимъ конфедерацію коронную.

Всѣ эти распоряженія не испугали союзныхъ, которые, оставивъ зимнія квартиры, двинулись къ Львову. Но доводы куявскаго епископа заставили ихъ остановиться у Завихоста и отправить пословъ къ люблинскому трибуналу, прося его принять на себя посредничество въ ихъ дѣлѣ съ королемъ. Трибуналъ отправилъ изъ среды своей депутацію въ Львовъ. Правда, ее упрекнули въ томъ, что трибуналъ вмѣшивается не въ свои дѣла, но и увѣрили въ то же время, что король не откажетъ въ помилованіи, а равно искренно желаетъ успокоенія края. Состоялся договоръ, отличавшійся тѣмъ отъ вольборскаго, что войско уступило еще $2^1/_2$ мил. и должно было получить наличными деньгами 3,500,000. Дѣло замедлилось по случаю нѣкоторыхъ двусмысленныхъ выраженій договора, но союзные, опасаясь за свою честь и жизнь, требовали отчетливой редакціи. Во время споровъ, королевское войско остановилось въ 5 миляхъ отъ лагеря союзныхъ, какъ бы намѣреваясь завязать бой и король, ожидая ежеминутно прибытія татаръ, готовъ былъ прибѣгнуть къ силѣ, но ходатайство и просьбы сенаторовъ смягчили его окончательно. При содѣйствіи Любомирскаго и другихъ, всѣ помирились (4 іюля). Въ тоже время получено было извѣстіе о появленіи татаръ въ окрестностяхъ Бржежанъ и Нарайова. Приходилось дать имъ вознагражденіе и отправить обратно. Это обстоятельство вызвало бурныя трехдневныя совѣщанія въ комми-

сіи, прежде чѣмъ разрѣшили королю употребить съ этою цѣлью 300,000 зл. Накопецъ распущена была конфедерація. Начальники ея просили публично прощенія у короля (22 іюля) въ бернардинскомъ костелѣ въ Львовѣ, а дѣла союза долженъ былъ сжечь палачъ. Но одинъ изъ священниковъ спасъ войско отъ этого позора. Схвативъ съ алтаря свѣчу, онъ зажегъ бумаги. Не смотря на примиреніе, пріѣздъ французскаго посланника вызвалъ новое волненіе. Разнесся слухъ, будто бы онъ прибылъ собственно затѣмъ, чтобы по уничтоженіи конфедераціи, поддержать выборъ наслѣдника престола. Опасенія были столь сильны, что войско хотѣло снова прибѣгнуть къ союзу, но его успокоили, доказавъ, что цѣль пріѣзда посланника вовсе не та. Вслѣдъ за коронною конфедераціею закрылась и литовская. Но такъ какъ въ казначействѣ не было достаточно денегъ и пѣхотнымъ полкамъ обѣщали даже дать въ залогъ коронныя драгоцѣнности, то король хотѣлъ вознаградить этотъ дефицитъ доходами съ монетнаго двора. Пригласивъ Боратини въ Львовъ, онъ позволилъ ему отчеканить мѣдныхъ шелиговъ на 5,250,000 зл., за что онъ долженъ былъ внести въ казну 3,000,000 зл. Боратини поступилъ какъ обманщикъ, употребивъ на это мѣди только на 800,000 зл., такъ что за расходами на чеканку монеты ему осталось 1,450,000 зл. Другой аферистъ, нѣкто Тимфе, представилъ проектъ чеканки злотыхъ, которые при номинальной цѣнности въ 30 грошей, имѣли бы дѣйствительной только 13 гр., то есть онъ хотѣлъ изъ одного талера чеканить 6 зл. Барыши, которые многія лица надѣялись получить, были причиной принятія и этого проекта. Новые злотые разрѣшено называть тынфами и они были въ ходу довольно продолжительное время.

По окончательномъ уничтоженіи конфедераціи, король сдѣлалъ смотръ войскамъ. Подъ ружьемъ находилось 40,000 самыхъ лучшихъ солдатъ. Но бѣдность казны, въ особенности же нерасположеніе къ Юрію Любомирскому, были причиной, что король приказалъ распустить всѣ полки будто бы ему преданные, такъ что войско сократилось почти на $^2/_3$. Во главѣ столь сокращенной арміи, король рѣшился предпринять походъ въ Украину. Любомирскій,

затропутый за живое недоброжелательствомъ двора, отказался отъ участія въ походѣ подъ предлогомъ болѣзни. Мѣсто его занялъ Чарнецкій и все войско, подъ главнымъ начальствомъ короля, двинулось тремя путями въ Украину (15 авг.).

Здѣсь произошли важныя перемѣны со времени чудновскаго договора. Гетманомъ козаковъ, какъ извѣстно, былъ Юрій Хмѣльницкій, который присягнулъ на вѣрность королю и рѣчипосполитой. Сверхъ того, послѣднее пораженіе лишило временно возможности, московцевъ и козаковъ, возобновить борьбу. Но когда военныя конфедераціи тревожили рѣчьпосполитую, московская партія снова пріобрѣтала перевѣсъ въ Малороссіи. Юрій Хмѣльницкій, связанный присягою, не могъ открыто содѣйствовать этому движенію, но не желая, съ другой стороны, навлечь на себя неудовольствіе москвитянъ, созвалъ козацкую раду въ Ольшаницу, объявилъ, что намѣренъ итти въ монастырь и совѣтовалъ всѣмъ принять подданство какого либо сильнаго государства. Козаки, собравшись на съѣздъ въ Чигиринѣ, приступили къ выбору гетмана. Выговскій, имѣвшій нѣкогда огромное вліяніе, потерялъ его совершенно со времени назначенія кіевскимъ воеводою. Нечай, зять Богдана Хмѣльницкаго, былъ уже слишкомъ старъ, а потому голоса были въ пользу Павла Тетеря, втораго зятя Хмѣльницкаго, отличавшагося между козаками бо̀льшею образованностью. Новый гетманъ отправилъ Гуляницкаго къ королю, находившемуся въ Львовѣ, для полученія подтвержденія, въ чемъ ему нельзя было отказать, такъ какъ Тетеря былъ извѣстенъ своимъ расположеніемъ къ рѣчипосполитой. Однако власть его была весьма ограничена, въ особенности потому, что заднѣпровскіе козаки, слѣдуя примѣру Брюховецкаго, объявили себя въ пользу Москвы. Дорошенко же съ остальными желалъ подданства Турціи, тогда какъ въ самой партіи Тетери Выговскій производилъ расколъ, лично недовольный его выборомъ. Царь, желая воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами, усилилъ свое войско въ Украинѣ, находившееся подъ начальствомъ Ромодановскаго, до 40,000 человѣкъ, располагая при-

томъ 30,000 козаковъ. Другой же корпусъ, (около 30,000 человѣкъ) осаждалъ Шкловъ и Быховъ въ Литвѣ.

Приходилось дать отпоръ царю, тѣмъ болѣе, что и ханъ обѣщалъ значительное вспомогательное войско. Постоянная непогода до того замедлила походъ войскъ, что король могъ переправитъся черезъ Днѣпръ только 13 ноября. Ромодановскій занялъ пѣхотой важнѣйшіе города, помѣстилъ конницу въ хорошо укрѣпленномъ лагерѣ и приказалъ козакамъ безпокоить врага постоянными стычками, чтобы затруднять его шествіе и подвозъ провіанта. Приходилось бороться и съ позднимъ временемъ года, и съ вездѣ снующимися козаками, и съ нерасположеніемъ жителей, и почти каждый городъ брать силой. Солдатъ страдалъ отъ частыхъ, хотя мелкихъ стычекъ, въ особенности же отъ всевозможныхъ лишеній. Татары, пабравъ много добычи и плѣнныхъ, объявили рѣшительно (въ концѣ дек.), что должны возвращаться домой. Послѣ ихъ ухода, поляки разбили Брюховецкаго у Старинина и взяли Дѣвицу, укрѣпленный городъ, занятый козаками, гдѣ истребили мечемъ слишкомъ 10,000 человѣкъ обоего пола *). Эта рѣзня только усилила ненависть козаковъ къ полякамъ и не принесла послѣднимъ никакой пользы, такъ какъ другіе города, не испуганные столь страшнымъ примѣромъ, защищались съ ожесточеніемъ, а сельскій людъ избѣгалъ всякаго сношенія съ поляками.

Во время похода къ Дѣвицѣ, къ королю явилось посольство отъ съѣзда малопольскихъ землевладѣльцевъ въ Прошовицахъ, которое умоляло короля возвратиться изъ Украины. Янъ-Казиміръ принялъ депутатовъ весьма неласково и объявилъ имъ, что тѣ, которые были причиною снаряженія посольства, желаютъ его возвращенія домой до окончанія войны, потому только, чтобы впослѣдствіи возбудить противъ него нерасположеніе народа и войска, и

*) Въ Дѣвицѣ (Салтыкова) начальствовалъ сотникъ Трокачъ; на требованіе сдать городъ, онъ отвѣчалъ выстрѣлами. Въ самомъ началѣ приступа Трокачъ былъ раненъ. Жители оставшіеся въ живыхъ, были проданы въ рабство татарамъ. Янъ-Казиміръ надѣялся найти въ Дѣвицѣ складъ богатыхъ товаровъ.
Прим. перевод.

составить новую конфедерацію. Слова эти были прямо направлены противъ Любомирскаго, котораго дворъ обвинялъ постоянно въ происках враждебныхъ престолу. Въ это же время посолъ Вольскій возвратился отъ хана съ донесеніемъ, что вспомогательное татарское войско явится немедленно. Оно прибыло въ числѣ 20,000 и король перешелъ русскую границу (17 янв. 1664), получивъ увѣдомленіе, что литовское войско сняло осаду Шклова и Быхова. Король, занявъ Коропъ безъ сопротивленія, двинулся къ Великимъ Лукамъ, для соединенія съ литовскимъ корпусомъ. Борятинскій, желая помѣшать этому движенію, вышелъ на встрѣчу литовцевъ подъ Брянскомъ и одержалъ бы побѣду, если бы вспомогательный отрядъ, посланный королемъ, не подоспѣлъ во время. Россіяне были разбиты, конница спаслась, но пѣхота погибла почти вся. Послѣ этого поляки принудили Черкасскаго отступить отъ Путивля, но Глуховъ осаждали напрасно и претерпѣли, во время трехъ приступовъ, значительныя потери*). Осаду Сѣвска пришлось снять также. Голодъ и холодъ истощали войско, а приближеніе весны угрожало большою опасностью, вслѣдствіе разлива рѣкъ и порчи дорогъ. Король могъ быть поставленъ въ невозможность выйти изъ непріятельской земли. Когда къ тому же и изъ Украины получались неблагопріятныя извѣстія, и татары собирались въ обратный путь, король готовъ былъ начать переговоры, хотя и послалъ Видзинскаго и Полубинскаго опустошать окрестную мѣстность. Сперва король не принялъ предложенія царя о заключеніи трехмѣсячнаго перемирія, но впослѣдствіи согласился, съ тѣмъ условіемъ, что въ теченіи этого времени начнутся переговоры о мирѣ. Янъ-Казиміръ, подъ прикрытіемъ литовскаго войска, отправился въ Вильно, а Чарнецкій съ коронными полками остался въ Украинѣ. Совѣщанія, от-

---

*) Хотя г. Шмиттъ упоминаетъ только какъ будто мимоходомъ объ осадѣ Глухова, но она достойна большаго вниманія по храбрости оказанной осажденными. Осада была жестокая и продолжительная. Въ городъ было брошено, какъ говорятъ, до *ста тысячъ* бомбъ и гранатъ, и сдѣлано нѣсколько приступовъ; вылазки уничтожили всѣ намѣренія короля, число осаждающихъ уменьшалось каждый день. Осада была снята, когда получено было извѣстіе, что Ромодановскій прибылъ съ войскомъ въ Батуринъ. *Прим. перевод.*

крытыя въ Красномъ заставляли предполагать, что царь хлопочетъ не о мирѣ, а о выиграніи времени; а потому, когда войска Хованскаго, стоявшія надъ Днѣпромъ, обращаясь безжалостно съ литовскими плѣнниками, вызвали вмѣшательство польнаго литовскаго гетмана Паца, который принудилъ ихъ отступить, — совѣщанія были прерваны. При отъѣздѣ, уполномоченные царя объявили однако, что они воротятся (29 авг.), лишь бы со стороны поляковъ были предложены справедливыя условія.

Во время экспедиціи короля Украина не могла похвалиться общественнымъ спокойствіемъ. Выговскій, ненавидя новаго гетмана Тетерю, возбуждалъ тайно козаковъ, сносился съ кіевскимъ митрополитомъ *), извѣстнымъ сторонникомъ Москвы. Тетеря слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, собиралъ доказательства измѣны и доносилъ обо всемъ Маховскому, котораго король оставилъ съ отрядомъ войскъ въ Украинѣ. Перехваченныя письма, казалось, доказывали измѣну Выговскаго. Маховскій пригласилъ его въ Корсунь и предалъ военному суду. Выговскій, какъ измѣнникъ, приговоренъ къ разстрѣлянію. Король зналъ обо всемъ, ибо вслѣдствіе донесеній Тетери, убѣждалъ воеводу соединиться съ Маховскимъ, для усмиренія волновавшейся черни. Хотя бы Выговскій и былъ дѣйствительно виновенъ, все таки казнь его противузаконна, такъ какъ сенатора рѣчипосполитой могъ судить только сеймовый судъ, чего справедливо требовалъ Выговскій. Притомъ же судъ былъ и слишкомъ поспѣшный, и произвольный. Не смотря на то, все дѣло было принято съ большимъ равнодушіемъ, какъ будто козацкая кровь, даже въ сенаторѣ, заслуживала пренебреженія **).

---

*) Іосифомъ Тукальскимъ, который вслѣдствіе того былъ заточенъ въ Маріенбургѣ. *Прим. перевод.*

**) Судъ надъ Выговскимъ продолжался всего десять часовъ. Маховскій, никѣмъ не уполномоченный, самъ назвалъ себя предсѣдателемъ. Напрасно Выговскій объявлялъ, что измѣна не доказана, что для осужденія однихъ подозрѣній недостаточно, Маховскій ничего не слушалъ и Выговскій, сенаторъ, воевода, гетманъ, конотопскій побѣдитель, человѣкъ неоднократно защищавшій Польшу, былъ разстрѣлянъ. Сеймъ призналъ Выговскаго невиннымъ и потомство его, на основаніи конституціи 1666 г., допущено къ владѣнію оставшимися послѣ него имуществами. *Прим. перевод.*

Когда король возвратился въ Литву, Чарнецкій и Собѣскій отправились въ Украину. Переправившись черезъ Днѣпръ подъ Ржищевомъ, Чарнецкій разбилъ московскую конницу и захватилъ 1,500 лошадей *). Къ жителямъ Украины издана прокламація, приглашающая ихъ къ спокойствію и обѣщающая всевозможное снисхожденіе, лишь бы они избѣгали бунтовъ и доставляли войску продовольствіе. Духовенству обѣщана полная свобода совѣсти и неприкосновенность прежнихъ льготъ Украины. Все было напрасно. Возстаніе распространялось все далѣе и далѣе. Чарнецкій, оставленный татарами, размѣстилъ пѣхоту въ Павловичахъ и Бѣлой-Церкви, конницу въ Корсунѣ и отправился тайно, съ нѣсколькими всадниками, къ буджакскимъ татарамъ, которые обѣщали прислать 20,000 человѣкъ. Во время его отсутствія, Сирко, одинъ изъ козацкихъ предводителей, аттаковалъ Маховскаго, разогналъ часть его отряда и принудилъ запереться въ Городищѣ. Побѣда была несомнѣнная, когда вдругъ Бидзинскій и Полубинскій, возвращавшіеся изъ московскаго похода, явились съ помощью и заставили Сирку отступить. Вскорѣ возвратился Чарнецкій и пригласилъ къ себѣ въ лагерь, отъ имени короля, кіевскаго архимандрита и Юрія Хмѣльницкаго, который подъ именемъ Гедеона розыгрывалъ роль монаха, желая уговорить ихъ содѣйствовать умиротворенію Украины. Когда оба объявили, что смиреннымъ инокамъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, Чарнецкій отослалъ ихъ подъ стражею въ Варшаву, чѣмъ еще болѣе раздражилъ козаковъ.

По прибытіи татаръ, Чарнецкій двинулся на помощь Тетерѣ, котораго Брюховецкій осаждалъ въ Чигиринѣ. Брюховецкій отступилъ и преслѣдуемый поляками, занялъ хорошо укрѣпленное мѣсто на берегахъ Днѣпра. Чарнецкій разсѣялъ подъ Копысью отрядъ, шедшій въ помощь Брюховецкому **). Потомъ взявъ Стеб-

---

*) Всадники успѣли спатсись. *Прим. перевод.*

**) Тутъ вѣроятно идетъ рѣчь объ отрядѣ Штрасбуха, который съ 4,000 войска и артиллеріею шелъ къ Капеву и былъ разбитъ Собѣскимъ, лишась притомъ орудій, снарядовъ и запасовъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился полковникъ Нужный. Г. Маркевичъ говоритъ (Т. II, стр. 107), что когда Нужному

ловъ и отдавъ на разграбленіе татарамъ, онъ пригласилъ Ставище открыть ворота польскому войску. Жители отказали и отбили нападеніе поляковъ (14 іюля) съ большою для послѣднихъ потерею. Чарнецкій, не желая возобновлять штурма и видя страшную убыль въ своихъ рядахъ, окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ и принудилъ его положить оружіе (въ нояб.) безусловно *) Утомленному войску необходимо было дать отдыхъ и размѣстить по зимнимъ квартирамъ.

По возвращеніи въ Варшаву (14 іюля), король рѣшился созвать сеймъ, какъ для удовлетворенія многихъ нуждъ рѣчипосполитой, такъ и для наказанія Юрія Любомирскаго, котораго дворъ хотѣлъ непремѣнно уничтожить. Королева и Пражмовскій съумѣли изобразить въ глазахъ Яна-Казиміра каждый шагъ и каждое дѣйствіе Любомирскаго въ такихъ черныхъ краскахъ, что король рѣшался на все, лишь бы погубить этого заслуженаго сановника. Не подлежитъ сомнѣнію, что Любомирскій былъ ревностнымъ сторонникомъ австрійскаго дома и противникомъ французской партіи, во главѣ которой стояла королева. Вѣрно также и то, что великій маршалъ коронный болѣе другихъ препятствовалъ назначенію наслѣдника престола при жизни короля и не допустилъ, своимъ вліяніемъ, употребить оружіе противъ конфедераціи войска, чрезъ что воспротивился осуществленію двухъ живѣйшихъ желаній королевы. Кромѣ того дворъ обвинялъ Любомирскаго въ томъ, что онъ подъ маской патріотизма оскорбляетъ достоинство короля, подговариваетъ тайно войско и шляхту къ неповиновенію и т. п. Осужденіе его было рѣшено окончательно. Оставалось только собрать такой сеймъ, который захотѣлъ бы быть орудіемъ мести.

объявили, что онъ приговоренъ военнымъ судомъ къ висѣлицѣ, то онъ просилъ какъ милости, чтобъ его посадили на колъ, потому что и отецъ его погибъ такою смертію. *Прим. перевод.*

*) Послѣ сдачи города, тринадцать козацкихъ старшинъ были отданы Тетерѣ, колокола съ церквей сняты, ставищане приговорены къ уплатѣ крымскимъ татарамъ донативы и вознагражденія за лошадей, погибшихъ во время осады, а равно и къ содержанію на свой счетъ двухъ польскихъ хоругвей. Тридцать знаменъ и 40 пушекъ достались побѣдителямъ. *Прим. перевод.*

Для достиженія этой цѣли разосланы на всѣ сеймики самые ловкіе плуты, чтобы содѣйствовать вездѣ избранію сторонниковъ двора, а гдѣ бы это не удалось, расторгать сеймики. Въ данной имъ инструкціи король говорилъ, что со дня вступленія на престолъ, онъ постоянно трудился для блага рѣчипосполитой и доказывалъ, что старанія его увѣнчались бы полнѣйшимъ успѣхомъ, если бы не происки клеветниковъ, которые ложными упреками и неосновательными обвиненіями, смущая подданныхъ, подрывали довѣріе къ правительству. Затѣмъ одни утверждали (слова инструкціи), что король хотѣлъ оторвать Литву отъ короны, продлить конфедерацію войска. Но, какъ съ одной стороны его величество убѣжденъ, что при строгомъ изслѣдованіи невинность его окажется ясною какъ день, такъ точно и съ другой стороны, относительно предложенія назначить наслѣдника престола, онъ дастъ совершенно удовлетворительныя объясненія, въ той увѣренности, что клевета падетъ на тѣхъ, которые до того времени безнаказанно сѣяли ядъ повсюду. Если бы сословія нашли нужнымъ помиловать подобныхъ нарушителей общественнаго спокойствія, то король, заявивъ о томъ Богу и цѣлому міру, будетъ съ прежнимъ рвеніемъ трудиться для общей пользы, но можетъ сказать заранѣе, что самыя большія подати, самыя сильныя войска и самые благоразумные совѣты не пособятъ ничѣмъ рѣчипосполитой, пока внутри ея не будетъ согласія. Въ инструкціи этой король не намекалъ ни на кого, но за то приказалъ на сеймикѣ въ Прошовицахъ вручить Любомирскому вызовъ и повторить ему лично весь актъ обвиненія въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. И здѣсь законъ не былъ соблюденъ, такъ какъ возный вошелъ въ мѣсто, гдѣ производились совѣщанія сеймика, не испросивъ предварительно необходимаго на то разрѣшенія и громогласно исполнилъ приказаніе короля. Любомирскій выслушалъ обвинительный актъ совершенно спокойно и безъ всякаго волненія поблагодарилъ своихъ согражданъ, которые предложили ему свое содѣйствіе, разсказавъ имъ вкратцѣ свою жизнь и доказавъ, что онъ никогда не дѣйствовалъ во вредъ рѣчипосполитой и короля. При усиленныхъ хлопотахъ, двору удалось провести во

многихъ мѣстахъ избраніе своихъ кандидатовъ. Въ нѣкоторыхъ воеводствахъ сеймики были расторгнуты и только изъ немногихъ прибыли послы противной партіи.

Сеймъ открылся въ Варшавѣ (26 нояб.) подъ предводительствомъ поморскаго подкоморія Гнинскаго, преданнаго двору душой и тѣломъ. Предметомъ совѣщаній должно было быть обсужденіе средствъ для дальнѣйшаго веденія войны съ Москвою, если окажется невозможнымъ заключить миръ на выгодныхъ условіяхъ, для удовлетворенія войска жалованьемъ и разрѣшеніе другихъ дѣлъ, къ числу которыхъ принадлежало назначеніе сеймоваго суда. Съ самаго начала возникъ шумъ, по дѣлу Любомирскаго. Онъ хотѣлъ непремѣнно успокоить короля, написалъ къ нему покорное письмо, на которое онъ не получилъ отвѣта и подалъ въ сеймъ просьбу, чтобы сословія оправдали его передъ королемъ. Сперва начались споры, слѣдуетъ ли читать письмо или нѣтъ, а потомъ слѣдуетъ ли исполнить просьбу въ немъ выраженную, или нѣтъ. Брацлавскіе послы сильно ее поддерживали, говоря, что имъ приказано ни къ чему не приступать, пока сеймъ не заступится за Любомирскаго. Придворная партія противилась этому и Жабоклицкій, одинъ изъ брацлавскихъ депутатовъ, подъ вліяніемъ раздраженія, подалъ протестъ, чего среди шума и криковъ не замѣтили. Между тѣмъ сеймовый маршалъ Гнинскій, не испросивъ разрѣшенія посольской палаты, назначилъ депутатовъ въ сеймовый судъ. Тогда Жабоклицкій выѣхалъ изъ Варшавы. Его сотоварищъ ни на что не соглашался, въ чемъ его поддерживали сандомирскіе и белзскіе депутаты, и всѣ, представивъ въ свою очередь протестъ, оставили совѣщанія. Когда въ тоже время и другія лица начали протестовать, засѣданія сейма прекратились. Гнинскій надѣясь, что протестовавшіе вернутся, откладывалъ засѣданія со дня на день, чтобы угодить королю, который, не смотря на случившееся, хотѣлъ сохранить дѣйствительность рѣшеній сейма. Епископъ варминскій, отправленный имъ въ посольскую палату, объявилъ, что король, до истеченія двухлѣтняго срока, не соберетъ сейма, и если бы это было источникомъ какого либо вреда для рѣчипосполитой, то за

него отвѣтятъ тѣ, которые своими протестами подвергаютъ край опасности. Король же будетъ стараться вмѣстѣ съ сенатомъ предупреждать зло, безъ содѣйствія рыцарскаго сословія. Это заявленіе до того раздражило пословъ, что они тотчасъ простились съ королемъ (7 янв. 1665).

Сеймовый судъ, составленный совершенно противозаконно, приговорилъ сперва къ смерти убійцъ Госѣвскаго, а потомъ занялся дѣломъ Любомирскаго, подъ руководствомъ самого короля. Подсудимаго обвиняли въ томъ, что подъ личиной защитника свободы, онъ хотѣлъ стать выше короля, что онъ поддерживалъ вредное направленіе войсковой конфедераціи, увеличивалъ ея силы, передавалъ ей тайныя совѣщанія сената и хотѣлъ продлить ея существованіе до могущаго послѣдовать междуцарствія, что онъ возмущалъ войско противъ короля, пренебрегалъ закономъ, что эгоистическимъ своимъ направленіемъ причинялъ ущербъ коронѣ и проч. и проч. Королевскій прокуроръ приводилъ въ подтвержденіе обвиненія разныя письма и бумаги, въ томъ числѣ письмо, составленное цифрами, которое, по его мнѣнію, вѣроятно заключало что либо предосудительнаго, если было писано непонятными знаками. Болѣе же всего онъ ссылался на письменное свидѣтельство какого то монаха бернардина, которому Любомирскій будто бы поручалъ разузнать у литовскихъ вельможъ, согласится ли Литва отдѣлиться отъ короны и будто бы съ этою цѣлью онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать съѣздъ въ Вильнѣ. Бернардинъ сверхъ того показалъ, что великій маршалъ коронный хвастался передъ нимъ, что въ имѣніяхъ его найдется много кольевъ для пикъ и желѣза не только для вострій, но и для топора, которымъ обезглавленъ король въ Англіи. Подобнаго рода обвиненія дѣлались публично. Между тѣмъ публикѣ приказывали выходить изъ залы, когда защитники Любомирскаго доказывали ложность фактовъ и опровергали всѣ обвиненія. Какъ прежде оказались тщетными всѣ старанія Любомирскаго и его друзей умилостивить короля и королеву, такъ теперь были безплодными самыя ясныя доказательства защитниковъ его невинности для судей, преданныхъ двору душой и тѣломъ. За-

тѣмъ когда обвинитель Іеронимъ Дунинъ и 6 человѣкъ свидѣтелей подтвердили присягою свое обвиненіе, судъ приговорилъ Любомирскаго (23 дек.) къ отобранію у него имущества, къ лишенію чести и жизни. Радость королевы, которая заранѣе предписала этотъ приговоръ, Пражмовскаго и французскаго посланника была неописанная. Король послалъ тотчасъ вооруженныхъ людей въ Яновицѣ, съ приказаніемъ поймать Любомирскаго. Но онъ успѣлъ скрыться въ Бреславлѣ и посланные короля обошлись только по татарски съ его имуществомъ.

Вмѣсто того, чтобы угождая личной мести Маріи Людвики, быть виновникомъ такого страшнаго волненія въ краѣ, королю слѣдовало исполнить обѣтъ, данный, 8 лѣтъ тому назадъ, въ львовскомъ соборѣ, которымъ онъ обѣщался, по изгнаніи шведовъ, употребить всѣ мѣры для улучшенія быта угнетенныхъ крестьянъ. Къ несчастію обѣтъ этотъ былъ преданъ забвенію. За то іезуитъ Пекарскій требовалъ громогласно истребленія всѣхъ иновѣрцевъ, по поводу непочтительнаго выраженія какого то евангелическаго проповѣдника въ Торнѣ о Матери Божіей. Это требованіе поддерживалъ серьозно великій канцлеръ коронный. Другія, болѣе важныя дѣла, заставили забыть эту мелочь. Приходилось думать, прежде всего, объ успокоеніи рѣчипосполитой, чтобы потомъ принудить царя къ заключенію мира. Казалось, даже, что король, уступая просьбамъ большинства сенаторовъ, готовъ былъ простить Любомирскаго, а обѣщанное созваніе двухнедѣльнаго сейма (12 март. 1665) позволяло предполагать, что все окончится благополучно. Но прибытіе московскаго посла, увѣрявшаго о миролюбивомъ расположеніи царя и предлагавшаго даже новое перемиріе, пока не будетъ заключенъ вѣчный миръ, измѣнило намѣренія Яна-Казиміра въ отношеніи къ Любомирскому, въ особенности подъ вліяніемъ ненависти королевы и Пражмовскаго. Король затѣмъ роздалъ должности, которыя занималъ Любомирскій, какъ будто бы они были вакантныя. Великимъ маршаломъ короннымъ назначенъ Янъ Собѣскій, польнымъ гетманомъ Чарнецкій, вскорѣ скончав-

шійся *), краковскимъ же старостою Зебржидовскій. Поступокъ этотъ раздражилъ все государство, даже краковскіе мѣщане не хотѣли признать новаго старосты. Гнѣвъ короля дошелъ до такой степени, что онъ не обращалъ вниманія на всеобщія желанія народа, ни на печальныя обстоятельства рѣчипосполитой, ни на заступничество сосѣднихъ государствъ за Любомирскимъ. Посланнику герцога прусскаго онъ отвѣтилъ, что скорѣе откажется отъ короны, чѣмъ позволитъ Любомирскому возвратиться въ отечество.

Среди такихъ обстоятельствъ, сеймъ, разумѣется, кончился ничѣмъ. Во первыхъ упрекали короля, что безъ согласія сословій, онъ не имѣлъ права сзывать чрезвычайный сеймъ. Когда это затрудненіе было устранено, многіе послы объявили, что на основаніи полученныхъ ими инструкцій они ничѣмъ не займутся, пока вся палата не будетъ просить короля о помилованіи Любомирскаго и возвращеніи его къ прежнимъ должностямъ, присовокупляя, что произнесенный надъ нимъ приговоръ не согласенъ съ законами и правами рѣчипосполитой. Придворная партія противилась этому, и споръ продолжался даже въ присутствіи короля, по соединеніи посольской палаты съ сенатомъ. Когда соглашеніе не воспослѣдовало, краковскіе послы обратились сами съ просьбою къ королю, кончавшеюся слѣдующими словами: “*или и насъ исключи изъ книги вольныхъ, или прости.*“ Въ ожиданіи король отвѣтилъ, что готовъ простить, если Любимирскій чистосердечно раскается, но какъ ему хорошо извѣстны гордость и упрямство этого человѣка и какъ притомъ онъ получилъ теперь извѣщеніе, что Любомирскій

---

*) Стефанъ Чарнецкій родился въ 1599 г. въ сандомирскомъ воеводствѣ въ деревенькѣ Зорнавѣ. Онъ былъ сыномъ бѣдныхъ родителей. Хотя Чарнецкій поступилъ въ военную службу весьма рано и тотчасъ прослылъ своею храбростью, но назначенъ поручикомъ только на 30 году жизни. Онъ скончался въ 1665 г., близь города Дубно, въ деревнѣ Соколовкѣ, въ хижинѣ бѣднаго крестьянина, оставленный королемъ безъ помощи среди войска изнуреннаго, давно не получавшаго жалованья. Когда Чарнецкаго, уже умирающаго несли на носилкахъ въ Дубно, онъ встрѣтился съ посланнымъ короля, привезшимъ ему булаву польнаго короннаго гетмана. «Я говорилъ, воскликнулъ старецъ, что мнѣ дадутъ булаву тогда, когда ни сила къ войнѣ, ни рука къ саблѣ не будутъ способны». *Прим. перевод.*

новыми происками намѣревается нарушить опять спокойствіе рѣчипосполитой, то онъ долженъ хорошенько подумать, прежде нежели дастъ, въ этомъ отношеніи, положительный отвѣтъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, король приказалъ прочитать письма Любомирскаго къ войску и люблинскому трибуналу. Въ первыхъ онъ приглашалъ рыцарство соединиться съ нимъ для защиты правъ и вольностей рѣчипосполитой; въ другихъ—горько жаловался на самоуправство и несправедливость произнесеннаго надъ нимъ приговора. Эти споры заняли цѣлыя двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ, король потребовалъ отсрочки сейма. Добржинскій посолъ Владиславъ Лось, не желая согласиться на отсрочку, потребовалъ голоса. Великій канцлеръ отвѣтилъ ему грубымъ отказомъ. Тогда Лось вышелъ, оставивъ протестъ. Сеймовый маршалъ и многіе другіе изображали въ самыхъ яркихъ краскахъ опасность и даже упадокъ рѣчипосполитой, если сеймъ ничего не рѣшитъ. Но партія Любомирскаго отказалась приступать къ совѣщаніямъ до возвращенія Лося. Тогда произнесъ рѣчь краковскій епископъ, въ которой упрекалъ краковскихъ и сандомирскихъ пословъ въ подкупѣ Лося, съ цѣлью расторгнуть сеймъ. Не умѣя владѣть собою, ораторъ назвалъ ихъ партизанами, купленными за деньги и угрожалъ проклятіемъ, какъ вреднымъ гражданамъ, убивающимъ свое отечество. Этотъ неумѣстный тонъ вызвалъ страшную бурю. Оскорбленные послы отвѣчали, что скорѣе можно назвать убійцами отечества сенаторовъ, которые не говорятъ правды тамъ, гдѣ слѣдуетъ и которые съумѣли казнить безнаказанно заслуженнаго въ рѣчипосполитой мужа, а теперь хотятъ угнетать посольскую палату и все рыцарское сословіе. Составивъ протестъ, они приглашали маршала проститься съ королемъ, потому что намѣрены удалиться и дѣйствительно всѣ двинулись къ дверямъ. Тщетны были старанія нѣкоторыхъ сенаторовъ успокоить волненіе. Не успѣлъ въ этомъ и гетманъ литовскій Пацъ, который жалуясь, что корона оставляетъ Литву въ столь опасное время безъ всякой помощи, прибавилъ, что не имѣя ни денегъ, ни провіанта для войска, онъ не пошлетъ его въ имѣнія тѣхъ, которые волнуютъ сеймъ. Ему отвѣтили рѣзко,

что онъ долженъ вести войска свои противъ враговъ, а не противъ согражданъ, что при томъ коронные поляки съумѣютъ пожертвовать достояніемъ, кровью и жизнью для защиты свободы, которую литовцы хотятъ угнетать, а пролитая кровь пусть падетъ на того, кто былъ зачинщикомъ. Въ это время Пенкославскій, указывая пальцемъ на Гнинскаго, маршала предыдущаго сейма, воскликнулъ: „во всемъ виноватъ не король, не сенатъ, но вотъ этотъ гонитель свободнаго голоса!“ Король, видя невозможность отсрочить сеймъ, приказалъ маршалу произнести прощальную рѣчь, что и послѣдовало ровно въ полночь.

Упорная вражда короля или, вѣрнѣе сказать, королевы и враговъ Любомирскаго, которые совершенно завладѣли умомъ Яна-Казиміра, была причиною страшнаго возстанія въ рѣчипосполитой. Тотчасъ послѣ сейма дворъ началъ вооружаться. Деньги, находившіяся въ казначействѣ, употреблены на вербовку войскъ. Литовскіе и коронные полки, получили приказаніе соединиться съ королемъ. Подобное же воззваніе послано козакамъ и татарамъ. Полки стоявшіе въ Украинѣ, перейдя послѣ смерти Чарнецкаго подъ начальство Станислава Яблоновскаго и получивъ приказаніе выступить изъ Украины, оставили большею частію своего предводителя и составили конфедерацію, которой маршаломъ избранъ Адамъ Устржицкій, а его кандидатомъ Іосифъ Борекъ. Конфедерація встревожила короля и весь дворъ. такъ какъ ее приписали проискамъ Любомирскаго. Среди этихъ приготовленій совѣтъ сената просилъ вторично короля простить Любомирскаго. Состоялось даже рѣшеніе, что приговоръ сеймоваго суда будетъ совершенно уничтоженъ и Любомирскій возвратится къ прежнимъ должностямъ, если извинится передъ королемъ какъ слѣдуетъ, а между тѣмъ, будетъ вести себя совершенно спокойно. Узнавъ объ этомъ, Любомирскій прибылъ въ Стижъ, гдѣ былъ старостою его сынъ Станиславъ, съ 900 всадниковъ и заявилъ письменно, что будетъ въ этомъ мѣстѣ ожидать терпѣливо осуществленія обѣщанія короля.

Не смотря на мирныя заявленія, обѣ партіи не довѣряли другъ

другу. Любомирскій не хотѣлъ возвратиться въ свое помѣстье, опасаясь засады, а дворъ обвинялъ его въ составленіи какого то заговора. Когда, затѣмъ, войсковая конфедерація перенеслась въ Подгурже, то есть подвинулась ближе къ Спижу, придворная партія начала доказывать, что это дѣло Любомирскаго. Королевское войско заняло Краковъ, а карпатскимъ горцамъ приказано сопротивляться силой Любомирскому, еслибъ онъ вздумалъ выйти изъ Спижа. Сверхъ того имъ объявлено, что его не только можно убить безнаказанно какъ измѣнника, но что даже убійца можетъ ожидать награжденія. Кромѣ того Янъ-Казиміръ сказалъ краковскому епископу Тржебицкому, чтобы онъ не просилъ болѣе о явномъ врагѣ его и отечества, такъ какъ онъ не намѣренъ входить въ переговоры съ вооруженнымъ подданнымъ, нарушающимъ общественное спокойствіе. Наконецъ появился манифестъ, излагающій причины, по которымъ король долженъ прибѣгнуть къ оружію противъ Любомирскаго.

Король выѣхалъ (12 іюля), въ сопровожденіи королевы, изъ Варшавы въ Раву, гдѣ собралъ 12,000 войска. Любомирскій, желая еще разъ умилостивить короля, прибѣгалъ къ посредничеству разныхъ лицъ, но всегдашній отвѣтъ—чтобы онъ сдался безусловно, заставилъ его наконецъ соединиться съ конфедерованнымъ войскомъ для общей защиты. Союзные, депутатамъ которыхъ канцлеръ Пражмовскій угрожалъ висѣлицей, приняли его съ величайшей радостью и клялись не оставить его ни въ какомъ случаѣ. Всѣ силы, которыми располагалъ Любомирскій, едва составляли 5,000 человѣкъ. Онъ остановился въ Конецполѣ, когда Тржебицкій началъ опять дѣйствовать примирительно. Любомирскій долженъ былъ оставаться на своей позиціи, а король въ Ендржеевѣ, въ ожиданіи дѣйствительнаго примиренія. Но когда секретарь епископа, отправляя письма, прислалъ по ошибкѣ къ Любомирскому письмо, адресованное къ Пацу, Любомирскій началъ подозрѣвать какіе то тайные замыслы, и перебрался тотчасъ въ Крженице. Король послалъ вслѣдъ за нимъ часть войска съ приказаніемъ остановить противника. Но отрядъ его, разсѣянный подъ Пржедборжемъ и на бере-

гахъ Пилицы, возвратился не достигнувъ цѣли. Въ деревнѣ Данковой начались новые переговоры. Примиреніе и здѣсь однако было невозможнымъ, потому что королевскіе коммисары требовали прежде всего, чтобы войско возвратилось подъ начальство гетмановъ, а Любомирскій, обезоруженный, положился на милость двора. Военачальники объявили положительно, что ни въ какомъ случаѣ не покинутъ оскорбленнаго своего предводителя и скорѣе умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ, сражаясь за свободу, чѣмъ согласятся гибнуть на висѣлицѣ, какъ это обѣщалъ канцлеръ ихъ депутатамъ. Переговоры еще продолжались, когда вдругъ отрядъ королевскаго войска напалъ на разсвѣтѣ на лошадей конфедератовъ, пасшихся въ полѣ, захватилъ ихъ, а съ ними вмѣстѣ нѣсколько человѣкъ шляхты. Любомирскій тотчасъ прервалъ переговоры и двинулся къ Ченстоховѣ. Королевская партія приняла это движеніе за бѣгство и легко склонила короля дать приказаніе преслѣдовать врага. Пацъ съ литовскимъ войскомъ долженъ былъ первый ударить на противниковъ и задерживать ихъ такъ долго, пока не подоспѣетъ остальная часть войска. Любомирскій избѣгалъ боя, но когда Пацъ ударилъ на его войско первый подъ Ченстоховой, онъ далъ столь сильный отпоръ, что судьба сраженія была рѣшена прежде, чѣмъ къ литовцамъ подоспѣла помощь. 1,500 человѣкъ легло на мѣстѣ, а остальные, загнанные подъ валы Ченстоховы, должны были положить оружіе. Любомирскій, не участвовавшій въ сраженіи, отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ безъ выкупа.

Король былъ въ Мстовѣ, когда получилъ извѣстіе объ этомъ пораженіи. Первыя послѣдствія его гнѣва обрушились на ченстоховскихъ монаховъ. Онъ назвалъ ихъ преступниками за то, что они не привѣтствовали пушечными выстрѣлами конфедератовъ. Комендантъ былъ арестованъ и крѣпость заняла королевская пѣхота. Когда же войско начало громко роптать, что ему приказываютъ драться съ братьями и не платятъ жалованья, когда изъ Великопольши получено было извѣстіе, что тамошнія воеводства составили конфедерацію, король приказалъ нѣсколькимъ сенаторамъ начать снова уговаривать Любомирскаго прекратить военныя дѣйствія. И эти

переговоры не были искренними. Предполагалось только усыпить бдительность конфедератовъ, чтобы потомъ неожиданно напасть на нихъ и отомстить за понесенное пораженіе. Войско получило приказаніе слѣдовать за ними. Между тѣмъ прибыли послы отъ хана и отъ Тетери. Первые, приглашая короля въ экспедицію противъ Москвы, требовали высылки ежегодной дани. Вторые увѣряли въ своей вѣрности и въ доказательство ея представили двухъ возмутителей, Опару и Царика*), прося въ замѣнъ ихъ отпустить Хмѣльницкаго и кіевскаго митрополита, что и было исполнено.

Королевское войско, подвигаясь за Любомирскимъ, обходилось съ жителями весьма строго. Раздраженные великополяне завязали конфедерацію, подъ предводительствомъ познанскаго каштеляна Гржимултовскаго, для защиты правъ своихъ и для сохраненія общественной безопасности. Въ актѣ этой конфедераціи обвиняли короля въ томъ, что онъ привелъ въ середину королевства полки, назначенные для обереганія границъ, что Ченстохову и другіе города занялъ своими гарнизонами, препятствуя безпристрастному дѣйствію правосудія, что многихъ землевладѣльцевъ, вопреки постановленіямъ рѣчипосполитой, содержитъ въ тюрьмахъ, что примасъ съ нѣсколькими сенаторами приказалъ открыть монетный дворъ, что татарскіе полки находятся въ королевскомъ лагерѣ, что въ духовныхъ имѣніяхъ производятся сборы на междоусобную войну, что въ Гроднѣ происходитъ съѣздъ подъ названіемъ конвокаціи, противный уніи Литвы съ короной и т. п. Сконфедерованныя воеводства отправили депутацію къ королю, прося его созвать посполитое рушенье и чрезвычайный сеймъ. Король, чтобы не раздражать умовъ и пріостановить прочія воеводства отъ соединенія съ конфедераціей, принялъ депутатовъ довольно ласково. Но великій канцлеръ коронный, отвѣчая Гржимултовскому объявилъ, что об-

*) Гетманы-самозванцы Опара и Царикъ были представлены королю уже не Тетерею, а Петромъ Дорошенкою, который схватилъ ихъ при помощи крымскаго хана. Въ это время Тетеря, ограбленный Сиркою, покинутый козаками скрывался въ Молдавіи. *Прим. перевод.*

виненія, заключающіяся въ актѣ конфедераціи не заслуживаютъ вниманія и могутъ занять только школьныхъ мальчишекъ.

Между тѣмъ Любомирскій, дѣлая постоянныя усилія, чтобы умилостивить короля, послалъ даже съ этою цѣлью къ королевѣ своего сына Станислава. Но Янъ-Казиміръ, слѣдуя мнѣнію Пражмовскаго и другихъ, отвѣчалъ постоянно, что онъ не намѣренъ входить въ переговоры съ вооруженнымъ подданнымъ. Въ это время, великопольская конфедерація соединилась съ Любомирскимъ, а когда подошли и королевскія войска, обѣ стороны стали въ боевомъ порядкѣ. Королевское войско оказывало видимое нежеланіе сражаться съ соотечественниками, и часто случалось, что высылаемые отряды, вмѣсто того, чтобы сражаться съ противниками, разговаривали съ ними по дружески. Остальныя воеводства, казалось, также были намѣрены приступить къ конфедераціи. Въ такомъ крайнемъ положеніи, почти всѣ сенаторы совѣтовали королю, успокоить рѣчьпосполитую одинъ разъ навсегда. Начались переговоры въ Пелчинѣ и послѣ двухдневныхъ преній (въ нач. нояб.) рѣшено было— прекратить непріязненныя дѣйствія, не медля собрать сеймъ, на которомъ Любомирскому будутъ возвращены прежнія права, уволить конфедерацію и войско отъ какого бы то ни было взысканія и заплатитъ послѣднему жалованье, дать вознагражденіе землевладѣльцамъ, раззоренныхъ королевскими войсками, Любомирскому ожидать окончанія сейма заграницей, войску же, стать на зимнія квартиры въ Великопольшѣ, и впредь до полученія жалованья и до изданія сеймоваго рѣшенія, увольняющаго его отъ всякаго взысканія, не закрывать конфедераціи.

Послѣ этого договора, Любомирскій и другіе начальники конфедераціи отправились въ королевскій лагерь, чтобы просить прощенія у короля. Принятый холодно, Любомірскій тотчасъ уѣхалъ и потомъ (въ дек.) отправился въ Бреславль. Но начальники конфедераціи дѣлали рѣзкіе упреки министрамъ, что они превратными своими совѣтами навлекли столько бѣдствій на государство. Гржимултовскій, котораго обвиняли, что онъ вызвалъ конфедерацію землевладѣльцевъ и поднялъ оружіе противъ короля,

отвѣтилъ прямо, что каждый хорошій гражданинъ, долженъ защищать свои права и преимущества; послѣ чего, онъ обратился съ циркулярнымъ письмомъ ко всѣмъ воеводствамъ, объясняя почему Великопольша взялась за оружіе и предваряя, что назначеніе наслѣдника престола, снова предложено будетъ на сеймѣ.

Король, распредѣливъ свои войска въ Малопольшѣ, отправился (11 нояб.) въ Торнъ, который впрочемъ отказался принять королевскій гарнизонъ, утверждая, что безъ согласія сословій онъ этого сдѣлать не можетъ. Король привелъ съ собой все таки 1,000 человѣкъ подъ видомъ личной стражи, а потомъ прислалъ еще 1,600. Тотчасъ начали поговаривать, что король хочетъ завладѣть Пруссіею для герцога ангенскаго и посадить его на польскомъ престолѣ не только при содѣйствіи денегъ, но даже силою и что потомъ онъ поступитъ въ орденъ іезуитовъ, а королева въ монастырь. Подтвержденіе этихъ слуховъ находили въ желаніи двора выкупить у данцигцевъ Пуцкъ, на что Янъ Собѣскій давалъ деньги, чтобы облегчить французамъ высадку. Когда притомъ дворъ продолжалъ дѣлать новыя вербовки войска и когда король объявилъ австрійскому посланнику, что отъ всего сердца поддерживаетъ французскую партію, никто не сомнѣвался уже, что готовится какое то покушеніе, съ цѣлью силой навязать Польшѣ наслѣдника престола. Кромѣ того дворъ усердно хлопоталъ, чтобы или добиться согласія Любомирскаго на выборъ этого наслѣдника, или ловкими дѣйствіями разрушить конфедерацію землевладѣльцевъ и войска. Ни то, ни другое не удалось.

Легко было предвидѣть, что при подобномъ расположеніи двора, совѣщанія сейма будутъ очень бурны. Уже на сеймикахъ (12 февр. 1666) обѣ партіи старались получить перевѣсъ. Эмиссары двора толковали землевладѣльцамъ о родительскомъ попеченіи короля объ отечествѣ и о его заслугахъ, а равно о неблагодарности тѣхъ, которые самыя лучшія его желанія и намѣренія, дѣлаютъ подозрительными въ глазахъ народа, предложеніе же о назначеніи наслѣдника престола, называютъ покушеніемъ на свободу и права рѣчипосполитой, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что король

желаетъ только обезпечить ея будущность. Конфедераты отправили тоже депутатовъ на сеймики, а Любомирскій отнесся ко всѣмъ воеводствамъ, приглашая ихъ къ единообразному дѣйствію противъ всякихъ покушеній, какъ на личную свободу гражданъ, такъ равно и на права и вольности рѣчипосполитой. Кромѣ того онъ издалъ длинный манифестъ, объясняя, къ какимъ безчестнымъ мѣрамъ прибѣгалъ дворъ, чтобы добиться противозаконнаго приговора сеймоваго суда, и написалъ письмо къ австрійскому посланнику Изоли, для предупрежденія императора, что Янъ-Казиміръ, даже силой хочетъ посадить на престолъ французскаго принца.

Сеймъ собрался (27 марта) въ Варшавѣ. Многіе послы требовали, чтобы тотчасъ послѣ избранія маршала, вся палата обратилась съ просьбой къ королю о возвращеніи Любомирскому прежнихъ правъ и объ уничтоженіи сеймоваго приговора. Другіе не противились этому, но хотѣли, чтобы все совершилось безъ нарушенія правъ трона. Споръ по этому дѣлу еще длился, когда явились посланные отъ короля, объявляя, что король выслушаетъ милостиво ходатайство палаты, лишь бы она дѣйствовала за одно съ сенатомъ. Палата поручила маршалу передать королю ея желанія, но онъ въ рѣчи своей не намекнулъ даже о Любомирскомъ и говорилъ только вообще о необходимости поддержать внутреннее спокойствіе въ краѣ. Великій канцлеръ коронный отвѣтилъ, что король искренне желаетъ, чтобы и совѣщанія сейма были направлены къ той же цѣли. Партія Любомирскаго порицала этотъ поступокъ сеймоваго маршала и достигла того, что ему поручено вторично просить короля возстановить миръ внутри края дарованіемъ Любомирскому совершеннаго прощенія. Маршалъ однако и на этотъ разъ ничего не сказалъ о Любомирскомъ. Подобное упрямство двора раздражало только противную сторону и препятствовало всякимъ совѣщаніямъ. Въ дѣло вмѣшались, наконецъ, краковскій и куявскій епископы, и исходатайствовали назначеніе коммисаровъ отъ сената и посольской палаты для разрѣшенія спора. Пока коммисары занимались возстановленіемъ мира, король назначилъ Яна Собѣскаго польнымъ короннымъ гетманомъ, доказывая

этимъ, что онъ не намѣренъ возвратить Любомирскому прежнихъ должностей. Раздраженные друзья его расторгли сеймъ (4 мая) и подали сигналъ къ возобновленію междоусобной войны.

Дворъ, готовый поддержать свои намѣренія оружіемъ, хорошо приготовился къ борьбѣ. Любомирскій прибылъ изъ Бреславля, а сандомирское и краковское воеводства сѣли на коней и соединились съ великополянами и конфедератскимъ войскомъ. Король прибылъ въ Ленчицу съ 26,000 войскомъ и сильною артиллеріей, тогда какъ Любомирскій занялъ Брудзевъ, имѣя подъ своими знаменами всего 12,000 человѣкъ, готовыхъ однако жертвовать жизнью за свои права. Не смотря на это, благонамѣренные люди не переставали стараться воспрепятствовать братоубійственной войнѣ. Сперва короля просила депутація люблинскаго трибунала, но ей отвѣтили, что она вмѣшивается не въ свое дѣло. Мольбы сенаторовъ имѣли болѣе успѣха. Имъ было разрѣшено начать переговоры, которые и открылись въ Унѣіовѣ. Во время этихъ переговоровъ, королевскому войску приказано подойти ночью къ лагерю противниковъ, и ударить на нихъ неожиданно. Эта гнусная хитрость не удалась. Любомирскаго успѣли предостеречь и онъ отошелъ къ Крушвицѣ, но переговоры были прерваны. Раздраженіе еще усилилось, когда король, задержавъ коммисаровъ противной стороны, приказалъ войску итти впередъ, а великій канцлеръ коронный Пражмовскій, назначенный только что гнѣзненскимъ архіепископомъ, сказалъ тѣмъ же коммисарамъ, когда они просили пріостановить военныя дѣйствія и пощадить братнюю кровь, что подобная щекотливость хороша на исповѣди, а не на полѣ сраженія. Коммисары удалились, поблагодаривъ архипастыря за такое наставленіе и видя, что дворъ хочетъ положиться на свое оружіе, воротились къ своимъ. Встрѣча произошла подъ Монтвами, близь Иновроцлава (13 іюля). Королевское войско потерпѣло совершенное пораженіе. На мѣстѣ осталось 3,873 человѣка, не считая тѣхъ, которые утонули въ озерѣ. Гетманъ польный коронный Янъ Собѣскій, едва спасся бѣгствомъ.

Столь страшное пораженіе принудило дворъ начать перего-

воры въ Ленгоницахъ надъ р. Пилицею. Король требовалъ, чтобы сконфедерованныя воеводства и войско покинули Любомирскаго, и послѣ нѣсколькодневныхъ преній было рѣшено (31 іюля), что все будетъ предано забвенію, что воеводства и войско получатъ прощеніе, расторгнутъ конфедерацію, и войско, присягнувъ вновь королю, вернется подъ начальство гетмановъ и отправится съ ними на Украину, тотчасъ по полученіи жалованья, что король воспретитъ Тинфу и Боратини чеканить монету, выведетъ гарнизоны изъ городовъ, что на будущемъ сеймѣ будетъ пересмотрѣнъ законъ о преступленіяхъ въ отношеніи короля и отечества, что Любомирскій извинится передъ королемъ, распуститъ войско и въ мѣстности, назначенной Яномъ-Казиміромъ, будетъ ожидать разрѣшенія своего дѣла. Сверхъ того король далъ письменное обязательство, не только не стараться о назначеніи при его жизни наслѣдника престола, но напротивъ того, преслѣдовать по всей строгости законовъ, каждаго, кто захотѣлъ бы силой или обманомъ содѣйствовать этому. Коммисары обѣихъ сторонъ скрѣпили присягой помянутыя условія.

Конфедераты были крайне недовольны коммисарами за то, что они согласились распустить конфедерацію до утвержденія амнистіи сеймомъ. Король могъ расторгнуть сеймъ и тогда наказывать произвольно войско, подчиненное непосредственно гетманамъ. Трудно сказать, что вышло бы изъ этого, еслибъ Любомирскій не употребилъ всего своего вліянія на успокоеніе взволнованныхъ умовъ. Когда войско успокоилось, Любомирскій со всѣми начальниками конфедераціи, просилъ прощенія у короля въ лагерѣ подъ Ярошиномъ и избралъ Ланьцутъ мѣстомъ своего пребыванія. Но не довѣряя двору, онъ переѣхалъ въ Домброву, а оттуда въ Бреславль, гдѣ рѣшился ожидать окончанія своего дѣла.

Сеймъ, собранный въ Варшавѣ (4 нояб.), кончился ничѣмъ. Съ самаго начала пошли споры по случаю непрекращавшихся усилій королевы назначить наслѣдника престола. Едва этотъ вопросъ былъ устраненъ, потребовали назначенія новаго великаго коронного канцлера, такъ какъ Пражмовскій, получивъ званіе гнѣзнен-

скаго архіепископа, не могъ оставаться въ прежней должности. Король долго сопротивлялся, но наконецъ отдалъ большую коронную печать Яну Лещинскому, малую же—холмскому епископу Ольшовскому. Затѣмъ дошла очередь до ленгоницкаго договора. Партія Любомирскаго требовала, чтобы король возвратилъ его къ прежнимъ должностямъ. Король соглашался, но партія королевы и слышать объ этомъ не хотѣла. Вдругъ началъ рѣчь витебскій посолъ Лукомскій, требуя, чтобы король закрылъ и литовскій монетный дворъ, причемъ упрекалъ весьма рѣзко грабителей казны. Неприличный отвѣтъ великаго литовсктго канцлера, а потомъ рѣзкая рѣчь Кердея, одного изъ литовскихъ пословъ, заставили Лукомскаго представить протестъ и выѣхать изъ Варшавы. Прождавъ нѣсколько дней возвращенія послѣдняго, посольская палата простилась съ королемъ (27 дек.), считая сеймъ расторгнутымъ. Коронный вицеканцлеръ упрекалъ пословъ, именемъ короля, въ недостаткѣ попеченія о благѣ отечества, но увѣрилъ притомъ, что король, по возможности, пособитъ общественнымъ нуждамъ, хотя сеймъ не пріискалъ средствъ для защиты рѣчипосполитой извнѣ и для успокоенія ея внутри.

Расторженіе сейма, вызванное преимущественно происками двора, имѣло послѣдствіемъ много бѣдствій. Переговоры съ Москвой шли туго и могли быть прерваны ежеминутно. Въ Украинѣ между тѣмъ возникло новое волненіе. Козаки, выведенные изъ терпѣнія коронным войскомъ, взялись за оружіе. Одна партія, подъ начальствомъ Сирка, готова была покориться рѣчипосполитой на извѣстныхъ условіяхъ. Другая, руководимая Петромъ Дорошенко, рѣшилась принять подданство турецкаго султана. Шагъ этотъ обезпечивалъ за нею содѣйствіе татаръ, жаловавшихся и безъ того, что Польша не платитъ имъ обыкновенной дани. Слѣдовало, затѣмъ, какъ можно скорѣе, потушить возстаніе. Когда послѣ ленгоницкаго договора, междоусобная война прекратилась, часть кварцяныхъ полковъ была отправлена въ Украину. Нужно было назначить еще главнокомандующаго. Великій гетманъ коронный былъ старъ и болѣнъ. Въ присутствіи же польнаго гетмана Собѣскаго

нуждался дворъ, а потому начальство было вручено Маховскому, который началъ военныя дѣйствія съ осады Ставищъ *). Но встрѣтивъ сильное сопротивленіе и узнавъ, что къ нему подвигается Дорошенко съ козаками и татарами, онъ перешелъ къ Брацлаву. Имѣя подъ своими знаменами всего 6,000 человѣкъ, Маховскій долженъ былъ отбиваться отъ 60,000 корпуса татаръ и козаковъ. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ поляковъ. Но когда Маховскій не съумѣлъ сохранить въ своемъ отрядѣ дисциплины, пришлось отступать подъ прикрытіемъ военнаго обоза. Козаки напали съ тылу и захватили хвостъ обоза, а подъ Батогомъ разбили весь отрядъ. Немногіе спаслись. Одни погибли съ оружіемъ въ рукахъ, другіе вмѣстѣ съ Маховскимъ были взяты въ плѣнъ **). Извѣстіе объ этомъ пораженіи пришло въ Варшаву къ концу сейма, въ одно время съ донесеніемъ о страшныхъ убыткахъ, причиненныхъ татарами въ Подоліи и червонной Руси. Говорили даже, что и султанъ намѣренъ объявить Польшѣ войну.

Главнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій были широко развѣтвившіяся интриги по случаю назначенія наслѣдника престола, такъ какъ они вызвали внутреннія волненія въ то время, когда всѣ силы рѣчипосполитой слѣдовало обратить противъ враговъ ея. Королева, имѣвшая безусловно вліяніе на мужа, хотѣла провести непремѣнно избраніе герцога анжуйскаго, хотя бы нужно было для

---

*) Г. Шмиттъ, увлекшись описаніемъ междоусобной войны, по случаю возстанія Любомирскаго, упустилъ изъ виду одновременныя съ этимъ возстаніемъ событія въ Украинѣ. Постараемся въ краткихъ словахъ, восполнить этотъ пробѣлъ. Въ періодъ времени отъ смерти Стефана Чарнецкаго до назначенія Маховскаго предводителемъ польскихъ войскъ, Тетеря былъ окончательно оставленъ козаками, ограбленъ сперва кошевымъ Сиркою, а потомъ поляками и бкрылся въ Молдавіи. Сирко отправился въ Крымъ, взялъ Аккерманъ и, обремененный добычею, встрѣтилъ на возвратномъ пути, у Саражина Маховскаго, который разбилъ его на голову. Съ другой стороны Брюховецкій одержалъ слистательную побѣду надъ Яблоновскимъ подъ Гребенками и захватилъ весь польскій обозъ. Вслѣдъ затѣмъ появился на сцену Дорошенко, знаменитый чигиринскій казакъ. *Прим. перевод.*

**) Козаки дрались съ страшнымъ остервенѣніемъ, дышали злобою и местью именно потому, что польскимъ отрядомъ предводительствовалъ Маховскій, беззаконный судья и убійца Выговскаго. *Прим. перевод.*

этого взволновать вторично всю рѣчьпосполитую. Ее поддерживалъ французскій дворъ, а посланникъ этого двора не пренебрегалъ никакими средствами, лишь бы усилить предворную партію, совершенно преданную Франціи. Курфирстъ бранденбургскій дѣйствовалъ и явно, и тайно, чтобы возвести на престолъ герцога необургскаго, тогда какъ австрійскій дворъ собиралъ сторонниковъ для принца лотарингскаго. Такимъ образомъ составились три партіи—французская, курфирстская и австрійская, дѣйствующія всѣ въ пользу своихъ кандидатовъ и мѣшающія одна другой, и кромѣ того четвертая партія, которая и слышать ничего не хотѣла о назначеніи наслѣдника престола. Она считала Любомирскаго своимъ предводителемъ, хотя Любомирскій, вовлечный уже въ интриги бранденбургскія и австрійскія, былъ скорѣе противникомъ королевы и французской партіи, чѣмъ избранія наслѣдника. Королева знала объ этомъ и отсюда проистекала ея неумолимая ненависть къ Любомирскому. Задѣтая за живое, она готова была преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока онъ не падетъ жертвою ея мести, или не согласится на назначеніе герцога анжуйскаго наслѣдникомъ престола. Ея эмиссары, въ продолженіе всей междоусобной войны, предлагали Любомирскому миръ и королевскую милость исключительно на этомъ условіи. Но австрійскій дворъ и курфирстъ, съ равною настойчивостью, старались этому препятствовать. Наконецъ Любомирскій, измученный, чистосердечно или притворно, началъ склоняться къ планамъ королевы, даже объявилъ французскому двору, что не будетъ препятствовать избранію герцога анжуйскаго. Но смерть захватила его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать рѣшительный шагъ (5 февр. 1667). При всемъ томъ его партія не перемѣнила своего взгляда на планы королевы.

Смерть Любомирскаго обрадовала весь дворъ, а 13-ти лѣтнее перемиріе, заключенное съ Москвой въ Андрусовѣ (30 янв.), позволяло надѣяться привести въ исполненіе всѣ задуманные планы. Перемиріе это было весьма невыгодно для рѣчипосполитой, потому что кромѣ Смоленска и другихъ земель и городовъ, царю уступ-

ленъ Кіевъ, такъ что владѣнія Польши очень сократились *). Противники двора говорили, что король заключилъ столь невыгодный миръ съ Москвою именно потому, чтобы, имѣя свободныя руки, навязать силою наслѣдника престола. Кромѣ того король отправилъ Радзѣіовскаго въ Турцію и подъ вліяніемъ королевы, потребовалъ отъ Франціи вооруженной помощи противъ султана.

Король созвалъ (7 марта) двухнедѣльный сеймъ въ Варшавѣ, но, по случаю накопившихся дѣлъ, сеймъ продолжался почти два съ половиною мѣсяца (до 19 мая). Королева, прихварывавшая съ нѣкотораго времени весьма часто, хотѣла употребить послѣднія усилія, чтобы провести избраніе герцога анжуйскаго, разсчитывая, что, послѣ смерти Любомирскаго, она встрѣтитъ менѣе сопротивленія. Не смотря на болѣзнь, королева была дѣятельна до нельзя, прибѣгала къ внушеніямъ, подкупамъ, угрозамъ, лишь бы достигнуть цѣли. Чтобы не раздражать больной, король не сопротивлялся ей и рѣшился объяснить лично это дѣло сословіямъ; но прежде потребовалъ отъ сенаторовъ письменнаго обязательства, что они поддержатъ его предложеніе. Нѣкоторые изъ нихъ, подкупленные значительными суммами денегъ, дали обязательство. Но великій коронный канцлеръ Лещинскій отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, предваривъ даже, что на сеймѣ явно объявитъ себя противъ королевскаго предложенія. Встревоженный дворъ сдѣлался осторожнѣе, но не переставалъ дѣйствовать тайно. Наконецъ послы узнали обо всемъ, и желая, одинъ разъ навсегда, парализировать всѣ усилія двора, потребовали прямо (16 апрѣля), чтобы

*) Андрусовскій договоръ раздѣлилъ Украину на двѣ части. Восточная сторона Днѣпра осталась во власти царя. Къ нему перешли на вѣчныя времена: смоленское воеводство со всѣми уѣздами и городами, стародубскій уѣздъ, черниговское воеводство и вся путивльская сторона. Кіевъ же съ округомъ не болѣе какъ на милю, только на два года, то есть по 5 апр. 1669 г., послѣ чего онъ долженъ быть возвращенъ рѣчипосполитой. Въ королевскую сторону отошли: Витебскъ и Полоцкъ съ уѣздами, Динабургъ, Лютинъ, Рѣжица, Маріенбургъ и вся Ливонія, а также Украина по западной сторонѣ Днѣпра. Кромѣ того царь обязался прислать королю вспомогательное войско, состоящее изъ 5,000 конницы и 20,000 пѣхоты, противъ турокъ.

Прим. перевод.

король обязалъ присягой всѣ сословія не назначать при его жизни наслѣдника престола. Черезъ нѣсколько дней вицеканцлеръ отвѣтилъ, что король соглашается уничтожить документъ, относительно назначенія наслѣдника и хочетъ подтвердить новой сеймовой конституціей прежніе законы о свободѣ выборовъ. Примасъ и люблинскій воевода, стоявшіе возлѣ трона, отговаривали шопотомъ Яна-Казиміра отъ этого рѣшенія, но онъ отвѣтилъ рѣшительно: „хочу спокойствія, съ меня довольно этихъ мученій.“ Вицеканцлеръ повторилъ, затѣмъ, еще разъ отвѣтъ короля, что возбудило въ собраніи громкое одобреніе, со стороны сенаторовъ и пословъ. Но королева продолжала дѣйствовать по своему. Нѣкоторые послы убѣдились вскорѣ, что королева поручила Морштину, своему повѣренному въ Парижѣ, привезти въ Польшу принца кондейскаго, подъ предлогомъ посѣщенія ея передъ смертью. По ея соображеніямъ, принцъ долженъ былъ прибыть со свитою 300 человѣкъ, избѣгать свиданія съ ней наединѣ, потомъ отправиться къ войску, чтобы познакомиться съ нимъ и съ предводителями, и привлечь его на свою сторону, какъ своимъ обращеніемъ, такъ равно и подаркомъ въ 100,000 червонцевъ. Когда же турки и татары начали бы военныя дѣйствія, рѣчьпосполитая, по ея плану, была бы вынуждена принять содѣйствіе французскихъ войскъ, находящихся въ распоряженіи принца. Тогда при помощи нѣсколькихъ сенаторовъ казалось бы возможнымъ уговорить коронное войско передаться принцу, который послѣ того, безъ труда, завладѣетъ престоломъ или для себя, или для своего сына.

Открытіе этой тайны вызвало страшную бурю. Многіе послы рѣзко возстали противъ столь лукавыхъ дѣйствій, такъ что король, желая успокоить волненіе, опровергнулъ существованіе подобнаго письма. На это одинъ изъ пословъ воскликнулъ, что хотя каждый желаетъ считать это выдумкою, но трудно ее допустить, ибо всѣ обстоятельства говорятъ въ пользу дѣйствительности письма. Онъ прибавилъ даже, что можетъ назвать всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Король приказалъ удалить публику изъ замка. Многіе изъ пословъ сопротивлялись

этому, говоря, что не слѣдуетъ удалять публику, когда приходится назвать поименно нарушителей закона и народныхъ правъ. Но король настоялъ на своемъ. По удаленіи публики, посолъ назвалъ примаса, епископовъ краковскаго, познанскаго, холмскаго и кіевскаго, далѣе люблинскаго воеводу, литовскаго канцлера и нѣсколькихъ другихъ. Никто изъ этихъ лицъ не отвергалъ истины факта, но всѣ оправдывались только тѣмъ, что были вовлечены въ интригу. Тогда сѣдой Ожга, краковскій посолъ, сказалъ прямо королю, что подобнаго поступка онъ не съумѣетъ оправдать ни передъ Богомъ, ни передъ собственной совѣстью. Король остановилъ его съ гнѣвомъ, употребивъ даже слово „лжешь,“ желая вѣроятно или заставить Ожгу молчать, или быть болѣе осторожнымъ въ своихъ выраженіяхъ. Но Ожга отвѣтилъ хладнокровно, что пользуется правомъ голоса, а потому никто не можетъ заставить его молчать. Онъ продолжалъ далѣе, что теперь, когда письмо явно доказало, куда будетъ направлена, разрѣшенная уже сеймомъ, иностранная помощь, слѣдуетъ непремѣнно отмѣнить это постановленіе сейма, что снаряженіе Радзѣіовскаго въ Турцію, находится въ связи съ проектомъ призыва иностранныхъ войскъ, для возведенія на престолъ, силою оружья, кого будетъ угодно. Другіе обвиняли коронпаго вицеканцлера въ томъ, что, будучи охранителемъ закона, онъ не противился подобному покушенію, и восхваляли доблесть короннаго канцлера. Король долженъ былъ дать, наконецъ, согласіе на конституцію, гарантирующую, разъ навсегда, свободную элекцію королей. Королева и на этотъ разъ не хотѣла еще покориться и старалась деньгами и обѣщаніями увеличить число своихъ сторонниковъ. Отрицательный отвѣтъ (8 мая) великаго гетмана литовскаго огорчилъ ее до того, что болѣзнь неожиданно усилилась и спустя два дня Марія-Людвика скончалась (10 мая). Никто не пожалѣлъ объ ней. Покушеніемъ на право свободнаго избранія короля, Марія-Людвика вооружила противъ себя всю націю, хотя, съ другой стороны, нельзя отказать ей въ энергіи и большихъ способностяхъ. Этими качествами она превышала своего супруга и потому совершенно завладѣла его умомъ. Дѣло о назначеніи наслѣдника пре-

стола могло увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, даже имѣть благотворное вліяніе на будущія судьбы Польши, если бы королева, тайными интригами и неблаговиднымъ покушеніемъ, не встревожила гражданъ, опасавшихся потерять свою свободу. Нельзя не сказать, что старанія курфирста и австрійскаго двора много препятствовали избранію герцога анжуйскаго, но съ другой стороны и дворъ, прибѣгая къ непозволительнымъ мѣрамъ, самъ былъ виновникомъ своей неудачи.

Не смотря на описанныя происшествія, сеймъ окончился благополучно. Ленгоницкій договоръ былъ утвержденъ. На уплату войска назначенъ налогъ. Приказано арестовать Тынфа за злоупотребленія по монетному двору, но онъ успѣлъ бѣжать въ Гамбургъ. Подскарбію сдѣланъ выговоръ за неправильныя распоряженія финансами. Установлена новая форма для звонкой монеты. На этомъ же сеймѣ король передалъ Собѣскому великую коронную булаву, вакантную послѣ смерти Потоцкаго, а меньшую — белзскому воеводѣ Вишневецкому. Сословія же уполномочили короля произвести новую вербовку войскъ для веденія войны съ татарами и козаками.

Пока король былъ занятъ приготовленіями къ похоронамъ покойной Маріи-Людвики, что и совершилъ съ большою роскошью (22 сент.), Собѣскій готовилъ страну къ отраженію татарскихъ ордъ. Собравъ 12,000 войска, онъ сталъ съ главными силами въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Подчайцами, и разослалъ мелкіе отряды въ разныя стороны, чтобы препятствовать грабежамъ татаръ. Въ концѣ сентября явились татары съ козаками въ числѣ 100,000 человѣкъ. Сначала поляки защищались храбро, даже оставались побѣдителями въ мелкихъ стычкахъ, но наконецъ были бы вынуждены подчиниться, подавленные численнымъ перевѣсомъ враговъ, если бы, въ то же время, Сирко не предпринялъ похода въ Крымъ, пользуясь отсутствіемъ татаръ *). Совершенное опустошеніе ихъ жилищъ, при-

*) Польскій отрядъ казался столь незначительною горстью въ сравненіи съ цѣлой арміей татаръ и козаковъ, что Дорошенко, окруживъ непріятельскій обозъ, спросилъ у поляковъ съ насмѣшкой: войско ли будетъ защищать городъ или городъ войско? *Прим. перевод.*

томъ опасеніе, что козаки перейдутъ на сторону поляковъ, заставили татаръ заключить миръ (16 окт.), на основаніи котораго ханъ обязался пріостановить набѣги на польскія земли и жить въ мирѣ съ рѣчьюпосполитой. Собѣскій обѣщалъ высылать своевременно ежегодную дань. При посредничествѣ татаръ заключенъ договоръ и съ Дорошенкой. Гетманъ обѣщалъ исходатайствовать ему и козакамъ прощеніе короля и рѣчипосполитой, если они обратятся къ прежнему повиновенію и откажутся отъ покровительства иностранныхъ государей. Сверхъ того должна была быть назначена сеймовая коммиссія, для разбора ихъ жалобъ и постановленія по нимъ справедливаго рѣшенія. Въ то же время Радзѣіовскій успѣлъ склонить султана къ возобновленію мира, но съ условіемъ, что рѣчьпосполитая откажется отъ союза съ Москвой и не будетъ присвоивать себѣ господства надъ козаками, которые признали верховную власть султана. Радзѣіовскій не возвратился изъ этого посольства. Онъ умеръ тотчасъ по окончаніи переговора.

Отъ рѣчипосполитой зависѣло согласиться, на такихъ условіяхъ, на миръ съ Турціею. Такъ какъ въ тоже время приходилось подтвердить договоръ съ татарами и Дорошенкой, пріискать средства къ уплатѣ войску жалованья и разрѣшить другіе общественные вопросы, то король созвалъ сеймъ въ Варшаву (24 янв. 1668). Въ инструкціяхъ пословъ прусскихъ воеводствъ было сказано, чтобы они не соглашались ни на какія распоряженія, до тѣхъ поръ, пока король не раздастъ вакантныхъ староствъ мѣстнымъ жителямъ и не выведетъ своихъ гарнизоновъ изъ прусскихъ городовъ. Посольская палата поддержала эти требованія, настаивая въ особенности на отозваніи гарнизоновъ, ибо многіе догадывались, что король хочетъ отречься отъ престола и держитъ въ Пруссіи гарнизоны для того, чтобы облегчить французамъ высадку. Сверхъ того было дознано, что гарнизоны эти состояли на содержаніи Франціи и получали жалованье отъ данцигскаго купца Фремона. Слѣдовало, затѣмъ, отправить эти войска въ Украину, платить имъ жалованье изъ казны рѣчипосполитой, удалить иностранныхъ предводителей и разслѣдовать давно ли и по какому распоряженію Фремонъ платитъ

жалованье. Такъ какъ опасенія, что король, послѣ отказа отъ престола, будетъ поддерживать избраніе французскаго принца, все еще существовали, то посольская палата постановила слѣдующее. Каждый посланникъ, который будетъ вмѣшиваться въ дѣло избранія короля, изъемлется изъ подъ покровительства законовъ, а всѣ находящіеся нынѣ въ Польшѣ посланники, должны выѣхать въ теченіи двухъ недѣль. Постановленіе это, направленное, преимущественно, противъ французскаго посланника, было представлено королю и сенату на подтвержденіе. Вмѣсто ожидаемаго подтвержденія, король издалъ отъ себя другое постановленіе, относительно иностранныхъ пословъ. Посольская палата не допустила даже чтенія королевскаго документа, говоря, что было бы не согласно съ уставами, если бы король предлагалъ законъ, ибо правомъ этимъ пользуется одна посольская палата. Объясненіе короля, что онъ не можетъ подтвердить представленнаго закона, какъ противнаго международному праву, его чести и безопасности короны, укрѣпило всѣхъ во мнѣніи, что свободѣ выборовъ дѣйствительно угрожаетъ опасность и что для спасенія ея остается одно средство — образовать конфедерацію. Составленъ былъ тотчасъ актъ конфедераціи, но и король и сенатъ поставили неизбѣжнымъ условіемъ его подтвержденія—отмѣну нѣкоторыхъ пунктовъ акта. На это опять посольская палата не давала согласія, и видя невозможность, въ случаѣ отреченія Яна-Казиміра отъ престола, сохранить миръ внутри государства, желала, по крайней мѣрѣ, обезпечить рѣчьпосполитую извнѣ, и просила о собраніи посполитаго рушенья къ 10 іюня. Раздраженіе умовъ было до такой степени сильно, что король, не рѣшаясь дать отрицательный отвѣтъ, хотѣлъ отложить дѣло до слѣдующаго дня. Но послы воспротивились этому и даже не согласились на то, чтобы первыя два воззванія *) разосланы

*) Wici—знаки или письма, которыми созывалось общее ополченіе для защиты отечества. Такія воззванія дѣлались обыкновенно, три раза: по первому—приготовлялись, по второму — были готовы, по третьему — немедленно выступали въ походъ. Воззванія эти назывались *wici*, то есть вѣхи, потому что ихъ привязывали къ длиннымъ шестамъ и развозили по воеводствамъ.

Прим. перевод.

были тотчасъ же, а третье, по полученіи донесенія отъ короннаго гетмана, о необходимости сформировать подвижное ополченіе. Они объявили рѣшительно, что требуютъ посполитаго рушенья къ 10 іюня. Король, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ: „вы, вѣроятно, или не поняли, или не хотите понять моего отвѣта, даннаго вамъ чрезъ канцлера. Я хорошо вижу, чего вы хотите достигнуть, требуя столь настоятельно ополченія. Если мое управленіе вамъ наскучило, то знайте, что и вы мнѣ уже надоѣли, и что за всѣ мои труды я ничего такъ не желаю искренно, какъ спокойствія. Что касается посполитаго рушенья, то я соглашусь только на такое, на какое соглашался мой покойный отецъ. Если вамъ мой отвѣтъ не нравится, прикажите маршалу начать прощальную рѣчь." Великій канцлеръ коронный хотѣлъ успокоить короля и просилъ пословъ, чтобы во вниманіе къ позднему времени, они отложили рѣшеніе до слѣдующаго дня. Этому воспротивились сандомирскіе послы, и пока послѣдовало соглашеніе, король удалился въ свои покои, чѣмъ лишилъ совѣщанія сейма законной силы. Въ слѣдующее засѣданіе король не согласился на посполитое рушенье. Такимъ образомъ сеймъ ничѣмъ не кончился (7 марта).

Всѣ догадывались, что король намѣренъ отказаться отъ престола, и если бы сеймъ не былъ расторгнутъ, послы хотѣли просить его не дѣлать подобной обиды и стыда народу. Догадки наконецъ осуществились. Король, созвавъ (11 іюня) совѣтъ сенаторовъ въ Варшаву, объявилъ рѣшительно, что онъ намѣренъ сложить съ себя корону, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и что онъ желаетъ послѣдніе дни жизни провести въ тишинѣ и приготовиться къ смерти. Онъ прибавилъ, что только этимъ шагомъ можетъ быть устранено ложное толкованіе его намѣреній и постоянная подозрительность сословій, ибо послѣ его отъѣзда они будутъ пользоваться полнѣйшей свободой выбора, что это рѣшеніе непреклонно, а потому просьбы сенаторовъ ни къ чему не поведутъ, что имъ слѣдуетъ теперь только позаботиться о томъ, чтобы отреченіе короля не нарушало безопасности короны. Янъ-Казиміръ просилъ назначить ему содержаніе, соотвѣтственное его положенію, говоря

что отреченіе намѣренъ совершить во время сейма, который будетъ созванъ. Сенаторы, послѣ совѣщанія у примаса, умоляли короля, на колѣняхъ и со слезами, отказаться отъ своего намѣренія. Все было напрасно. Онъ увѣрялъ, что еще при жизни жены хотѣлъ сложить съ себя корону, теперь же совѣсть не позволяетъ ему болѣе медлить. Король прибавилъ, что рѣшеніе его еще болѣе утвердилось послѣ послѣдняго сейма, во время котораго сенаторы или дурно, или вовсе не защищали его достоинства, и кончилъ со слезами на глазахъ: „тяжело будетъ оставить престолъ, а еще болѣе тяжело — покинуть отечество."

Еще до собранія сейма (27 авг.), Янъ-Казиміръ сообщилъ иностраннымъ дворамъ о своемъ рѣшеніи. Папа, императоръ, французскій король и другіе совѣтовали ему не слагать короны. Но раздача имѣній и разныхъ вещей, а равно отсылка заграницу разнаго имущества, доказывали непоколебимость его намѣренія. Король устранилъ себя совершенно отъ общественныхъ дѣлъ и проводилъ дообѣденное время въ своихъ покояхъ, а послѣобѣденное съ нѣсколькими приближенными. Многіе полагали, что Янъ-Казиміръ, объявивъ необдуманно о намѣреніи отказаться отъ престола, самъ теперь этого жалѣетъ, такъ что на нѣкоторыхъ сеймикахъ было поручено посламъ просить короля остаться на престолѣ.

Но Янъ-Казиміръ былъ непреклоненъ и вице-канцлеръ объявилъ сословіямъ отъ его имени, что, отказываясь отъ престола, онъ требуетъ, чтобы рѣчьпосполитая уволила его отъ данной имъ присяги, назначила соотвѣтственное содержаніе, уплатила долги, сдѣланные имъ и братьями и избрала въ короли истиннаго католика. Что касается содержанія, то Янъ-Казиміръ предоставлялъ себѣ на время междуцарствія весь доходъ съ столовыхъ имѣній, а впослѣдствіи литовскую и русскую пошлины, староства самборское, гродненское и вольборское и 150,000 зл. изъ доходовъ съ величскихъ копей. Послѣ этого заявленія, посольская палата совѣщалась, просить ли короля остаться на престолѣ, или нѣтъ. Нѣкоторые возставали рѣзко противъ него, упрекая Яна-Казиміра въ томъ, что онъ постоянно стремился къ самодержавію и нарушилъ всѣ органическіе

законы государства. Громче другихъ говорили великопольскіе послы, доказывая, что было бы неприлично и опасно для края, просить Яна-Казиміра остаться во главѣ правленія, какъ скоро онъ сказалъ сенаторамъ: „если ваши просьбы заставятъ меня остаться на престолѣ, то я буду пренебрегать общественнымъ благомъ, уничтожу всѣ ваши права и раззорю государство. Знайте, что въ день коронаціи я думалъ уже объ отреченіи отъ престола.“ Нѣкоторые говорили о королѣ съ уваженіемъ и требовали, чтобы палата просила его не слагать короны. Послѣ продолжительныхъ преній послѣднее мнѣніе одержало верхъ. Сеймовый маршалъ Жарновскій передалъ (3 сент.) королю желанія посольской палаты, присовокупивъ, что на основаніи уставовъ и данной присяги, король не имѣетъ права слагать короны. Всѣ просьбы оказались безуспѣшными. Король оставался непоколебимымъ. Пришлось согласиться на сложеніе короны. Янъ-Казиміръ освободилъ (15 сент.) всѣ сословія рѣчипосполитой и ленныхъ князей отъ принесенной ему присяги на вѣрность и обѣщалъ отнюдь не препятствовать свободному избранію короля. Сеймъ же, съ своей стороны, снялъ съ него обязанности, принятыя во время коронаціи. Оставалось еще разрѣшить вопросъ о назначеніи содержанія. Послѣ непродолжительныхъ преній сеймъ ассигновалъ ему пожизненную пенсію, въ размѣрѣ 150,000 зл. Тотчасъ послѣ этого король отправился во Францію, гдѣ и скончался 16 декабря 1672 г. *). Янъ-Казиміръ

---

*) Г. Шмиттъ, какъ постоянный поборникъ шляхетскихъ вольностей, судитъ Яна-Казиміра слишкомъ строго, приписывая ему всѣ бѣдствія, постигшія Польшу въ 20-ти лѣтнее его правленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что король виноватъ во многомъ, какъ напр. въ шведской войнѣ, но съ другой стороны, неповиновеніе войска, неуваженіе къ закону, распутство, какое то равнодушіе къ угрожающимъ бѣдствіямъ, религіозный фанатизмъ, потрясли до основанія все зданіе государства. Янъ-Казиміръ, прежде чѣмъ рѣшился на послѣдній шагъ — отреченіе отъ престола, старался своими предостереженіями обратить заблудшихся на путь истины. На сеймѣ 1661 г. король сказалъ сословіямъ: «Дай Богъ, чтобы я былъ лжепророкомъ, но говорю по совѣсти, если вы теперь же не пріищете мѣръ, чтобы устранить бѣдствія, которыя ведутъ за собой ваши свободные, будто бы, выборы, это прекрасное государство будетъ разорвано на части сосѣдними народами: Россія возьметъ Русь и Литву, курфирстъ Великопольшу и Пруссію; австрійскій дворъ не забудетъ и себя, на его долю доста-

не вызвалъ своимъ отреченіемъ отъ престола а, затѣмъ, и смертію большаго сожалѣнія, ибо всѣ бѣдствія, постигшія Польшу въ его царствованіе, слѣдуетъ приписать его упрямству или его личнымъ распоряженіямъ. Народъ, такъ сказать, успѣлъ насытиться его правленіемъ.

нется Краковъ и Малопольша. Каждый изъ сосѣдей будетъ охотнѣе довольствоваться частью Польши, добытой оружіемъ, чѣмъ цѣлымъ государствомъ съ такими вольностями, какими вы пользуетесь теперь». *Прим. перевод.*

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

